

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ «ИНСТИТУТ
ВОСТОКОВЕДЕНИЯ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК»**

На правах рукописи

БАЛАХВАНЦЕВ Арчил Савелич

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ РАННЕЙ ПАРФИИ

**Диссертация на соискание ученой степени
доктора исторических наук**

**Специальность: 07.00.03 – Всеобщая история
(Древний мир)**

Москва

2018

ОГЛАВЛЕНИЕ

ОГЛАВЛЕНИЕ	2
ВВЕДЕНИЕ	3
<i>Глава 1. Парфия: земля и климат</i>	36
§ 1. Историческая география ранней Парфии	36
§ 2. Природно-географические условия Юго-Западной Туркмении и Северо-Восточного Ирана	56
<i>Глава 2. Среднеазиатские дахи в V–III вв. до н.э.</i>	68
<i>Глава 3. Греко-македоняне и народы Востока в державе Селевкидов</i>	107
<i>Глава 4. Возникновение Парфии</i>	146
§ 1. Две античные традиции возникновения Парфии	146
§ 2. Проблема Андрагора	164
§ 3. Аршак I и первое завоевание Парфии	178
<i>Глава 5. Селевк II Каллиник и Парфия</i>	192
<i>Глава 6. Между Рафией и Магнесией</i>	222
§ 1. Возникновение Парфянского государства	222
§ 2. Анабасис Антиоха III	236
<i>Глава 7. Темное двадцатипятилетие</i>	271
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	291
<i>Приложение I. Происхождение топонима <i>Parθava-</i></i>	312
<i>Приложение II. Южноуральские дахи и Артаксеркс I</i>	321
<i>Приложение III. Отпадение Хорезма от державы Ахеменидов</i>	339
<i>Приложение IV. Монеты Андрагора: кто, где, когда?</i>	355
<i>Приложение V. Возникновение Греко-Бактрии</i>	367
Список библиографических сокращений	374
Список использованных источников и литературы	376
Карта	467

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. В начале нашей эры четыре сверхдержавы древнего мира – Рим, Парфия, Кушанское царство и Ханьский Китай – разделили между собой почти всю цивилизованную Ойкумену от Атлантики до Тихого океана. Для достижения положения великой державы каждому участнику этой четверки пришлось пройти кровавый, трудный и долгий путь. Пять с половиной столетий воевал Рим с италийскими племенами, Эпиром, Карфагеном и Македонией, прежде чем на рубеже III–II вв. до н.э. возникла его средиземноморская держава. Не меньше времени ушло на междоусобную борьбу «воюющих царств», пока в конце III в. до н.э. не родилась общекитайская империя. И даже государство Великих Кушан было создано Куджулой Кадфизом примерно через двести лет после того, как его кочевые предки разрушили Греко-Бактрию.

На этом фоне парфяне выглядят настоящими избранниками судьбы. Уже через сто двадцать лет после вторжения Аршака в Парфию держава его потомков простиралась от Евфрата до Амударьи. В реальности же период «великих завоеваний» был еще более скоротечным и продолжался примерно сорок лет (160–120 гг. до н.э.). Но и этого мало. В отличие от многих оказавшихся эфемерными государств, которыми правили династии кочевнического происхождения (Сельджукиды, Хулагуиды, Кара-Коюнлу, Ак-Коюнлу), империя Аршакидов просуществовала более трехсот лет, став, наряду с государством Сасанидов, одной из самых долговечных держав, которые когда-либо возникали на территории Ирана.

В чем же заключается объяснение секрета относительной быстроты и прочности парфянских завоеваний, их, говоря словами Корнелия Тацита (*Tac. Hist. I. 4. 2*), *arcanum imperii*? Еще две тысячи лет назад на этот вопрос попытался ответить Страбон, считавший причиной парфянского

великодержавия «их образ жизни и обычаи, имеющие много варварского и скифского, но еще больше – полезного для господства и военных успехов»¹. Среди современных исследователей имеются как сторонники [Кошеленко и др., 1997. С. 84; Никоноров 2000, 31], так и противники [Schippmann, 1987. P. 532; Воусе, 1994. P. 247; Hauser, 2006. P. 298, 302–303] данного объяснения. Существует и компромиссная точка зрения, согласно которой главной причиной успеха, быстрого «взлета» Парфии было удачное сочетание восточных и эллинистических традиций оседлого населения и обычаев кочевников – парнов [Olbrycht, 1998. P. 67, 76]. Споры по этому вопросу делятся и по сей день, однако проблема все еще далека от своего решения. К тому же, в мировой науке вопрос о возникновении и становлении Парфянского государства в форме специального исследования вообще не рассматривался. Приведенные обстоятельства определяют актуальность данного исследования.

Источниковая база. Прежде чем перейти к разбору различных видов источников, следует остановиться на трех моментах, имеющих непосредственное отношение к данной теме. Первое: основанием любого претендующего на научность исторического исследования является анализ источника. Разумеется, он отнюдь не всегда бывает плодотворным: взаимодействие историка и источника – процесс сугубо индивидуальный. Однако отсутствие такого анализа *гарантированно* выбивает почву из-под ног всякого исследования. Между тем, в последнее время появляется большое количество «трудов», в которых эта первая и необходимая фаза работы в принципе отсутствует. Пренебрежение к источнику порождается

---

¹ *Strab.* XI. 9. 2. αἴτιος δ' ὁ βίος αὐτῶν καὶ τὰ ἔθνη τὰ ἔχοντα πολὺ μὲν τὸ βάρβαρον καὶ τὸ Σκυθικόν, πλεον μέντοι τὸ χρήσιμον πρὸς ἡγεμονίαν καὶ τὴν ἐν τοῖς πολέμοις κατόρθωσιν. Здесь и далее все переводы, кроме особо оговоренных случаев, выполнены нами.

нежеланием выяснять то, как «было на самом деле»², и приводит к подмене установления и анализа фактов конструированием априорных схем и моделей.

Второе: вряд ли можно найти хотя бы одного исследователя, который был бы доволен состоянием источников в интересующей его области древней истории. Однако специалисты по истории ранней Парфии находятся в особенно невыгодном положении. Имеющиеся в их распоряжении нарративные памятники крайне скудны, отстоят от описываемых в них событий на несколько столетий и к тому же нередко противоречат друг другу. Поэтому изучение ранней Парфии – по сравнению с другими регионами древнего мира – особенно нуждается в гармоничном сочетании данных античной нарративной традиции и постоянно растущего массива эпиграфического, археологического и нумизматического материала. Однако отнюдь не все исследования удовлетворяют этому требованию; причем, если в одних случаях делается явный крен в сторону чистой нумизматики, то в других автоматически воспроизводится информация из письменных источников, без всякой попытки сопоставить ее с данными монет.

Третье: здесь дается лишь самая общая характеристика только тех источников, которые используются при поиске ответов на основные вопросы данного исследования³. Более же подробный анализ нарративного, эпиграфического, нумизматического и археологического материала будет представлен ниже.

---

² «wie es eigentlich gewesen» (Леопольд фон Ранке).

³ Соответственно, источники, необходимые для прояснения значений различных понятий, тех или иных реалий ахеменидского и селевкидского времени, событий греко-персидских войн и т.п., не вошли в данный обзор.

В зависимости от использованной системы письма, письменные источники по теме предпринятого исследования делятся на клинописные, арамейскографичные и греко-латинские.

Клинописные документы. Древнейшей надписью, содержащей упоминание о дахах, из среды которых позднее выделились парны, является выполненная на эламском, аккадском и древнеперсидском языках «Антидэвовская надпись» Ксеркса [Kent, 1953. P. 150–152; Lecoq, 1997. P. 256–258], относящаяся к самому началу его правления. При оценке сообщаемых ахеменидскими надписями сведений следует обязательно учитывать, что эти памятники стремились отнюдь не к простому информированию читателей о реальном положении дел в государстве, а к созданию у них пусть даже и преувеличенных впечатлений о могуществе и масштабах империи [Балахванцев, 2006б. С. 367, прим. 6].

Среди аккадских текстов для изучения раннепарфянской истории наибольшее значение имеют астрономические дневники и исторические хроники. Астрономические дневники велись в Вавилоне в VII–I вв. до н.э. Их публикация, содержащая транслитерацию и перевод [Sachs, Hunger, 1988; 1989; 1996], означала важный шаг в деле изучения селевкидской и аршакидской истории (Spek, 1993. P. 97–100; Voüy, 2007. P. 9). Записи фиксировали солнечные и лунные затмения, положения звезд и планет, появление метеоритов и комет, атмосферные явления, а также цены на основные продукты питания и ставшие известными астрономам политические события. Несмотря на заданный самим жанром лаконизм подобных сообщений, имеющаяся в них информация часто носит уникальный характер.

Вавилонские хроники составлялись в Борсиппе и Вавилоне в I тыс. до н.э., причем хроники эллинистического периода происходят именно из последнего [Waerzeggers, 2012. P. 285, 289, 291]. Они содержат краткие хронологические отчеты о жизни и смерти царей, восстаниях, войнах,

религиозных празднествах [Waerzeggers, 2012. P. 286]. Вавилонские хроники повествуют о событиях, происходивших как в самом Вавилоне, так и на значительном от него отдалении, но при этом имевших к городу непосредственное отношение [Grayson, 1975. P. 23]. Однако хроники не делают попыток объяснить описываемые события или установить между ними связь [Spek, 2007. P. 280]. Уже давно подмечена зависимость хроник эллинистического периода от «астрономических дневников» [Grayson, 1975. P. 12–13; Spek, 2007. P. 284; Waerzeggers, 2012. P. 287]. Эта зависимость объясняется не только тем, что оба вида источников происходят из Вавилона, но и тем, что они имеют отношение к архиву храмового комплекса Эсагилы [Waerzeggers, 2012. P. 287–298] и составлялись одними и теми же учеными писцами [Spek, 2007. P. 286]. К сожалению, новое издание хроник селевкидского и начала аршакидского периодов до сих пор существует в виде предварительной публикации и доступно только на ресурсе www.livius.org.

Единственной на сегодняшний день селевкидской царской надписью, выполненной в традициях древневосточных царей, является «цилиндр Антиоха» (268 г. до н.э.). Данный памятник дает возможность судить о том, как сын Селевка I хотел выглядеть в глазах своих вавилонских подданных.

Хозяйственные документы эллинистической эпохи из Месопотамии позволяют пролить свет на вопросы титулатуры и соправительства селевкидских царей.

Арамейскографические документы. Древнейшим источником из этой группы является надпись на верблюжьей челюсти, обнаруженная в хорезмийской крепости Бурлыкала [Манылов, Хожаниязов, 1981. С. 44]. Наибольшее количество арамейскографических документов происходит со Старой Нисы (Михрдаткирта), где первые остраконы были обнаружены при раскопках помещения винного склада еще в 1951–1952 гг. [Пилипко,

2001. С. 68–72]. К настоящему времени на Старой и Новой Нисе найдено уже более 2790 остраконов и граффити [Diakonoff, Livshits, 2001; Livshits, Pilipko, 2004. Р. 139–181; Livshits, 2006. Р. 401–406; Morano, 2008. Р. 344–350], которые датируются серединой II–I вв. до н.э. [Дьяконов, Лившиц, 1960б. С. 17]. Несмотря на то, что надписи на остраконах содержат многочисленные слова и целые арамейские выражения, все они являются гетерограммами и читаются по-парфянски [Дьяконов, Лившиц, 1956. С. 100–113]. Хотя абсолютное большинство остраконов относится к хозяйственно-учетным документам, в них содержится ценнейшая информация по политической истории ранней Парфии. Так, упомянутые в остраконах имения и виноградники, названные в честь ахеменидских и парфянских государей, помогают разобраться в сложных вопросах династической истории и государственной идеологии ранних Аршакидов. Данные о местоположении имений дают возможность уточнить границы той области, административным и экономическим центром которой была крепость Михрдаткирт. Наиболее важное значение имеет содержащаяся в нескольких текстах информация о генеалогии ранних Аршакидов.

В завершение обзора восточных письменных источников необходимо объяснить отсутствие в нем «Истории Армении» *Моисея Хоренского*⁴, которая высоко оценивается некоторыми авторами [Lozinski, 1984. Р. 121–123], особенно в части определения продолжительности правления раннеаршакидских государей [Пилипко, 2005. С. 564–566; Assar, 2006а. Р. 61–62]. Для того, чтобы установить подлинную ценность хронологических построений «отца армянской истории», необходимо

---

⁴ Поскольку один из основных источников «Истории Армении» Агатангел относится ко второй половине V в. [Aleksidze, Chitunashvili, 2012. Р. 11, 24], нет никакой возможности согласиться с традиционным утверждением, что Моисей жил и писал в V в.

учесть одно важное обстоятельство. Изложение истории Аршакидов у Моисея Хоренского таково, что его нельзя адекватно передать при помощи пересказа, к тому же – как это происходит у В.Н. Пилипко – в обратном порядке. Этот источник принадлежит к числу тех весьма редких сочинений, которые от подобного обращения с ними не только *не проигрывают*, но даже *выигрывают*, то есть выглядят более достоверными и солидными, чем на самом деле. Поэтому будет целесообразным привести раннеаршакидский пассаж Моисея Хоренского целиком (II. 1–2) и снабдить его необходимым комментарием.

«Александр Македонский ..., завладев всею вселенною, завещает многим свое царство с тем, чтобы государство всех называлось Македонским, и сам умирает. После чего Селевк, воцарившись в Вавилоне, захватывает власть многих. Он после великого сражения покорил также парфян и потому был назван Никонором. Он царствовал тридцать один год и оставил государство сыну своему Антиоху, названному Сотером, государствовавшему девятнадцать лет. Ему наследовал Антиох, прозванный Теосом, в течение десяти лет. На одиннадцатом же году его правления парфяне свергли с себя иго македонское. Затем воцарился Аршак Храбрый, происходящий от племени Авраама...

Как мы уже сказали, шестьдесят лет спустя после смерти Александра воцарился над парфянами Аршак Храбрый в городе, называемом Бахлом восточным – в земле кушанов; он после жесточайших сражений покоряет весь Восток, из Вавилона изгоняет македонян; узнает, что усилились римляне на Западе и на море... и соглашается платить римлянам не дань, а посылать ежегодно дары на сто талантов.

Он царствует таким образом тридцать один год; после него Арташес, сын его – двадцать шесть лет, которому наследует сын его Аршак, прозванный Великим. Этот последний ведет войну с Деметрием и сыном Деметрия, Антигоном, который с македонским войском напал на

него в Вавилоне и, взятый в плен на войне, отведен Аршаком в железных оковах в землю парфянскую, отчего и назван Сидеритом. Но брат его, Антиох Сидейский (Сидет), узнав о походе Аршака, проникает в Сирию и занимает ее. Между тем, Аршак возвращается со ста двадцатью тысячами войска, и Антиох, вытесненный жестокою зимой, в горных ущельях встречается с Аршаком, дает ему сражение и погибает со всем своим войском. После того Аршак владычествует над третьей частью мира» (пер. Н.О. Эмина).

Итак, по Моисею Хоренскому, государство Аршакидов возникает через шестьдесят лет после смерти Александра Македонского, т.е. в 263 г. до н.э.⁵, что не соответствует ни античной традиции, ни аршакидской эре. Столь же далеко от действительности утверждение о воцарении Аршака в Балхе (Бактрах): ни один из Аршакидов никогда не правил в Бактрии, которая стала называться землей кушан не ранее I в. н.э. Вавилон в это время, что явствует из клинописных источников, находился в руках селевкидских царей. И, разумеется, Аршак не имел и не мог иметь никаких связей с римлянами, поглощенными Первой Пунической войной с Карфагеном.

Моисей Хоренский утверждает, что после смерти Аршака Храброго в 232 г. до н.э. на престол взошел его сын Арташес, правивший до 206 г. до н.э. Эту фигуру можно смело считать вымышленной: во-первых, данное имя абсолютно чуждо аршакидскому ономастикону, во-вторых, Полибий и

---

⁵ В.Н. Пилипко [Пилипко, 2005. С. 565], отсчитав 479 лет правления Аршакидов от даты коронации основателя династии Сасанидов Арташира I (227 г. н.э.), пришел к выводу, что приход к власти Аршака I следует датировать 253 г. до н.э. Следовательно, Моисей Хоренский, не отдавая себе в этом отчета, приводит две взаимоисключающие даты для важнейшего события раннепарфянской истории.

Помпей Трог прямо указывают, что во время парфянского похода Антиоха III в 209–208 гг. до н.э. ему противостоял Аршак II.

Наконец, после Арташеса в течение 53 лет (II. 68) будто бы правил Аршак II Великий (206–153 гг. до н.э.). При этом непонятно, как этот персонаж уже после своей смерти смог в 139 г. до н.э. одолеть Деметрия II Никатора, которого Моисей перекрестил в Антигона, а в 129 г. до н.э. – Антиоха VII Сидета?

Легко заметить, что цитируемый отрывок переполнен фактическими ошибками и утверждениями, противоречащими здравому смыслу. Тем не менее, его адепты склонны слепо доверять приводимым у Моисея Хоренского цифрам [Пилипко, 2005. С. 566, 575; Assar, 2006a. P. 77–78], очевидно, полагая, что где-где, а уж тут у автора все должно быть точно. Однако хронология данного рассказа не менее фантастична, чем его содержание, и поэтому к нашим знаниям по истории ранней Парфии он ничего прибавить не может [Wolski, 1956–57. P. 36, not. 4].

Античная нарративная традиция. Наибольший объем информации по истории ранней Парфии представлен в источниках на древнегреческом и латинском языках. И хотя в научной литературе давно уже считается «хорошим тоном» сетовать на их необъективность и пристрастность, без этих сочинений у нас не было бы последовательного изложения раннепарфянской истории, и мы знали бы об Аршакидах немногим более чем о Великих Кушанах.

Считается, что первым из античных авторов о даях упоминает «отец истории» *Геродот* (V в. до н.э.), однако идентичны ли они среднеазиатским дахам, еще предстоит выяснить. В «Истории» также содержится информация, позволяющая судить о происхождении топонима *Parthava*-. В

основе сообщений Геродота лежат его личные наблюдения и сведения, полученные от собеседников⁶.

Вавилонский жрец *Беросс*⁷ в 278 г. до н.э. завершил свой написанный по-гречески и посвященный Антиоху I труд по истории Вавилонии от сотворения мира до начала III в. до н.э. [Spek, 2007. P. 287–288]. В нем он связывает гибель Кира Великого со среднеазиатскими дахами. Беросс опирался либо на сами вавилонские хроники [Spek, 2007. P. 295], либо на близкие им тексты, а также архивные материалы [Burstein, 1980. P. 8–9].

Первым из греческих историков, обратившим внимание на раннюю Парфию, был *Полибий из Мегалополя* (ок. 210 – ок. 128 г. до н.э.). Учитывая большой опыт Полибия на государственном и военном поприще, присущее ему стремление докопаться до сути описываемых им событий, знакомство с будущим царем Сирии Деметрием I и дружбу с крупнейшим политическим деятелем Рима Сципионом Эмилианом, в 144/3 г. до н.э.⁸ посетившим государство Селевкидов накануне вторжения Митридата I в Вавилонию, можно было бы ожидать, что во «Всеобщей истории» Аршакидам будет отведено достойное место. Однако Полибий (*Polyb.* III. 1. 4) сознательно ограничил предмет своего сочинения, стремясь показать «каким образом, когда и почему *все* [выделено мною – А.Б.] известные

---

⁶ Утверждения о том, что Геродот фальсифицировал свои устные источники, не имеют под собой никаких оснований и зачастую являются плодом элементарного невежества [Балахванцев, 2012в. С. 24–25, прим. 47; Balachvancev, 2013. S. 25, anm. 46; Балахванцев, 2015к. С. 55, прим. 4).

⁷ О связях Беросса с греческой историографией см.: Tuplin, 2013. P. 177–195 (с предшествующей литературой).

⁸ Обоснование именно этой даты для восточного посольства Сципиона Эмилиана см.: Mattingly, 1986. P. 491–495.

части земли попали под власть римлян» (пер. Ф.Г. Мищенко). Такой подход, когда реальность – как и в ахеменидских надписях – приносилась в жертву сконструированной схеме, закономерно приводит к тому, что все события за пределами римского *orbis terrarum* рассматриваются как нечто второстепенное. Тем не менее, у Полибия присутствует информация, позволяющая судить о протяженности владений Селевкидов в Иране, участии дахов в войнах селевкидских царей, а также о походе Антиоха III против Аршака II.

Первая и вторая «Книги Маккавеев», основанные на большом количестве селевкидских и иудейских источников, созданы во второй половине II – начале I в. до н.э. [Брагинская, Шмаина-Великанова, 2014. С. 47–48]. В них представлен богатый материал для суждения о восприятии Селевкидов и их политики ортодоксальными иудеями. Однако при пользовании ими следует учитывать крайнюю тенденциозность авторов обеих книг, которые не останавливались даже перед сочинением подложных документов [Кошеленко, 1982б. С. 125–126].

«Историческая библиотека» *Диодора Сицилийского* (I в. до н.э.) содержит ряд сведений по исторической географии Парфии и Гиркании времен Александра Македонского и диадоров, а также – восточной политике Селевкидов. Если вопрос – кому следовал Диодор при описании похода Александра – все еще далек от окончательного решения [Маринович, 1993. С. 35–38], то для книг, описывающих историю диадоров, таким источником, без сомнения, был *Иероним из Кардии* [Кошеленко, 1982а. С. 68–69].

Важные сведения по географии Парфии, Гиркании и Несайи эллинистического времени, а также о возникновении державы Аршакидов имеются в «Географии» *Страбона* (ок. 63 г. до н.э. – ок. 25 г. н.э.). Этим он всецело обязан своим предшественникам, среди которых важную роль играл *Аполлодор из Артемиды* [Drijvers, 1998. P. 279–281]. Однако при

работе с этими данными необходимо помнить как о компилятивном характере труда Страбона в целом, так и о том, что повествующая о Парфии одиннадцатая книга, возможно, оставалась неоконченной и неопубликованной до смерти автора [Балахванцев, 2015г. С. 120].

Особое значение для изучения раннепарфянской политической истории имеет сочинение римского автора *Помпея Трога*, современника императоров Августа и Тиберия [Wickevoort Crommelin, 1998. S. 261; Nikonov, 1998. P. 117; Балахванцев, 2009. С. 92]. Основным источником по истории Парфии III–II вв. до н.э. для Трога, о чем еще будет сказано, являлся первоклассный труд Аполлодора Артемитского [Балахванцев, 2009. С. 90–93]. Однако авторский текст «Филипповых историй» до нас не дошел, и работа Трога известна лишь по сокращению *Марка Юниана Юстина* (II–III в. н.э.) и «Прологам» – оглавлениям всех 44 книг сочинения Трога. При работе с эпитомой Юстина следует иметь в виду два обстоятельства. Во-первых, эпитоматор сильно сократил первоначальный текст, удалив все, что, по его словам, не могло доставить читателю ни удовольствия, ни пользы (*Iust. praef. 4*). Во-вторых, в процессе сокращения Юстин во многих случаях серьезно упрощал ход описанных у Трога событий, а иногда и грубо их искажал, производя настоящие «сжатия» людей и событий [Соколов, 1910. С. 217–222; Зельин, 1954. С. 190–191; Кошеленко, 1982б. С. 122–123; Балахванцев, 2000а. С. 213–214, прим. 73; 2013а. С. 19]. Лишь учитывая эти особенности авторского метода Юстина, исследователь сможет приблизиться к пониманию оригинального текста Помпея Трога.

Живший на рубеже нашей эры *Исидор Харакский* в своем сочинении «Парфянские стоянки» описывает парфянскую «царскую дорогу», идущую от Евфрата до границ с Индией. В итинерарии, наряду с данными по географии Гиркании, Астауэны и Парфиены на рубеже эр,

приводится и некоторая историческая информация, например, предание о коронации Аршака I в городе Асааке.

Тит Ливий (59 г. до н.э. – 17 г. н.э.) в «Истории от основания города» упоминает о присутствии дахов в армии Антиоха III во время войны с Римом. Ценность этого свидетельства определяется тем, что Ливий здесь явно следовал Полибию (*Liv.* XXXIII. 10. 10), соответствующая часть «Всеобщей истории» которого до нас не дошла.

Куриций Руф (I в. н.э.) в «Истории Александра Македонского» сообщает важную информацию относительно районов расселения среднеазиатских дахов, с которыми македонянам пришлось сражаться в 329–327 гг. до н.э. Сложно сказать, какие именно источники использовал в своем сочинении римский историк. Считается, что среди них значительное место занимала работа александрийца *Клитарха* [Маринович, 1993. С. 32, 41–45]. Вопрос о времени создания его труда, а также о влиянии, оказанном им на других историков Александра, будет рассмотрен ниже.

Ценные сведения по исторической географии Парфии приводятся в «Естественной истории» *Плиния Старшего* (23/24–79 гг. н.э.). Скорее всего, автор не успел закончить свой труд, дополняя и редактируя его до последних дней жизни [Лапина, 1987. С. 130, 138]. Римский энциклопедист опирался на многочисленные сочинения своих предшественников, имена которых он сообщает в первой книге, однако кому именно из них принадлежит то или иное сообщение и к какому времени оно относится, можно судить далеко не всегда.

Сочинения иудейского историка *Иосифа Флавия* (I в. н.э.) содержат разнообразный материал, характеризующий внутреннюю политику Селевкидов. Считается, что одно из его сообщений о восстании Стратоники в Антиохии имеет прямое отношение к истории ранней Парфии. Специального рассмотрения заслуживает вопрос о подлинности некоторых цитируемых автором писем селевкидских царей.

В многочисленных трудах *Плутарха Херонейского* (ок. 40 – ок. 120 гг. н.э.) разбросано большое количество сведений по восточной политике Александра Македонского, внутренней и внешней политике Селевкидов, а также географии Средней Азии в эпоху македонского завоевания.

Великий римский историк *Корнелий Тацит* (ок. 55 – ок. 120 гг. н.э.) в своей «Истории» бросает неожиданное замечание, что мятеж Аршакидов совпал с попытками Антиоха IV⁹ насадить греческие обычаи среди иудеев. Эта точка зрения обычно игнорируется в науке, но, хотя ее источник остается неизвестным, общая высокая оценка труда Тацита требует отнестись к ней со всем вниманием.

Упоминание о времени и обстоятельствах возникновения Парфянского государства имеется также в сочинении «Сирийские дела» *Аппиана Александрийского* (II в. н.э.). Вопрос о том, на каких источниках основывался автор, крайне сложен и нуждается в специальном изучении. Кроме того, Аппиан дает некоторую информацию по исторической географии Парфии и участию дахов в битве при Магнезии. В последнем случае он, видимо, как и Тит Ливий, опирался на Полибия [Кошеленко, 1982б. С. 121].

В «Географии» *Клавдия Птолемея* (II в. н.э.) приводится большое количество данных по исторической географии Парфии и сопредельных с ней областей. Однако при их использовании необходимо учесть, что из-за сильного искажения географических реалий данные Птолемея нельзя накладывать на современную карту без определенной коррекции.

---

⁹ Предположение, что Тацит имел в виду Антиоха VII Сидета [Brodersen, 1989. S. 204, anm. 3], представляется безосновательным: последний хотя и воевал с иудеями, но никогда не покушался на их верования.

Успешный государственный деятель и плодовитый писатель *Флавий Арриан* (ок. 89 – ок. 170 гг. н.э.) в своей ранней работе «Анабасис Александра», опираясь на труды участников похода Птолемея и Аристобула, сообщает очень важные сведения, позволяющие локализовать область обитания среднеазиатских дахов. Более позднее сочинение «Парфика», известное лишь во фрагментах, содержит отличную от Страбона и Трога версию возникновения державы Аршакидов. Вопрос как об историчности этой концепции, так и о влиянии, оказанном Аррианом на *Геродиана* (II–III вв. н.э.), *Зосима* (сер. V – сер. VI в.) и *Синкелла* (начало IX в.), заслуживает специального обсуждения.

В работе *Полиена* (II в. н.э.) «Стратегемы» имеются некоторые сведения о восточной политике Селевкидов, а также отдельный рассказ о войне Селевка II Каллиника против Антиоха Гиеракса. Надо отметить, что датировка последнего события до сих пор является предметом споров.

Сочинение «Пирующие софисты» *Афинейя* (II–III вв. н.э.) представляет собой сборник огромного числа цитат из более ранних античных авторов. Обширная выдержка из *Хареса Митиленского*, придворного Александра Македонского, позволяет судить о представлениях македонян о географии Средней Азии. Особого внимания требует свидетельство *Посидония Анамейского* (II–I вв. до н.э.) о пленении парфянами некоего царя Селевка.

Неоплатоник *Порфирий* (III в. н.э.) в своем комментарии на «Книгу Даниила» (ок. 164/3 г. до н.э.) приводит некоторые сведения о наименовании государства Селевкидов и их внешней политике. Оригинальные сочинения Порфирия были уничтожены по приказу христианских императоров в 448 г., сохранились лишь отдельные отрывки в передаче *Иеронима*.

Большое значение для определения границ расселения среднеазиатских дахов в эпоху Александра Македонского имеют данные,

которые приводятся в работе одного неизвестного позднеантичного автора, чье сочинение дошло до нас в так называемой Metz Epitome (IV в. н.э.).

Важные сведения о времени возникновения аршакидского государства и военно-политической истории Селевка II содержатся в труде *Евсевия Кесарийского* (IV в. н.э.) «Хронология». Греческий оригинал данного сочинения до нас не дошел. Первая часть текста известна лишь в армянском переводе, а о второй некоторое представление дает латинский перевод Иеронима, который, однако, был сделан не с оригинала, а с его сокращения [Кошеленко, 1982б. С. 124].

Последний великий историк античности *Аммиан Марцеллин* (ок. 330 – ок. 400 гг. н.э.) в своих «Деяниях», описывая Персидское царство, приводит информацию относительно правления Аршака I. Как будет показано в соответствующем месте, Марцеллин, видимо, использовал эпитому Юстина.

Свидетельство друга Аммиана Марцеллина, знаменитого софиста *Либания*, о строительстве Антиохии иногда используется в качестве доказательства илотизации местного населения в державе Селевкидов. Для правильного понимания этого места необходимо учитывать как свойственные речи одного из виднейших представителей второй софистики риторические преувеличения, так и реалии жизни сирийской деревни.

Младший современник Аммиана Марцеллина и Либания и их заклятый идеологический враг *Павел Орозий* в своей «Истории против язычников» сообщает о подчинении дахов Александром Македонским во время завоевания им Средней Азии. Свидетельство Орозия заимствовано у Юстина и не имеет самостоятельного значения.

Некоторые данные по ранней Парфии, восходящие к сочинениям античных авторов, содержатся в географической энциклопедии *Стефана Византийского* (VI в.) и словаре Суды (рубеж X–XI в.).

Эпиграфические источники, несмотря на свою немногочисленность, приводят порой уникальную информацию, способную подтвердить историчность селевкидского сатрапа Парфиены Андрагора или принадлежность Дрангианы Селевку II. Именно надписи фиксируют наличие у представителей восточных народов эллинских имен и приобретение жителями Востока гражданских прав в греческих полисах.

Нумизматические данные имеют очень важное значение для реконструкции политической истории эпохи становления парфянской государственности. Так, они позволяют определить, какие территории находились под контролем Селевкидов или Аршакидов в тот или иной период времени, судить о титулатуре раннеаршакидских правителей и принятой ими государственной идеологии. Однако использование нумизматики затруднено тем, что оба эмитента раннепарфянских монет носили одно и то же личное имя Аршак. Это же имя, превратившись в правление Фрияпатия в династическое, присутствует и на монетах Митридата I. Данная особенность парфянской чеканки делает отнесение монет к правлению того или иного Аршакида делом весьма сложным.

Археологические материалы содержат очень важные дополнения и коррективы к информации письменных источников и позволяют посмотреть на последние в новом ракурсе. Они, прежде всего, представлены расположенными в Южном Приуралье, Левобережном Хорезме, Бухарском оазисе и северо-западных предгорьях Копетдага курганными могильниками, которые можно связать с дахами и парнами. Важнейшим археологическим источником по истории ранней Парфии является городище Старая Ниса, архитектура и скульптура которой – при условии их правильного датирования – способны пролить свет на многие спорные вопросы раннеаршакидского периода.

Историография. Интерес к державе Аршакидов – даже если и оставить в стороне французских антикваров первой трети XVIII в.¹⁰ – возник среди историков довольно давно, хотя ее ранний период практически никогда не имел для них большого значения. Уже И. Дройзен в своей вышедшей в 30–40-е гг. XIX в. «Истории эллинизма», рассматривая ситуацию в восточных владениях Селевкидов, уделяет внимание проблеме возникновения Парфянского государства. Он, в частности, останавливается на характере процесса отделения Парфии и хронологии происходивших событий, а также на походе Селевка II Каллиника против парфян [Droysen, 1953. S. 233–238, 300–301]. Следует отметить, что из-за крайне слабой изученности региона и узкой источниковой базы большинство выводов автора по конкретным вопросам имеет ныне лишь историографическое значение.

Монография известного ориенталиста Г. Роулинсона «Шестая великая восточная монархия» [Rawlinson, 1872] выгодно отличается от сочинений многих его предшественников и последователей тем, что ее автор, находясь на службе британской короне, провел долгие годы в Иране и знал эту страну не понаслышке. Стремясь понять причины взлета державы Аршакидов, он подробно останавливается на природно-географических условиях персидского Хорасана, происхождении парфян и их положении под властью Ахеменидов. Обращает на себя внимание предпринятая Г. Роулинсоном попытка связать возникновение независимой Парфии с отходом Селевкидов от политики Александра и установлением господства греко-македонских завоевателей над поработанными местными жителями [Rawlinson, 1872. P. 36]¹¹. Разумеется, многие частные замечания

---

¹⁰ О них см.: Wolski, 2003. P. 20–21.

¹¹ По сути, автор на сто лет опередил здесь П. Бриана с его концепцией «доминирующего этнокласса» (см. ниже). Нельзя не отметить,

Г. Роулинсона по ранней истории Парфии сейчас устарели, но намеченный автором алгоритм исследования представляется мне единственно верным.

В вышедшей посмертно работе А. Гутшмидта ранняя Парфия рассматривается как часть истории Ирана от Александра Македонского до падения династии Аршакидов. Одной из заслуг немецкого ученого было обоснование необходимости внести исправления в текст прологов Помпея Трога [Gutschmid, 1888. S. 81], что значительно продвинуло вперед реконструкцию списка раннеаршакидских правителей.

Определенное, хотя и не очень значительное место занимает ранняя Парфия в трудах по истории Греции [Beloch, 1925] и эллинистических государств [Niese, 1899], а также в посвященных селевкидской династии работах Э. Бевана и А. Буше-Леклерка [Bevan, 1902; Bouché-Leclercq, 1913]. Гораздо большее значение имеет написанная В. Тарном глава для «Кембриджской древней истории». Несмотря на то, что ранней Парфии в ней уделены только четыре страницы [Tarn, 1932. P. 574–577], автор, со свойственной ему проницательностью, высказал ряд интересных мыслей о статусе правителя Парфии Андратора и взаимоотношениях парнов с местным населением.

Только через шестьдесят шесть лет после опубликования книги Г. Роулинсона вышел в свет труд Н. Дибвойза, полностью посвященный политической истории Парфии. Автор, принимавший активное участие в раскопках Селевкии на Тигре, использовал при написании своей работы античные и восточные письменные источники, данные археологии и нумизматики. Однако, в отличие от Г. Роулинсона, он практически не уделил внимания исторической географии, природе и климату региона, где зародилась держава Аршакидов. К тому же, на историю парфян до

что на трактовку Г. Роулинсоном античных источников явно повлияли хорошо знакомые ему реалии Британской Индии.

Митридата I приходится только девятнадцать страниц [Debevoise, 1969. P. 1–19]. Тем не менее, несмотря на имеющиеся недостатки, монография до сих пор сохраняет свое научное значение. Последнее, в частности, подтверждается и появлением русского перевода¹².

Ф. Альтхайм отвел ранней Парфии одну главу в своем двухтомном сочинении «Всеобщая история Азии греческой эпохи», однако она охватывает только 50–20 гг. III в. до н.э. [Altheim, 1948. S. 10–35]. Восточному походу Антиоха III уделено лишь несколько строк [Altheim, 1948. P. 41–42], а правление Фраата I вообще не упоминается. Автор останавливается на вопросах исторической географии, этнонимии и хронологии происходивших событий. Важно отметить, что при работе с нарративной традицией Ф. Альтхайм, в отличие от его предшественников, опирается на Аполлодора Артемитского [Altheim, 1948. P. 12–13], данные которого лежат в основе традиции Страбона и Трога – Юстина.

Новый подход к изучению ранней Парфии был продемонстрирован польским ученым Й. Вольским. В его многочисленных работах, начавших появляться еще в 30–40-е гг. XX века, настойчиво проводилось утверждение, что традиция Арриана является легендарной, а реконструировать раннепарфянскую историю можно лишь на основе данных Страбона и Юстина [Wolski, 2003. P. 23–29, 41–44]. Разработанная Й. Вольским хронология возникновения государства Аршакидов была

---

¹² К русскому переводу книги Н. Дибвойза приложен огромный библиографический список работ по политической, социально-экономической и культурной истории Парфии за 1938–2008 гг., который насчитывает 10443 наименования [Дибвойз, 2008. С. 257–813]. За этот воистину титанический труд все исследователи Аршакидского Ирана должны быть благодарны его составителю В.П. Никонорову.

использована выдающимся иранистом Р. Фраем в его – по необходимости – очень кратком очерке раннепарфянской истории [Frye, 1984. P. 206–210].

В вышедшей из-под пера А.Г. Бокщанина единственной отечественной работе по истории Парфии возникновению и развитию государства Аршакидов до Митридата I посвящена значительная часть третьей главы [Бокщанин, 1960. С. 173–188, 199–203, 224, 238]. Считая Селевкидов правителями колониальной державы, а сменивших их Аршакидов – борцами с греко-македонским господством [Бокщанин, 1960. С. 189–190, 207], автор, по сути, занял ту же позицию, что и ожесточенно критикуемые им западные исследователи, лишь по-другому расставив «плюсы» и «минусы». Разумеется, что такой модернизаторский подход никак не может способствовать пониманию событий, связанных с рождением Парфянского государства. Неубедительными выглядят и большинство предлагаемых А.Г. Бокщаниным решений по частным вопросам раннепарфянской истории.

Мало что нового, по сравнению с предшественниками, содержат пассажи по селевкидско-парфянским отношениям в фундаментальном труде Э. Вилля «Политическая история эллинистического мира» [Will, 1966. P. 253, 271, 278–281]. Вызвано это в первую очередь тем, что у автора, много и плодотворно занимавшегося территориями к западу от Евфрата, отсутствуют собственные исследования по истории ранней Парфии.

Заметно меньшее место, чем у Н. Дибвойза, занимает раннепарфянская тематика в монографии известного археолога, многие годы проработавшего в Иране, геттингенского профессора Клауса Шиппманна [Schirpman, 1980. S. 14–23]. Автор пытается решить вопрос об области обитания парнов и маршруте их продвижения в Парфию, обсуждает хронологию возникновения державы Аршакидов между 250 и 235 гг. до н.э., бегло касается походов Селевка II и Антиоха III, а в конце,

скороговоркой упомянув о Фрияпатии и Фраате I, переходит к выяснению причин образования Парфянского государства. Однако сделанные К. Шиппманном выводы в значительной степени обесцениваются излишне кратким и иногда даже поверхностным рассмотрением сложных и спорных проблем истории ранней Парфии.

В 1983 году вышел в свет очередной том «Кембриджской истории Ирана», в котором главу по политической истории Аршакидов написал известный иранист Э. Бивар. Он дает краткий очерк исторической географии Парфии, Гиркании и области дахов, а затем переходит к характеристике процесса возникновения и развития державы Аршакидов [Bivar, 1983a. P. 28–31]. В отношении источников Э. Бивар, считая взгляды Й. Вольского слишком радикальными, предпочитает следовать гармонизирующей критике и сочетать данные Арриана, Страбона и Юстина. Изложение автором раннепарфянской истории не свободно от некоторых явных ошибок. Так, он именует Митридата I не братом, а сыном Фраата I.

Большое внимание хронологии и содержанию процесса отделения Парфии от державы Селевкидов уделяет итальянский исследователь Д. Мусти в написанной им главе «Сирия и Восток» для нового издания «Кембриджской древней истории» [Musti, 1984. P. 213–220]. Автор активно полемизирует с Й. Вольским, отстаивая ценность традиции Арриана, и датирует возникновение Парфянского государства периодом правления Антиоха II.

В посвященной Селевкидской империи работе С. Шервин-Уайт и А. Курт раннепарфянской тематике уделено даже больше места, чем во многих монографиях по истории собственно Аршакидов [Sherwin-White, Kuhrt, 1993. P. 79–80, 84–90, 197–198]. Авторы выступают против распространенной тенденции преувеличивать успехи Аршака I и его ближайших преемников, утверждая, что сфера их активности

ограничивалась территориями к северу от Копетдага и Эльбурса [Sherwin-White, Kuhrt, 1993. P. 88–89]. Однако отнюдь не все выводы С. Шервин-Уайт и А. Курт могут быть приняты, т.к. они основаны на спорных географических локализациях.

Явное влияние концепции С. Шервин-Уайт и А. Курт ощущается и в кратком очерке раннепарфянской истории в монографии Й. Визехофера, посвященной истории Ирана от Кира Великого до крушения Сасанидов [Wiesehöfer, 2001. P. 130–132].

В тесной связи с историей Греко-Бактрии рассматривается раннепарфянский период в принадлежавших перу Е.В. Зеймалю разделах коллективного труда «История таджикского народа» [Зеймаль, 1998. С. 338–346, 350, 357–358]. Автор, игнорируя выдвинутые Й. Вольским аргументы о легендарности традиции Арриана, стремится сочетать последнюю с данными Страбона и Юстина. К сожалению, Е.В. Зеймаль допускает весьма вольную трактовку источников, а в иных случаях, не разобравшись в них, повторяет сделанные древним автором грубые ошибки [Балахванцев, 2000а. С. 213–214, прим. 73].

Заметный вклад в изучение истории ранней Парфии вносит монография М. Ольбрыхта¹³, посвященная связям Аршакидов с кочевыми народами Евразии. Польский исследователь характеризует положение номадов Центральной Азии в ахеменидскую и эллинистическую эпохи, а затем переходит к рассмотрению процесса возникновения и развития державы Аршакидов [Olbrycht, 1998. S. 51–76]. При этом автор позиционирует себя в качестве последовательного сторонника концепции и хронологической схемы Й. Вольского. Следует все же отметить, что не все

---

¹³ В ряде русских публикаций его статей фамилия автора указана как Олбрихт.

выводы М. Ольбрыхта выглядят в достаточной степени обоснованными, т.к. порой они вытекают из неверных географических локализаций.

Существует лишь одно сочинение, частично посвященное процессу образования Парфянского государства [Lerner, 1999]. Автор подробно рассматривает процесс отделения Парфии от державы Селевкидов, уделяет большое внимание реконструкции обстоятельств восточных походов Селевка II и Антиоха III. Серьезным недостатком книги Дж. Лернера является отсутствие в ней специальной главы по исторической географии региона. Многие выводы американского исследователя представляются мне спорными, о чем будет подробно сказано ниже.

Э. Шуанель в монографии «Парфяне и Шелковый путь» рассматривает процесс формирования парфянского государства, начиная с вторжения Аршака в Парфию [Choisnel, 2004. P. 27–41]. В изложении событий раннепарфянской истории нет ничего оригинального: автор просто воспроизводит мнения, уже высказанные в предшествующей литературе.

В посвященной истории древнего Ирана работе М. Бросиус ранней Парфии уделено меньше четырех страниц [Brosius, 2006. P. 83–86], но даже этот крошечный раздел переполнен грубейшими ошибками. Так, автор, буквально на пустом месте, изобретает вторжение Аршака I в Маргиану, откуда его изгоняет селевкидский полководец ... Демодам, современник Селевка I и Антиоха I.

Иранский исследователь К. Фаррох в монографии по военному делу древнего Ирана отвел на раннюю Парфию только четыре страницы своего сочинения [Farrokh, 2007. P. 118–121]. Автор рассматривает войны Аршакидов в ракурсе борьбы иранского населения с оккупантами, видит в ней проявление противостояния арийского наследия греческому влиянию [Farrokh, 2007. P. 115, 117]. К сожалению, изложение событий раннепарфянской истории не свободно от фактических ошибок: успехи

Антиоха IV приписаны его старшему брату Селевку IV [Farrokh, 2007. P. 121].

В монографии С. Плишке «Селевкиды и Иран», написанной на основе ее диссертационной работы, рассматривается политика Селевкидов в восточных сатрапиях. Автор анализирует источники по истории ранней Парфии [Plischke, 2014. P. 204–215], хронологию событий [Plischke, 2014. P. 215–220], ситуацию в государстве Селевкидов в середине III в. до н.э. [Plischke, 2014. P. 221–225], а затем переходит к изложению политической истории [Plischke, 2014. P. 225–242]. Замечу, что взгляды С. Плишке по перечисленным выше вопросам полностью зависят от суждений ее предшественников, т.к. у нее самой на момент выхода книги в свет отсутствовали какие-либо публикации по раннепарфянской тематике [Plischke, 2014. P. 371].

Очень мало места отведено ранней Парфии в работах Дж. Грейнджера по истории Селевкидов [Grainger, 2014. P. 196–201], причем, материал излагается весьма поверхностно: автор даже не пытается определить, кто – Ферекл, Агафокл или Андрагор – был сатрапом Парфии во время вторжения Аршака, а восточная кампания Селевка II только упоминается. Исключением является лишь подробный рассказ о походе Антиоха III против Парфии [Grainger, 2015. P. 64–70].

Наряду с этим, в предшествующей литературе исследовались источниковедческие проблемы раннепарфянской истории [Зельин, 1954; Liebmann-Frankfort, 1969; Alonso-Núñez, 1988–1989; Brodersen, 1989; Wickevoort Crommelin, 1998; Drijvers, 1998; Spek, 1997/1998; Nikonov, 1998; Lerouge-Cohen, 2009; Балахванцев, 2009; 2015г], вопросы исторической географии Парфии и Гиркании [Kiessling, 1916; Hansman, 1981; Балахванцев, 2002; Coloru, 2013b; Olbrycht, 2015; Балахванцев, 2015и], хронология возникновения Парфянского государства [Bickerman, 1944; Wolski, 1959; Brodersen, 1986; Wolski, 1996], положение Парфии в

момент вторжения Аршака I [Wolski, 1950; Дьяконов, Зеймаль, 1988; Bivar, 2005; Балахванцев, 2005в, 2013а), походы Селевка II и Антиоха III против парфян [Pédech, 1958; Schmitt, 1964; Балахванцев, 2000а; 2015а; 2015б], генеалогия ранних Аршакидов [Wolski, 1962; Bickerman, 1966б; Кошеленко, 1976; Луконин, 1987; Assar, 2005, Балахванцев, 2009], социальная структура [Dąbrowa, 2013] и военная организация [Hauser, 2006; Никоноров, 2010] раннепарфянского общества, идеологическое обоснование «царской» власти [Neusner, 1963; Кошеленко, 1971; Раевский, 1977], внутренняя политика первых правителей Парфии [Балахванцев, 2015в].

Большая работа была проделана по изучению селевкидской [Newell, 1938; 1941; Mørkholm, 1991; Houghton, Lorber, 2002а; 2002б; Houghton et al., 2008] и парфянской монетной чеканки [Gardner, 1877; Wroth, 1903; Sellwood, 1980; Assar, 2004; 2005; Assar, Bagloo, 2006], введению в научный оборот монетных кладов [Abgarians, Sellwood, 1971], атрибуции монетных дворов [Galle, 1982; Ehling, 1997].

Советские и российские исследователи активно занимались раскопками связанных с дахами курганных могильников на Южном Урале [Мошкова, 1962; 1972а; Смирнов, 1977б), Устюрте (Ягодин и др., 1978; Ягодин, 1982; 2013), в Присарыкамьшской дельте Амударьи [Трудновская, 1979; Лоховиц, 1979; Вайнберг, 1991], долине Зеравшана [Обельченко, 1956; 1961; 1962; 1972; 1992], на Узбое [Юсупов, 1977; 1978] и в предгорьях Копетдага [Марущенко, 1959; Мандельштам, 1963; 1971]. Огромное значение для изучения ранней Парфии имеют раскопки городища Старая Ниса. Итоги изучения памятника в советский период были подведены в работе В.Н. Пилипко [Пилипко, 2001]. Последние двадцать пять лет на Старой Нисе плодотворно работает и планомерно публикует результаты своих исследований итальянская экспедиция [Invernizzi, 1998; 2000; 2001а; 2001с; Lippolis 2005; 2008; 2013б].

Подводя итоги изучения политической истории ранней Парфии мировой наукой, можно отметить, что с XIX века и вплоть до нашего времени перед исследователями стоят одни и те же вопросы: откуда появились дахи (парны), как и когда они овладели Парфиеной и Гирканией, каковы результаты походов Селевка II и Антиоха III против кочевников, этапы роста Парфянского государства и причины его возвышения. Однако, как будет показано ниже, несмотря на расширение источниковой базы и появление возможности более глубокого анализа источников, многие современные исследователи в своих ответах на эти вопросы по сути повторяют утверждения наших предшественников столетней давности. Следует также заметить, что даже краткий обзор состояния дел в области изучения раннепарфянской истории показывает наличие большого количества исследований, посвященных решению частных вопросов, и практически полное отсутствие работ, в которых весь комплекс проблем был бы рассмотрен как единое целое.

Объектом исследования является ранняя Парфия. **Предметом исследования** выступает политическая история Парфянского государства в начальный период его существования.

Территориально-географические рамки. Основным регионом для изучения процесса становления Парфянского государства выступает Юго-Западная Туркмения и Северо-Восточный Иран. Кроме того, рассматриваются и такие области, как Южный Урал, Левобережный Хорезм, Бухарский и Самаркандский Согд, где зафиксировано пребывание дахов (парнов).

Хронологические рамки предпринятого исследования находятся между появлением дахов на исторической арене в начале V в. до н.э. и рубежом первой / второй трети II в. до н.э., когда Аршакиды при Митридатe I переходят к активной завоевательной политике в Иране.

Целью предпринятого исследования является анализ процесса становления державы Аршакидов, выяснение всего комплекса внутренних и внешних причин, действие которых в кратчайшие, по меркам Истории, сроки, позволило маленькой Парфиене превратиться в одну из великих держав древнего мира.

Для достижения данной цели необходимо решить следующие **задачи**. Во-первых, определить, где располагались государство ранних Аршакидов и области обитания дахов (парнов) в V–III вв. до н.э. Этот вопрос тесно связан с характеристикой природно-климатических условий, существовавших в то время в Юго-Западной Туркмении и Северо-Восточном Иране и во многом определявших направления вторжений кочевников. Во-вторых, охарактеризовать отношения завоевателей с оседлым земледельческим и городским населением Парфиены и Гиркании, как иранским, так и греческим. Несмотря на огромную важность данной проблемы, в предшествующей литературе ей уделялось недостаточно внимания. В-третьих, проанализировать отношения Парфии¹⁴ с кочевой периферией, Греко-Бактрией и державой Селевкидов, от которых зависело само существование и даже выживание нового государства на первом этапе его истории. Понятно, что способность Селевкидов противостоять аршакидской экспансии была напрямую связана как с положением дел внутри их царства, так и с обстановкой в Восточном Средиземноморье в целом. Поэтому в работе большое внимание уделяется характеристике восточной политики Селевкидов, а также тем происходившим в Малой Азии, Келесирии, Месопотамии и Бактрии событиям, которые – прямо или

---

¹⁴ Здесь и далее под Парфией понимается государство, возникшее в результате завоевания вождем парнов Аршаком I и его преемниками селевкидских сатрапий на северо-востоке Ирана.

косвенно – оказали серьезное влияние на ситуацию в Парфии и позволяют пролить свет на историю последней.

Научная новизна работы. В исследовании, впервые в мировой науке, на основе всего комплекса известных на сегодняшний день источников, с максимальной полнотой разработан вопрос о возникновении и становлении Парфянского государства. В работе впервые в качестве решающего фактора развития ранней Парфии представлены отношения между завоевателями-парнами и местным оседлым населением.

Научная значимость. Детальный анализ политической истории ранней Парфии дает возможность уточнить существующие в науке представления о сути эллинистической эпохи, о характере происходивших в ее рамках контактов между различными этносами и культурами.

Практическая значимость. Основные выводы и положения диссертации, дающие представление о миграциях дахов и начальных этапах процесса становления Парфянского государства, могут быть использованы при написании обобщающих работ и разработке спецкурсов по истории древнего Ирана, эллинизма, кочевников Южного Урала и Средней Азии.

Основным **методом**, использованным при написании диссертации, является сравнительно-исторический. Кроме него, применяются иконографический анализ и метод картографирования. Что же касается хронологического метода, то он мог использоваться далеко не всегда. Это связано с тем, что из-за неравномерной освещенности источниками истории ранней Парфии часто сначала приходится анализировать более поздние события, а уже затем, используя полученные результаты, переходить к тем, которые имели место ранее. При работе с письменными источниками применялись внешняя и внутренняя критика источника и его текстологический анализ.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. В IV–II вв. до н.э. внешняя граница селевкидской сатрапии Парфиены и Гиркании проходила по побережью Каспийского моря, горному проходу Каспийские ворота (Сар-и Дара), северной окраине пустыни Деште-Кевир, хребтам Гугерд, Джебаркух, Кухе-Сорх, Биналуд, Шах-Джехан, Аладаг и долине реки Горган. Область Несайя не входила в состав этой сатрапии и являлась самостоятельной административной единицей. Ее граница проходила по верховьям рек Сумбара, Чандыра и Хертута, пересекала долину Оха (Атрека), и далее шла по Аладагу и Шах-Джехану. На стыке верховьев Атрека и Кешефруда, примерно по линии, идущей от восточной оконечности хребта Шах-Джехан к северо-западным отрогам Хезармесджеда, а далее на юго-восток по хребту Моздуран, Несайя граничила с Ареей. За Копетдагом Несайя тянулась узкой полосой между горами и песками Каракумов приблизительно от Арчмана до реки Чехелькеман.

2. На рубеже VI/V вв. до н.э. жившие в Южном Приуралье (район нынешнего Орска) дахи в ходе ежегодных меридиональных перекочевок стали пересекать Устюрт и спускаться в западную часть Присарыкамышской дельты Амударьи. После отпадения Хорезма от державы Ахеменидов на протяжении IV – начала III в. до н.э. одни дахи проникли в Согд (долину Зеравшана), а другие – парны – заняли незаселенные земли на берегах Оха (Атрека и его притока Сумбара).

3. В селевкидском обществе этническое и социальное деление не совпадали, а составлявшие его классы и сословия были по своему составу полиэтничны. Все это не позволяет использовать понятие «доминирующий этнокласс» при изучении социальной структуры державы Селевкидов, а также считать греко-македонян господствующим общественным классом, эксплуатировавшим местное население.

4. Из двух существовавших в античности традиций истории ранней Парфии – Флавия Арриана и Аполлодора Артемитского – первая является

легендарной, и лишь вторая отражает более раннюю и достоверную стадию представлений парфян об истории их государства и правящей династии.

5. Вопреки распространенному среди исследователей мнению, наместник Парфиены Андрагор не являлся независимым правителем и вплоть до своей гибели сохранял верность Селевкидам.

6. Первое завоевание Парфиены и части Гиркании вождем парнов Аршаком имело место около 238 г. до н.э. Однако появление здесь кочевников с их стадами породило перманентный конфликт с местным оседлым населением.

7. В 230 г. до н.э. Селевк II Каллиник нанес поражение Аршаку I, заставил его признать вассальную зависимость и принять обязательство поставлять воинов в селевкидскую армию. Взамен вождю парнов было разрешено остаться на границах Парфиены.

8. В 217 г. до н.э. Аршак I отложился от Антиоха III, во главе парнов вторгся в Парфиену и захватил селевкидские земли вплоть до Каспийских Ворот. Важнейшим результатом вторичного завоевания Парфиены стало образование Парфянского государства.

9. В 209 г. до н.э. в результате победоносного похода Антиох III очистил от парнов всю Гирканию и Парфиену. Аршак II был вынужден признать селевкидское господство, платить дань, посылать своих воинов в армию Антиоха и – в знак утраты суверенитета – прекратить монетную чеканку.

10. Последнее, третье по счету отложение парфян от державы Селевкидов, произошло при Митридате I в 166 г. до н.э. Митридат I провозгласил свою независимость и аннексировал Гирканию, куда аршакидская армия вступила еще при Фриапатии или Фраате I. После внезапной смерти Антиоха IV в конце 164 г. до н.э. Митридат I сразу же захватил Парфиену вместе с Гекатомпиллом, где организовал выпуск своих монет. Несколькими годами позже в его руки перешла и Несайя. Митридат

I стал первым правителем из династии Аршакидов, который принял царский титул, что, скорее всего, являлось следствием победы над царем Греко-Бактрии Евкратидом I.

11. Только нормализация отношений с эллинами, парфиянами и гирканцами позволила Митридату I использовать материальные и людские ресурсы завоеванных областей для покорения Мидии и Месопотамии на западе и успешного наступления на Греко-Бактрию на востоке, что впоследствии привело к превращению Парфии в мировую державу.

Апробация результатов. Основные положения и выводы диссертации изложены в 4 монографиях, 24 статьях, опубликованных в ведущих научных рецензируемых изданиях, 16 статьях в российских и зарубежных изданиях, а также в 22 тезисах и заметках.

Результаты исследования неоднократно обсуждались на заседаниях Отдела истории и культуры Древнего Востока, Отдела скифо-сарматской археологии Института археологии РАН. Различные разделы работы многократно докладывались и представлялись на IX, X, XI, XIV, XVI, XVII, XIX, XX Сергеевских чтениях на кафедре истории древнего мира МГУ им. М.В. Ломоносова (Москва, 1995, 1997, 1999, 2005, 2009, 2011, 2015, 2017), VI чтениях памяти профессора В.Д. Блаватского (Москва, 1999), Восьмой, Одиннадцатой, Двенадцатой и Тринадцатой нумизматических конференциях (Москва, СПб., 2000, 2003, 2004, 2005), конференции «Центральная Азия: источники, история, культура» (Москва, 2003), конференции «Теоретические и методические подходы к изучению погребального обряда в современной археологии» (Москва, 2005), Седьмых Жебелевских чтениях в Санкт-Петербургском государственном университете (СПб., 2005), конференции «Древние цивилизации на Среднем Востоке. Археология, история, культура» (Москва, 2010), конференции «Древнегородская культура Азербайджана в контексте мировой урбанизации» (Габала, 2012), российско-украинском научном

симпозиуме «Эллинизм: географические границы, хронологические рамки, сущностное содержание» (Москва, 2012), конференции «Последний энциклопедист: памяти Бориса Анатольевича Литвинского» (Москва, 2013), конференции «Письменные памятники Востока: проблемы интерпретации и перевода» (Москва, 2013), конференции «Древние цивилизации Центральной Азии» (Москва, 2014), конференции «Слово и артефакт: междисциплинарные подходы к изучению античной истории» (Саратов, 2014), конференции «Иконография, символика и эмблематика в эллинистическом мире» (Москва, 2015), конференции «Хронология античных и средневековых древностей Средней Азии» (СПб., 2015), конференции «Проблемы индоиранского наследия» (Москва, 2015), конференции «Научное наследие А.Б. Рановича: к 130-летию со дня рождения ученого» (Москва, 2015), IX конференции «Проблемы сарматской археологии и истории» (Оренбург, 2016), V конференции «Кадырбаевские чтения - 2016» (Актобе, 2016).

Структура исследования. Диссертация состоит из введения, семи глав, заключения, пяти приложений, списка библиографических сокращений, списка использованных источников и литературы, а также карты.

Глава 1

ПАРФИЯ: ЗЕМЛЯ И КЛИМАТ

§ 1. Историческая география ранней Парфии

Специалисту по истории эллинистической Малой Азии или Сирии трудно представить себе ситуацию, когда он был бы вынужден предварять свое исследование выяснением вопроса о том, где именно находился тот регион, который рассматривается в его работе? Однако по мере движения от Средиземного моря на восток историко-географическая обстановка становится все более неясной. Поэтому изучение истории ранней Парфии необходимо начинать с поиска ответов на вопросы: где располагались Гиркания, Несайя и равнины парфиенов, ставшие объектами нападения парнов после распада империи Александра (*Strab.* XI. 8. 3), и где зародилась Парфия Аршака I?

Г. Роулинсон отождествлял Парфиену с персидским Хорасаном [Rawlinson, 1872. P. 3]. По мнению Э. Херцфельда, ахеменидская сатрапия Партава¹⁵ начиналась от Каспийских ворот¹⁶, а ее столица – Тус – находилась к северу от Мешхеда [Herzfeld, 1968. P. 317–318]. Ш. Шахбази полагает, что во времена Дария I Партава располагалась к юго-востоку от верховьев Атрека, в районе Нишапура – Мешхеда [Shahbazi, 1982. P. 227, fig. 10]. Однако для еще большего числа исследователей представляется несомненным, что ахеменидо-селевкидская сатрапия Партава (Парфиена) находилась к северу от Копетдага [Grainger, 2014. P. 200; 2015. P. 69] или охватывала земли по обеим сторонам этого хребта [Бокщанин, 1960, P. 174–175; Коське, 1962. С. 113; Bivar, 1983a. P. 24, 26; Пилипко, Кошеленко,

---

¹⁵ О происхождении топонима *Parθava*- см. приложение I.

¹⁶ В настоящее время отождествляются с горным проходом Сар-и Дара в 12 км к юго-востоку от Эйванеки.

1985. С. 209; Sherwin-White, Kuhrt, 1993. P. 88; Ставиский. 1998. С. 260, 271; Кошеленко и др., 1998. С. 310; Olbrycht, 1998. S. 47; Wiesehöfer, 2001. P. 125; Jakubiak, 2006. P. 128; Invernizzi, 2011. P. 649). Однако так ли это было в действительности?

Не касаясь вопроса о локализации доахеменидской Партавы¹⁷, можно попытаться определить, что представляла собой эта сатрапия, начиная со времени Дария I. Согласно ахеменидским источникам – Бехистунская надпись (*DB I 16, II 92–98, III 1–10*), надписи Дария из Суз (*DSe 21; DSm 8*), надпись из Накш-и Рустама (*DNa 22*) – и данным Страбона (*Strab. XI. 9. 1*), Партава (Парфиена) была объединена в одну административную единицу с Гирканией. Единая сатрапия существовала и при Дарии III (*Arr. Anab. III. 23. 4*). Единство, за исключением краткого периода в 329–328 гг. до н. э. (*Curt. VIII. 3. 17*)¹⁸, сохранялось и при Александре Македонском (*Arr. Anab. III. 22. 1; V. 20. 7; VI. 27. 3; VII. 6. 4*), и даже после смерти последнего (*Diod. XVIII. 3. 3*). Следует заметить, что в источниках эта объединенная сатрапия иногда именуется то только Парфиеной (*Curt. IX. 10. 17*), то только Гирканией (*Curt. VI. 4. 25*).

Какова была судьба этой сатрапии после нового раздела империи Александра Македонского в 321–320 гг. до н.э. в Трипарадесе? Наш единственный источник Диодор (*Diod. XVIII. 39. 6; XIX. 14. 1, 40. 4, 42. 7*) упоминает только сатрапов Парфиены, но может ли это служить доказательством того, что Парфиена и Гиркания стали отдельными сатрапиями? Утверждение Г.А. Кошеленко о существовании двух самостоятельных сатрапий Парфиены и Гиркании [Кошеленко, 1968. С. 61–62] противоречит данным Страбона, согласно которому и при господстве

---

¹⁷ О ней см.: Дьяконов, 2008. С. 119; Пьянков, 1998. С. 634, прим. 338.

¹⁸ См.: Bosworth, 1995. P. 122.

македонян Парфиена платила подати вместе с Гирканией (*Strab.* XI. 9. 1). Поэтому большинство исследователей совершенно справедливо придерживается мнения о сохранении в послеалександровское время единой гиркано-парфянской провинции [Bengtson, 1944. S. 82; Bivar, 1983b. P. 186; Frye, 1984. P. 149; Зеймаль, 1998. С. 341; Балахванцев, 2015и. С. 5–6].

Что можно сказать о том, какую часть данной сатрапии занимала собственно Парфиена? Ее западная граница определяется на основании того, что город парфиенов Каллиопа (*Polyb.* X. 31.15; *App. Syr.* 298) находился в Хоаре, или Хоарене (*Plin.* NH. VI. 44)¹⁹, области, примыкавшей с востока к Каспийским Воротам [Bosworth, 1980b. P. 339]. Во внутренних районах Парфиены был расположен Гекатомпил (*Polyb.* X. 28. 7), ныне убедительно локализуемый в местности Шахр-и Кумис возле деревни Куше, юго-западнее Дамгана [Hansman, Stronach, 1970. P. 31; Hansman, 1981. P. 3–9]. На востоке Парфиена граничила с Арейей (*Arr. Anab.* III. 25. 1). Учитывая, что первым городом Арейи на пути Александра была Сусия, которую обычно отождествляют с Тусом [Minorsky, 1934. Sp. 1056; Bosworth, 1980b. P. 354], можно сделать вывод, что Арейя охватывала и всю долину Кешефруда, а граница с Парфиеной проходила по хребту Биналуд. Южным пределом Парфиены, несомненно, служила пустыня Деште-Кевир и хребты Гугерд, Джебаркух и Кухе-Сорх (карта).

При определении северо-восточной границы Парфиены ключевую роль играют два важных свидетельства Страбона, который, опираясь на Аполлодора из Артемиды, сообщает буквально следующее: через область Несайю и вблизи области парфиенов протекает река Ох, на берегах которой

---

¹⁹ Ф. Уолбэнк [Walbank, 1967. P. 242], игнорируя данные Плиния Старшего, помещает этот город в Комисене.

живут кочевники – парны (апарны)²⁰. Именно отсюда Аршак вторгся в Парфиену и завоевал ее (*Strab.* XI. 7. 3, 9. 2). Таким образом, решение поставленной задачи зависит от отождествления Оха с одной из современных рек Ирана или Туркменистана.

Очень многие исследователи склонны считать Ох Тедженом [*Kiessling*, 1916. Sp. 467; *Tarn*, 1932. P. 575; *Sturm*, 1937. Sp. 1763; *Markwart*, 1938. S. 4; *Debevoise*, 1969. P. 2; *Bickerman*, 1944. P. 79; *Altheim*, 1948. S. 15; Бокщанин, 1960. С. 175, 181; Дьяконов, 1971. С. 151, прим. 53; *Volkman*, 1979. Sp. 533; *Schippmann*, 1980. S. 16; *Shahbazi*, 1982. P. 216; *Will*, 1994. P. 436; Зеймаль, 1998. С. 344; *Choisnel*, 2004. P. 28; *Gregoratti*, 2013. P. 43), однако это предположение является ошибочным. Во-первых, Страбон, как и Арриан (*Arr. Anab.* IV. 6. 6), знает эту реку, протекающую через Арейю и теряющуюся в песках, под именем Арий (*Strab.* XI. 10. 1; 11. 5), которое сохранилось до наших дней как Герируд (верхнее течение Теджена). Во-вторых, нет никаких доказательств того, что в античную эпоху на Теджене жили кочевники [Балахванцев, 1998. С. 156]. В-третьих, анализ данных Страбона показывает, что под одним именем Ох²¹ у древнегреческого географа упоминаются две разные реки: одна из них протекает через Несайю и Гирканию и впадает в Каспийское море южнее Окса (Узбоя)²²,

---

²⁰ Основной являлась форма без начального а- [Грантовский, 2007. С. 86].

²¹ Этимологию гидронима Ох см.: Стеблин-Каменский, 1978. С. 73.

²² Долгое время среди специалистов бытовало недоверчивое отношение к античной традиции, в которой Окс (Узбой, Амударья) впадал в Каспийское море. Однако археологические раскопки, открывшие на берегах Узбоя парфянскую крепость Игды-калу и многочисленные погребальные памятники местных номадов, наглядно доказали, что в V в. до н.э. – IV в. н.э. по руслу Узбоя воды Амударьи текли в Каспий

другая течет через Бактрию и является притоком Окса (*Strab.* XI. 7. 3–4; 11. 5). Все это вместе взятое доказывает, что Теджен не может быть ни гирканским, ни бактрийским Охом²³.

В последнее время с весьма неожиданной идеей, в соответствии с которой гирканский Ох – это Узбой (Окс), выступает М. Ольбрыхт [Olbrycht, 1998. S. 74; 2003a. P. 114–116; Ольбрихт, 2009. С. 86–91; Olbrycht, 2010. P. 302–309]. Отправной точкой в рассуждениях польского исследователя является априорное отождествление Парфиены Аполлодора Артемитского с Хорасаном, что заставляет вынести Ох за пределы последнего. Затем автор анализирует один из фрагментов Страбона (*Strab.* XI. 8. 1), который, по его мнению, показывает, что река Сарний – это Атрек, а упоминающийся тут же Ох – Узбой.

Однако выдвинутая М. Ольбрыхтом гипотеза вызывает серьезные возражения. Прежде всего, он исходит из того, что еще только предстоит установить: действительно ли Парфиена Аполлодора совпадает со всем Хорасаном? Как было показано выше, долина Кешефруда, вопреки утверждениям автора [Ольбрихт, 2009. С. 86–87; Olbrycht, 2010. P. 305], относилась к Арейе, которая граничила с Парфиеной по хребту Биналуд, а вовсе не по Герируду. Далее, взятый для анализа отрывок из Страбона крайне труден для понимания. В самом деле, сначала Страбон перечисляет народы, жившие к северу от Эльбурса и Туркмено-Хорасанских гор – от прикаспийских гелов до арейев; затем в тексте – лакуна, а после нее – то

[Вайнберг, 1999. С. 36–46]. Можно добавить, что описание похода Кира против массагетов (*Hdt.* I. 201–214) свидетельствует о течении воды по Узбою уже в третьей четверти VI в. до н.э.

²³ В литературе существуют различные мнения относительно локализации последнего. См.: Bosworth, 1981. P. 27–28; Grenet, Rapin, 1998. P. 81; Olbrycht, 2010. P. 308–309.

место, которое привлекло внимание автора: «...и пустыня, которую отделяет от Гиркании река Сарний, для идущих на восток и к [реке – А.Б.] Оху»²⁴.

Из данного отрывка решительно невозможно извлечь ту информацию, которую нашел в нем М. Ольбрыхт. В частности, ничто не указывает на то, что упомянутый здесь Ох протекал севернее Сарния и впадал в Каспий. Не исключено, что речь вообще идет о бактрийском Охе. В целом, этот текст настолько запутан, что создает возможность для самых разных толкований²⁵.

Однако если последовать за Страбоном, который при описании восточного берега Каспия в направлении с севера на юг сначала упоминает даев, затем – пустыню, а после – Гирканию с текущими через нее реками Оксом и Охом (*Strab.* XI. 7. 1, 3; 11. 5), то придется, так как Окс – это Узбой, признать, что Ох не может быть никакой другой рекой, кроме Атрека. Это отождествление двух рек в плане гипотезы было предложено еще в 1841 году [Wilson, 1841. P. 142–146] и с тех пор повторялось неоднократно [Rawlinson, 1872. P. 43; Herrmann, 1914. S. 34; Ельницкий, 1961. С. 157; Алиев, 1980. С. 59; Bosworth, 1981. P. 26–27; Хлопин, 1983. С. 37; Пьянков, 1994. С. 204; Кошеленко и др., 2000. С. 7; Рапэн, 2009. С. 108–109]. Мы также высказывались в поддержку этого мнения, с той лишь поправкой, что к Атреку надо добавить и его правый приток Сумбар [Балахванцев, 1998. С. 154–155; 2002. С. 437; 2005б. С. 184; 2015и. С. 6].

Такая локализация делает понятным замечание Страбона о том, что, в отличие от Аполлодора Артемитского, более ранние авторы, в том числе

---

²⁴ *Strab.* XI. 8. 1. <...> καὶ ἡ ἔρημος, ἣν ἀπὸ τῆς Ἰρκανίας ὀρίζει ὁ Σάρμιος ποταμὸς πρὸς ἑω βαδίζουσι καὶ ἐπὶ τὸν Ὀχον.

²⁵ Следует заметить, что Э. Вилль пытался отождествить Ох с Тедженом [Will, 1994. P. 436], опираясь именно на этот отрывок.

и историки похода Александра Македонского, не упоминают Оха (*Strab.* XI. 7. 3). Объясняется же это тем, что сам Александр следовал в Ареюю через Парфиену, то есть не по долине Оха (Атрека), а, скорее всего, по Эсферайенской дороге. Она шла вдоль рек Карасу и Сорхаб, и между хребтами Шах-Джехан и Биналуд выходила в долину Кешефруда²⁶. Таким образом, северо-восточная граница Парфиены в IV–II вв. до н.э. не достигала Атрека и проходила по восточным отрогам Эльбурса и хребтам Аладаг, Шах-Джехан и Биналуд (карта).

Горы Эльбурса служили также юго-восточным рубежом Гиркании, расположенной на побережье Каспийского моря. Так как через Гирканию, по свидетельству Страбона (*Strab.* XI. 7. 3), протекали реки Ох (Атрек) и Окс (Узбой), то ее северные пределы доходили, как минимум, до хребта Большой Балхан. Следует, однако, усомниться в том, что владения Селевкидов могли простираться к северу от реки Горган и включать в себя северную часть Гиркании [ср. Lecomte, 1999. P. 144]. Это сомнение кажется тем более обоснованным, что после прекращения существования культуры архаического Дахистана на рубеже VI/V вв. до н.э. [Мурадова, 1991. С. 122, 127; Lecomte, 2005. P. 462, 465] на Мисрианской и Чатской равнине не зафиксированы памятники ахеменидского, эллинистического и парфянского времени [Lecomte, 1999. P. 142]. Судя по тому, что долины Чандыра и Сумбара открыты с запада, но совершенно изолированы от прилегающих районов Ирана и Туркмении с юга, востока и севера [Кузьмин-Караваев, 1889. С. 43], восточная граница Гиркании должна проходить в верховьях этих рек (карта). Очевидно, что подобная ситуация стала складываться уже в эпоху энеолита, бронзы и раннего железа, когда именно в этом районе проходила разграничительная полоса между

---

²⁶ Описание этого пути см.: Артамонов, 1892. С. 126–127.

археологическими культурами, существовавшими в долине Горгана и на Мисрианской равнине, с одной стороны, и в подгорной полосе Копетдага, с другой [Kohl et al., 1982. P. 15–16, 18; Lecomte, 1999. P. 137, 142].

Однако предложенная нами локализация Гиркании и Парфиены порождает одну серьезную проблему. Дело в том, что, завоевав эти селевкидские земли, Аршак I основал в местности (или на горе) Апаортене (Апавортене) город Дару (*Iust.* XLI. 5. 2; *Plin.* NH. VI. 46). Среди исследователей прочно укоренилось мнение, что Апаортена (Апавортена) совпадает с Апаварктикеной Исидора Харакского (*Isid. Mans. Parth.* 13), расположенной далеко на востоке, в районе современной Каахки или Келат-и Надири [Tarn, 1932. P. 575, map 14; Debevoise, 1969. P. 15, not. 62 (с предшествующей литературой); Массон, 1955. С. 10; Бокщанин, 1960. С. 188, прим. 95; Bivar, 1983a. P. 26; Brunner, 1983. P. 769; Sherwin-White, Kuhrt, 1993. P. 88; Wiesehöfer, 2001. P. 132; Choisnel, 2004. P. 29; Martinez-Sève, 2014a. P. 127; Olbrycht, 2015. P. 118). Если эта точка зрения правильна, то обоснованное выше определение северо-восточной границы Парфиены нуждается в пересмотре.

Решить этот вопрос можно, лишь обратившись к источникам, содержащим информацию о локализации Апаортены (Апавортены) Аршака I. Поскольку в эпитоме Помпея Трога говорится только о горном характере окружающей город местности (*Iust.* XLI. 5. 3–5), для анализа остается текст одного Плиния Старшего. Рассказывая об областях и народах, находящихся к востоку от Каспийских ворот, римский энциклопедист сначала упоминает о Хоаре (Хоарене), затем о парфянской столице Гекатомпиле (*Plin.* NH. VI. 44), после чего переходит к Апавортене и прикаспийским народам тапурам, анариакам, ставрам и гирканам (*Plin.* NH. VI. 46). Географический контекст сообщения Плиния Старшего недвусмысленно свидетельствует о том, что Апавортена должна быть восточной соседкой области Гекатомпила и гирканцев, т.е. лежать приблизительно между современным Шахрудом и

средним течением Атрека. Что же касается города Дара, то он, возможно, соответствует современному Кара Ших Тепе на южных склонах хребта Гекчедаг [Kiani, 1982. P. 47].

Таким образом, проделанный анализ источников показывает, что Апаортена (Апавортена) Аршака I не имеет ничего общего с Апаварктикеной, упоминаемой в работе Исидора Харакского, а также подтверждает обоснованность предложенной нами локализации Гиркании и Парфиены. Последнее позволяет вплотную заняться определением рубежей Несайи.

Известно, что эта область граничила с Гирканией в северо-западных предгорьях Копетдага и занимала часть долины Атрека (*Strab.* XI. 7. 2–3). Однако для того, чтобы решить, охватывала ли Несайя земли к северу от Копетдага, необходимо ответить на вопрос: как соотносится эта область с городом, который греческие информаторы Исидора Харакского называли Нисайей (*Isid. Mans. Parth.* 12). В свое время П. Бернар заметил, что «простой здравый смысл заставляет предположить, что город, который носит то же имя, что и регион, в котором он находится, ... является столицей провинции» [Bernard, 1974. P. 172]. Это позволяет сделать вывод, что еще в III–II вв. до н.э. Нисайя была столицей области Несайя [Балахванцев, 2005б. С. 185], а точная локализация города поможет определить и местоположение всей области.

Вопрос о локализации Нисайи (Парфавнисы) имеет уже более чем трехвековую историю. Различные исследователи отождествляли этот упомянутый только у Исидора Харакского город с Гекатомпиллом, Задракартой и Нишапуром, помещали его в Мазандеране, долине Деррегез или южнее истоков Кешефруда [Mullerus, 1855. P. XC, 252; Kiessling, 1916. Sp. 498; Tarn, 1932. Map 14; Sturm, 1936. Sp. 711]. Во второй половине XX века, особенно после раскопок советскими археологами городища Старая Ниса возле кишлака Багир, как в отечественной, так и в зарубежной

литературе стала преобладать тенденция к отождествлению Парфавнисы с багирскими городищами Старая и Новая Ниса [Массон, 1955. С. 10; Bosworth, 1981. P. 27, fig. 1; Bivar, 1983a. P. 26; Brunner, 1983. Map 14; Пилипко, Кошеленко, 1985. С. 209; Walser, 1985. S. 150; Invernizzi, 2000. P. 23, not. 38; Балахванцев, 2002. С. 436–440; Klaudios Ptolemaios, 2006. S. 647, anm. 151; Cohen, 2006. P. 220; Балахванцев, 2015и. С. 9].

Однако в ряде последних работ В.Н. Пилипко [Пилипко, 1989б. С. 17–25; 2000. С. 109; 2001. С. 343–345; 2007. С. 154] данная локализация была поставлена под сомнение. Аргументы исследователя сводятся к следующему [Пилипко, 2001. С. 343–345]. Во-первых, сходство названий парфянского города со средневековой Нисой, находившейся на месте Багира, еще ничего не доказывает. Во-вторых, выявив разногласия «в близких по времени данных Исидора Харакского и Страбона», В.Н. Пилипко пришел к выводу, что античные авторы имели весьма смутные представления о реальной географии Парфиены и разобраться в их свидетельствах трудно. В-третьих, по Исидору Харакскому, Парфавниса находится в узкой горной долине, а багирские городища лежат на равнине у северо-восточного подножья Копетдага. Все это, по мнению автора, заставляет считать отождествление Парфавнисы с багирскими городищами явно преждевременным.

Что можно заметить по этому поводу? Прежде всего, необходимо полностью согласиться с тем тезисом, что созвучие (и даже полное совпадение) древних и средневековых топонимов еще не говорит о том, что оба они относятся к одному и тому же пункту или территории. Так, например, в античности область Калабрия соответствовала юго-восточной оконечности Апеннинского полуострова, а в VIII веке после лангобардского завоевания название переместилось на юг, и Калабрией стал называться античный Бруттий.

Однако другие аргументы В.Н. Пилипко являются весьма уязвимыми для критики. Так, возражение вызывает уже его тезис о хронологической близости данных Исидора Харакского и Страбона. Дело ведь вовсе не в том, что оба автора действительно были современниками²⁷. Если Исидор Харакский или сам путешествовал по Средней Азии, или основывался на рассказах современных ему купцов, то Страбон никогда не был к востоку от Евфрата, а информации купцов просто не доверял (*Strab.* XV. 1. 4). В связи с этим, самые «свежие» данные Страбона по интересующему нас региону были заимствованы из работ Аполлодора из Артемиды и Посидония [Bickerman, 1944. P. 79; Neusner, 1963. P. 43; Wolski, 1976. S. 440, 444–445; Gardiner-Garden, 1987b. P. 13; Грацианская, 1988. С. 84, 91–92; Пьянков, 1997. С. 64–67; Drijvers, 1998. P. 281; Балахванцев, 2009. С. 99] и, следовательно, отражали ситуацию, существовавшую не позднее первой половины I в. до н.э. Таким образом, два наших важнейших источника описывают политико-административное состояние Средней Азии с временной разницей приблизительно в пятьдесят лет. Именно этим можно объяснить то подчеркиваемое В.Н. Пилипко обстоятельство, что у Исидора Харакского Несайя (Парфавниса) находится в области Парфиена (*Isid. Mans. Parth.* 12), а Страбон передает, что одни авторы считают Несайю частью Гиркании, а другие – самостоятельной областью (*Strab.* XI. 7. 2).

В.Н. Пилипко видит еще одно противоречие между Страбоном и Исидором Харакским в том, что у Страбона Несайя граничит с Гирканией, а у Исидора между Гирканией и Парфиеной лежит область Астауэна.

---

²⁷ В подтверждение того, что Исидор Харакский писал не позднее рубежа эр, говорит и тот факт, что в его работе Артемита именуется «греческим городом» (*Mans. Parth.* 2), а Корнелий Тацит (*Ann.* VI. 41. 2), описывая события 36 г. н.э., уже называет Артемиту «городом парфян».

Однако и это противоречие является мнимым, причем, дело здесь не только в разновременности данных этих двух авторов. К сожалению, В.Н. Пилипко не обратил внимания на глубокое различие между «Географией» Страбона, дающей последовательную *descriptio mundi*, и «Парфянскими стоянками» Исидора Харакского, представляющими собой простую *descriptio itineris*. Естественно, что если описываемый Исидором маршрут из Гиркании в Парфиену проходил через Астауэну, то это никак не исключает возможности наличия у Гиркании и Парфиены общей границы в каком-либо другом месте.

Вместе с тем, В.Н. Пилипко полагает, что убедительным доказательством в пользу отождествления багирской Нисы с Парфавнисой стало бы открытие на Старой Нисе захоронений аршакидских царей или их разграбленных гробниц, на что, однако, остается все меньше и меньше надежды. Однако и этот довод бьет мимо цели. Прежде всего, используемое Исидором слово *ταφή* означает «погребальный обряд, место погребения, могила» (LSJ, s.v. *ταφή*) и по своей семантике не предполагает присутствия величественных наземных сооружений. Можно ли *a priori* предполагать обязательное наличие подобных сооружений, раз речь идет о царских могилах? Так как принятый у Аршакидов погребальный обряд нам абсолютно неизвестен, то в поиске аналогий приходится обратиться к анализу погребальной практики династий кочевнического происхождения. Практика же эта была весьма разнообразной и содержит как примеры возведения настоящих мавзолеев (мавзолей султана Санджара в Мерве; Гур-Эмир в Самарканде), так и полного отсутствия наземных погребальных сооружений²⁸.

---

²⁸ Здесь прежде всего вспоминаются как наиболее близкие Нисае (Парфавнисе) в территориально-хронологическом плане захоронения

Итак, поскольку текст Исидора не дает никаких оснований говорить о существовании бросающихся в глаза мавзолеев или гробниц, то закономерно возникает вопрос: откуда он заимствовал информацию о царских захоронениях? Исидор Харакский – прежде всего географ, и в описании областей, городов, стоянок, длительности переходов ему вполне можно доверять. Но как только Исидор покидает почву географии и переходит к рассказу о достопримечательностях, он тут же попадает в зависимость от своих местных информаторов и, как Геродот, начинает повторять то, что говорят на городских улицах. Это обстоятельство обязательно надо иметь в виду, оценивая достоверность данных Исидора Харакского о царских захоронениях в Нисае (Парфавнисе). Для правильного и точного понимания этого и подобному ему мест, к ним надо всегда мысленно прибавлять два слова: «говорят, что...». Таким образом, даже если царские погребения на багирских городищах не будут найдены, то это докажет не невозможность отождествления последних с Нисаей (Парфавнисой), но лишь необоснованность тех слухов, которые передавал Исидор Харакский.

Решение вопроса о локализации Нисаи (Парфавнисы) возможно лишь на основе тщательного историко-филологического анализа текста Исидора Харакского, взятого в сопоставлении с соответствующими данными Страбона, Плиния Старшего и Птолемея. Как уже было сказано, на рубеже эр путь из Гиркании в Нисайю (Парфавнису), находившуюся на территории аршакидской сатрапии Парфиена, пролегал через Астауэну. Определение местоположения этой области представляется тем более важным, что оно способно не только помочь локализации Нисаи (Парфавнисы), но и зафиксировать хотя бы примерное расположение

«безымянных царей» на городище Тиллятепе в Северном Афганистане. См.: Сарияниди, 1989. С. 46–47.

города Асаака – места т.н. коронации Аршака I (*Isid. Mans. Parth.* 11). Итак, где же находилась Астауэна?

Ряд авторов, основываясь на сходстве названий Астауэна у Исидора Харакского и Асатава (Устува) у арабского ученого аль-Макдиси и в анонимном персидском географическом сочинении «Худуд-ал-алем», отождествляют их и помещают Астауэну в долину верхнего Атрека [Tarn, 1932. P. 575, map 14; Debevoise, 1969. P. 11; Bickerman, 1944. P. 81; Brunner, 1983. P. 768; Пилипко, 1989б. С. 23; Choisnel, 2004. P. 28; Farrokh, 2007. P. 119] и даже Кешефруда [Массон, 1955. С. 10]²⁹. Эта локализация представляется уязвимой прежде всего с методологической точки зрения, ибо, как уже было отмечено, сходство или совпадение разновременных топонимов является весьма шатким основанием для подобного рода выводов. Поэтому местоположение античной Астауэны следует определять по современным ей источникам.

Клавдий Птолемей в одном месте своего труда (*Ptol. Geog.* VI. 9. 5) помещает астауэнов в приморской части Гиркании, а в другом (*Ptol. Geog.* VI. 17. 3) – в северной части Арейи. Однако обе эти локализации не имеют ничего общего с действительностью. В самом деле, в списке прикаспийских народов ни у Страбона (*Strab.* XI. 6. 1; 7. 1; 8. 8), ни у Плиния Старшего (*Plin. NH.* VI. 36, 46, 48) астауэны не упоминаются. Что же касается Арейи, то расположенная между Гирканией и Парфиеной Астауэна (*Isid. Mans. Parth.* 10–12) просто физически не могла оказаться в ее составе.

---

²⁹ Последнее мнение является неверным даже в отношении средневековой Устувы, которая вполне определенно локализуется в районе современного города Кучан. См.: Волин и др., 1939. С. 200, 210; Бейхаки, 1962. С. 534; Minorsky, 1970. P. 325.

Причины всех этих странностей заключаются в том, что в работе Птолемея допущено значительное преувеличение длины обитаемого мира в целом. Кроме того, области Средней Азии, по сравнению со своим действительным положением, сильно сдвинуты на запад [Томпсон, 1953. С. 394, 462–463; Ельницкий, 1961. С. 204; Rapin, 1998. Р. 203, 214–216]. Достаточно заметить, что Маргиана, расположенная к северу и северо-востоку от Арейи, у Птолемея стала ее северной и даже северо-западной соседкой и простирается вплоть до места впадения Окса в Каспийское море, серьезно потеснив при этом Парфию³⁰. Естественно, что все это привело к поистине тектоническому сдвигу соответствующей географической номенклатуры, в ходе которого некоторые топонимы и этнонимы были буквально разорваны надвое³¹.

Тем не менее, даже в таком «кривом зеркале» можно разглядеть отражение реальной, а не вымышленной географии. Так, по Птолемею сразу за астауэнами в глубине материка живут сиракены (*Ptol. Geog. VI. 9. 5*), уже давно сопоставляемые исследователями с названием упомянутого у Исидора (*Isid. Mans. Parth. 12*) города Сирока, расположенного восточнее Нисайи (Парфавнисы) [Mullerus, 1855. Р. LXXXIX; Kiessling, 1916. Sp. 472, 498]. Далее, астауэны являются соседями нисайев (*Ptol. Geog. VI. 17. 3*). Наконец, упоминание Плинием Старшим (*Plin. NH. II. 235*) нефтяных источников в области атакенов, хорошо соотносится с известными

---

³⁰ Поэтому нет никакой возможности согласиться с утверждением о том, что «политические границы Маргианы даны Птолемею поразительно точно» [Гаибов, Требелева, 2006. С. 158].

³¹ Так, город Нисайя оказался в Маргиане (*Ptol. Geog. VI. 10. 4*), а народ нисайев – в Арейе (*Ptol. Geog. VI. 17. 3*).

фактами добычи в долине Атрека нефтагиля (нафтагиля), или озокерита [Литвинский, 1949. С. 100]³².

Однако все эти данные позволяют лишь предположить, что Астауэна находилась где-то в долине Атрека. Казалось бы, на этом следует поставить точку. Тем не менее, возможность уточнить местоположение Астауэны все-таки существует, если еще раз проанализировать ту географическую ситуацию в областях к востоку от Каспийских ворот, которая отразилась у Исидора Харакского.

Сравнение приводимых в «Парфянских стоянках» сведений с тем, что в начале I в. до н.э. писал об этих же местах Аполлодор Артемитский [Балахванцев, 2009. С. 99], показывает, что в I в. до н.э. аршакидская сатрапия Парфиена подверглась радикальной перекройке. Административную самостоятельность обрели Хоарена и Комисена (*Isid. Mans. Parth.* 8–9), что означало для прежней Парфиены утрату всей ее западной части от Эйванеки до районов восточнее Шахруда. Вместе с этим была ликвидирована и частично включена в состав Парфиены область Несайя (*Plin. NH. VI.* 113), а ее столица переименована в Парфавнису (*Isid. Mans. Parth.* 12). Однако если предположить, что все земли по верхнему и среднему течению Атрека отошли к вновь организованной области Астауэне, то территория аршакидской Парфиены оказалась бы разорванной на две не соприкасающиеся друг с другом части: одна – к югу от

---

³² Еще Г. Мельгунов отмечал, что туркмены племени Чудэ, жившие на Атреке и в ауле Чекишляр, доставляли нефтагиль на русскую станцию Ашурадэ в Горганском (Астрабадском) заливе [Мельгунов, 1863. С. 321]. Состав озокерита и совместное нахождение с нефтью не оставляют сомнений в тесной связи двух этих полезных ископаемых, а также в том, что озокерит происходит из нефти [Руднев, 1897. С. 775; Орлов, 1935. С. 531].

Нишапурских гор, а другая – к северу или востоку от Астауэны. Поэтому вероятнее всего, что в Астауэну Исидора Харакского вошла долина Атрека только до современного Фаруджа³³, а верховья реки в районе Кучана относились уже к реформированной Парфиене (ср. Tomaschek, 1896. P. 1779).

Ключом к решению вопроса о локализации Нисайи (Парфавнисы) является употребленный Исидором Харакским в описании Парфиены (*Isid. Mans. Parth.* 12) термин ἀύλων. Грамматик Павсаний Аттический определяет его как «вытянутое и узкое место, словно окруженное со всех сторон» (*Paus. Attic.* fr. 419). Как уже было замечено выше, В.Н. Пилипко тоже обратил внимание на важность этого апеллятива, однако с его трактовкой начала параграфа нельзя согласиться. В.Н. Пилипко основывается на переводе Л.И. Грацианской, гласящем буквально следующее: «Затем Парфиена, 25 схойн которой [составляет] ущелье (горная долина), Парфавниса город в 6 схойнах» [Пилипко, 1989б. С. 24, прим. 12]. Однако у Исидора Харакского описание каждого региона строится по стандартной схеме: название области, продолжительность пути по ней, находящиеся в ней объекты. Последние обычно вводятся выражением ἐν τῇ – «в которой (есть)». Когда же повествование доходит до Парфиены, то Исидор, после указания продолжительности пути, употребляет относительное местоимение τῆς в родительном падеже. Его можно понять только как *genetivus possessivus*, то есть родительный принадлежности, обозначающий предмет (в данном случае – область Парфиену), которому принадлежит что-либо в самом широком и различном

---

³³ В связи с этим из трех вариантов местонахождения Асаака, выдвинутых М. Ольбрыхтом – Боджнурд, Арчман или Бахарден [Olbrycht, 2015. P. 119; ср. Brosius, 2006. P. 84], всерьез можно рассматривать только первый.

смысле³⁴. Поэтому наиболее адекватным переводом данного места будет следующий: «Далее Парфиена, 25 схойн, в ней [есть] ущелье (узкая долина) и через 6 схойн город Парфавниса»³⁵. Таким образом, Нисайя (Парфавниса) вовсе не лежит в узкой горной долине, а отстоит от нее приблизительно на тридцать три километра.

Закономерен вопрос: для чего Исидор Харакский в своем весьма лаконичном повествовании упоминает эту «узкую долину»? Описанный им маршрут по Иранскому нагорью должен был проходить мимо многих десятков, если не сотен подобных «узких долин», однако термин *αὐλῶν* встречается лишь дважды: после Каспийских ворот (Mans. Parth. 8) и при описании Парфиены. В первом случае он прилагается к ущелью Сар-и Дара в предгорьях Эльбурса, через которое пролегал маршрут Исидора Харакского. Следовательно, и во втором случае путь Исидора вел через «узкую долину» к Нисае (Парфавнисе). Все это не позволяет провести маршрут Исидора ни по северной кромке Копетдага, ни целиком по долине Атрека. Действительно, отстаиваемый некоторыми исследователями «северный» вариант маршрута Исидора [Хлопин, 1983. С. 65–70; Кошеленко, 2000. С. 203] проходил бы между Копетдагом и Каракумами, то есть практически по равнине. Что же касается движения по долине Атрека в его среднем течении (по Астауэне), то следует заметить: несмотря на наличие на этом маршруте ряда ущелий [Власов, 1893. С. 35], ни одно из них не было сочтено Исидором Харакским заслуживающим внимания. Остается единственный выход: предположить, что на рубеже эр

---

³⁴ Именно так его и понимали переводчики на латинский, английский и русский языки. См.: Mullerus, 1855. P. 252; Schoff, 1976. P. 9; Баженов, 1940. С. 132; Хлопин, 1983. С. 60; Кошеленко и др., 1994. С. 28.

³⁵*Isid. Mans. Parth. 12. 'Εντεῦθεν Παρθυηνή, σχοῖνοι κε', ἥς αὐλῶν· Παρθαύνισα ἡ πόλις ἀπὸ σχοίνων ζ'.*

аршакидская сатрапия Парфиена простиралась по обе стороны Копетдага, а маршрут Исидора после завершения пути по Астауэне и вступления на землю Парфиены уходил в горы, пересекал Копетдаг и выходил в его северные предгорья. Таким образом, необходимо выбрать подходящий горный перевал, заканчивающийся ущельем, причем, в тридцати трех километрах от последнего должен находиться достаточно крупный городской центр парфянского времени.

Но возможно ли, чтобы историко-географическая область лежала поперек горного хребта? Ведь еще И.М. Дьяконов предупреждал: «названия областей необходимо должны в основном соответствовать долинам и что невозможно размещать историко-географические названия поперек горных хребтов» [Дьяконов, 2008. С. 115]. Тем не менее, в случае с аршакидской Парфиеной дело стало обстоять именно так. Прежде всего, об этом говорит упоминание Плинием Старшим «потусторонних парфян» (*Plin. NH. VI. 113*). Далее, в ряде найденных в крепости Михрдаткерт (Старая Ниса) парфянских остраконов фиксируется поступление вина с земель оросительного канала «из-за гор» [Дьяконов, Лившиц, 1960б. С. 19; *PEDN 593–608*], что свидетельствует о вхождении в состав сатрапии территории к югу от Копетдага. Похоже, что предпосылки возникновения подобной ситуации сложились еще в эпоху энеолита, бронзы и раннего железа, когда долина верхнего Атрека (Ширван – Кучан) была более тесно связана с предгорьями центрального (Деррегез) и юго-восточного Копетдага, с дельтами Теджена и Мургаба, чем с Иранским плато или Горганской и Мисрианской равнинами [Kohl et al., 1982. P. 11]. Интересно, что и по данным географа XIII века Якута, к области средневековой Несы относились некоторые селения к югу от Копетдага [Бартольд, 2002. С. 129]. Наконец, нельзя также игнорировать отмеченный выше факт, что в ахеменидскую и селевкидскую эпохи Гиркания и Парфиена, несмотря на лежащий между ними Эльбурс, составляли одну сатрапию.

Принимая во внимание то, что Астауэна Исидора Харакского приблизительно соответствует среднему течению Атрека (от места впадения в него Сумбара до современного Фаруджа), единственно подходящим перевалом является Гаудан. Этот перевал представляет собой горное плато, которое с северной стороны круто спускается в одноименную котловину. Последняя затем переходит в узкое ущелье, ведущее к равнине Ахала. Приблизительно в 30–33 километрах от выхода ущелья на равнину находятся багирские городища³⁶. Через гауданский перевал пролегают кратчайшие и наиболее удобные дороги к Ширвану и Кучану. Существенно, что путь через гауданский перевал активно использовался в период средневековья, о чем свидетельствуют многочисленные развалины старинных укреплений [Кузьмин-Караваев, 1889. С. 64–66]. Именно через этот перевал в ноябре 1039 года бежал от султана Масуда Газневида в Нису основатель династии Сельджукидов Тогрул-бек [Бейхаки, 1962. С. 534–535]. Таким образом, отождествление багирских городищ Новая и Старая Ниса с Нисайей (Парфавнисой) представляется несомненным³⁷.

---

³⁶ См.: Орановский, 1896. С. 78; Кузьмин-Караваев, 1889. С. 62. Из приводимых русскими офицерами данных следует, что расстояние от Багира до ущелья составляло 29 верст, то есть 31 километр.

³⁷ Некоторые исследователи [Массон, 1949. С. 36–37; Кошеленко, 1979. С. 129; Lecomte, 1999. P. 144] отождествляют с багирскими городищами Александрополь (*Plin.* NH. VI. 113), что представляется вполне вероятным. Следует лишь заметить неточность, допущенную Плинием Старшим в утверждении, что город был назван в честь своего основателя. Поскольку сам Александр прошел в Аррейю не через Несайю [Kiessling, 1916. Sp. 464], а гораздо южнее, то основание города можно приписать одному из его полководцев. На эту возможность намекают слова Арриана (*Arr. Anab.* III. 25. 4) о том, что все войско Александра собралось

Определение опорных точек области Несайи (часть долины Атрека, окрестности Ашхабада) позволяет очертить ее пределы в IV–II вв. до н.э. следующим образом. Граница Несайи с Гирканией проходила через верховья Сумбара, Чандыра и Хертута, а затем шла к долине Оха (Атрека), возможно, к месту впадения в последний Ширинчая, и Нишапурским горам, за которыми лежала Парфиена. На стыке верховьев Атрека и Кешефруда, примерно по линии, идущей от восточной оконечности хребта Шах-Джехан к северо-западным отрогам Хезармесджеда, а далее на юго-восток по хребту Моздуран, Несайя граничила с Ареей. За Копетдагом Несайя тянулась узкой полосой между горами и песками Каракумов приблизительно от Арчмана до реки Чехелькеман³⁸; Серахский оазис, скорее всего, относился уже к Арее (карта).

§ 2. Природно-географические условия Юго-Западной Туркмении и Северо-Восточного Ирана

Теперь, после решения основных вопросов, связанных с исторической географией ранней Парфии, необходимо рассмотреть природно-географические условия, существовавшие в то время в огромном треугольнике, вершинами которого были Большой Балхан, Каспийские ворота и юго-восточная оконечность хребта Моздуран. Во многих работах по парфянской истории эти вопросы попросту игнорируются, что, безусловно, является серьезной ошибкой. Рельеф, климат, почвы, растительный и животный мир, полезные ископаемые даже в наши дни

вместе только в Сусии. Однако Александрополь мог заложить и Селевк I, который, как известно, называл города в честь своего бывшего повелителя (*App. Syr.* 298).

³⁸ Из-за отсутствия письменных и археологических источников приходится обойти молчанием ситуацию в низовьях Теджена, которые, скорее всего, в административном плане также относились к Арее.

выступают важными факторами, способствующими или препятствующими развитию той или иной территории. Естественно, что их роль в эпоху, отделенную от нас двадцатью пятью веками, была еще значительнее. К тому же, лишь приняв во внимание существующие природно-географические условия, можно понять причины, вызвавшие миграцию кочевников-парнов, и маршруты, которыми они двигались.

*Рельеф*³⁹. Важнейшим элементом, характеризующим рельеф рассматриваемого региона, является горная дуга, состоящая из двух орографически обособленных горных систем: Эльбурса и Туркмено-Хорасанских гор. Горы Эльбурса – скалистые, с крутыми обрывистыми склонами; между ними лежат узкие горные ущелья или широкие котловины. Средняя высота хребтов Эльбурса (Терехмумедж, Каракач, Сефидкух, Шахкух) к северу и востоку от Каспийских ворот достигает отметки 3000–3500 м, но затем начинает понижаться и в районе Дешта составляет 1000–2000 м. Ширина Эльбурса изменяется от 130 км в район вулкана Демавенд до 600 км у современного Шахруда [Петров, 1955. С. 9, 143–144]. Туркмено-Хорасанские горы представляют собой обширную горную страну, состоящую из скалистых хребтов, тянувшихся с северо-запада на юго-восток почти параллельно друг другу, нагорных плато с плоскими вершинами и крутыми склонами, а также крупных межгорных долин. Их высота варьирует от 500 до 3200 м [Петров, 1955. С. 145–146; Бабаев и др., 1969. С. 20–21, 165].

В районе северной окраины пустыни Деште-Кевир находятся отделенные широтными долинами от Эльбурса и Туркмено-Хорасанских гор хребты Джовейн (Эсферайен), Джагатай, Кухе-Сорх, Джебаркух и

---

³⁹ При характеристике рельефа использовались следующие картографические материалы: Иран. Общегеографическая карта 1:2 500 000. М., 1992; Туркмения. Справочная карта 1: 1 500 000. М., 2001.

Гугерд. Только Джагатай и входящий в систему Джамских гор Кухе-Сорх [Петров, 1955. С. 148, 171] достигают высоты в 3000 м, вершины остальных находятся в интервале 1200–1500 м. К северо-западу от Копетдага расположены два обособленных хребта: Малый и Большой Балхан, с плоскими вершинами, крутыми склонами и дикими ущельями-каньонами [Бабаев и др., 1969. С. 21]. Их максимальная высота составляет, соответственно, 779 и 1880 м.

К северу от горной цепи Эльбурса и Туркмено-Хорасанских гор простираются обширные равнины. С северо-востока к Туркмено-Хорасанским горам примыкает Прикопетдагская подгорная равнина, шириной от 5 до 20–40 км, которая постепенно понижается по направлению к Каракумам. Между Балханскими горами, северо-западными отрогами Туркмено-Хорасанских гор, Эльбурсом и Каспийским морем лежит Прикаспийская низменность, плоская поверхность которой к востоку от Каспия оживляется лишь характерными конусами грязевых сопок [Бабаев и др., 1969. С. 21, 127, 165]. Значительная часть низменности находится ниже уровня Мирового океана.

Следует учесть, что в V–III вв. до н.э. Каспий переживал уллучайскую стадию новокаспийской трансгрессии. По оценкам различных исследователей, его уровень мог достигать отметки -24/-25 м относительно уровня Мирового океана [Свиточ, 2011. Рис. 2Г], -22,7 м (± 2 м) [Варущенко и др., 1980. С. 87; 1987. С. 48, 50, 62]⁴⁰, -22/-24 м [Рычагов,

---

⁴⁰ Надо заметить, что примененная авторами методика оценки уровня моря по абсолютной высоте находок раковин моллюсков вызывает серьезные сомнения. Дело в том, что в данных работах [Варущенко и др., 1980. С. 84; 1987. С. 49] предполагается, что захоронение моллюсков происходило в волноприбойной зоне. Однако это далеко не очевидно. Так, в Каспийском море моллюски *Didacna crassa* и *Didacna trigonoides* обитали

1993а. С. 48; Лахиджани, Таваколи, 2006. С. 165; Рычагов, 2011. Рис. 1А] и даже -20 м [Иванов, Васильев, 1995. С. 147]. В данном исследовании уровень Каспийского моря для V–III вв. до н.э. с определенной долей условности принимается равным -22,5 м (± 2 м). Это означает, что очертания восточного берега Каспия значительно отличались от того, что можно видеть на современных картах.

Так, на месте острова Огурчинский, абсолютные высоты которого не превышают значения -21/-22 м [Рычагов, 1993б. С. 47], была отмель. Море должно было затопить и часть полуострова Челекен, превратив его в остров. Аналогичная ситуация сложилась и с полуостровом Дарджа, после того, как под воду ушел Балханский солончак [ср. Вайнберг, 1999. С. 49]. Солончак Келькор с абсолютными отметками от -24 до -27 м относительно уровня Мирового океана [Létolle, 2000. P. 221] также превратился в мелководный морской залив, благодаря чему море вплотную подошло к Большому Балхану. Келькорский залив отделялся от открытого моря цепочкой небольших островов, идущей от Челекена на юго-восток. Начиная от Туркменского залива и южнее, линия побережья проходила примерно в 15–20 км к востоку от современной⁴¹, а на месте Гасан-Кули находился неглубокий залив, в который впадал Атрек [Бабаев и др., 1969. С. 158].

на глубинах до 30–45 м [Багдасарян и др., 1966. С. 169; Маев, 2006. С. 63], а *Cardium edule* – от прибойной зоны до глубины в 1500 м [Багдасарян и др., 1966. С. 165]. Поэтому абсолютная высота находок раковин позволяет судить лишь о *минимальном* уровне моря на данный период.

⁴¹ В настоящее время линия уреза воды на Каспии находится на отметке -28 м относительно уровня Мирового океана [Амиров, 2014. С. 6, прим. 2].

Менее значительными оказались изменения на южном побережье. Можно отметить лишь, что полуостров Мианкале с абсолютными отметками -24 м относительно уровня Мирового океана [Петров, 1955. С. 50] был скрыт водами Каспия.

Климат. Сложный характер воздушных течений, циркулирующих над Юго-Западной Туркменией и Северо-Восточным Ираном, сильная пересеченность местности, соседство Каспийского моря определяют наличие в этом регионе весьма разнообразных климатических условий. Следует также учесть, что наряду с хорошо выраженной широтной зональностью климата в высокогорных районах существует и вертикальная зональность [Петров, 1955. С. 40].

Южный берег Каспия характеризуется влажным субтропическим климатом. Годовое количество осадков превышает 1500 мм, которые в основном выпадают на побережье и северных склонах Эльбурса на высоте до 500 м. Выше этой отметки количество осадков сокращается вдвое и даже втрое. Средняя температура на побережье в районе залива Горган в июле достигает 28,3°, а в январе – 6,9° тепла, даже в очень холодные зимы снег здесь лежит не более недели [Петрусевич, 1880а. С. 6]. Но на склонах гор значительно холоднее, и снежный покров более устойчив. Выше 500 м над уровнем Мирового океана климат из субтропического превращается в умеренно холодный, со средними годовыми температурами между 5° и 11° [Петров, 1955. С. 48–51].

В области, ограниченной с севера южными склонами Эльбурса и Копетдага, а с юга – окаймляющими Деште-Кевир хребтами Гугерд, Джебаркух и Кухе-Сорх, господствует горный полупустынный климат. Он имеет резко континентальный характер с большими амплитудами суточных и годовых температур. Осадков здесь выпадает 200–300 мм, причем, испаряемость превышает их количество в 10–15 раз. Средняя температура июля в долине Кешефруда достигает 24,8°, а января, на перевале Гаудан

(высота около 1500 м) – 1,1° тепла. Морозы в этом районе часто доходят до 25–30° [Петров, 1955. С. 53].

Верхнему поясу передовых хребтов Туркмено-Хорасанских гор, лежащему выше 2000 м над уровнем Мирового океана, свойственен сухой прохладный горностепной климат. Количество осадков здесь составляет 350–400 мм [Петров, 1955. С. 53; Бабаев и др., 1969. С. 30, 165].

Для Горгано-Атрекской низменности, расположенной по нижнему течению реки Горган и на левобережье Атрека, характерен сухой субтропический климат. Следует отметить, что наиболее благоприятными климатическими условиями обладает район к югу от реки Горган, где выпадает больше осадков. На Атреке, в районе современного населенного пункта Кизыл-Атрек, осадков бывает значительно меньше, не более 200 мм. Средняя температура января – 4,8° тепла, а июля – 28,4°. Впрочем, зимой температура может опускаться до 9–10° мороза, а летом температура воздуха в тени доходит до 43° [Петров, 1955. С. 56–57; Бабаев и др., 1969. С. 158].

Субтропический климат характерен также для расположенных в северо-западных предгорьях Копетдага Сумбарской и Чандырской долин. В среднем за год здесь выпадает 300 мм осадков. Средняя температура в январе составляет 4° тепла, а в июле – 28,7°. Снега в долинах почти не бывает [Бабаев и др., 1969. С. 155–156].

Климатические условия Прикопетдагской подгорной равнины близки к условиям пустыни Каракумы, но несколько смягчаются близостью гор. Количество выпадающих осадков тесно связано с высотой места над уровнем Мирового океана. Так, в полосе с абсолютными отметками 300–500 м осадки не превышают 150–200 мм. Выше, между 500 и 1000 м выпадает около 250 мм. И только на высоте 1000 м уровень осадков достигает 300 мм. Средняя температура в январе колеблется между 0 и 2°, а в июле – между 28 и 30° [Бабаев и др., 1969. С. 28, 58, 165–166].

На Прикаспийской низменности господствует очень сухой континентальный климат с резкими колебаниями температуры в течение года. Влияние моря сказывается мало и лишь в неширокой 20–50-километровой полосе. Количество осадков не превышает 150 мм. В летний день температура не опускается ниже 35–40°, а зимой бывают 3–4-градусные морозы [Бабаев и др., 1969. С. 55, 127]. Следует учесть, что в период уллучайской стадии новокаспийской трансгрессии на восточном побережье Каспия климат был менее континентальным, количество осадков несколько превышало современный уровень [Варущенко и др., 1987. С. 103, табл. 12].

Почвы. Растительный и животный мир. На влажном субтропическом побережье Каспия и северных склонах Эльбурса до высоты 100 м распространена область буроземов, включающих также желтоземно-подзолистые, оподзоленные буроземные и черноземовидные почвы, отличающиеся высоким плодородием. На них растут широколиственные леса из дуба (*Strab.* XI. 7. 2), ольхи, шелковицы, ореха, инжира, ив, тополей, граната и других древесных растений [Шавров, 1913. С. 61; Петров, 1955. С. 87]. Выше, между отметками 100 и 2000 м находится область бурых перегнойно-карбонатных лесных почв, занятых лесами из дуба, самшита, бука. На высотах, превышающих 2000–2500 м, господствуют темные сероземы и коричневые лугово-степные почвы, на которых произрастают заросли арчи и нагорные ксерофиты – колючие подушкообразные кустарничковые и полукустарничковые растения. В лесах водятся тигры, олени, кабаны, леопарды, рыси, шакалы, волки, камышовые и лесные коты; в реках и прибрежных водах – большое количество рыбы. Зимой на побережье Каспийского моря слетается на зимовку множество разнообразных перелетных птиц – розовые фламинго, лебеди, утки, гуси [Петров, 1955. С. 87–88, 97, 126–127]. Все это создает

отличные возможности для занятия сельским хозяйством⁴², охотой и рыбной ловлей [Шавров, 1913. С. 62]. Следует также отметить, что овцеводство здесь распространено в незначительной степени [Шавров, 1913. С. 86].

Почвы южных склонов Эльбурса и Туркмено-Хорасанских гор относятся к различным вариантам светлых сероземов. Выше их расположен пояс горно-коричневых и темных сероземов [Петров, 1955. С. 88]. Животный мир Туркмено-Хорасанских гор и примыкающих к ним пустынных равнин представлен горными безоаровыми козлами, дикими баранами, леопардами. На западе области встречается кавказский олень, медведь, тигр, манул [Петров, 1955. С. 129]. Южные склоны и предгорья системы Эльбурса лишены деревьев и покрыты только скудной травянистой и мелкой кустарниковой растительностью [Боде, 1856в. С. 109; Петров, 1955. С. 145]. Простирающиеся к югу и востоку от Эльбурса пустынные равнины и горные хребты (Гугерд, Джебаркух, Джагатай, Джовейн, Кухе-Сорх, Биналуд) входят в сферу доминирования нагорных ксерофитов [Rawlinson, 1872. P. 6, not. 1; Петров, 1955. С. 95–96, 148–150]. Недаром путешественники XIX века жаловались на отсутствие воды, дров и подножного корма для вьючных животных при движении из Шахруда к Нишапуру вдоль южных склонов хребта Джагатай [Петрусевич, 1880б. С. 120]. Видимо, положение в ахеменидскую и селевкидскую эпоху было не лучше. Именно этим можно объяснить слова Страбона, согласно которому цари со своими армиями стремились как можно скорее миновать Парфиену, так как область не могла прокормить их воинов даже короткое время (*Strab.* XI. 9. 1).

---

⁴² На богатство Гиркании вином, хлебом, смоквами (инжиром) и медом обращали внимание уже античные авторы (*Strab.* II. 1. 14, XI. 7. 2; *Curt.* VI. 4. 21; *Plin.* NH. XV. 68).

Горы Келята и Деррегеца полностью лишены деревьев, пастбища существуют лишь там, где нет скал. К югу от Деррегеца, в отрогах хребта Хезармесджед растут леса из арчи. Арчовые леса растут также в районе Кучана, но по мере продвижения на запад становится все больше лиственных пород. До второй половины XIX века леса покрывали горы в районе Боджнурда, но потом были вырублены местным населением [Петрусевич, 1880б. С. 114]. На северных склонах хребта Аладаг появляются даже небольшие массивы дубовых лесов [Петров, 1955. С. 148], как в горах Гиркании. К югу от него лежит плодородная Эсферайенская долина, орошаемая водами рек Карасу и Сорхаба [Srooper, 1965. P. 98]. На возвышенных горных плато существуют хорошие условия для овцеводства. Важно отметить, что овцы в этих краях, благодаря сравнительно мягкому климату и закрытости территории от холодных северных ветров, дают приплод дважды в год, в июле и ноябре [Петрусевич, 1880б. С. 114–115].

Лежащие к западу от Аладага восточные предгорья Эльбурса также обильны водой, пастбищами и лесами [Петрусевич, 1880а. С. 12–13; 1880б. С. 120]. Наряду с плодородием, этим же отличается район Джорджана на верхнем Горгане [Боде, 1856а. С. 191; 1856б. С. 435]. Именно эти земли парфиено-гирканского пограничья в некоторой степени оправдывают слова Страбона о Парфиене, как о стране, покрытой лесами (*Strab.* XI. 9. 1).

Широтные хребты Разындаг и Боздаги, расположенные к северу от Атрека, также покрыты лесом и пригодны для выпаса скота [Петрусевич, 1880б. С. 108]. В горах Сангудага и долине реки Чандыр имеются богатые пастбища, бьют родники, растут фисташковые и гранатовые деревья [Петрусевич, 1880в. С. 148]. Разительный контраст с Сангудагом представляет расположенный к северу от Чандыра хребет Монджуклы (Кюрендаг): растительность здесь очень скудна, а вода отсутствует [Петрусевич, 1880в. С. 150].

В лесах долины Сумбара растут ясень, платан, вяз, каракач, большое количество плодовых деревьев. Низовья Сумбара довольно бедны водой, а сама река летом пересыхает. Зато в верхней и средней части долины имеются многочисленные родники [Бабаев и др., 1969. С. 155–156].

Ходжакалинская долина, открытая для холодных ветров с севера и страдающая от недостатка воды, не может похвастаться богатой древесной растительностью, но обладает определенными условиями для выпаса овец: зимой их держат в долине, а летом угоняют вверх, на склоны окрестных гор. Однако бедность долины водными ресурсами ставит естественную преграду для роста численности отар [Бабаев и др., 1969. С. 154–155].

В Горгано-Атрекской низменности господствуют лугово-солончаковые почвы [Петров, 1955. С. 153]. Ее животный мир в значительной степени совпадает с фауной Южного Прикаспия [Петров, 1955. С. 125]. Низовья Атрека являются местом зимовки для более чем ста шестидесяти видов птиц, в том числе, около ста охотничье-промысловых [Бабаев и др., 1969. С. 161]. В южной части низменности, на левом берегу реки Карасу, еще произрастают широколиственные леса, а к северу от нее преобладает эфемеро-злаковая, лугово-солончаковая растительность [Боде, 1856а. С. 163; Петров, 1955. С. 70]. За Горганом и по правому берегу Атрека простираются степи, служащие местом выпаса овец и верблюдов [Боде, 1856б. С. 423, 425].

Прикопетдагская подгорная равнина в основном сложена смытыми с гор измельченными породами Копетдага, на которых развиты плодородные сероземы. По всей равнине разбросаны культурно-поливные почвы, возникшие благодаря многовековому использованию земли в сельском хозяйстве. Лежащие рядом предгорья Копетдага и пески Каракумов являются отличными пастбищами [Бабаев и др., 1969. С. 165–166]. Подгорная равнина получает воду из множества горных речек, текущих с северных склонов Копетдага, причем ее северо-западный край

(район Кизыл-Арвата) обеспечен водой значительно хуже, чем юго-восточный [Петрусевич, 1880а. С. 19].

Прикаспийская низменность от Большого Балхана на севере до нижнего течения Атрека на юге представляет собой песчано-глинистую пустыню с мощными массивами передвижных песков и солончаками. Постоянные поверхностные воды здесь полностью отсутствуют. Тем не менее, даже в этой, казалось бы, безжизненной местности существуют условия для выпаса овец и верблюдов: зимой скот находится на пастбищах вблизи низовьев Атрека, а весной стада угоняют на Большой Балхан, где воздух прохладнее и меньше мошкары [Боде, 1856б. С. 442; Петрусевич, 1880б. С. 112; Бабаев и др., 1969. С. 126–127]. Необходимо отметить, что в период уллучайской стадии новокаспийской трансгрессии более влажный климат способствовал формированию на Прикаспийской низменности открытых полупустынно-степных ландшафтов [Амиров, 2014. С. 8].

Полезные ископаемые. Территория Северо-Восточного Ирана и Юго-Западной Туркмении богата полезными ископаемыми: серебром, медью, свинцом, железом, солью, бирюзой, нефтью, каменным углем [Боде, 1856в. С. 109; Rawlinson, 1872. P. 8]. Однако кроме отмеченного выше изолированного упоминания Плинием Старшим (*Plin.* NH. II. 235) нефтяных источников в земле атакенов, все остальные свидетельства разработки подземных богатств относятся уже к исламской эпохе. Возможно, что в пользу существования подземных выработок еще при Селевкидах свидетельствует остроумное предположение В. Гарна [Garn, 1951. P. 13, 15, 20; Coloru, 2013b. P. 32, not. 10], согласно которому название гирканского города Сирик, упомянутого только у Полибия (*Polyb.* X. 31. 6), писалось как Σύριγξ – т.е. «шахта, подземная галерея» (LSJ, s.v. σύριγξ). Тем не менее, это предположение остается только предположением, т.к. не находит никакой поддержки в рукописной

традиции. Вопрос о добыче полезных ископаемых в эллинистическую эпоху еще ждет своего исследователя.

Глава 2

СРЕДНЕАЗИАТСКИЕ ДАХИ В V–III ВВ. ДО Н.Э.

После выяснения местоположения и природных условий региона, в котором предстояло возникнуть державе Аршакидов, логично заняться теми, кто должен был стать движущей силой этого процесса. К решению вопроса о том, какую территорию в тот или иной период времени занимали дахи (даи), возможно прийти лишь путем комплексного анализа письменных и археологических источников. Подобный подход позволяет сначала на основе сведений античных авторов определить места обитания дахов, а затем сопоставить исследуемую этническую группу с тем погребальным обрядом⁴³, который характерен для данных регионов. Если связь между ними будет установлена, то это позволит сделать выводы о присутствии дахов и на других территориях, где выявлены аналогичные памятники, причем даже в том случае, если данных нарративной традиции на этот счет явно недостаточно или она вовсе отсутствует [Балахванцев, 2012а. С. 29].

Замечание Беросса, согласно которому Кир Старший нашел свою смерть на «равнине Даас» (*Beros.* FGrH 680 F 10; Burstein, 1980. P. 29), можно было бы понять в смысле того, что дахи впервые появляются на исторической арене уже в 530 г. до н.э. Однако здесь сразу же возникает вопрос: как быть со свидетельством Геродота (*Hdt.* I. 201–214), у которого в качестве противников и убийц Кира фигурируют массагеты? Если учесть, что Беросс нередко допускает анахронизмы [Spek, 2007. P. 294, not. 31], то

---

⁴³ Погребальный обряд рассматривается по трем группам признаков: конструкция погребального сооружения, состояние и положение костяка, а также состав погребального инвентаря [Ягодин и др., 1978. С. 187, 190–191].

наиболее непротиворечивым решением данной коллизии будет отнесение его информации ко времени жизни самого историка, т.е. – к началу III в. до н.э.

Древнейшим письменным источником, в котором встречается упоминание о среднеазиатских дахах, является «Антидэвовская надпись» Ксеркса. Сын Дария, перечисляя подвластные ему *dahyu* – т.е. страны / народы [Cameron, 1973. P. 48–49], отмечает в их числе *Dahā* (*XPh* 26). Надпись следует отнести к самому началу правления Ксеркса и датировать первой половиной 484 г. до н.э.⁴⁴ В научной литературе предпринимались неоднократные попытки определить район обитания дахов Ксеркса. Некоторые исследователи помещают их в дельту Яксарта – Сырдарьи [Bivar, 1983a. P. 27; Ставиский, 1998. С. 260, 270] или между Зеравшаном и Сырдарьей [Olbrycht, 1998. Karte 1]. Другие осторожно замечают, что дахи находились к востоку от Каспия [Дандамаев, 1985. С. 175; Francfort, 1988. P. 173] или на северо-востоке персидских владений [Calmeyer, 1982. S. 133; Vogelsang, 1992. P. 118–119]. Однако делать какие-либо выводы только на

---

⁴⁴ Столь узкая датировка создания надписи возможна благодаря тому, что Ксеркс говорит в ней о восстании, происходившем в одной из *dahyu* в момент его воцарения и о подавлении им этого мятежа [Kent, 1953. P. 151; Лесоq, 1997. P. 257]. Речь может идти о восстании в Египте, которое началось еще при Дарии в 486 г. до н.э. и потерпело поражение к январю 484 г. до н.э. [Дандамаев, 1985. С. 132–133, 136; Кайлер Янг-мл., 2011. С. 95–96]. О вспыхнувшем летом [Дандамаев, 1985. С. 136–137] или осенью [Курт, 2011. С. 170] 484 г. до н.э. восстании в Вавилонии не сказано ни слова. Предположение, что Ксеркс упоминает его иносказательно, сообщая об уничтожении в одной из стран культа дэвов и насаждении почитания Ахурамазды и Арты [Кайлер Янг-мл., 2011. С. 98], не может быть принято, т.к. оба восстания по своему характеру ничем не различались.

основе упоминания дахов рядом с *sakā haumavargā* является неблагоприятным занятием. К данной проблеме стоит вернуться лишь после решения вопроса о местах обитания дахов в IV–III вв. до н.э.

Но прежде чем перейти к анализу информации из античных источников, следует остановиться на вопросе: имеют ли дахи Ксеркса хоть какое-то отношение к персидскому племени даев, о которых бегло упоминает Геродот (*Hdt.* I. 125)⁴⁵. Хотя существует тенденция отвечать на этот вопрос утвердительно [Vogelsang, 1993. P. 582; Asheri et al., 2007. P. 164], нам представляется, что никакой связи между этими одноименными племенами нет, а совпадение названий объясняется тем, что оба они восходят к общеиранскому **daha*, сохранившемуся в хотанском языке со значением «человек, мужчина» [Blois, 1993. P. 581; Lecoq, 1997. P. 136].

Самая подробная информация о дахах относится к 331–328 гг. до н. э., когда они оказывали ожесточенное сопротивление войскам Александра Македонского. Исследователи по-разному отвечают на вопрос, какие районы Средней Азии были заняты дахами в этот период. Есть мнение, что в эту эпоху дахи находились на плато Устюрт [Мачинский, 1974. С. 128–129; Vregel, 2003. P. 7]. Ф.Я. Коське помещал даев в Туркмении: на Теджене и левом берегу Амударьи [Коське, 1962. С. 119, 124]. В. Томашек полагал, что во времена Александра дахи пребывали между Оксом и Яксартом, а также в Маргиане [Tomaschek, 1901. Sp. 1945]⁴⁶. Дж. Аткинсон

---

⁴⁵ В одной из «табличек крепостной стены» из Персеполя (*PF* 320) отмечается поступление зерна от мужчины по имени *Daha*. Табличка датируется двадцать третьим годом правления Дария, т.е. – 499/498 г. до н.э. [Hallock, 1969. P. 147; Mayrhofer, 1973. S. 146]. Очевидно, что этот Дах принадлежал к числу персидских даев.

⁴⁶ Критику утверждения В. Томашека о маргианской локализации дахов см.: Балахванцев, 1998. С. 155, прим. 33.

описывал дахов как жителей области реки Яксарт [Atkinson, 1980. P. 402]. Э. Босворт считал, что дахи жили к югу от Яксарта, между Согдом и хорасмиями [Bosworth, 1980b. P. 289; 1995. P. 33]. В работах И.В. Пьянкова неоднократно высказывалось мнение, что дахи (даи) жили к северу от Танаиса – Сырдарьи [Пьянков, 1964. С. 124, прим. 57; 1979. С. 195, прим. 4; 1997. С. 228; 2002. С. 224]. Там же поместил их И.Н. Хлопин [Хлопин, 1983. С. 149]. Аналогичного мнения придерживается и С.Г. Кляшторный, с той только разницей, что он отводит дахам и Приаралье [Кляшторный, Султанов, 2004. С. 42]⁴⁷.

Б.А. Литвинский сначала полагал, что дахи обитали к северо-западу от Чордарьинской степи по течению Сырдарьи [Литвинский, 1972. С. 173], но позднее принял точку зрения Й. Вольского [Wolski, 1947. P. 24] на дахов, как на обитателей среднеазиатского междуречья [Литвинский, 1998. С. 328–330]. Широкое распространение получила точка зрения Б.И. Вайнберг, согласно которой дахам принадлежала чирикратская культура в низовьях Сырдарьи [Вайнберг, Левина, 1992. С. 61; Вайнберг, 1999. С. 260–264; Ставиский, 1994. С. 270; Мукминова, Филанович, 2001. С. 13; Мамбетуллаев, 2008. С. 130; Богомолов, 2010. С. 131; Филанович, 2010. С.

---

⁴⁷ Следует отметить, что при характеристике дахов С.Г. Кляшторный допускает ряд ошибок. Во-первых, утверждение, что дахи «не чтили Ахуру Мазду» принадлежит вовсе не Дарию, который в своих надписях никогда о них не упоминал, а самому С.Г. Кляшторному. Во-вторых, Арриан нигде не пишет о том, что дахи и их лошади были защищены броней. Такая информация имеется лишь в отношении скифов (*Arr. Anab.* III. 13. 4), которых Арриан, как и его источник Аристокбул, явно отличает от дахов: в боевых порядках персидской армии в битве при Гавгамелах даи стояли за панцирной кавалерией скифов (*Arr. Anab.* III. 11. 3, 6).

93–94]. По М. Ольбрыхту, дахи заселяли степи по берегам Сырдарьи от Северо-Западной Согдианы вплоть до Арала [Olbrycht, 1998. S. 39, karte 2]. В.А. Гаибов и Г.А. Кошеленко считают, что дахи занимали правобережье Нижней Сырдарьи и, возможно, север Согдианы [Гаибов, Кошеленко, 2005. С. 123, рис. 2].

В. Фогельсанг видит в дахах обитателей пустынь северо-востока Бактрии и востока Согда [Vogelsang, 1993. P. 582]. М. Хасанов помещает дахов в Согд и Приаралье [Хасанов, 2005. С. 107]. Д.А. Щеглов полагает, что Александр Македонский застал в Средней Азии две группировки дахов: одна населяла степи по правому и левому берегу Сырдарьи, а другая – Юго-Восточный Прикаспий [Щеглов, 2006. С. 293–294, 310]. С. Плишке отдает дахам, которых она почему-то называет парнами, область между Оксом и Яксартом [Plischke, 2014. S. 210]. Наконец, в качестве курьеза можно упомянуть и версию о том, что при Александре никаких дахов в Средней Азии вообще не было: они все еще находились на Южном Урале, а в событиях 331–328 гг. до н.э. участвовали в качестве обычных наемников [Васильев, Савельев, 1993. С. 11, 13]⁴⁸. Даже этот не претендующий на полноту обзор существующих мнений показывает, что проблема локализации дахов по-прежнему стоит на повестке дня.

Ключевым местом для решения вопроса о занимаемых дахами в период похода Александра территориях служит замечание Арриана о них, как о «живущих с этой стороны Танаиса»⁴⁹. Нам уже несколько раз [Балахванцев, Немировский, 1999. С. 11; Балахванцев, 2005а. С. 64; 2006а. С. 395; 2012а. С. 30] приходилось упоминать об этом обстоятельстве, так

---

⁴⁸ Это мнение настолько противоречит прямым указаниям наших источников, что даже не нуждается в специальном опровержении.

⁴⁹ *Arr. Anab.* III. 28. 8. Δάας τοὺς ἐπὶ τὰδε τοῦ Ταναΐδος ποταμοῦ ἐποικοῦντας.

как привычка ограничиваться только переводами без последующего обращения к оригиналу сыграла со многими отечественными исследователями злую шутку. Дело в том, что в пользующийся широкой популярностью перевод М.Е. Сергеенко вкралась весьма досадная неточность, и вместо «с этой стороны Танаиса» в русском тексте стоит «за Танаисом» [Арриан, 1993. С. 97]⁵⁰. Между тем, словари переводят ἐπὶ τὰδε «на этой стороне» / «on this side» [Вейсман, 1991. С. 510; LSJ s.v. ἐπὶ]. Точно так же передано данное место в переводах «Анабасиса Александра» на русский [Баженов, 1940. С. 47] и английский языки (Arrian, 1976. P. 323). Как известно, выражение ἐπὶ τὰδε указывает на сторону, более близкую к самому автору и его читателям, т. е. к Элладе [Bosworth, 1995. P. 223]⁵¹. Для того, чтобы понять, что, кроме указания на близость к Элладе, стоит за двумя этими словами, следует проанализировать несколько случаев употребления выражения ἐπὶ τὰδε, взятых как у самого Арриана, так и из других источников.

Арриан упоминает о том, что Александр, находясь в Сирии, назначил Филоксена ответственным за сбор податей в Азии «по эту сторону Тавра» (*Arr. Anab.* III. 6. 4), то есть на землях, расположенных к северу и западу от хребта Тавр. Интересно, что то же самое выражение систематически употребляется в нарративных и эпиграфических источниках (*OGIS* 219, 13; *Polyb.* XXI. 24. 7; *Diod.* XXIX. 10. 1; *Memn.* FGrH 434 F 15. 4) для обозначения малоазийских владений Селевкидов, хотя

---

⁵⁰ Эту ошибку отметил и Д.А. Щеглов [Щеглов, 2006. С. 292], который, однако, не сделал из своего наблюдения должных выводов.

⁵¹ Утверждение Д.А. Щеглова [Щеглов, 2006. С. 293, прим. 26], согласно которому под выражением ἐπὶ τὰδε у Арриана в большинстве случаев якобы подразумевается сторона, ближайшая к македонской армии, является ошибочным.

границы их державы в данном регионе отнюдь не везде доходили до морского побережья⁵². Но если одно и то же выражение с равным успехом применялось для определения комплекса территорий, границы которого, кроме Тавра, постоянно менялись, то это можно объяснить лишь тем, что современникам они и так были хорошо известны.

Тот же Арриан сообщает о приказе Александра явиться к нему всем князьям «с этого берега реки» (*Arr. Anab. IV. 22. 6*) и о назначении им гетайра Никанора сатрапом земель «по эту сторону Инда» (*Arr. Anab. IV. 28. 6*). Разумеется, речь шла вовсе не о всем правом берегу Инда от Гималаев до океана. Из контекста повествования становится ясно, что выражение ἐπι τὰδε в данном случае охватывает лишь территории, лежащие в полосе движения македонской армии в долине Кофена (Кабула) и совпадающие с Гандхарой [*Bosworth, 1995. P. 183*].

В надписи из Дионисополя (48 г. до н.э.) держава Биребисты описывается как простирающаяся «по ту и по эту сторону Дуная» (*Syll.³ 762, 24*). Из надписи, конечно, вовсе не следует, что геты овладели всей Европой или хотя бы всей долиной Дуная. Выражение, использованное составителем надписи, свидетельствует лишь о том, что примерные – как южные, так и северные – границы расположенной на Нижнем Дунае державы Биребисты были достаточно хорошо известны его современникам.

Император Август в своей автобиографии (14 г. н. э.), перечисляя народы, просившие его о дружбе, упоминает среди них сарматов, живущих «по эту сторону Танаиса» (*RGDA. 20*). Было бы большой ошибкой понимать текст надписи в том смысле, что дружбы Августа домогались сарматы, жившие на территории современной Воронежской, а тем более Липецкой или Тульской областей; речь может идти лишь об известных римлянам кочевниках, обитавших между Дунаем и Нижним Доном.

---

⁵² О владениях Селевкидов в Малой Азии см.: Ма, 1999. P. 26–52.

Из всего вышеизложенного с неизбежностью следует один вывод: выражение ἐπὶ τὰδε могло распространяться лишь на те территории, границы которых были *известны* читателю либо из контекста самого сочинения, либо из других источников. Если же учесть, что в IV в. до н.э. – I в. н.э. области между Северным Причерноморьем и Яксартом были эллинам абсолютно *неизвестны*, то становится ясным: в сочинении Арриана «эта сторона Танаиса» действительно равнозначна левому берегу Сырдарьи. При этом речь может идти вовсе не о любой территории на левобережье Сырдарьи, но лишь об *известных* историкам Александра районах, которые были расположены на пути следования греко-македонской армии после ее переправы через Окс.

Однако И.В. Пьянков, принявший в своих последних работах перевод «по эту сторону», тем не менее, видит здесь указание на правый, «европейский» берег реки [Литвинский, Пьянков, 2004. С. 724; Пьянков, 2004. С. 214, прим. 4)⁵³. По его мнению, три историка Александра – Клитарх, Птолемей и Аристокбул, отражая свойственные самому царю и его воинам представления [Томсон, 1953. С. 190; Ельницкий, 1961. С. 105–106], считали, что Дон и Сырдарья – это одна и та же река Танаис, являющаяся границей между Европой и Азией [Пьянков, 1982. С. 30; 1997. С. 47–48, 227–228]. Приоритет в разработке этой концепции принадлежит Клитарху, который повлиял на Аристокбула [Пьянков, 1997. С. 39–42], а через последнего – и на Арриана.

---

⁵³ Следует заметить, что новый перевод и старая трактовка слов Арриана И.В. Пьянковым создают весьма странное впечатление: будто Танаис, подобно ленте Мебиуса, имел только одну правую сторону, что, разумеется, невозможно, если, конечно, оставаться в рамках «эвклидовой географии».

Что можно заметить по данному поводу? Прежде всего, нет никаких оснований считать, будто Арриан хоть в какой-то мере разделял географическую концепцию Клитарха. Так, в отличие от следовавшего Клитарху Курция Руфа, Арриан хорошо понимал разницу между Танаисом – Орксантом (Сырдарьей) и Танаисом (Доном), впадавшим в Меотиду и являвшимся границей между Европой и Азией (*Arr. Anab.* III. 30. 7–9). Именно этим и объясняется тот факт, что Арриан именует скифов, живущих к северу от среднеазиатского Танаиса, азиатскими (*Arr. Anab.* IV. 3. 6)⁵⁴.

Теперь перейдем к вопросу о возможном влиянии сочинения Клитарха на Аристубула. Вопрос о том, кто из двух историков – Клитарх или Аристубул – написал свой труд раньше, имеет в науке весьма длительную историю [Маринович, 1993. С. 30–34; Пьянков, 1997. С. 37–42; Bosworth, 1998. P. 32, not. 7]. Не имея возможности решать его здесь по существу, хотелось бы подчеркнуть одно обстоятельство. В сочинении Курция Руфа содержится красочный рассказ об убийстве Спитамена собственной женой, которая затем была изгнана возмущенным ее преступлением Александром из македонского лагеря (*Curt.* VIII. 3. 1–15). По общему мнению, эта история заимствована у Клитарха⁵⁵ и является

---

⁵⁴ О возникающих при толковании этого свидетельства затруднениях, с которыми сталкиваются исследователи, принимающие существование общей для Клитарха и Аристубула географической схемы, см.: Gardiner-Garden, 1987a. P. 38; Bosworth, 1995. P. 22; Пьянков, 1997. С. 47; Щеглов, 2006. С. 289–291.

⁵⁵ См.: Щеглов, 2006. С. 303; Балахванцев, 2012a. С. 32; Müller, 2013. P. 207. Последняя утверждает, что Клитарх в данном вопросе зависел от «Истории Александра» Птолемея I, что по приведенным выше соображениям представляется нам невозможным.

абсолютно вымышленной: в противном случае вряд ли дочь Спитамена Апама смогла бы стать женой одного из ближайших сподвижников царя – Селевка.

Между тем, сфабрикованная Клитархом версия убийства Спитамена преследовала цель не просто потрясти доверчивого читателя, но еще и скомпрометировать Антиоха I Сотера, который через свою мать Апаму приходился внуком мужеубийце. Понятно, что появление данного пассажа в таком проптолемеевском по своему характеру сочинении, каким был труд Клитарха [Маринович, 1993. С. 32], могло произойти только с разрешения александрийского двора и только в период резкого обострения отношений между Лагидами и Селевкидами. Но в 290–280 гг. до н.э. между Птолемеем I и Селевком I существовал союз, скрепленный угрозой со стороны Деметрия Полиоркета [Hölbl, 2001. P. 24]. Условия, сделавшие возможным и даже желательным выпад Клитарха против наследника Селевка, возникли только в 280 г. до н.э.⁵⁶, когда между Птолемеем II и Антиохом I началась война «за сирийское наследство»⁵⁷. Поскольку создание Аристокбулом своего труда относят к периоду не позднее 275 г. до н.э. [Пьянков, 1997. С. 40]⁵⁸, возможность влияния на него Клитарха выглядит маловероятной.

Однако еще более важным является ответ на вопрос: мог ли Аристокбул, равно как и любой другой участник похода, в принципе

---

⁵⁶ Данное обстоятельство позволяет согласиться с М. Леви [Levi, 1977. P. 84, 92, 99], который считал Клитарха современником Птолемея II.

⁵⁷ О сирийско-египетских отношениях в 270 гг. до н.э. см.: Hölbl, 2001. P. 37–40.

⁵⁸ Разумеется, это предположение не исключает и более раннюю дату.

разделять географическую схему Клитарха,⁵⁹ в которой Арейя находится севернее Гиркании, Арахосия – севернее Арейи, а Дрангиана – севернее Арахосии? Мог ли хоть один из македонцев, шедших из Бактр к Маракандам, то есть в общем направлении на север, считать, что они идут на запад? Хотя у воинов Александра не было компаса, они знали, где находятся стороны света ничуть не хуже бывших наемников Кира Младшего (*Xen. Anab. V. 7. 6*). Следовательно, версия о том, что географическая концепция Клитарха разделялась и участниками похода Александра, выглядит абсолютно неубедительной.

Наконец, эта версия просто противоречит известным фактам. Так, Харес Митиленский, занимавший пост распорядителя двора Александра Македонского, излагая историю любви Зариадра, царствовавшего над землями от Каспийских ворот до Танаиса, и Одатиды, дочери Омарта, царя марафов, живших «по ту сторону Танаиса», замечает, что «Одатиды была прекраснейшей женщиной в целой Азии» (*Chares FGrH 125 F 5 = Athen. XIII. 35*). Таким образом, Харес вовсе не считал, что среднеазиатский Танаис служил границей между Европой и Азией. Свидетельство Хареса Митиленского обладает особенной важностью, так как его автор никогда особенно не интересовался географией и просто воспроизводил принятые в среде сподвижников Александра взгляды.

Но как тогда объяснить утверждения ряда источников (*Plin. NH. VI. 49; Plut. Al. 45. 4*), что Александр принял Яксарт (Орексарт) за Танаис? Ответ на этот вопрос был дан уже две тысячи лет назад Страбоном, который считал, что Яксарт был объявлен Танаисом, а Каспийское море объединено с Меотидой для того, чтобы представить Александра завоевателем всей Азии (*Strab. XI. 7. 4*). Между тем, участник похода

---

⁵⁹ О ней см.: Goukowsky, 1978. P. 155–159; Гаибов, Кошеленко, 2005. С. 115, рис. 1.

Александра Аристокбул знал, что местные жители⁶⁰ называли среднеазиатский Танаис Яксартом (*Arr. Anab.* III. 30. 7), а сам Александр в конце жизни только собирался исследовать, с каким морем соединяется Каспий (*Arr. Anab.* VII. 16. 2).

Из всего изложенного выше следует вывод: рассмотренное замечание Арриана о дахах, «живущих с этой стороны Танаиса», явно свидетельствует о том, что они населяли междуречье Окса и Яксарта, а к северу от последнего их никогда не было. Данный вывод подтверждается и свидетельством Курция Руфа, который различает дахов и скифов, «обитающих за рекой Танаис» (*Curt.* VII. 4. 6).

Для уточнения вопроса о занимаемых дахами районах внутри среднеазиатского междуречья следует обратить внимание на ряд обстоятельств. Во-первых, у Арриана, опиравшегося на данные Аристокбула [Bosworth, 1980b. P. 290], среди отрядов, пришедших по приказу Дария к Гавгамелам, упоминаются согдийцы (*Arr. Anab.* III. 8. 3), но при описании боевого порядка персов согдийцы куда-то исчезают, зато вместо них появляются даи (*Arr. Anab.* III. 11. 3). Это, по меньшей мере, позволяет предположить, что даи были жителями Согда. Во-вторых, в кампаниях 329 и 328 гг. до н.э. дахи противостояли македонцам в долине Политимета и окрестностях Мараканд (*Curt.* VII. 7. 31–39, VIII. 1. 6; *Arr. Anab.* IV. 5. 2–6. 2). В-третьих, даи, в отличие от хорасмиев, ограничившихся словесными заверениями в своей покорности, попали в настолько прочное подчинение Александру (*Curt.* VIII. 3. 16), что были вынуждены принять участие в индийском походе (*Curt.* VIII. 14. 5, IX. 2. 24; *Arr. Anab.* V. 12. 2). Следовательно, территория дахов была более доступна и уязвима для Александра, чем Хорезм.

---

⁶⁰ Это, очевидно, были согдийцы, так как скифы называли Танаис Силисом (*Plin.* NH. VI. 49).

В-четвертых, согласно Курцию Руфу и Арриану, Александр провел зиму 328/7 г. до н.э. в Наутаке (*Curt.* VIII. 2. 19; *Arr. Anab.* IV. 18. 1), откуда он собирался двинуться против дахов (*Curt.* VIII. 3. 1). Редко используемая, но содержащая порой уникальные сведения «Эпитама деяний Александра» утверждает, что царь даже выступил в этот поход из Ксениппы и достиг области дахов (*Metz Epit.* 19–20). Поскольку уже давно установлено, что Ксениппа находилась в низовьях Кашкадарьи, а Наутака занимала верхнюю часть долины этой реки [Кабанов, 1962. С. 53; Bosworth, 1981. Fig. 1; Ртвеладзе, 1981. С. 98]⁶¹, то сведения «Эпитомы» представляются более точными. Но в таком случае областью дахов может быть только Бухарский Согд. В-пятых, упоминание Аррианом даев «с Танаиса»⁶² вряд ли можно понимать как свидетельство их пребывания исключительно на берегах этой реки. Тот же Арриан определяет Каппадокию эпохи диадохов как область, простирающуюся на север «от горы Тавр» – ἀπὸ τοῦ Ταύρου (*Arr. Succ.* F 1. 37 Roos). Но Каппадокия, как известно, охватывала далеко не только северные склоны Тавра. Поэтому данное выражение еще раз подтверждает уже сделанный ранее вывод, что Танаис был лишь крайним северо-восточным рубежом области дахов. Итак, ввиду изложенного выше, основным районом обитания известных Александру и его историкам дахов следует признать долину Зеравшана между Самаркандом и Бухарой, уделяя особое внимание последней. О том, насколько тесными и глубокими были связи между дахами и согдийцами, свидетельствует и тот факт, что даже в эпоху раннего средневековья в согдийской ономастике сохранялись имена Δαχ, Δαχᾶνακ, Δαχῆ, Δαχzāte [Lurje, 2010. P. 185–186].

---

⁶¹ Попытка Д.А. Щеглова [Щеглов, 2006. С. 284, прим. 7] отнести Наутаку в горные области к востоку от Гиссарского хребта вряд ли может быть признана удачной: горы – крайне неудобное место для зимовки.

⁶²*Arr. Anab.* III. 28. 10. Δάαι οἱ ἀπὸ τοῦ Ταναΐδος ...

Однако в античной традиции имеются данные, позволяющие считать, что при этом долина Политимета была все же не единственным районом проживания дахов. Дело в том, что дахи не просто упоминаются вместе с хорасмиями (*Iust.* XII. 6. 17; *Oros.* III. 18. 11), но и, наряду с массагетами, включены Курцием Руфом в список племен, о чьей покорности Александру заявил в 328 г. до н.э. правитель Хорезма Фратаферн. Высказывалось предположение [Рапопорт, 1998. С. 34], которое прежде разделяли и мы [Балахванцев, 2012а. С. 34], что эти дахи могли быть союзниками Хорезма. Однако слова римского историка о том, что Фратаферн действовал «совместно с дахами и массагетами *по причине соседства* [выделено нами – А.Б.] областей»⁶³ не позволяют сделать подобный вывод. При этом соседние с Хорезмом дахи никак не могли совпадать с дахами – обитателями Согда: последние подчинялись бактрийскому сатрапу Ахеменидов (*Arr. Anab.* III. 8. 3, 11. 3)⁶⁴, и воевать с ними македонцам предстояло еще несколько месяцев.

Для уточнения локализации второй, «хорезмийской» группы дахов следует обратиться к данным, приводимым в работе Страбона. Древнегреческий географ, характеризуя ситуацию, сложившуюся в последней четверти IV в. до н.э.⁶⁵, указывает, что дахи делятся на три

---

⁶³ *Curt.* VIII. 1. 8. ...*Massagetis et Dahis regionum confinio adiunctus...*

⁶⁴ Вопреки мнению ряда авторов [Atkinson, 1980. P. 402; Гаибов, Кошеленко, 2005. P. 120; Щеглов, 2006. С. 286], нет никаких оснований считать их не подданными, а лишь союзниками Дария III.

⁶⁵ Ср. [Балахванцев, 2012а. С. 34], где предлагалась более поздняя дата. Однако ситуация, когда парны, подобно туркменам в эпоху ослабления династии Каджаров в середине XIX в. [Петрусевиц, 1880а. С. 72–74], добились для себя права в определенное время совершать набеги на Гирканию, Парфиену и Несайю, а также захватывать там добычу (*Strab.* XI.

части: парны, ксанфии и писсуры (*Strab.* XI. 8. 2). Первое из этих племен – парны – находятся ближе всего к Каспийскому морю и отделены от Гиркании, Несайи, Парфиены и Арейи безводной пустыней (*Strab.* XI. 7. 1, 8. 3). Поскольку при совершении набегов на более южные области парнам не приходилось переходить Окс, то можно прийти к выводу, что они жили на окраинах Левобережного Хорезма⁶⁶.

О распространении дахов в Хорезме в этот период свидетельствуют и местные письменные источники. Так, в найденном в крепости Бурлыкала списке имен присутствует имя *Ḍahākīnak* – «Меч дахов». Учитывая археологический контекст находки и датирующие возможности эпиграфики, надпись можно отнести к IV–II вв. до н.э. [Манылов, Хожаниязов, 1981. С. 44; Лившиц, Мамбетуллаев, 1986. С. 40–42; Лившиц, 2002. С. 55].

Наконец, тот же Страбон отмечает (*Strab.* XI. 9. 2), что накануне вторжения Аршака в Парфиену (ок. 238 г. до н.э.) парны жили уже значительно южнее, на берегах Оха, который, как было обосновано выше, отождествляется с Атреком и Сумбаром. Страбон никак не конкретизирует свою информацию, однако ясно, что район обитания парнов находился вне пределов державы Селевкидов. Теоретически к нему могла относиться вся долина Атрека от Гасанкулийского залива до границы с Несайей. Но если учесть, что правый берег нижнего Окса (Узбоя) от Больших Балхан до

---

8. 3), гораздо лучше соответствует периоду войн диадохов, чем времени расцвета государства Селевкидов, особенно после того, как наместником восточных сатрапий в 294 г. до н.э. стал будущий Антиох I.

⁶⁶ Ср. [Щеглов, 2006. С. 310], где соседние с Хорезмом дахи помещаются в Юго-Восточном Прикаспии, на границах Гиркании, Парфиены и Арейи.

восточной кромки песков Чильмамедкум⁶⁷ занимали апасиаки (*Polyb.* X. 48. 1–6), то придется усомниться в возможности парнов контролировать нижнее течение Оха (Атрека). Дело в том, что в таком случае они стали бы естественными врагами апасиаков, совершавших свои набеги на Гирканию (*Polyb.* X. 48. 2, 8) через Прикаспийскую низменность, и, возможно, использовавших зимние пастбища вблизи низовьев Атрека [Боде, 1856б. С. 442]. Между тем, апасиаки, как минимум, дважды укрывали у себя Аршака I и Аршака II, искавших у них спасения от Селевкидов [Балахванцев, 2015а. С. 11; 2015б. С. 9], что свидетельствует о мирных и даже дружеских отношениях между двумя этими племенами. Поэтому область парнов никак не могла охватывать берега Атрека ниже современного Тикенджика и, тем более, как это иногда предполагают [Cologu, 2013b. P. 31], север Дахистана.

Таким образом, письменные источники позволяют прийти к выводу, что в IV–III вв. до н.э. дахи в Средней Азии занимали часть Согдианы (долина Зеравшана), окраины Левобережного Хорезма (Присарыкамышская дельта Амударьи) и часть долины среднего Атрека в районе впадения в него Сумбара. Так как большего нарративная традиция дать не может, то теперь следует перейти к анализу археологических данных.

В археологическом отношении все перечисленные выше территории объединяются наличием таких форм подкурганых могильных сооружений как катакомбы, грунтовые ямы и подбой⁶⁸. Повсеместным правилом было

---

⁶⁷ Восточный рубеж обитания апасиаков определяется по наличию водопадов, в районе которых они переправлялись через Окс и вторгались в Гирканию (*Polyb.* X. 48. 2–8). Это место можно отождествить только с Аджайбско-Бургунским участком русла Узбоя [Вайнберг, 1999. С. 227].

⁶⁸ Следует заметить, что в Юго-Западной Туркмении пока известны лишь катакомбы. Однако для правильной оценки данного факта

совершение под курганной насыпью только одного захоронения. Костяки везде лежат вытянуто на спине и ориентированы головами на юг, подбойно устроены в западной стенке могильной ямы, а катакомбы относятся к так называемому льявандакскому типу, когда погребальная камера расположена на одной меридиональной оси с дромосом. Инвентарь состоял из оружия (наконечники стрел, мечи, кинжалы), станковой керамики, бронзовых зеркал, бус. В качестве погребальной пищи в могилу клали переднюю ногу овцы (иногда с лопаткой и ребрами). Важно отметить, что сочетание всех вышеперечисленных признаков не встречается в других регионах Средней Азии [Горбунова, 1991. С. 21–22; 2001. С. 132]. Единственным местом, где также обнаружены подбойно-катакомбные погребения [Юсупов, 1977. С. 127–131; 1978. С. 59–61; Vader, Usupov, 1995. P. 30–31]⁶⁹, является район между Узбоем и заливом Кара-Богаз-Гол, который соединяет Хорезм с северо-западными предгорьями Копетдага.

Исследователи уже не раз высказывали мнения о связи ряда погребений и курганных могильников из вышеперечисленных регионов с сарматами [Берлизов, 2014. С. 30 (с предшествующей литературой); Таиров, 2014. С. 227–228] или дахами. Так, еще А.А. Марущенко приписал дахам раскопанные им курганы у Кизыл-Чешме и Хас-Кяриза [Марущенко,

---

необходимо учесть, что во всем этом регионе раскопано только шестнадцать курганов античного времени, что значительно меньше, чем в одном Куюмазарском могильнике в долине Зеравшана [Обельченко, 1992. С. 62: двадцать два кургана]. Между тем, обычно в подбойно-катакомбных могильниках весьма широко представлены и погребения в грунтовых ямах [Литвинский, 1995. С. 310–311], что позволяет прогнозировать обнаружение последних в будущем.

⁶⁹ Это свидетельствует о начале освоения данного региона дахами, а также о частичном вытеснении ими массагетов [Балахванцев, 2005а. С. 66].

1959. С. 116]. А.М. Мандельштам, согласившись с этой точкой зрения, считал, что «одному из племен самих парфян» принадлежал Мешрепитахтинский могильник [Мандельштам, 1971. С. 72; 1984. С. 174]. Ю.А. Заднепровский, основываясь на сходстве туркменских и согдийских катакомб, сделал вывод о присутствии дахов в Бухарском Согде [Заднепровский, 1997. С. 101–102]. Впрочем, эти взгляды разделяются отнюдь не всеми: В.Н. Пилипко выразил сомнение в существовании связи между туркменскими катакомбами и парфянами [Пилипко, 1990. С. 83], а Н.Г. Горбунова вообще отрицала возможность отождествления могильников Согда и прилегающих к нему районов с сарматами [Горбунова, 2001. С. 148–151].

Для того, чтобы точно установить связь дахов с данными типами погребальных сооружений, необходимо решить вопрос с их датировкой. Наиболее ранними погребениями Южного Приаралья являются курганы 3 и 4 могильника Каскажол, расположенного на юго-востоке Устюрта. Курган 3 по бронзовым наконечникам стрел датируется V– концом IV в. до н.э. [Ягодин, 1982. С. 55], а курган 4 по найденному там бронзовому зеркалу и мечу «переходного» типа с переломленным перекрестием – IV в. до н.э. [Ягодин и др., 1978. С. 156–158], скорее, второй его половиной⁷⁰. Курганы 17 и 19 юго-западной группы могильника Туз-гыр относятся к IV– III вв. до н.э. [Трудновская, 1979. С. 109–110]. Курган 42 могильника Сакар-чага 1, где была найдена раннекангюйская тонкостенная миска с

---

⁷⁰ Находки мечей «переходного» типа вместе с античной керамикой [Васильев, Сиротин, 2004. Рис. 2, 3; Балахванцев, 2016в. Рис. 1–3] позволяют – на сегодняшний день – считать временем бытования такого оружия вторую половину IV – первые десятилетия III в. до н.э. [Балахванцев, 2016в. С. 124].

плоским дном [Яблонский, 1999. Рис. 23, 8], датируется IV–II вв. до н.э. [Яблонский, 1999. С. 25].

Отдельно следует остановиться на времени сооружения кургана 2 могильника Гяур-IV, традиционно относимого к концу II в. до н.э. – I в. н.э. [Маслов, Яблонский, 1996. С. 176; Яблонский, 1999. С. 35]. Ключевую роль в его датировке играет красноглиняный и красноангобированный кувшин, имеющий аналогии среди керамики нижнего горизонта городища Хазарасп [Воробьева и др., 1963. Рис. 12, 4; 13, 31]⁷¹, комплекс которой в хронологическом плане находится между посудой Калалы-гыр 1 и Кой-Крылган-калы [Воробьева и др., 1963. С. 182, 197]. Это позволяет датировать данный кувшин IV в. до н.э., видимо, второй его половиной [Балахванцев, 2016а. С. 12].

Но как согласуется с этой датой остальная инвентарь? Аналогии обнаруженной в том же погребении плоскообразной курильнице известны начиная с раннесарматской эпохи [Яблонский, 1999. С. 28]. Не противоречат этой датировке и железные трехлопастные черешковые наконечники стрел с опущенными жальцами, поскольку в Средней Азии данный тип наконечников засвидетельствован уже в IV в. до н.э. [Горбунова, 2000. С. 40, 46; Литвинский, 2001. С. 94]⁷². Особенно важными представляются факты находок подобных наконечников в сравнительной близости от Присарыкамьшья, на городище Чирик-Рабат, где они датируются IV–III вв. до н.э. [Трудновская, 1963. С. 210, 213; Лоховиц,

---

⁷¹ Датировка нижнего горизонта городища Хазарасп не ранее II в. до н.э. [Маслов, Яблонский, 1996. С. 171; Яблонский, 1999. С. 27] является ошибочной.

⁷² Следует упомянуть о находке железного черешкового трехгранного (?) наконечника в кургане 1 восточной группы могильника Дэвкескен-4 на Устюрте [Ягодин, 1990. С. 35, 48, рис. 4, 14: V в. до н.э.].

1963. С. 219, 220; Курманкулов, Тажекеев, 2011. С. 40, 43]. Их появлению в среде среднеазиатских кочевников способствовала служба последних в ахеменидской армии, где эти наконечники активно использовались [Schmidt, 1957. Pl. 76, № 15].

Косвенным доказательством сравнительно ранних дат применения подобных наконечников в Средней Азии являются их находки в степях Казахстана и на Южном Урале, т.к. в двух последних регионах они могли появиться благодаря ближневосточному и среднеазиатскому влиянию [Смирнов, 1961. С. 61, 63, 70; Гуцалов, 2004. С. 25]. Кроме уже давно введенных в научный оборот данных [Смирнов, 1961. С. 65–66, рис. 40, 24], следует также учесть экземпляры из кургана 17/1 могильника Покровка 2 [Яблонский и др., 1994. С. 40; Гуцалов, 2004. С. 72: сер. VI в. до н.э.], Северного [Хабдулина, 1993. С. 32, рис. 1, 24–26: конец V–IV вв. до н.э.] и Западного Казахстана [Ольховский, Галкин 1997, 143, рис. 2, 9: конец VI–IV вв. до н.э.], а также кургана 25/2 могильника Лебедевка VI [Железчиков и др., 2006. С. 26, 38, рис. 56, 1б: IV в. до н.э.]. Такие же наконечники обнаружены возле кургана 1 могильника Филипповка 1, функционировавшего с конца V по третью четверть IV в. до н.э. [Яблонский, 2013а. С. 54, 227, № 3159–3165]⁷³. В погребении 3 сооружения «Б» Прохоровского могильника более 110 аналогичных наконечников были найдены вместе с импортной серебряной чашей, которая по

---

⁷³ В кургане 3/1 того же могильника железные трехгранные и трехлопастные черешковые наконечники стрел с прямым обрезом пера находились вместе с мечом «переходного» типа [Пшеничнюк, 2012. С. 33–34, рис. 63, 12, 15–18, 66, 68, 5]. Трехгранные железные наконечники были найдены также в кургане 2/6 могильника Филипповка 2 [Рукавишникова, Яблонский, 2014. С. 127, 129: конец IV в. до н.э.] и Линевском одиночном кургане [Богданов, 2005. С. 30, 35: вторая половина IV–III вв. до н.э.].

средиземноморским аналогиям датируется нами серединой – третьей четвертью IV в. до н.э. [Балахванцев, Яблонский, 2006. С. 104, 105; Яблонский, 2010. С. 359].

По данным С.Н. Заседателевой, в центральном погребении 3 кургана 2 второго Новоорского могильника обнаружен один железный черешковый трехлопастный наконечник с опущенными жальцами [Балахванцев, 2017. С. 34, прим. 76]. Во впускном погребении 1, которое прорезало могильный выкид погребения 3 и, стало быть, являлось более поздним, был найден меч «переходного» типа. Учитывая хронологию этого типа клинкового оружия [Балахванцев, 2016в. С. 124], железный наконечник из кургана 2 второго Новоорского могильника можно с достаточной долей уверенности датировать не позднее середины – второй половины IV в. до н.э. Более ста двадцати подобных наконечников было обнаружено в кургане 4/4 могильника Бердянка V [Моргунова, Мещеряков, 1999. С. 126, рис. 4, 4]. Из-за заметного сходства с материалами кургана 1 Прохоровки и кургана 10 Переволочана I [Сиротин, 2016. С. 259] это погребение датируется концом IV–III вв. до н.э. [Яблонский, 2010. С. 72].

Теперь можно перейти к обнаруженному в кургане 2 могильника Гяур-IV клинковому оружию: длинному (78 см) мечу, перекрестие которого переломлено под тупым углом так, что вершина последнего направлена к острию клинка, а большая часть рукояти отсутствует; и кинжалу с прямым перекрестием и разрушенной рукоятью [Маслов, Яблонский, 1996. Рис. 4, 2, 7]⁷⁴. Кинжал датировать сложно, так как

---

⁷⁴ Следует отметить, что в подписях к иллюстрациям как в статье [Маслов, Яблонский, 1996. Рис. 4], так и в более поздней монографии [Яблонский, 1999. Рис. 34] имеются ошибки и противоречия, серьезно затрудняющие их использование. Анализ общих планов погребений [Яблонский, 1999. Рис. 27; 28; 32] позволяет прийти к выводу, что данный

неизвестно, какую форму имело его навершие, если оно вообще существовало⁷⁵. Тем не менее, мечи и кинжалы с прямым перекрестием на территории Средней Азии известны с IV в. до н.э. [Обельченко, 1978. С. 117; Вайнберг, 1991. С. 58–59]. Утрата большей части рукояти меча также делает невозможным ответ на вопрос: имелось ли у него навершие? В то же время едва ли можно согласиться с точкой зрения авторов [Маслов, Яблонский, 1996. С. 174; Яблонский, 1999. С. 30], сближающих его с мечом из кургана 63 могильника Тумек-кичиджик [Маслов, Яблонский, 1996. Рис. 4, 1], а также с рукоятью меча из погребения 2 кургана «Рошава Драгана» в Болгарии [Буюклиев, 1995. Рис. 2, 2, 3].

Рукоять первого меча представляет собой довольно узкий, округлый в сечении штырь [Вайнберг, 1991. С. 59]), на конце которого находится шляпка для крепления деревянной обкладки, а у меча из кургана 2 рукоять значительно шире. Перекрестие болгарского меча, действительно, похоже, но одно это обстоятельство еще не является основанием для хронологического сближения двух артефактов, поскольку мечи и кинжал с такой же формой перекрестия известны в могильнике Чилик-Дере в Добрудже [Скорый, 2006. С. 142, рис. 4, 7: VI–IV вв. до н.э.], кургане 28 могильника Филипповка 1 [Яблонский, 2013а. № 2464, 2600] и кургане 16/1 могильника Покровка 2 [Яблонский и др., 1994. С. 36, рис. 79, 7; Васильев, 2005. С. 98: I в. до н.э.; Гуцалов, 2007. С. 12, 15: III–I вв. до н.э.]. Наиболее близкими аналогиями мечу из кургана 2 являются филипповский кинжал и покровский меч со сломанными перекрестиями и широкими рукоятями.

кинжал с прямым перекрестием и разрушенной рукоятью происходил именно из кургана 2.

⁷⁵ В связи с этим, нельзя согласиться с утверждением, что все три кинжала из могильника Гяур-IV имели кольцевые навершия [Маслов, Яблонский, 1996. С. 172–173; Яблонский, 1999. С. 29].

Таким образом, принимая во внимание все сказанное выше, курган 2 могильника Гяур-IV следует датировать второй половиной IV в. до н.э.⁷⁶

К IV–II вв. до н.э., судя по найденному кувшиновидному горшочку с горизонтальными ручками на тулове [Лоховиц, 1979. Табл. VI, 10], относится курган 50 могильника Тумек-кичиджик [Лоховиц, 1979. С. 145; Вайнберг, 1991. С. 54]. Красноглиняный кувшин из кургана 41 того же могильника [Лоховиц, 1979. С. 136, табл. VI, 7]⁷⁷ находит ближайшие аналогии в материалах из Коша-депе [Пилипко, 1980. С. 221, рис. 5, 1], которые датируются серединой III в. до н.э. – первой половиной I в. н.э.

В долине Зеравшана наиболее ранним является курган 4 могильника Акджартепе (к северу от Самарканда), который, судя по находке меча «переходного» типа с переломленным перекрестием и полукруглым навершием [Обельченко, 1962. Рис. 4], относится к IV в. до н.э. [Обельченко, 1962. С. 116], скорее, ко второй его половине. Курган 7 Кую-Мазарского могильника (восточнее Бухары) датируется IV–III вв. до н.э. по обнаруженной в погребении костяной пряжке [Обельченко, 1956. Рис. 5], находящей наиболее близкие параллели в Ак-Тамском могильнике в Фергане [Гамбург, Горбунова, 1957. С. 82, 88, рис. 29, 12]. На эту же дату указывает и полусферическая чаша, покрытая двусторонним темнокрасным ангобом [Обельченко, 1956. Рис. 4], аналогии которой присутствуют в нижнем слое Кой-Крылган-калы [Воробьева, 1967. Табл. III, 65] и в

---

⁷⁶ Нет необходимости омолаживать данный комплекс до рубежа IV/III вв. до н.э. из-за наличия на кувшине следов ремонта, так как в кочевом быту отсутствовали условия для бережного хранения керамических сосудов, и период их использования был крайне непродолжителен. Ср.: Полин, 2014. С. 643.

⁷⁷ В указанной публикации присутствуют многочисленные ошибки в подписях к иллюстрациям. Исправления см.: Вайнберг, 1991. С. 99.

керамическом комплексе III в. до н.э. Кампыр-тепе [Ртвеладзе, Болелов, 2000. С. 99–100, 101–102, рис. 1, 6, 7, 11, 13, 18].

Обнаруженный в кургане 19 Кую-Мазарского могильника кинжал с переломленным (бабочковидным) перекрестием и воллютообразным навершием [Обельченко, 1956. Рис. 17], прямые аналогии которому имеются в кургане у д. Старый Комсомол в Башкирии [Пшеничнюк, 1983. С. 62, 84, табл. XLV, 13: VI–IV вв. до н.э.], в курганах 16/6 и 19/2 могильника Лебедевка VII [Железчиков и др., 2006. С. 33, 35, 38, рис. 70, 3; 76, 2: IV в. до н.э.], а также в кургане 4 группы III могильника Казыбаба 1 на юго-восточном выступе Устюрта [Ягодин, 2013. С. 189, 192, рис. 7, 1: конец VI – начало IV вв. до н.э.], позволяет отнести все погребение к концу IV в. до н.э. [Вайнберг, 1991. С. 103, прим. 127]. Не противоречит этой дате и наличие в кургане меча с прямым перекрестием и без металлического навершия, поскольку мечи такого типа появляются как раз в эту эпоху [Хазанов, 2008. С. 54–56; Скрипкин, 1990. С. 128; Гуцалов, 2007. Табл. 1, 19].

Красноглиняный кувшин из кургана 30 Кую-Мазарского могильника [Обельченко, 1956. Рис. 12], судя по аналогии из могильника Сакар-чага 1 [Яблонский, 1999. С. 25, рис. 23, 16], должен датироваться IV–III вв. до н.э. Находка О.В. Обельченко в 1975 г. при раскопках Кую-Мазарского могильника двух прохоровских мечей с прямым перекрестием и серповидным навершием [Балахванцев, 2017, 37, рис. 2]⁷⁸ также показывает, что исследованные им курганы могут датироваться, начиная с

---

⁷⁸ О возникновении этого типа мечей см.: Васильев, 2001а. С. 172; Федоров, 2001. С. 183; Гуцалов, 2007. С. 13; Скрипкин, Ким, 2013. С. 275.

IV в. до н.э., причем, широкие массивные рукояти мечей свидетельствуют в пользу более ранней даты [Федоров, 2001. С. 183]⁷⁹.

В Лявандакском могильнике одним из самых ранних, очевидно, является курган № 7. После ограбления в подбойном погребении осталась одна только чаша типа пиалы [Обельченко, 1961. С. 114, рис. 13, 4], период бытования которых очень продолжителен. Однако покрытие чаши светло-серым ангобом, характерным для керамики Бухарского Согда IV– начала III вв. до н.э. [Ураков, 1982. С. 60], позволяет отнести весь комплекс к этому времени. Остальные курганы Кую-Мазарского и Лявандакского могильников, видимо, относятся уже к более поздней эпохе.

Ввиду крайней бедности сопутствующего инвентаря, очень сложно датировать подкурганые погребения, раскопанные Х. Юсуповым на плато Дордуль, на правом берегу Узбоя [Юсупов, 1977. С. 127–131; 1978. С. 59–61]. Наличие в одной из катакомб костяных накладок на лук [Юсупов, 1978. С. 60], казалось бы, сообщает о сравнительно поздней дате: II–I вв. до н.э. [Литвинский, 2001. С. 46; Яблонский, 1999. С. 31, 35]. Однако имеющаяся информация о находках таких накладок в кургане 7 могильника Филипповка 1 [Пшеничнюк, 2012. С. 44, рис. 96, 24–26], кургане 2/3 могильника Покровка 2 [Моргунова, Трунаева, 1993. С. 17: V в. до н.э.] и кургане 9/2 могильника Покровка 7 [Яблонский и др., 1996. С. 32, рис. 46, б; Гуцалов, 2004. Табл. 17, 9: конец V–IV вв. до н.э.] заставляет еще раз обратиться к вопросу о времени распространения костяных накладок в

---

⁷⁹ Два аналогичных меча IV в. до н.э. с двутавровыми рукоятями были обнаружены в кургане 10 могильника Агалыксай вблизи Самарканда [Обельченко, 1972. Рис. 1, 1, 2; 1978. С. 117]. Поскольку ориентация находившегося в грунтовой яме костяка осталась неизвестной [Обельченко, 1972. С. 64], версия о его принадлежности к числу погребений дахов не может быть полностью доказана.

Средней Азии⁸⁰. О возможности более ранней даты свидетельствуют и изображения сложносоставного лука на костяном навершии из Калалы-гыр 2 [Вайнберг, 2004а. Рис. 5/24], которое, как и весь памятник, датируется IV–II вв. до н.э., а также на монетах Аршака I и Аршака II, выпущенных не позднее 210 г. до н.э. [Sellwood, 1980. P. 21–27]. В целом, учитывая исторический контекст, узбойские курганы можно отнести к III–I вв. до н.э. Два кургана могильника Дегирменлидже по находкам хорезмийских кувшинов кангюйского времени и импортных золотых серег датируются II–I вв. до н.э. [Bader, Usupov, 1995. P. 30–31, 38].

Наиболее ранним в Юго-Западной Туркмении является катакомбное захоронение в кургане 1 урочища Кизыл-Чешме, расположенного между железнодорожными станциями Бами и Кодж, в подгорной полосе северо-западного Копетдага. Красноглиняный красноангобированный кувшин [Марущенко, 1959. Табл. III, 2] из этого погребения имеет аналогии на Калалы-гыр 2 [Болелов, 2004. Рис. 3/23, № 1, 11, 12] и Гяур-кале 3 (IV–II вв. до н.э.)⁸¹. Шаровидные пряслица из алебастра [Марущенко, 1959. Табл. III, 3] представлены в сарматских погребениях IV–I вв. до н. э. в Южном Приуралье: Филипповка 1, курган 3/1 [Пшеничнюк, 2012. С. 34, рис. 67, 5], Покровка 1, курган 10/9 и 10 [Яблонский и др., 1994. С. 20–21, рис. 40, 8], Липовка, курган 14/1 [Смирнов, 1972. С. 13–14, 23, рис. 6, 5]. С учетом того, что в насыпи кургана и на уровне древней дневной поверхности попадаются фрагменты керамики, характерной для нижнего горизонта Кой-Крылган-калы [Марущенко, 1959. С. 112], Кизыл-Чешме можно датировать III–II вв. до н.э. Курган Хас-Кяриз, в котором обнаружен светлоглиняный

---

⁸⁰ У скифов костяные накладки на лук известны с V в. до н.э. [Лукьяшко, 2016. С. 151].

⁸¹ Сосуд происходит из раскопок С.М. Колякова и хранится в фондах Музея Востока (полевой шифр 84 Г.К.3/550).

кувшин [Марущенко, 1959. Табл. VI, 1], аналогичный встречающимся на Старой Нисе [Крашенинникова, 1963. С. 95–96, рис. 3, 8], следует отнести уже к I в. до н.э. Большинство же курганов Юго-Западной Туркмении (Пархайский и Мешрепитахтинский могильники)⁸² датируются в широких пределах I в. до н.э.–II в. н.э. [Мандельштам, 1963. С. 32; 1971. С. 71].

Проделанный выше анализ погребальных комплексов дает основания утверждать, что они – по праву времени и места – должны принадлежать дахам (даям). Данный вывод позволяет значительно расширить зону обитания этих племен в Средней Азии за счет тех районов, о пребывании дахов в которых нарративная традиция ничего не знает: Юго-Восточный Устюрт (Каскажол), Самаркандский Согд (Акджартепе). Особенно важным является более точное определение района обитания парнов на Атреке и его притоке Сумбаре. Теперь в него можно включить северо-западные предгорья Копетдага (Кизыл-Чешме, Хас-Кяриз), Ходжакалинскую долину (Мешрепитахтинский могильник), долину Сумбара (Пархайский могильник). Существенно, что разведки и рекогносцировки, проведенные между Чукуром и Нухуром, не выявили там памятников номадов античного времени [Мандельштам, 1963. С. 28], хотя и зафиксировали существование курганов с каменными обкладками, принадлежащих к иной историко-культурной традиции [Пилипко, 2009. С. 177, 188–189, 192]. Видимо, восточная граница области парнов и Несайи в

---

⁸² Здесь не рассматриваются погребения, открытые И.Н. Хлопиным на Сумбаре, в окрестностях Кара-Калы [Хлопин, 1975. С. 51–53; 1979. С. 75–81], так как неизвестно, существовали ли над ними курганные насыпи. К тому же одни из них относятся еще к V–IV вв. до н.э. [Хлопин, 1975. С. 52], а другие по сопутствующему инвентарю [Хлопин, 1979. Рис. 4, 14: бронзовое зеркало с плоским диском и клиновидной ручкой] датируются I–II вв. н.э. [Скрипкин, 1990. С. 94, 153].

горах Копетдага совпадала с границей Балканского и Ахалского велятов в современной Туркмении. Перспективными районами в плане поиска новых могильников парнов являются долина Атрека между Тикенджиком и Корендом, а также долины Сумбара и Чандыра в пределах Туркмении [Балахванцев, 2016а. С. 15].

Локализация областей обитания дахов (даев) в Средней Азии и установление их связи с определенным типом погребального обряда дают возможность теперь поставить и решить вопрос о том, где находилась их прародина. Конструкция распространенных у дахов погребальных сооружений, расположение в них костяков, сопутствующая пища, многие категории погребального инвентаря позволяют говорить практически об идентичности погребального обряда среднеазиатских дахов и прохоровцев Южного Урала [Ягодин и др., 1978. С. 191; Балахванцев, 2005а. С. 66; 2016а. С. 15]. Данное обстоятельство невозможно объяснить лишь взаимным культурным влиянием, и оно, скорее всего, является результатом миграции или миграций⁸³.

Откуда же шло это переселение? Какой регион – Южный Урал или Средняя Азия – являлся центром данной миграции? Вопреки мнению А.Д. Таирова [Таиров, 1998. С. 88], нет ни антропологических⁸⁴, ни

---

⁸³ Идея И.Н. Хлопина о происхождении подбоев и катакомб Юго-Западной Туркмении античного времени из аналогичных погребальных сооружений эпохи поздней бронзы [Хлопин, 1981. С. 85–86] не получила поддержки среди исследователей, т.к. плохо согласуется с имеющимися фактами.

⁸⁴ Изучение краниометрических и одонтологических особенностей номадов Южного Урала и Западного Казахстана в раннем железном веке позволяет сделать вывод, что увеличение в них восточного, или монголоидного компонента приходится лишь на IV–III вв. до н.э. и связано

археологических оснований полагать, что часть саков Приаралья в савроматскую эпоху мигрировала на Южный Урал и сыграла значительную роль в формировании прохоровской культуры [Яблонский, 2000. С. 38; 2011. С. 59, 62; 2016. С. 308–309]⁸⁵.

В пользу того, что отправной точкой переселения номадов был Южный Урал, говорят следующие факты. Уже в VI–V вв. до н.э. в Южном Приуралье, особенно в его восточных районах, существовала устойчивая традиция южной ориентировки погребенных [Мошкова, 1974. С. 17; Пшеничнюк, 1995. С. 64, 77, 83, 85, 89; Железчиков и др., 2006. С. 37; Яблонский, 2010. С. 63; Пшеничнюк, 2012. С. 65; Яблонский, 2013а. С. 48]. В IV в. до н.э. массовым явлением становятся захоронения в подбоях, появляются катакомбы льявандакского типа [Мошкова, 1974. С. 17; Железчиков, Кригер, 1978. С. 223, 225; Смирнов, 1984а. С. 17; Пшеничнюк, 1995. С. 64, 77, 83, 85, 89; Мошкова, Малашев, 1999. С. 180, 186; Железчиков и др., 2006. С. 37; Яблонский, 2010. С. 21; Пшеничнюк, 2012.

с появлением новых групп населения с территории Зауралья и Западной Сибири [Китов, Мамедов, 2014. С. 233–236].

⁸⁵ Столь же маловероятным является и предположение [Таиров, 2006. С. 134–135; Яблонский, 2011. С. 60, 62], что основное ядро переселенцев, принесших с собой традицию сооружения подбоев и катакомб, пришло на Южный Урал во второй половине V в. до н.э. из Восточного Туркестана. Как показал Б.А. Литвинский, древнейшие катакомбы Восточного Туркестана из могильника Тэмуликэ датируются III–II вв. до н.э. При этом он не исключал и более раннюю дату, но подчеркивал, что обосновать предложенную китайскими археологами датировку могильника эпохой Чжаньго (404–221 гг. до н.э.) затруднительно [Литвинский, 1995. С. 259, 310]. Соответственно, оснований для отнесения этих могил к первой половине V в. до н.э. еще меньше.

С. 65; Яблонский, 2013а. С. 157, 211, 214, 218; 2013б. С. 308]. Уже в савроматское время в состав заупокойной пищи стала обязательно входить передняя нога овцы [Мошкова, 1974. С. 20; Железчиков и др., 2006. С. 11, 18, 19].

Могло бы показаться, что против сближения среднеазиатских дахов с номадами Южного Урала свидетельствует распространение у последних в IV в. до н.э. обычая сооружения курганов-кладбищ с двумя и более относительно близкими по времени захоронениями под одной насыпью [Железчиков и др., 2006. С. 40; Яблонский, 2010. С. 62–63; Сиротин, 2010. С. 337; Пшеничнюк, 2012. С. 65; Яблонский, 2013а. С. 47; 2013б. С. 308; Рукавишникова, Яблонский, 2014. С. 130]. Однако именно эта особенность погребального обряда прохоровской культуры позволяет выделить тот регион Южного Урала, который был прародиной среднеазиатских дахов.

Дело в том, что в отличие от абсолютного большинства памятников IV в. до н.э., в Ново-Кумакском могильнике (восточнее Орска) погребения этого периода [Мошкова, 1962. С. 227; 1972а. С. 42; Смирнов, 1977. С. 18, 30, 32, 34], практически во всех отношениях совпадающие со среднеазиатскими, являются либо основными, либо впускными в курганы более раннего времени: курган 12 [Мошкова, 1962. С. 216], курган 13 [Мошкова, 1962. С. 217], курган 16 [Мошкова, 1962. С. 218–219], курган 18 [Мошкова, 1962. С. 219–220], курган 33 [Мошкова, 1972а. С. 39–40], курган 34 [Мошкова, 1972а. С. 40], курган 13/1 [Смирнов, 1977. С. 16], курган 20/7–8 [Смирнов, 1977. С. 29], курган 21/2 [Смирнов, 1977. С. 30], курган 24 [Смирнов, 1977. С. 33–34]. Характерно, что точно такая же картина – полное господство основных и, по большей части, единственных погребений под одной курганной насыпью – наблюдается и у среднеазиатских дахов, причем, даже среди тех захоронений, которые явно относятся к III–I вв. до н.э. [Горбунова, 2001. С. 148; Балахванцев, 2005а. С. 66; 2015а. С. 15]. Наиболее логичным объяснением этого феномена может

быть то, что миграция дахов в Среднюю Азию, вопреки высказывавшимся ранее мнениям [Смирнов, 1984а. С. 117; Обельченко, 1992. С. 224; Заднепровский, 1997. С. 108–110; Мошкова и др., 2011. С. 167], имела место в IV в. до н.э. и шла из района Орска, где в это время обычая сооружения курганов-кладбищ не существовало. Вместе с тем, использование среднеазиатскими дахами в III–II вв. до н.э. катакомб лявандакского типа предполагает, что принесшая их последняя волна переселенцев⁸⁶ отправилась в путь в конце IV – начале III в. до н.э.⁸⁷, когда такие катакомбы получили определенное распространение на Южном Урале⁸⁸.

В пользу локализации уральской прародины дахов в районе Орска свидетельствует еще одно обстоятельство: некоторые категории погребального инвентаря, которые были типичны для кочевников Южного Урала IV в. до н.э. в целом, не встречаются ни в выделенной группе курганов Ново-Кумакского могильника, ни в погребениях среднеазиатских

---

⁸⁶ Связать их с Ново-Кумакским могильником пока не представляется возможным.

⁸⁷ Значительное сокращение населения в III в. до н.э. как в районе Орска [Мошкова, 1972б. С. 72], так и на Южном Урале в целом [Мошкова, 1974. С. 47], не позволяет датировать эту миграцию более поздним временем.

⁸⁸ К уже давно введенным в научный оборот памятникам [Мошкова, Малашев, 1999. С. 180, 186] теперь можно прибавить катакомбы лявандакского типа из кургана 11/3 могильника Переволочан I [Сиротин, 2010. С. 328, 337: IV в. до н.э.] и кургана 2/5 могильника Сегизсай II, расположенного возле пос. Уил (Актюбинская обл., Казахстан). По данным директора Актюбинского краеведческого музея М.Н. Дуйсенгали, погребение датируется второй половиной IV в. до н.э.

дахов. Речь, прежде всего, идет о костяных ложечках, известных на Южном Урале в 74 погребальных комплексах V–IV и IV–III вв. до н.э. [Федоров, 2013. С. 44, 46–50; Пшеничнюк, 2012. С. 44, 49, 61; Яблонский, 2013а. № 352, 1249, 1300, 1973, 2420, 2602, 2841; 2013б, 306, 309; Сиротин, Трейстер, 2014. С. 209, рис. 2, 7; Рукавишникова, Яблонский, 2014. С. 121, 124]. Аналогичная картина наблюдается и в отношении таких элементов конского снаряжения как удила и псалии. Они, без учета находок, сделанных в межкурганном пространстве, встречаются в 36 погребальных комплексах IV в. до н.э. [Васильев, 2004. С. 155; Смирнов, 1961. С. 86–87; Мажитов, Пшеничнюк, 1977. С. 60–65; Смирнов, 1978. С. 62; 1984б. С. 10; Пшеничнюк, 1995. С. 64; Яблонский, 2010. С. 19; Сиротин, 2010. С. 326, 333; Пшеничнюк, 2012. С. 24–25, 27, 40, 49, 51; Яблонский, 2013а. С. 61, 62, 67, 126–127, 132, 133–134, 145, 170, 175, 177, 179, 190, 192, 194, 200; 2013б. С. 307; Сиротин, Трейстер, 2014. С. 209, рис. 2, 1; Рукавишникова, Яблонский, 2014. С. 126], из которых лишь один относится к новокумакской группе [Мошкова, 1962. С. 217]. В рассмотренных выше погребениях среднеазиатских дахов IV–II вв. до н.э. их нет вовсе. Наконечники копий зафиксированы в 37 комплексах [Васильев, 2001б. С. 80–92; Железчиков и др., 2006. С. 26, 34; Яблонский, 2010. С. 21–22; Пшеничнюк, 2012. С. 48; Яблонский, 2013а. С. 88, 93, 110, 126, 145, 216; 2013б. С. 306; Сиротин, Трейстер, 2014. С. 209, рис. 2, б; Рукавишникова, Яблонский, 2014. С. 123], но ни разу – в курганах Ново-Кумакского могильника или среднеазиатских памятниках [Балахванцев, 2016а. С. 16].

Комбинируя данные письменных и археологических источников, историю среднеазиатских дахов можно представить в следующем виде. Их предки во второй половине VI в. до н.э. вместе с другими номадами

пришли в практически пустынное тогда Южное Приуралье⁸⁹ с территории современных Челябинской области и Юго-Восточной Башкирии⁹⁰. Анализ палеопочв Южного Урала показывает, что в конце VI–V вв. до н.э. климатические условия в этом регионе были сравнительно влажными. Это способствовало усилению процессов выщелачивания и рассолонцевания почв, повышению их биологической активности. Зимы становились относительно мягкими, летние температуры понижались, росла обводненность рек и озер [Демкин и др., 2012. С. 162, 167, 172–173].

Благоприятные климатические условия не могли не способствовать как росту численности самих кочевников, так и увеличению поголовья их стад. Еще более полувека тому назад анализ находок костей животных в погребениях VI–IV вв. до н.э. позволил К.Ф. Смирнову сделать вывод, что в составе стад номадов этой эпохи главную роль играла овца [Смирнов, 1964. С. 50–51, табл. 1]. Новые исследования только подтвердили справедливость его точки зрения [Косинцев, 1995. С. 92–93; Рослякова, 2010. С. 256]. Между тем, овцы потребляли кормов значительно больше, чем лошади или крупный рогатый скот [Железчиков, 1984. С. 66]⁹¹, поэтому рост их поголовья требовал нахождения и освоения новых пастбищ. Однако проблема в принципе не могла быть решена за счет территорий одного только Южного Приуралья. Дело в том, что кочевое

---

⁸⁹ Не исключено, что пребывание дахов на берегах Урала отразилось в древнем названии этой реки Δάιξ, сохранившемся у античных авторов (*Ptol. Geog. VI. 14. 2, 4, 5*, ср. *Amm. Marc. XXIII. 6. 63*). См.: Смирнов, 1984а. С. 16.

⁹⁰ Подробнее см.: Яблонский, 2011. С. 59; 2016. С. 307 (с предшествующей литературой).

⁹¹ Из приводимых автором данных [Железчиков, 1984. С. 66] следует, что на одну овцу должно приходиться около 1 га пастбища.

скотоводство невозможно без отлаженной системы сезонного чередования пастбищ [Таиров, 1993. С. 4]. Пастбища в долине Урала и его притоков были очень удобны для использования в качестве летних, но зимой количество невыпасных дней здесь иногда доходит до девяноста [Таиров, 1993. С. 9], что создает угрозу массового падежа скота. Единственным выходом в данной ситуации могла стать перекочевка на юг, где гораздо продолжительнее безморозный период, метели налетают реже, меньше толщина и плотность снежного покрова, а также продолжительность его устойчивого залегания [Таиров, 1993. С. 7].

Состав стада, в котором, кроме овец, значительное место занимали лошади, а крупного рогатого скота было совсем немного [Смирнов, 1964. С. 50–51; Косинцев, 1995. С. 92–93; Рослякова, 2010. С. 256]⁹², позволял южноуральскимномадам совершать далекие перекочевки протяженностью около тысячи километров [ср.: Таиров, 1993. С. 17]. Этому также способствовали более гумидные, чем в современную эпоху, климатические условия на Арало-Каспийском водоразделе [Варущенко и др., 1987. С. 85, 103, 107, табл. 12, 13]. Таким образом, уже на рубеже VI/V вв. до н.э. отдельные группы кочевников Южного Урала в ходе ежегодных меридиональных перекочевок⁹³ стали пересекать Устюрт и спускаться в западную часть Присарыкамьшской дельты Амударьи, где практически не бывает невыпасных дней. Они проводили там позднюю осень и зиму, а

---

⁹² Следует также отметить факты разведения кочевниками верблюдов [Смирнов, 1964. С. 51; Яблонский, 2013б. С. 310].

⁹³ В ходе предпринятых нами археологических разведок в мае – июне 2017 г. был сделан вывод, что их маршрут начинался в районе Орска, проходил по водоразделу Каргалы и Ори, вдоль западных склонов Мугоджар, а затем через кряж Шошкаколь и Шаграйское плато выходил к восточному чинку Устюрта.

ранней весной собирались в обратный путь на север, к своим летовкам в долине Урала⁹⁴ [Ягодин, и др., 1978. С. 290; Вайнберг, 1992. С. 116; Таиров, 1993. С. 4, 13–17, рис. 1]. Часть их уже тогда, в V в. до н.э., судя по наличию в курганах Юго-Восточного Устьярты костей крупного рогатого скота, стала оседать в районах зимовок и переходить к полуоседлой жизни [Ягодин, 2013. С. 192].

Находки в устьуртских курганах лепной керамики, аналогии которой встречаются в погребениях савроматского времени из Нового Кумака и могильников Зауралья [Ягодин, 1990. С. 36, 59–60, 62, 65, 75], недвусмысленно свидетельствуют о том, номады каких районов Южного Урала оставили здесь свой след. В их числе были и дахи, упомянутые в Антидэвовской надписи Ксеркса 484 г. до н.э. Конечно, нет надобности предполагать, что дахи были силой покорены Ксерксом [Дандамаев, 1985. С. 175], скорее, речь может идти о номинальном признании персидского господства и принятии обязательств приносить дары в обмен на возможность пользоваться зимними пастбищами. Возможно, что смутные известия об этой миграции повлияли на античную традицию, в которой парны (даи) и даже парфяне именуется скифскими выходцами (*Strab.* XI. 8. 2, 9. 3; *Curt.* IV. 12. 11; VI. 2. 14; *Arr. Parth.* F 1.2 Roos; *Iust.* XLI. 1. 10). Вместе с другими кочевниками дахи приняли участие в подавлении египетского восстания в середине V в. до н.э., после чего в могильниках долины Урала появилось большое количество ахеменидских престижных ценностей и захваченных на Ближнем Востоке трофеев⁹⁵.

---

⁹⁴ При анализе костных остатков лошадей и овец из курганных могильников Покровка 1, 2 и 8 не было обнаружено ни одной особи, достоверно забитой зимой [Косинцев, 1995. С. 93].

⁹⁵ См. приложение II.

В конце V – первой половине IV в. до н.э. на Южном Урале началась аридизация климата, достигшая апогея во второй половине IV–III вв. до н.э. Климат стал более континентальным, что нашло свое выражение прежде всего в снижении зимних температур и усилении суровости зим. Ухудшается качество почвенно-растительного покрова, уменьшается обводненность рек и озер [Демкин и др., 2012. С. 162, 167, 172]. Все это, естественно, усиливает отток населения из восточных районов Южного Приуралья [Мошкова, 1972б. С. 72] на юг, в Присарыкамьшскую дельту Амударьи и приводит к прекращению функционирования Ново-Кумакского могильника в III в. до н.э. Следует заметить, что переселенцы не утратили в одночасье связей с другими кочевыми племенами, занимавшими более западные районы долины Урала и его притоков. Об этом свидетельствуют находки произведений ахеменидской и эллинской торевтики IV в. до н.э. в Прохоровке, куда они попали в ходе бурных событий, последовавших за гибелью ахеменидской империи и завоеванием Средней Азии Александром Македонским в 329–327 гг. до н.э. [Балахванцев, Яблонский, 2006. С. 105; Balakhvantsev, Yablonskii, 2009b. P. 180; Балахванцев, 2010в. С. 121; 2016б. С. 40].

Между тем, в конце V в. до н.э. [Балахванцев, 2006б. С. 373; 2013б. С. 60] в самом Хорезме произошли серьезные изменения: он отпал от державы Ахеменидов и стал независимым государством⁹⁶. Часть дахов в этих условиях, столкнувшись с угрозой надвигающегося перенаселения и недостатка пастбищ, предпочли откочевать в Согд (долину Зеравшана) и стать подданными персидских царей. Именно согдийские дахи сражались с македонцами при Гавгамелах и оказывали им ожесточенное сопротивление в междуречье Окса и Яксарта [Балахванцев, 2012а. С. 33]. Те же дахи (парны), которые остались в Присарыкамьшской дельте Амударьи,

---

⁹⁶ См. приложение III.

поначалу смогли установить с новым государственным образованием равноправные отношения. Вместе с хорезмийским царем и своими западными соседями – массагетами они вырабатывали общую линию поведения по отношению к Александру Македонскому (*Curt.* VIII. 1. 8), а после его смерти, как это было показано выше, стали совершать систематические набеги на Гирканию, Парфиену и Несайю⁹⁷.

Однако не позднее начала III в. до н.э. усиливающийся Хорезм добивается установления своего контроля над западной частью Присарыкамышской дельты, в которой обитали дахи [Вайнберг, 1992. С. 121–122]. Они, очевидно, были теперь вынуждены прекратить свои набеги, угрожавшие спровоцировать войну Хорезма с Селевком Никатором, обязались защищать западные границы страны и даже служить в гарнизонах, находящихся на довольно значительном расстоянии от их кочевий⁹⁸. Но признать власть Хорезма и остаться в Присарыкамышье согласились отнюдь не все дахи. К тому же, из-за прибытия в дельту новых

---

⁹⁷ Возможным археологическим свидетельством этих набегов является находка кругового сосуда с отбитыми носиком и ручкой в кургане 12 могильника Переволочан I. Такие «чайники» – абсолютно неизвестные в Средней Азии – были широко распространены в закавказских и прикаспийских сатрапиях [Тирацян, 1964. С. 65, рис. 4, 7] Ахеменидского Ирана, в том числе, и в Гиркании. По мнению автора раскопок С.В. Сиротина, курган датируется второй половиной IV в. до н.э. См.: Сиротин, 2016. С. 260.

⁹⁸ Следует вспомнить, что надпись с именем Дахакинака была обнаружена в крепости Бурлыккала, расположенной в правобережном Хорезме, где нет следов существования курганных могильников.

переселенцев с Южного Урала⁹⁹ эколого-демографическая ситуация там стала довольно напряженной (*Iust.* XLI. 1. 10). Это – наряду с политикой Хорезмийского государства – заставило часть дахов прибегнуть к новой миграции. Одни из них присоединились к своим родичам в Бухарском Согде. Другие пересекли Окс (Узбой) и овладели землями на его правобережье, оттеснив при этом на запад массагетов. Замечание Беросса о гибели Кира Великого на «равнине Даас» (*Beros.* FGrH 680 F 10) явно свидетельствует о том, что в начале III в. до н.э. бывшие земли массагетов, где они когда-то одержали победу над персами, перешли в руки дахов, а информация об этом стала известна эллинистическим историкам¹⁰⁰. Именно об этих дахах (парнах), живущих к северу от Окса (Узбоя) упоминает Страбон (*Strab.* XI. 7. 1, 3). Очевидно, что как раз этой группировке принадлежали дордульские курганы [Балахванцев, 2005. С. 66]. Примерно в это же время¹⁰¹ еще одна часть парнов также покинула

---

⁹⁹ Среди них были и те, кто принес с собой традицию совершать захоронения в катакомбах льяндакского типа. Если принять во внимание наличие такой катакомбы в могильнике Переволочан I, обнаружение там же «чайника», скорее всего, происходящего из прикаспийских владений Ахеменидов, а также присутствие зауральских номадов на юго-востоке Устюрта уже в V в. до н.э., то предположение об участии в последней волне переселенцев какой-то группы «переволочановцев» – при сегодняшнем уровне наших знаний – кажется вполне обоснованным.

¹⁰⁰ Возможно, что Беросс получил эти сведения от Патрокла, чья экспедиция исследовала побережье Каспия в 285–281 гг. до н.э.

¹⁰¹ Ранее мы предполагали [Балахванцев, 1998. С. 155], что появление парнов в Юго-Западной Туркмении произошло около середины III в. до н.э. См. также: Frye, 1984. P. 206.

Присарыкамышье и заняла незаселенные земли (*Iust.* XLI. 1. 10) на берегах Оха (Атрека и его притоков)¹⁰².

---

¹⁰² Все замечания древних (*Strab.* XI. 9. 3) и современных [Lerner, 1999. P. 18; Grainger, 2014. P. 197] авторов о бактрийском происхождении Аршака и его вторжении в Парфию из Бактрии основаны лишь на неверной географической локализации области парнов, отнесенной ими к бактрийскому Оху. Ср.: Lerouge-Cohen, 2010. P. 164.

Глава 3

ГРЕКО-МАКЕДОНЫНЕ И НАРОДЫ ВОСТОКА В ДЕРЖАВЕ СЕЛЕВКИДОВ

Место восточных народов в селевкидском обществе, их отношения с греками и македонянами, проводимая Селевкидами «восточная политика» – все это, несомненно, должно было сказаться на том, как жители Парфии и Гиркании отнеслись к завоевателям-парнам, что во многом определило успехи и неудачи последних.

Среди специалистов по эллинизму широко распространено мнение, что возникновение державы Селевкидов было ознаменовано полным разрывом с «восточной политикой» Александра Македонского и установлением господства этноса завоевателей, или, говоря словами П. Бриана, «доминирующего этнокласса», эксплуатировавшего местное население [Rawlinson, 1872. P. 36; Тарн, 1949. С. 133, 143; Edson, 1958. P. 156, 164; Eddy, 1961. P. 9; Will, 1966. P. 243; Préaux, 1978. P. 680; Briant, 1978. P. 92; Кошеленко, 1979. С. 32, 49; Frye, 1984. P. 173; Маринович, 1990. С. 90–91; Walbank, 1993. P. 14–15, 63, 65, 125; Billows, 1995. P. 171; Leriche, 2003. P. 83; Fingerson, 2007. P. 118; Tuplin, 2014. P. 245; Overtoom, 2016. P. 3]. Некоторые исследователи даже называют эллинизм «колониальным обществом» [Бокщанин, 1960. С. 138, 155; Левек, 1989. С. 75)¹⁰³.

Из такого понимания природы эллинистического государства в целом и селевкидского в частности, делаются далеко идущие выводы относительно культурного и политического развития эллинистического мира. Так, значительное распространение получил тезис, что широкие

---

¹⁰³ Об авторах, придерживающихся альтернативной точки зрения, см.: Балахванцев, 2014б. С. 300–301.

контакты местных и греческой культур начались только после падения власти завоевателей [Толстов, 1940. С. 208; Кошеленко, 1979. С. 291–292]. Утверждается также, что именно благодаря борьбе народов Востока против господства греко-македонян возникли Парфия и Кушанское царство [Rawlinson, 1872. P. 36; Кошеленко, 1979. С. 53].

Следует заметить, что упомянутые здесь взгляды на селевкидское общество и место в нем народов Востока основываются на довольно несхожих аргументах. Так, Ч. Эдсон, который избегал пользоваться понятием «класс» и предпочитал говорить о македонянах как о «imperial» или «dominant people» [Edson, 1958. P. 156, 164], базировался исключительно на терминологии. Поставив перед собой вопрос о том, как воспринималась селевкидская империя античными и византийскими авторами, он пришел к выводу, что ее общепринятое и официальное обозначение в качестве македонской можно объяснить лишь главенствующей ролью соответствующего этноса [Edson, 1958. P. 164]. Данный подход был поддержан Г.А. Кошеленко, с той лишь разницей, что он включил в состав господствующего этноса и греков [Кошеленко, 1979. С. 222–225].

Создатель же термина «доминирующий этнокласс» П. Бриан [Briant, 1978. P. 92; 1994. P. 461] стремился исходить из анализа социальной структуры эллинистических государств. По его мнению, греко-македонское завоевание и колонизация Востока привели, с одной стороны, к установлению социально-экономического господства и политической монополии завоевателей, их потомков и новых греческих переселенцев, а с другой – к политическому бесправию и илотизации местного населения. Отношения господства и подчинения усиливались и пространственной сегрегацией: греки в основном концентрировались в городах, а туземцы – в деревне [Briant, 1978. P. 82, 92]. В последнее время на раннеселевкидском

материале теорию П. Бриана активно пропагандирует С.В. Смирнов [Смирнов, 2013. С. 269–271; 2014а. С. 318–328; 2014б. С. 145–164].

Хотя мнение о разрыве Селевкидов с «восточной политикой» Александра не соответствует действительности [Балахванцев, 2014б. С. 298–316], это не может служить причиной для автоматического отказа от понятия «доминирующий этнокласс» без предварительного анализа тех аргументов, на которых оно основано. Начнем с разбора доводов Ч. Эдсона. Он приводит большое количество примеров из Юстина, Арриана, Геродиана, Аммиана Марцеллина, Прокопия Кесарийского, словаря Суды, Иеронима, Синкелла, Аппиана, Лукана, Страбона, Иосифа Флавия, Плиния Старшего, Диодора Сицилийского, Мемнона, Либания, Тацита, Второй Книги Маккавеев, которые, по мнению исследователя, доказывают, что государство Селевкидов именовалось «державой македонян».

Однако правомерность такого прямолинейного подхода вызывает серьезные сомнения. Прежде всего, Ч. Эдсон даже не ставит перед собой вопроса о том, что скрывалось за понятием «македонянин». Между тем, уже при Антиохе II Теосе македонянином именовался один из его любимцев, выходец с Кипра (*Athen.* VII. 289f). Полибий упоминает полководца Антиоха III, «македонянина Биттака» (*Polyb.* V. 79. 3; 82. 10). Однако это имя никогда не употреблялось в самой Македонии, а все его носители жили в Афинах (LGPN s.v. Βύττακος). Поэтому, скорее всего, селевкидский военачальник также имел аттическое происхождение. Благодаря широкому распространению практики вооружения восточных рекрутов на македонский манер (*Diod.* XIX. 27. 6) применительно к армии апеллатив «македонянин» стал означать только «солдата, вооруженного по македонскому образцу» [Briant, 1973. P. 44; Кошеленко, 1979. С. 239, прим. 70; Billows, 1995. P. 155–157; Балахванцев, 2014б. С. 304]. Эти факты свидетельствуют в пользу вывода Н. Секунды, согласно которому понятие

«македонянин» в державе Селевкидов превратилось в «псевдоэтноним» [Sekunda, 1994. P. 13].

Кроме того, терминология отобранных Ч. Эдсоном источников является вовсе не столь однозначной, как это пытается представить сам автор. В самом деле, Иосиф Флавий называет государство Селевкидов «царством сирийцев» (*Ios. Ant.* XIII. 253) или «царством Сирии» (*Ios. Ant.* XIII. 270). Юстин постоянно употребляет апеллатив «сирийский» применительно к царям Антиоху II Теосу (*Iust.* XXVII. 1. 1), Антиоху III Великому (*Iust.* XXX. 1. 4; XXXI. 1. 1), Антиоху IV Эпифану (*Iust.* XXXIV. 2. 7), Деметрию II Никатору (*Iust.* XXXVIII. 9. 1), Антиоху VII Сидету (*Iust.* XLII. 1. 2), Антиоху XIII Азиатика (*Iust.* XL. 2. 2). Точно так же «сирийским» именуется престол (*Iust.* XXXV. 1. 6; XXXVIII. 9. 3; XL. 1. 4) и государство Селевкидов (*Iust.* XXXI. 7. 8; XXXII. 2. 1; XXXIV. 3. 8; XXXV. 1. 1; XXXVI. 1. 7–8; XXXVIII. 9. 10; XXXIX. 1. 3, 2. 1, 3. 5, 5. 4; XL. 1. 1).

Порфирий использует по отношению к Селевкидам только выражение «цари Сирии» (*Porphyr.* FGrH 260 F 43), а к их государству – «царство Сирия» (*Porphyr.* FGrH 260 F 48–49). Лишь один раз¹⁰⁴ в его труде селевкидский гарнизон Иерусалима называется *praesidio Macedonum*

---

¹⁰⁴ Ч. Эдсон [Edson, 1958. P. 168, not. 42] утверждает, что Порфирий (*Porphyr.* FGrH 260 F 41), говоря о «провинциях, вышедших из-под власти македонян», подразумевает под «*potestate Macedonum*» державу Селевкидов. Однако приводимый здесь список (Каппадокия, Армения, Вифиния, Гераклея, Боспор) представляет собой перечень расположенных – кроме Боспора Киммерийского – в Малой Азии независимых государств и датируется временем правления Лисимаха, т.е. 300–281 гг. до н.э. [Перл, 1969. С. 62, прим. 100]. Поэтому данное выражение Порфирия к Селевкидам отношения не имеет.

(*Porphyr.* FGrH 260 F 50), что, как уже объяснялось выше, говорит только о присутствии в крепости вооруженных по-македонски воинов.

Следует также отметить, что весьма отрицательное впечатление производит отказ Ч. Эдсона от анализа именно тех источников, которые вышли из-под пера современников державы Селевкидов: «Истории» Полибия и первых двух Книг Маккавеев. Полибий воспринимает великие эллинистические державы как территориальные царства, каждое из которых именуется по своей главной области. Поэтому Селевкиды в его труде – это только цари Сирии (*Polyb.* V. 34. 6; X. 40. 7; XXVIII. 1. 3, 20. 6; Fr. 154). Соответственно, государство Селевкидов именуется «сирийским царством» или Сирией (*Polyb.* II. 71. 4; III. 5. 3; IV. 2. 7, 48. 5; XXXI. 11. 1, 12. 9; XXXIX. 19. 5), их подданные, как и солдаты селевкидской армии (*Polyb.* V. 85. 10; X. 30. 8) – сирийцами (*Polyb.* XXXI. 20. 5; XXXIII. 19). Только однажды, при описании парада, устроенного Антиохом IV в Дафне, Полибий упоминает в числе воинов и македонян (*Polyb.* XXXI. 3. 5).

Авторы Первой и Второй Книг Маккавеев называют государство Селевкидов «царством эллинов» (*I Масс.* 1. 10, 8. 18) или «царством Азии» (*I Масс.* 11. 13, 12. 39, 13. 32). Хотя Александр Великий всегда именуется македонянином (*I Масс.* 1. 1, 6. 2), к Селевкидам данный апеллятив никогда не применяется: они – цари Азии (*I Масс.* 8. 6; *II Масс.* 3. 3) или Сирии (*I Масс.* 11. 2). Соответственно, селевкидская армия – это «сирийское» (*I Масс.* 7. 39, 11. 60) или «эллинское» (*II Масс.* 13. 2) войско, а селевкидский полководец – «сирийский военачальник» (*I Масс.* 3. 13). Единственное упоминание о македонянах в державе Селевкидов – именно его и использовал Ч. Эдсон [Edson, 1958. P. 163] – относится только к селевкидским воинам (*II Масс.* 8. 20).

К этим нарративным источникам необходимо добавить данные эпиграфики. Генеалогическая надпись из Милета говорит о службе

Антигона, сына Менофила в качестве адмирала «Александра¹⁰⁵, царя Сирии» (*SEG XXXVII 992*). Аналогичным образом о Селевкидах, как о царях Сирии, упоминает римский закон 101 г. до н.э. (*SEG LI 1517*).

Разумеется, Ч. Эдсону было хорошо известно о существовании тенденции именовать державу Селевкидов Сирией, но он не придал этому серьезного значения, считая, что данное название не имело официального или юридического значения [Edson, 1958. P. 165]. Иные исследователи, напротив, полагают, что столь частые определения Селевкидов древними авторами в качестве «царей Сирии» должно восприниматься как выражение самопрезентации династии [Ma, 1999. P. 8; Kosmin, 2014. P. 112]. Однако ни с той, ни с другой точкой зрения согласиться невозможно. Для того чтобы судить об официальном названии державы Селевкидов, а тем более – о том, как позиционировала себя правящая династия, надо обратиться не к литературной традиции, а к источникам, в составлении которых участвовали сами цари или их приближенные.

Единственным случаем, когда в официальном документе имя царя сопровождалось этником «македонянин», было посвящение на пьедестале статуи Антиоха III Великого на Делосе, воздвигнутой его послом Мениппом ок. 192 г. до н.э. (*OGIS 239*). Однако для правильного понимания этого факта необходимо учесть исторический контекст данной надписи. Накануне начала войны с Антиохом римляне развернули против него ожесточенную пропагандистскую кампанию [Kosmin, 2014. P. 125], изображая селевкидского царя восточным деспотом, пытающимся поработить эллинов (*Liv. XXXIV. 58. 8–13, 59. 4–5, XXXV. 16. 11*). Важную роль в римской пропаганде играл и этнический аргумент. Один из творцов

---

¹⁰⁵ Скорее всего, речь идет об Александре I Бале (150–145 гг. до н.э.). Менее вероятна кандидатура Александра II Забины (128–122 гг. до н.э.).

тогдашней восточной политики Рима Тит Квинций Фламинин с издевкой заявил, что солдаты Антиоха – это «сирийцы, а, значит, душою скорее рабы, чем воины» (*Liv.* XXXV. 49. 8; *Plut.* Mor. 197C–D; *Flam.* 17. 5), что косвенно задевало и самого царя. Слова Фламинина не могли не найти отклика в сердцах греков: как из-за давней и широко распространенной практики использования рабов-сирийцев [*Tod*, 1951. № 79; Блаватская, 1969. С. 39; *Vlassopoulos*, 2010. P. 117], так и потому, что имя «Сир» («Сира») уже со времен Аристофана (*Ar.* Pax 1146) стало типичным для рабов в аттической комедии (*Athen.* IV. 137d, 176a; VII. 290b, d). Эти обвинения требовали немедленного ответа, который и был дан Мениппом в виде делосского посвящения.

Важно подчеркнуть, что предпринятая послом Антиоха III акция имела исключительно внешнюю направленность и была обращена лишь к эллинам Эгеиды и Балканского полуострова. В аналогичном посвящении из Пергама (*OGIS* 240) Антиох III упоминается без этникона. Надпись Мениппа свидетельствует не о структуре селевкидского общества, но лишь об одном, пусть и весьма важном, эпизоде внешней политики. Естественно, данный документ ни в коем случае не может служить доказательством того, что в державе Селевкидов царь – а тем более весь господствующий класс¹⁰⁶ – позиционировали себя как македоняне.

Окончательную ясность в дискутируемый вопрос вносит цилиндр Антиоха I Сотера из Борсиппы. В этом написанном в марте 268 г. до н.э. на аккадском языке документе покойный отец Антиоха именуется «царь,

---

¹⁰⁶ Один из приближенных Антиоха III Зевксид, сын Кинага, именуется «македонянином» в надписи из Амизона (*OGIS* 235), но в посвящении из Пергама (*OGIS* 236) этого апеллятива нет.

македонянин,¹⁰⁷ царь Вавилона», но среди гораздо более пространной титулатуры самого Антиоха этнику «македонянин» места не нашлось [Kuhrt, Sherwin-White, 1991. P. 75]. Данное обстоятельство, за некоторыми исключениями [Kosmin, 2014. P. 113; Балахванцев, 2015д. С. 15; Engels, Erickson, 2016. P. 57, not. 108], прошло мимо внимания и понимания исследователей [Kuhrt, Sherwin-White, 1991. P. 83; Briant, 1994. P. 459–463; Stevens, 2014. P. 76]. Между тем, при изучении титулатуры Антиоха необходимо проанализировать не только то, что в ней есть и было обстоятельно разобрано К. Стевенс [Stevens, 2014. P. 72–77], но и то, чего там – по сравнению с Селевком I – нет. Итак, отметив македонское происхождение своего отца, Антиох, тем не менее, не стал объявлять «македонянином» и себя¹⁰⁸. Очевидно, что причина этого может быть только одна: в отличие от Птолемеев, которые любили называть себя македонянами (*Paus.* X. 7. 8), царь посчитал политически вредным и

---

¹⁰⁷ Попытки интерпретировать эту часть титула Селевка как «царь македонян» [Stevens, 2014. P. 76, not. 52 (с предшествующей литературой)] не могут быть признаны успешными. И дело здесь не только в том, что при *Makkadunāya* нет показателя множественного числа [Briant, 1994. P. 461–462], а прежде всего в том, что такое чтение умаляло бы царское достоинство Антиоха I, однозначно свидетельствуя о потере им власти над македонянами, которой обладал его отец. Между тем, традиция царских надписей на Востоке, под влиянием которой был создан и цилиндр Антиоха [Stevens, 2014. P. 72–75], не допускала упоминаний об отпадении ранее покоренных стран или народов [Балахванцев, 2006б. С. 367].

¹⁰⁸ Это резко контрастирует с поведением Дария I, заявлявшего в надписях из Накш-и Рустама (*DNa* 13–15) и Суз (*DSe* 12–14) о том, что он «перс, сын перса, арий, из рода ариев» [Kent, 1953. P. 137–138, 141–142; Lecoq, 1997. P. 170, 219, 232].

недопустимым подчеркивать свою *чужеродность* по отношению к огромному большинству своих подданных. Однако присутствие данного мотива в действиях Антиоха абсолютно не согласуется с предположением о том, что в державе Селевкидов господствующий класс во главе с царем представлял собой некую «корпорацию македонян»: ведь скрывать существование такого объединения, или корпуса [Briant, 1978. P. 92], было бы не только невозможно, но и бессмысленно.

Таким образом, хотя современники предпочитали называть державу Селевкидов Сирийским царством, рассмотренный выше материал еще раз свидетельствует о справедливости вывода Э. Бикермана об отсутствии у государства, которое было лишь царством такого-то царя¹⁰⁹, официального названия [Бикерман, 1985. С. 8]. Несмотря на то, что апеллятив «македонянин» обладал высокой престижностью¹¹⁰, псевдоэтничность этого понятия не дает основания считать, что македоняне являлись господствующим народом в Селевкидской империи [Балахванцев, 2015д. С. 16].

Теперь следует перейти к вопросу о существовании в селевкидском обществе социальных категорий, выделяемых по национальному признаку¹¹¹. Для проверки обоснованности сформулированной П. Брианом

---

¹⁰⁹ По сути, эта персонификация продолжала традицию классической эпохи, когда заключали союзы и враждовали не города, а спартанцы, афиняне, фиванцы.

¹¹⁰ В противном случае было бы трудно понять, зачем уже упоминавшийся киприот Фемисон стал называть себя «македонянином» (*Athen.* VII. 289f).

¹¹¹ В принципе, здесь нет ничего невероятного: история знает много случаев, когда в результате завоеваний этнические различия превращались в социальные [Утченко, Дьяконов, 1970. С. 6; Илюшечкин, 1986. С. 53].

теории необходимо рассмотреть этнический состав господствующего класса селевкидского общества, а также весь спектр (от бытовых до социально-экономических) отношений между потомками завоевателей и завоеванных.

По мнению С.В. Смирнова, в состав «доминирующего этнокласса» наряду с монархом и его семьей входили царские придворные, военачальники, высшие чиновники региональной администрации во главе с правителями сатрапий, а также прослойка греко-македонского населения военных колоний и полисов [Смирнов, 2014а. С. 321]. Но прежде чем говорить о том, кого допускали в правящую верхушку Селевкиды, важно напомнить, какую политику в этом вопросе проводил Александр Македонский. С 331 г. до н.э. во главе важнейших сатрапий его империи стояли Мазей (Вавилония), Абулит (Сузиана), Мифрен (Армения), Фрасаорт (Персида), Оксидат (Мидия), Артабаз (Бактрия). Правда, к концу правления Александра из-за естественной убыли и казней только трое иранцев – Атропат в Мидии, Фратаферн в Парфии и Гиркании, Оксиарт в Парапамисадах – сохраняли свои посты [ср. Olbrycht, 2013а. Р. 161]. Однако этот факт вряд ли может иметь то значение, которое ему иногда стараются придать [Eddy, 1961. Р. 10; Bosworth, 1980а. Р. 9, 14; Kosmin, 2013b. Р. 674]: репрессии после завершения индийского похода обрушились и на многих сатрапов из числа македонян. Важным было не количество сатрапов-иранцев, но то, что по воле царя любой из его приближенных, будь то грек, македонянин или иранец, мог как занять, так и потерять свою должность. При этом национальность сатрапа не имела никакого значения.

Часто приходится сталкиваться с мнением, будто после Александра представители иранской аристократии исчезают из высших эшелонов власти [Маринович, 1990. С. 100; Кошеленко, Ладынин, 2011. С. 537]. Ф. Уолбанк даже пытается подкрепить этот вывод ссылкой на статистические

данные, согласно которым доля сирийцев, иудеев, персов и других иранцев в составе господствующего класса не превышала 2,5 % [Walbank, 1993. P. 125]¹¹². Однако последующие исследования показали, что руководящие должности у Селевкидов занимали значительно больше представителей восточных народов, чем это считалось ранее [Мель, 2005. С. 74–77; Plischke, 2014. S. 33]. Вместе с тем, констатируется почти полное (за одним-единственным исключением) отсутствие «варваров» среди царских φίλοι [Savalli-Lestrade, 1998. P. 223]¹¹³.

Что можно заметить по этому поводу? При решении вопроса об этническом составе селевкидской правящей верхушки необходимо учесть следующее. Первое. Греческие и македонские имена полководцев и администраторов селевкидской державы сами по себе говорят лишь о том, что их носители в той или иной степени приобщены к греческой культуре и в этом смысле являются эллинами. Однако на основе анализа одной ономастики невозможно определить, были ли они эллинами κατὰ φύσιν или представителями эллинизированной восточной аристократии. Второе. Дошедшие до нас данные о правящей верхушке государства Селевкидов в высшей степени случайны. Так, для правления Селевка II Каллиника (246–226 гг. до н.э.) известен всего лишь один царский «друг» – врач Аполлофан [Savalli-Lestrade, 1998. P. 19–20]. Поэтому представляется более продуктивным воздержаться от статистических выкладок и обратиться к прямым указаниям источников.

Следует сразу же решительно возразить против утверждений о политической монополии греко-македонян, проявлявшейся в занятии ими *всех* [выделено нами – А.Б.] руководящих постов в армии, при дворе и в

¹¹² См. также: Nabicht, 1958. S. 5–16; Dreyer, 2011. P. 49.

¹¹³ О категориях «друзей» и «родственников» царя в целом см.: Бикерман, 1985. С. 41–46.

региональной администрации [Briant, 1978. P. 92; Смирнов, 2014а. С. 318; 2014б. С. 147]. Так, среди «друзей» Селевка I, Лукиан упоминает юношу с явно семитским именем Комбаб, надзиравшего за постройкой храма в Гиераполисе (*Luc. Syr.D.* 19–27). Вся рассказанная о нем Самосатцем история носит сказочный характер, но такая деталь, как воздвижение в честь Комбаба бронзовой статуи работы Гермокла Родосского¹¹⁴ (*Luc. Syr.D.* 26), заставляет предположить, что в легенде присутствовало историческое зерно¹¹⁵. В 246 г. до н.э. стратегом Киликии был иранец Арибаз (*P. Gurob. Col. II* 30)¹¹⁶, а в 214 г. до н.э. его тезка и соплеменник исполнял обязанности градоначальника в Сардах (*Polyb.* VII. 17. 9, 18. 4–5, 7). Градоначальником Урука в 244 г. до н.э. был вавилонянин Ануубаллит-Никарх, а в 202 г. до н.э. эту должность занимал Ануубаллит-Кефалон [Саркисян, 1976. С. 193, 194; Voüy, Mittag, 2011. S. 118–120]¹¹⁷. В 217 г. до н.э. в битве при Рафии мидиец Аспасиан [Stolper, 2006. P. 246–247] командовал корпусом, состоявшим из пяти тысяч иранцев (*Polyb.* V. 79. 7).

В конце правления Антиоха III стратегами Армении являлись Артаксий и Зариандр, иранские имена которых говорят сами за себя (*Strab.* XI. 14. 5). Что же касается Артаксия, то, судя по его надписям, он

---

¹¹⁴ На Родосе известен еще один носитель этого имени, живший во второй половине III в. до н.э. (LGPN s.v. 'Ερμωκλῆς).

¹¹⁵ См. также: Posener, 1986. P. 94, 96; Sherwin-White, Kuhrt, 1993. P. 25, 124; Savalli-Lestrade, 1998. P. 6.

¹¹⁶ Bengtson, 1944. S. 77; Eddy, 1961. P. 39; Piejko, 1990. P. 14, 21, not. 11; Plischke, 2014. S. 49.

¹¹⁷ Следует заметить, что, в отличие от иранцев, вавилоняне не занимали административных постов вне пределов своей исторической родины. О верхушке вавилонского общества в селевкидский период см.: Voüy, Mittag, 2011. S. 105–126.

принадлежал к знатному персидскому роду Оронтидов¹¹⁸. К этому же роду возводил свое происхождение Птолемей [Sullivan, 1977. P. 736, 743], ставший в конце правления Антиоха IV эписатом Коммагены (*Diod.* XXXI. 19a). Антиох IV назначил эпархом Месены Гиспаосина, сына Сагдодонака (*Plin.* NH. VI. 139), который, судя по имени, был человеком иранского и, возможно, даже бактрийского происхождения¹¹⁹.

В 145 г. до н.э. пост стратега Вавилонии занимал Ардайя (*AD* -144 'Obv. 36'; Rev'. 17). Б. ван дер Спек в комментарии к «хронике греческой общины» (*BSHP* 14) без большой уверенности предполагает здесь наличие македонского имени Арридей. Но так как в вавилонской клинописи при написании иранских имен встречается передача иранского глухого через аккадский звонкий [Грантовский, 2007. С. 100, 102], представляется более вероятным, что перед нами иранское имя *Artaуа (герой)¹²⁰, известное из «табличек крепостной стены» в Персеполе [Maqrhofer, 1973. S. 166; Schmitt, 1979. S. 34: Irdaya], сочинения Геродота (*Hdt.* VII. 22, 61) и монетной чеканки индо-парфян [Vorearachchi, Aman ur Rahman, 1995. P. 200]. Наконец, около 140 г. до н.э. последним селевкидским правителем Месопотамии был мидиец Дионисий (*Diod.* XXXIII. 28; Savalli-Lestrade, 1998. P. 120).

---

¹¹⁸ Тирацян, 1980. С. 102. Вопреки мнению автора, который склонен более доверять баснословным утверждениям Моисея Хоренского, чем эпиграфическим данным, сомневаться в справедливости прямого заявления Артаксия о его принадлежности к роду Оронтидов нет никаких оснований.

¹¹⁹ История вопроса: Nodelman, 1960. P. 86; Bernard, 1985. P. 135–136; Schuol, 2000. S. 291–292; Voiy, 2004. P. 169, not. 155; Kosmin, 2013a. P. 72, not. 100.

¹²⁰ Об этом имени см.: Грантовский, 2007. С. 298.

Следует также подчеркнуть, что совместная служба эллинов и «варваров» не предполагала привилегированного положения первых и приниженного – вторых. Так, Кефисодор, стратег Тила (Бахрейна) и островов в Персидском заливе, посвятивший храм Диоскуров за царя Месены (Харакены) Гиспаосина и царицу Талассию (*IEOG* 147^r; Gatier et al., 2002. P. 223–226; Kosmin, 2013a. P. 62), скорее всего, являлся подчиненным Гиспаосина еще тогда, когда последний был не царем, а селевкидским наместником.

Для правильной оценки этих фактов необходимо учесть, что если при Ахеменидах существовал обычай, по которому знать должна все время находиться при царском дворе и быть готовой к выполнению любого распоряжения своего повелителя (*Хер. Суг. VIII. 1. 6–8*), то при Селевкидах ситуация кардинально меняется. Уже отмечавшееся выше отсутствие иранцев среди царских «друзей»¹²¹ в сочетании с их участием в управлении сатрапиями свидетельствует о том, что в III–II вв. до н.э. иранские аристократы переносят свою активность на региональный уровень¹²².

Теперь можно перейти к самой многочисленной части «доминирующего этнокласса» – населению военных колоний и полисов.

---

¹²¹ Savalli-Lestrade, 1998. P. 223. Иранские аристократы не могли комфортно чувствовать себя при дворе: их знание греческого языка вряд ли превышало уровень, необходимый для обсуждения военных и административных вопросов, а многие придворные обычаи – такие, например, как участие в танцах (*Athen. IV. 155b*) – были им откровенно чужды.

¹²² Известные на сегодняшний день данные свидетельствуют, что иранцы управляли только сатрапиями с *неиранским* населением. Пока трудно судить, является ли это следствием неполноты дошедшей до нас информации или результатом сознательной политики Селевкидов.

Можно ли ограничивать их число, как это иногда делается [Смирнов, 2014а. С. 321], только греко-македонянами? При ответе на этот вопрос следует рассмотреть следующие аспекты данной проблемы. Первый из них касается совместного проживания греков и местных жителей в одном городе. Уже Александр стал расселять в основанных им городах наряду с греками и македонянами представителей местного населения¹²³, социальный статус которых был не ниже, чем у пришельцев [Ольбрыхт, 2015. С. 426–431]. В селевкидское время такая практика засвидетельствована для Антиохии на Оронте, Дура-Европос, Селевкии на Тигре, Антиохии Каллирои (Эдессы), Антиохии в Мигдони (Низибиса), Селевкии (Керкука), Вавилона, Селевкии на Эвлее (Суз), Урука [Downey, 1961. P. 78–80, 115; Кошеленко, 1979. С. 82, 84, 86, 89, 106, 118; Дандамаева, 1985. С. 171–174; Cohen, 2006. P. 86]. Необходимо подчеркнуть, что, судя по вавилонским источникам, никаких конфликтов

---

¹²³ Подробнее см.: Кошеленко, 1979. С. 212–214. Недавняя критика этого положения [Смирнов, 2013. С. 243–244] не выглядит убедительной. Утверждение о невозможности проживания греко-македонян в близком соседстве с коренным населением, безусловно, противоречит известным нам фактам, хотя бы – рассказанной Аррианом истории об основании Александрии Эсхаты (*Arr. Anab. IV. 4. 1*), куда местные варвары переселялись добровольно. П. Бриан [Briant, 1978. P. 75–76] предпочитает версию Курция Руфа (*Curt. VII. 6. 27*), согласно которой в городе были поселены выкупленные Александром пленники, ставшие таковыми после подавления македонянами восстания городов на Танаисе–Яксарте. Таким образом, получается, что сначала царь раздает пленных воинам (*Curt. VII. 6. 16*), а через короткое время выкупает рабов у их хозяев. Сомнительно, что Александр стал бы проявлять такую снисходительность к непокорным в разгар восстания Спитамена. См. также: Ольбрыхт, 2015. С. 429.

между жившими в Вавилоне греческими *политами* и местным *народом земли* не возникало¹²⁴.

Второй аспект связан с вопросом формирования гражданского коллектива в селевкидских полисах¹²⁵. Есть мнение, что он состоял только из македонян и греков [Кошеленко, 1979. С. 220; Шофман, 1987. С. 149]. Однако данное мнение является ошибочным и опровергается имеющимися данными. Так, в 244/3 г. до н.э. [Elwyn, 1990. P. 180] полис смирнейцев предоставил большому количеству воинов и жителей Магнесии на Сипиле гражданские права в Смирне. Каждое упоминание о даровании гражданства Смирны жителям Магнесии непременно сопровождалось оговоркой «если они свободные и эллины» (*OGIS 229, 45, 51, 74*). Однако это условие ни разу не фигурирует в тех местах надписи, где говорится о получении гражданства воинами. Логично предположить, что многие из них не удовлетворяли этим требованиям. Наличие же в надписи прямого упоминания о даровании группе селевкидских воинов-персов под

---

¹²⁴ Попытка увидеть в «хронике греческой общины» (*ВСНР 14*) рассказ о восстании вавилонян против эллинов [Spek, 2009. P. 111; Смирнов, 2014б. С. 160–161] не может быть признана успешной, так как основана на произвольных восстановлениях утраченных мест и явно противоречит логике: по реконструкции Б. ван дер Спека получается, что 16 октября 163 г. до н.э. *народ земли* во главе с префектом (*šaknu*) сражался с греческими *политами*, а 17 октября вернулся в Вавилон после битвы... с войсками префекта (*šaknu*).

¹²⁵ Здесь следует отметить, что отнюдь не все основанные Селевкидами города получали статус полиса. Так, например, нет никаких доказательств того, что полисом был Ай-Ханум: в происходящей оттуда эпиграфике *ни разу* не упоминаются полис, его институты или магистраты (*IGIAC 97–150*).

командованием Омана¹²⁶ гражданских прав в Смирне (*OGIS* 229, 104–105)¹²⁷ превращает это предположение в твердо установленный факт.

В I в. н.э. три квартала, или «блока» (πλιυθείον) Антиохии на Оронте – бывшей столицы державы Селевкидов – носили иранские имена (*SEG* XXXV 1483, А 32–34, В 33–34) по своим первоначальным владельцам Багадату, Фарнаку и Дамасаферну [Feissel, 1985. Р. 100–102; Kosmin, 2014. Р. 206; Балахванцев, 2015д. С. 17]. Среди них особый интерес вызывает гимнасиарх Фарнак, который стал не просто жителем столицы и получил там гражданские права¹²⁸, но даже занял одну из наиболее важных городских должностей, связанную с воспитанием юношества в эллинском духе [Кошеленко, 1979. С. 290].

Но если целые группы иранцев приобретали гражданские права в одном из старинных городов Ионии или столице, то было бы крайне

---

¹²⁶ Поскольку греческие -ο и -ω передают иранское *vahu* [Грантовский, 2007. С. 92, 241], то имя офицера следует восстановить как ср.-перс. *Vahuman* (Добромысл). Попытку сблизить воинов Омана с «персами», известными из египетских документов птолемеевского времени [Fingerson, 2007. Р. 119], нельзя признать успешной, т.к. вторые не являются этнической категорией и носят только египетские и греческие имена [Зельин, 1960. С. 86, 149, 249–255].

¹²⁷ Бикерман, 1985. С. 62, прим. 138; Ранович, 1950. С. 103; Walbank, 1993. Р. 131; Балахванцев, 2014б. С. 308. Начало подобной практики восходит к 320 г. до н.э., когда гражданами Амизона стали иранцы Багадат и его сын Ариарамн. См.: Briant, 1985. Р. 174–175; Sherwin-White, Kuhrt, 1993. Р. 122.

¹²⁸ Переселение Фарнака и других иранцев в Антиохию могло произойти между основанием города в 300 г. до н.э. и его последнем расширением при Антиохе IV (*Strab.* XVI. 2. 4).

нелогичным сомневаться в возможности проникновения жителей Востока в гражданские коллективы полисов, основанных самими Селевкидами на просторах Азии¹²⁹. Что же касается этнической принадлежности военных колонистов, то источники позволяют утверждать, что в числе *катоиков* на о. Икар (Файлака) в Персидском заливе [Hannestad, 1994. P. 593–594; Kosmin, 2013a. P. 65]¹³⁰, в Мидии [Ельницкий, 1964. С. 137], а также в Лидии и Фригии [Ваг-Кочва, 1976. P. 45, 228, not. 114] были люди самого разнообразного происхождения.

Третий аспект обсуждаемой здесь проблемы связан с политико-правовым положением членов гражданско-храмовых общин Вавилонии¹³¹. В свое время Г.А. Кошеленко утверждал, что, хотя в правовом отношении эта категория лиц стояла выше граждан полисов и военных колонистов, в

---

¹²⁹ Так, обнаруженная на о. Тилос (Бахрейн) плохо сохранившаяся греческая надпись 118/117 г. до н.э. сообщает об Авидисаре, сыне Авидисара, александрийце. Издатели надгробия [Gatier et al., 2002. P. 226–229] считают это имя семитским и полагают, что речь идет об одном из жителей Александрии на Эритрейском море (Спасину-Харакс). Наличие этника позволяет предположить, что Авидисар был гражданином столичного города Харакены.

¹³⁰ Н.А. Маккавеев, поставивший под сомнение статус селевкидского поселения на Файлаке, указывает, что для предоставления *катоикам* клеров на острове, с учетом уже проживавших там местных жителей, не хватило бы земли [Маккавеев, 2015. С. 64–71]. Однако земельные участки военных колонистов могли находиться и на материке; расстояние между гаванью Файлаки и тогдашним устьем Евфрата (совр. Хор Абдалла) составляет ок. 13 км.

¹³¹ Следует вспомнить, что в их состав (например, в Уруке) входили и греки [Саркисян, 1952. С. 75; 1976. С. 181].

политическом плане вавилоняне не были включены в политическую структуру государства, т.к. не служили ни в армии, ни в государственном аппарате [Кошеленко, 1979. С. 246–247]. Однако нет никакой возможности согласиться ни с представленной точкой зрения, ни с приводимыми в ее поддержку аргументами. В самом деле, дарование Селевкидами различных привилегий гражданско-храмовым общинам Вавилонии превращало последние – наряду с полисами – в одну из опор династии [Саркисян, 1952. С. 80–83], особенно важную как из-за экономического значения данного региона, так и потому, что в III в. до н.э. полисы (кроме Селевкии на Тигре) и военные колонии там практически отсутствовали.

Столь же неверным является и аргумент об отсутствии вавилонян среди правящей бюрократии: кем, как не селевкидскими функционерами, обладавшими всей полнотой власти в своих городах, были уже упоминавшиеся градоначальники Урука Ануубаллит-Никарх и Ануубаллит-Кефалон или управлявшие Вавилоном верховные жрецы и администраторы (*šatammu*) Эсагилы [Саркисян, 1952. С. 81–83; Voüy, 2004. P. 194, 196; Voüy, Mittag, 2011. S. 106]? Что же касается службы вавилонян в селевкидской армии, то будет логичным рассмотреть ее в рамках выяснения этнического состава последней. В целом, ничто не препятствует считать, что члены гражданско-храмовых общин Вавилонии и граждане селевкидских полисов обладали равными правами.

Армия, наряду с полисами и гражданско-храмовыми общинами, была важнейшей опорой державы Селевкидов и наиболее значимым государственным институтом. Поэтому для выяснения того, какую роль играли жители Востока в политической жизни государства, необходимо

определить реальное значение восточных контингентов в селевкидской армии¹³².

Практика допуска представителей восточных (в первую очередь иранских) народов в армию берет свое начало с Александра Македонского [Brunt, 1963. P. 42–45; Griffith, 1963. P. 68–74; Badian, 1965. P. 160–161; Bosworth, 1980a. P. 15–17; Hammond, 1983. P. 139–144]. Уже на завершающей стадии среднеазиатской кампании в отряде сатрапа Бактрии Аминты отмечается присутствие бактрийцев и согдийцев (*Arr. Anab.* IV. 17. 3). Во время индийского похода к ним присоединились дахи и скифы (*Curt.* VIII. 14. 5; IX. 2. 24; *Arr. Anab.* V. 12. 2). После возвращения из Индии восточные всадники были включены в состав конницы гетайров (*Arr. Anab.* VII. 6. 3), а несколько самых знатных иранцев причисляются к царским телохранителям – *агеме* (*Arr. Anab.* VII. 6. 4)¹³³.

Однако перемены не ограничились одной только конницей. В 327 г. до н.э. Александр приказал набрать во всех сатрапиях тридцать тысяч юношей для службы в македонской армии (*Curt.* VIII. 5. 1; *Plut.* Al. 47. 6). В феврале 324 г. до н.э. эти «эпигоны», обученные и вооруженные по македонскому образцу, прибыли в Сузы (*Diod.* XVII. 108. 1–3; *Arr. Anab.* VII. 6. 1). Затем Александр включил восточных воинов в состав дворцовой

---

¹³² Ср. [Austin, 1986. P. 450], где автор выступает против тенденции трактовать политическую и военную историю как нечто отдельное от экономической и социальной.

¹³³ Вряд ли можно согласиться с исследователями, приуменьшающими значение этого факта и видящими в восточных аристократах так же, как и в македонских пажах Александра, только заложников [Bosworth, 1980a. P. 13]. Последнее обстоятельство вовсе не умаляет политической роли как македонской, так и иранской знати: ведь кого попало в заложники не брали.

стражи и фаланги (*Diod.* XVII. 110. 1–2; *Arr. Anab.* VII. 11. 3; 23. 1, 3–4; *Iust.* XII. 12. 4)¹³⁴. Следует подчеркнуть, что, действуя так, царь решал сразу две задачи: восполнял убыль воинов, возникшую из-за больших потерь среди греков и македонян, а также ликвидировал свою чрезмерную зависимость от последних.

Для ответа на вопрос о том, продолжили ли Селевкиды политику Александра в этом вопросе или порвали с ней, следует еще раз обратиться к анализу имеющихся у нас источников. Еще П. Бриан, сравнивая мероприятия Евмена из Кардии с действиями других диадохов, в том числе и Селевка, показал, что все они прибегали к набору войск из местного населения [Briant, 1972. P. 60–69]. Причина этого заключалась в том, что в случае сотрудничества между сатрапом и его восточными подданными первый мог получить в свое распоряжение армию испытанной преданности, невозможной ни со стороны наемников, ни со стороны македонян [Briant, 1972. P. 69]. Естественно предположить, что Селевк и его преемники продолжали использовать восточных воинов и в дальнейшем¹³⁵. Тем не менее, следует уточнить вопрос о масштабах «ориентализации» селевкидской армии и ее составных частей.

При Ахеменидах в Вавилонии была широко распространена практика предоставления воинам земельных участков. При этом их держатели не только отбывали воинскую повинность, но и платили со

---

¹³⁴ См.: Шахермайр, 1986. С. 296–298; Bosworth, 1980a. P. 17–20; Шофман, 1987. С. 143–153; Балахванцев, 2014б. С. 302–305.

¹³⁵ См.: Foulon, 1996. P. 229. Особняком стоит мнение Й. Вольского [Wolski, 1977. P. 155], согласно которому со второй половины III в. до н.э. иранская кавалерия уже не участвует в битвах Селевкидов. Приводимые ниже данные убедительно демонстрируют необоснованность этого утверждения.

своей земли налоги царю. Военские наделы носили названия: «дом» (bīt) лука, колесницы, коня и т.д. [Дандамаев, Луконин, 1980. С. 157–159]. Упоминание аналогичных наделов в документах из Урука начала III в. до н.э. [Саркисян, 1955. С. 140–142, № 1. 15; Wallenfels, 1998. № 1] свидетельствует о том, что Селевк I унаследовал эту систему, позволявшую серьезно сократить расходы на армию, и среди его воинов были вавилоняне [Invernizzi, 1993. P. 234–235]. Очевидно, что большую часть тех царских войск, которые в полном своем составе были собраны в Вавилонии и под командованием стратега в апреле 273 г. до н.э. (AD -273 B 'Rev. 32'; Spek, 1993. P. 98) отправились на помощь Антиоху I в Заречье (Сирию), составляли как раз вавилоняне.

Сведения о солдатах-вавилонянах имеются и для более поздней эпохи. Так, по приводимому Иосифом Флавием свидетельству Агафархида, мятеж Стратоники в Антиохии произошел в то время, когда Селевк II «создавал (готовил) вавилонское войско»¹³⁶. На основании этой информации нельзя, разумеется, категорически утверждать, что речь здесь идет о членах гражданско-храмовой общины Вавилона. Однако если учесть, что в селевкидских полисах и катойкиях гражданские права и военная служба были тесно связаны между собой [Ваг-Кочва, 1976. P. 45], то вполне допустимо предположить существование подобной связи и для граждан Вавилона.

---

¹³⁶ *Ios. Ap. I. 207. ποιουμένου [δὲ] τὴν ἀπὸ Βαβυλῶνος στρατιὰν αὐτοῦ...* Представляется предпочтительным следовать здесь не конъектуре И. Беккера – *στρατείαν*, принятой в издании Б. Низе, а рукописному чтению, сохраненному в манускрипте XI в. (cod. Laurentianus plut. 69 cod. 22) и латинской версии [Flavii Iosephi, 1955. P. V, 37]. Попытка понять это место как указание на начало какой-то военной кампании [Boiy, 2004. P. 152] выглядит необоснованной.

Во время Первой Сирийской войны (274–271 гг. до н.э.) Антиох I Сотер, желая обмануть египетского стратега, создал впечатление, что его армия собирается отмечать «персидский праздник» (*Polyaen.* IV. 15). Это известие, как и само празднество, не вызвало у неприятеля никаких подозрений, что можно объяснить лишь значительным и постоянным присутствием иранских воинов в селевкидской армии, о чем было хорошо известно и противной стороне. В пользу предложенного объяснения свидетельствуют и отмеченные выше факты использования воинов из восточных народов не только в составе армий во время решающих битв, но и для несения обыденной гарнизонной службы в Малой Азии (*OGIS* 229, 104–105) или на островах Персидского залива [Hannestad, 1994. P. 593–594; Kosmin, 2013a. P. 65].

В битве при Рафии в 217 г. до н.э. на стороне Антиоха III в качестве легковооруженных воинов и конников сражались около двадцати тысяч дахов, карманиев, киликийцев, персов, мидян, киссиев, кадусиев и арабов (*Polyb.* V. 79. 3, 6–8). Однако при этом ряд исследователей утверждает, что фаланга – ядро армии – была чисто македонской, а иранцы играли лишь вспомогательную роль [Bar-Kochva, 1976. P. 20, 59–60, 213, not. 5; Кошеленко, 1979. С. 225; Маринович, 1990. С. 94; Kosmin, 2013b. P. 681]. Представляется, что эта точка зрения является ошибочной в плане оценки как роли фаланги, так и ее национального состава.

Во-первых, уже начиная с Александра и диадохов (Olbrycht 2013a, 166–167) основной ударной силой армии стала конница. Из-за снижения качества тяжеловооруженной пехоты [Шофман, 1987. С. 152] и необходимости вести боевые действия на необозримых просторах Азии тенденция к выдвиганию на первый план конницы еще более усилилась при Селевкидах. Так, именно успех или неудача кавалерийских атак во главе с царем определили исход основных сражений в царствование

Антиоха III: при Рафии (*Polyb.* V. 82–85), на реке Арий (*Polyb.* X. 49) и при Магнесии (*Liv.* XXXVII. 40–43).

Во-вторых, Полибий свидетельствует о присутствии при Рафии, наряду с двадцатитысячной фалангой, десяти тысяч отборных воинов из всего царства, вооруженных по-македонски, большинство из которых были аргираспидами (*Polyb.* V. 79. 4–5). Уже давно появилась тенденция видеть в части этих тяжеловооруженных воинов представителей восточных народов [Walbank, 1957. P. 608; Sherwin-White, Kuhrt, 1993. P. 55; Billows, 1995. P. 156, not. 33]¹³⁷. Разделяя это мнение [Балахванцев, 2014б. С. 303–304], хотелось бы лишь еще раз подчеркнуть, что выходцы из восточных народов не составляли какое-то особое подразделение в составе фаланги, но зачислялись в нее в индивидуальном порядке [Walbank, 1957. P. 608; Абакумов, 2015. С. 50–51]. Это представляется особенно вероятным в свете приведенных выше данных о мультиэтничности селевкидских полисов и катойкий. Данное обстоятельство также обесценивает аргумент израильского историка Б. Бар-Кохвы, согласно которому Селевкиды не могли предоставить паноплию восточным воинам, так как боялись восстаний покоренных народов [Bar-Kochva, 1976. P. 20].

Не менее важную роль иранцы играли и в селевкидской кавалерии [Sekunda, 1994. P. 21–22; Strootman, 2017. P. 182]. В битве при Магнесии в 190 г. до н.э. *агема* Антиоха III состояла из отборных мидян и других иранцев этой же области (*Liv.* XXXVII. 40. 6). Э. Бикерман, опираясь на замечание Аппиана (*App. Syr.* 163) об *агеме* македонян, считает, что Ливий допустил здесь ошибку [Бикерман, 1985. С. 57]. Однако упоминание

---

¹³⁷ Первоначально такого же мнения придерживался и Э. Бикерман [Бикерман, 1985. С. 55, 61], но позднее, под влиянием критики со стороны Г. Бенгтсона [Bengtson, 1944. S. 68], он его изменил [Bickerman, 1966a. P. 98, not. 56].

римским историком о происхождении воинов *агемы* из одной области не позволяет воспринимать македонян в этническом смысле: ведь особой «области македонян» в царстве Селевкидов не существовало. Поэтому никакого противоречия между двумя историками здесь нет, и речь может идти о мидянах, вооруженных по-македонски. Если же учесть наличие в Мидии царских табунов (*Polyb.* V. 44. 1) и то, что прилегающая к ней с севера Мидия Атропатена славилась своей конницей (*Polyb.* V. 55. 8), то причин сомневаться в точности сведений Ливия, восходящих к Полибию, просто не остается. Иранцами же были и катафракты, сражавшиеся с римлянами при Магнесии (*Liv.* XXXVII. 40. 5, 11), а позже участвовавшие в параде, устроенном Антиохом IV в Дафне (*Polyb.* XXXI. 3. 9).

В науке уже был поставлен вопрос о существовании в селевкидских сатрапиях местных воинских соединений [Voüy, 2010. P. 9]. И хотя в источниках нет никаких прямых данных об их национальном составе, проблема поддается решению. Поскольку в 180–160 гг. до н.э. целый ряд бывших селевкидских наместников – Артаксий, Зариандр, Гиспаосин, Птолемей – провозглашают свою независимость, вряд ли можно сомневаться в том, что войска, которыми они командовали, формировались не из греко-македонян, а из местного населения.

Естественно, что проживание в одних и тех же городах, совместная служба в армии и административном аппарате облегчали процесс сближения греко-македонян и жителей Востока, принадлежавших к одному социальному кругу. Свое наглядное выражение он нашел в смешанных браках¹³⁸. Так, Селевк еще при жизни Александра взял в жены дочь вождя

---

¹³⁸ Интересно сравнить эту практику с существовавшим при Птолемах запрете на смешанные браки в Навкратисе и, возможно, в Александрии. См.: Баюн, 1992. С. 268.

бактрийцев Спитамена Апаму (*Arr. Anab.* VII. 4. 6)¹³⁹, ставшую матерью наследника престола Антиоха I¹⁴⁰. Дочери Антиоха II вышли замуж за иранских династов: Стратоника – за Ариарата Каппадокийского (*Diod.* XXXI. 19. 6), а Апама¹⁴¹ – за Митридата II Понтийского (*Porphyr.* FGrH 260 F 32.6). Младший сын Антиоха II Антиох Гиеракс первым браком был женат на дочери Ариамена (Ариарамна) Каппадокийского (*Iust.* XXVII. 3. 7), а вторым – на дочери Зиела Вифинского (*Porphyr.* FGrH 260 F 32.8).

---

¹³⁹ Женитьба Селевка была лишь частью инициированной Александром серии браков, когда сам царь, его приближенные и даже простые воины взяли иранских жен (*Diod.* XVII. 107. 6; *Curt.* X. 3. 11–12; *Arr. Anab.* VII. 4. 4–8; *Plut.* Al. 70. 3).

¹⁴⁰ О роли Апамы см.: Harders, 2016. P. 31–35; Engels, Erickson, 2016. P. 40–45; Ramsey, 2016. P. 88–97.

¹⁴¹ В апреле-мае 246 г. до н.э. вавилонский астрономический дневник зафиксировал пребывание в городе детей Антиоха II – Селевка, Антиоха и Апама (*AD* -245 A Obv'. 13). В публикации имени каждого персонажа был предпослан вертикальный клин, означающий в аккадской клинописи мужской детерминатив. Ряд авторов [Zadok, 2002. P. 63; Мель, 2005. С. 76; Muccioli, 2010. P. 86; Plischke, 2014. S. 223, anm. 360] интерпретировал эту запись как свидетельство о существовании неизвестного прежде селевкидского принца Апама. В 2005 году нами было высказано предположение, что, поскольку таких мужских имен в иранской ономастике не встречается, речь может идти только о женском имени Апама [Балахванцев, 2006в. С. 226]. Проверка по оригиналу, произведенная Б. ван дер Спеком, показала наличие перед последним именем женского детерминатива [Stolper, 2006. P. 245]. Это окончательно доказывает, что младшую дочь Антиоха II, имя которой в классических источниках не сохранилось, звали Апамой.

Антиох III женился на Лаодике, дочери Митридата II Понтийского (*Polyb.* V. 43. 1), а свою сестру Антиохиду выдал за правителя Софены Ксеркса (*Polyb.* VIII. 25. 5). Дочь Антиоха III Антиохиды стала женой Ариарата IV Каппадокийского (*Diod.* XXXI. 19. 7).

В аналогичные браки вступали и люди более скромного социального положения. Селевкидский наместник Месены и будущий царь Гиспаосин женился на женщине с греческим именем Талассия (*IEOG* 147^f; Gatier et al., 2002. P. 223; Kosmin, 2013a. P. 75). Гречанка Антиохиды, дочь Диофанта, была женой правителя Урука Ануубаллита-Кефалона [Саркисян, 1976. С. 187, 210–211], а Дионисия, дочь Гераклиды, вышла замуж за вавилонянина Ануубелшуну [Саркисян, 1976. С. 189–190]. Кроме этих случаев, в Уруке отмечено еще несколько смешанных браков [Саркисян, 1976. С. 207]. Смешанные браки между колонистами и местными арамейскими женщинами зафиксированы и в Дура-Европос [Дандамаева, 1985. С. 166]. В Сузах вавилонянка Белтибаната вышла замуж за гражданина города (*IGIAC* 18; Новиков, 1989. С. 77–78). Следует заметить, что если при Александре браки заключались только между греко-македонянами и иранками, то при Селевкидах процесс приобрел двусторонний характер.

Межэтнические браки способствовали появлению среди представителей народов Востока носителей греческих имен, о чем свидетельствуют клинописные документы из Урука. Г.Х. Саркисян насчитал среди урукитов тридцать пять человек с греческими именами, обладатели которых занимали различные административные должности в урукской общине [Саркисян, 1976. С. 184, 214]. Греческие имена своим сыновьям давали и некоторые знатные вавилоняне [Wallenfels et al., 2016. P. 225]. К ним, с некоторой долей сомнения, можно присоединить и жителя

Вавилона Аристея, другое имя которого было Ардубелти¹⁴². В списке наемников из Иасоса в Карии значится мидиец Сарапион, сын Деметрия (*SEG XVIII 450, 9–10*)¹⁴³. В Западной Локриде среди отпущенных на свободу рабов известно несколько сирийцев с греческими именами [Блаватская, 1969. С. 39, прим. 69]. Возможно, что и упоминавшиеся выше знатные иранцы Птолемей и Дионисий получили свои имена благодаря матерям-гречанкам. Аналогичным образом объясняется и имя Антиоха, сына Арьябузана (*AD -140 A'Rev. 7'*), царя Мидии Атропатены¹⁴⁴, правители которой вступали в династические браки¹⁴⁵ с Селевкидами (*Strab. XI. 13. 1*). Параллельно с этим некоторые иранские имена проникают в греко-македонскую среду. Так, Антиох III назвал своего сына, будущего царя Антиоха IV, Митридатом, возможно, в честь его деда с

---

¹⁴² См.: Дандамаева, 1985. С. 163; 1990. С. 10. Не вполне ясно, кем – греком или вавилонянином – являлся Аристей. Следует лишь отметить очень хорошее знание им аккадского языка.

¹⁴³ Судя по тому, что надпись датируется ок. 200 г. до н.э., отец Сарапиона получил греческое имя не позднее середины III в. до н.э.

¹⁴⁴ Об этом говорит мидийское по своему характеру имя Арьябузана: именно в мидийском языке общеиранское *z̄ переходит в z [Kent, 1953. P. 33; Расторгуева, 1990. С. 83].

¹⁴⁵ Однако последовательно антиэллинская политика правителей Мидии Атропатены после 187 г. до н.э. [Балахванцев, 2012в. С. 65] не позволяет согласиться с предположением, что Арьябузан женился на дочери Антиоха IV [Martinez-Sève, 2014a. P. 138; Coloru, 2014. P. 407]. Скорее, селевкидской принцессой была не мать, а бабушка Антиоха, а ее брак с атропатенским царем имел место во второй половине правления Антиоха III Великого.

материнской стороны Митридата II Понтийского [Muccioli, 2010. P. 81–83]. Кроме того, это же имя носил и племянник Антиоха III (*Polyb.* VIII. 25. 3).

Разумеется, что без знания в той или иной степени греческого языка заключение межэтнических браков, а также проникновение представителей восточных народов на командные посты в армии¹⁴⁶ и в административный аппарат селевкидского государства [Спек, 1998. P. 140] было бы невозможным. Данное обстоятельство, наряду с уже упоминавшимися фактами широкого – от эпитафии до исторического труда – распространения греческой письменности в среде восточного населения, заставляет с большим доверием отнестись к восклицанию Плутарха, согласно которому в Азии стали читать Гомера, а дети персов, сузианцев и гедросов – играть в трагедиях Еврипида и Софокла (*Plut. Mor.* 326D)¹⁴⁷. С другой стороны, арамейская графика употреблялась в официальных надписях наряду с греческой (*IEOG* 248; Rougemont, 2012. P. 131)¹⁴⁸. Источники конца селевкидского периода позволяют утверждать, что

---

¹⁴⁶ Армия играла огромную роль в процесс «эллинизации» иранцев [Шахермайр, 1986. С. 298]. Именно благодаря ей иранские рекруты стали осваивать греческий язык и письмо (*Plut. Al.* 47. 6).

¹⁴⁷ О распространении греческого языка на Востоке см.: Rougemont, 2014. P. 8–32; Балахванцев, 2014в. С. 93–94. Датировка надписи Иромоиса из Тахти-Сангина второй половиной I в. н.э. [Балахванцев, 2014в. С. 93; Bernard, 2015. P. 69, not. 46] доказывает его использование бактрийцами даже в кушанскую эпоху.

¹⁴⁸ Для селевкидского периода известны и частного характера надписи (например, жреца Филоты) с параллельным греческим и арамейским текстом. См.: Балахванцев, Яблонский, 2009. С. 98–99; Balakhvantsev, Yablonskii, 2009a. P. 147; Балахванцев, 2012в. С. 227; Balachvancev, 2013. S. 258 (с предшествующей литературой).

некоторые греки изучали шумерский и аккадский языки [Sollberger, 1962. P. 63], а также, возможно, и арамейский [Black, Sherwin-White, 1984. P. 137–139]. Кроме того, селевкидские власти обращались к своим восточным подданным и через переводчиков (*Polyb.* V. 83. 7), национальность которых, к сожалению, неизвестна.

Следствием сближения греко-македонян и народов Востока стало возникновение такого еще неизвестного при Александре явления, как культурный и религиозный синтез, одним из наиболее убедительных проявлений которого стал храм Окса в Тахти-Сангине (Южный Таджикистан). В архитектуре храма, возникшего в начале III в. до н.э., переплетаются иранские, месопотамские и греческие традиции, а отправление иранских культов огня и воды сочеталось с поклонением греческим божествам [Литвинский, Пичикян, 2000. С. 367–374]. Аналогичные явления отмечаются в Селевкии на Тигре [Messina, 2011. P. 164], да и во многих других местах державы Селевкидов [Martinez-Sève, 2014b. P. 243–262, 268–272].

Все это опровергает утверждение о существовании в военных поселениях и полисах государства Селевкидов этнической сегрегации [Смирнов, 2014а. С. 326–327; 2014б. С. 157]¹⁴⁹ или даже «апартхайда» в

---

¹⁴⁹ Попытка увидеть доказательства существования сегрегации в требовании к продавцу раба гарантировать, что продаваемый не служит в царской кавалерии или колесничих войсках [Смирнов, 2013. С. 242], является явным недоразумением. Расширение гарантийной формулы в контрактах о продаже рабов имело место еще в ахеменидский период [Дандамаев, 1974. С. 112] и свидетельствует о крайне бедственном положении держателей воинских наделов «коня, колесницы» и т.п., которые были готовы идти даже на мошенничество, допуская фальшивую продажу себя в рабство с целью обмана покупателя.

Вавилоне [Спек, 2009. Р. 107; Bergamini, 2011. Р. 32]¹⁵⁰. Что же касается пространственной сегрегации [Briant, 1978. Р. 82, 92; Смирнов, 2014а. С. 326–327], то, хотя она действительно существовала, но носила исключительно социальный характер, а граница проходила не между полисом и хорой, а внутри самого селевкидского города, в котором цитадель или дворец обособлялись от кварталов простых горожан [Kosmin, 2014. Р. 200–203].

Теперь перейдем к анализу тезиса П. Бриана об установлении социально-экономического господства греко-македонян над илотизированным местным населением. Прежде всего, следует заметить, что сельское население селевкидского времени было неоднородным. Так, простагма Птолемея II Филадельфа от 261/0 г. до н.э. отмечает присутствие на захваченных Лагидами территориях Сирии и Финикии *σώματα λαϊκὰ ἐλεύθερα* – свободных простолюдинов и запрещает частным лицам покупать их и брать в залог [Ранович, 1950. С. 159; Зельин, 1960. С. 142–143; Павловская, 1969. С. 230–235]. Явно не принадлежали к числу «бесправных илотов» мидийцы Сарацион, сын Деметрия [Балахванцев, 2014б. С. 312] и Оронт¹⁵¹, отпущенный на свободу в Локриде Озольской в 140/139 г. до н.э. [Блаватская, 1969. С. 31, 65]. В Малой Азии существовали как свободные *γέωργοί, κωμηῆται*, обладавшие общинной организацией, так

¹⁵⁰ См. недавнюю критику этой концепции: Coluḡu, 2013а. Р. 37–53.

¹⁵¹ Разумеется, любого из *λαοί* могли пленить и продать в рабство внешние враги, но попадание раба из захваченной парфянами в 148/147 г. до н.э. Мидии в Балканскую Грецию выглядит совершенно невероятным. Скорее всего, Оронт служил в селевкидской армии и, подобно будущим участникам Первого сицилийского восстания рабов, попал в плен в ходе одной из войн в правление Деметрия I или Александра I в 50–40 гг. II в. до н.э.

и не имевшие личной свободы *λαοί*, которых владелец имения мог отчуждать вместе с обрабатываемой ими землей [Голубцова, 1969. С. 145–146, 159, 178, 185; Свенцицкая, 1971. С. 4–6; Flinterman, 2012. P. 87]¹⁵².

Таким образом, в качестве илотизированного населения можно рассматривать лишь *λαοί*. Но насколько верно утверждение о том, что в число последних входили представители только местного населения? Одного из жителей селения Паннукоме, в 253 г. до н.э. проданного Антиохом II Теосом своей жене Лаодике, звали Медий, сын Метродора (*RC* 20, 13). Само по себе греческое имя не позволяет решить, кем – эллином или эллинизированным жителем Малой Азии – был Медий [Welles, 1966. P. 104]. Но надпись (*RC* 20, 10–14) сообщает, что Медий вместе со своим односельчанином Даусом, сыном Азарета, и жителем соседнего селения Питокомы Менекратом, сыном Бакхия, указали официальным лицам, определявшим границы перешедшего к Лаодике имения, где проходила «старая царская дорога». Это говорит о том, что все они были местными старожилками весьма преклонного возраста, позволяющего им помнить то, о чем не могли знать другие. Следовательно, Медий родился приблизительно на рубеже IV/III вв. до н.э., а его отец Метродор появился на свет где-то в начале эпохи диadoхов. Все это не дает возможности увидеть в Медии эллинизированного фригийца или мисийца, так как столь высокая степень эллинизации местных жителей, выражающаяся в наречении детей греческими именами, для времени Александра Македонского выглядит неправдоподобной. Очевидно, Медий – как и Менекрат – был этническим греком [Свенцицкая, 1971. С. 5], но при этом принадлежал к числу *λαοί*.

---

¹⁵² Утверждение о наличии у *λαοί* общинной организации [Свенцицкая, 1971. С. 5] не имеет прямого подтверждения в источниках.

Теперь можно перейти к вопросу о том, кто мог эксплуатировать *λαοί*? Эпиграфические материалы (*RC* 18, 8–9; 11, 22; *SEG* XLI 1574, 12–13) позволяют считать, что, кроме имения Лаодики, труд *λαοί* применялся в поместьях царских приближенных Аристоклида и Мнесимаха, а также стратега Птолемея [Голубцова, 1969. С. 170–178; Свенцицкая, 1971. С. 7–10]. К сожалению, источники не дают информации об имущественном положении сатрапов иранского происхождения. Но вряд ли можно сомневаться, что в имениях уже упоминавшихся коллег Птолемея – Арибаза, Гиспаосина, Дионисия и прочих – наряду с рабами и арендаторами [Дандамаев, Луконин, 1980. С. 144–149] также использовался труд *λαοί*.

Довольно часто приходится сталкиваться с мнением о широком использовании труда местных жителей при строительстве городов и обработке клеров греко-македонских переселенцев [Billows, 1995. P. 169–171; Leriche, 2003. P. 83]. Какие же аргументы приводятся в поддержку данной точки зрения? Так, ряд авторов [Cohen, 1978. P. 25; Смирнов, 2013. С. 238], опираясь на свидетельство Либания (*Lib. Orat.* XI. 89), отмечают использование при строительстве Антиохии на Оронте плотников и слуг из местного населения. Однако Либаний говорит буквально следующее: «Тут Селевк собрал все искусство строителей, все руки на подмогу работе, блеск всех пород *камня* [выделено мною – А.Б.]. Рубили *лес* [выделено мною – А.Б.] для кровлей, лились потоки богатств на стройку» (пер. С.П. Шестакова). Легко заметить, что здесь не сказано ни слова об использовании труда местного населения. Более того, предложенная интерпретация текста не только произвольна, но и полностью противоречит археологическому материалу. Дело в том, что в начале эллинистической эпохи в долине Амука, где была основана Антиохия, произошли серьезные изменения в технике строительства: вместо сырцового кирпича, использовавшегося на протяжении предыдущих трех

тысяч лет, стали широко применять камень и дерево [Kosmin, 2014. P. 198]. Поэтому упоминание Либанием этих материалов свидетельствует не о подневольном труде сирийских крестьян, а о привлечении эллинских мастеров из Малой Азии или Балканской Греции.

Еще одним доказательством в пользу озвученного выше тезиса пытаются представить [Cohen, 1978. P. 24–25; Billows, 1995. P. 170–171] письмо¹⁵³ Антиоха III своему наместнику в Малой Азии Зевксиду об обеспечении отправленных им в Лидию и Фригию иудейских катойков (*Ios. Ant.* XII. 148–153). Однако приводимый аргумент трудно признать удовлетворительным. Р. Биллоуз полагает, что под $\theta\epsilon\rho\alpha\pi\acute{o}\nu\tau\omega\iota$ в письме Антиоха подразумеваются местные крестьяне [Billows, 1995. P. 171]. Но в каком контексте стоит это упоминание? Царь предписывает Зевксиду: «и пока они [переселенцы – А.Б.] не получают с земли плодов, пусть им отмеряют хлеб на пропитание слуг» (*Ios. Ant.* XII. 152). Из этих слов с неизбежностью следует, что «слуги» были не местными жителями, а принадлежавшими колонистам рабами¹⁵⁴: в противном случае Антиоху III

---

¹⁵³ Об аутентичности письма см.: Cohen, 1978. P. 6, not. 21 (с предшествующей литературой). Хотя точность цитируемых Иосифом Флавием греческих документов подчас вызывает справедливые сомнения в осведомленности иудейского историка [Eilers, 2008. P. 216], пренебречь данным свидетельством представляется неверным: даже если похвалы в адрес иудеев принадлежали не самому царю, а более позднему редактору, вряд ли можно предполагать редактирование – а тем более фальсификацию – тех льгот, которые обычно предоставлялись переселенцам.

¹⁵⁴ Хотя Г. Коэн, признает в $\theta\epsilon\rho\acute{\alpha}\pi\omega\nu\tau\epsilon\varsigma$ прибывших вместе со своими господами слуг [Cohen, 1978. P. 24], он, тем не менее разделяет идею об эксплуатации колонистами местного населения.

незачем было бы заботиться о пропитании переданных катойкам λαοί, которые имели свои хозяйства.

Высказывалось мнение, что местные жители обрабатывали клеры граждан и в Дура-Европос [Левек, 1989. С. 57]. Так, Г.А. Кошеленко, анализирувавший перечень объектов, составлявших клер Конона, отмечал наличие среди них «деревень» [Кошеленко, 1979. С. 228, прим. 30]. Однако использованный в пергаменте апеллатив ἐποίκιον может означать и «усадьбу» (LSJ s.v. ἐποίκιον). Схожим образом понимали этот термин Э. Бикерман [Бикерман, 1985. С. 150–151, прим. 211] и Е.С. Голубцова [Голубцова, 1969. С. 167]. Такая трактовка понятия ἐποίκιον не дает основания для вывода, что на клере Конона находились и работали местные жители.

Кроме проанализированных выше данных, имеются другие факты, не укладывающиеся в теорию эксплуатации местного населения. Еще Александр Македонский выделил изувеченным греческим пленникам, решившим осесть в Азии, деньги, одежду, скот, семена и землю (*Curt. V. 5. 24*). О предоставлении им порабощенных местных жителей в качестве рабочей силы не сказано ничего. Антиох III приказал обеспечить уже упоминавшихся выше иудейских колонистов участками для постройки домов, а также – землей под пашню и виноградники (*Ios. Ant. XII. 151*), но, как было показано, не илотами.

Ценную информацию о хозяйстве большинства горожан можно извлечь из рассказа Аппиана о восстановлении Антиохом III разрушенной Лисимахии. Стремясь помочь новым поселенцам поскорее встать на ноги, царь раздавал им быков, овец и железные орудия для земледелия (*App. Syr. 4*). Эти данные явно свидетельствуют против возможности того, что хозяйство и благосостояние жителей Лисимахии основывались на отработках местного населения: в противном случае вместо быков и плугов

Антиоху следовало бы раздавать земли с λαοί, которые и так имели свой скот и инвентарь [Голубцова, 1969. С. 171–178].

Информацию Аппиана дополняет вавилонский астрономический дневник, согласно которому эллинские граждане Вавилона (политы), отправившись за город для выполнения сельскохозяйственных работ¹⁵⁵, взяли с собой своих женщин и своих работников¹⁵⁶. Участие же хозяев клеров вместе с членами их семей в обработке земли доказывает сравнительно небольшие размеры их хозяйств, где, соответственно, просто отсутствовало место для размещения илотизированных местных жителей.

Завершая обсуждение вопроса о роли подневольного труда местных жителей в хозяйствах греко-македонских переселенцев, необходимо заметить следующее. Существование серьезных различий в размерах жалованья и экстраординарных выплат солдатам и офицерам македонской армии (*Arr. Anab.* II. 12. 1; Коннолли, 2001. С. 69) заставляет усомниться в том, что при образовании катойкии или полиса из бывших военных в наделении их землей соблюдался уравнительный принцип. Действительно, всаднический клер превосходил клер пехотинца (*OGIS* 229, 102–103; Billows, 1995. P. 163). Также известны случаи сосредоточения в одних руках двух или трех клеров (*OGIS* 229, 100–102; Billows, 1995. P. 166). Еще

---

¹⁵⁵ Если учесть, что все это происходило в пятый месяц (*абу*, 10 августа – 9 сентября) по вавилонскому календарю, во время уборки фиников и сева ячменя [Емельянов, 1999. С. 91], то найти другую причину для их массового исхода в сельскую округу крайне трудно.

¹⁵⁶ См.: *AD* -162. Rev. 11. Невозможно согласиться с попыткой перевести ^{lú}ERIN^{meš}-šú-nu как «их войска» [Спек, 2009. P. 111, not. 50], т.к., в отличие от царя или сатрапа, никаких войск у политов быть просто не могло. Поэтому, судя по контексту, единственно возможный вариант перевода – «их рабочая сила» (*CAD*, U, s.v. ummānu).

большие участки, вполне сопоставимые по размерам с именными Аристодикида, Мнесимаха, Лаодики, получали командиры или царские приближенные [Cohen, 1978. P. 55–57; Billows, 1995. P. 165; Kosmin, 2013b. P. 681]. С другой стороны, новым поселенцам земельные наделы вообще не предоставлялись [Cohen, 1978. P. 46].

Все это приводило к росту социальной дифференциации внутри греческих полисов (*Athen.* XI. 466b) и способствовало установлению в них олигархического правления (*Tac. Ann.* VI. 42. 1–2). К сожалению, источники содержат крайне мало информации о низших слоях гражданства, поэтому о них приходится судить по косвенным данным. Так, присутствие около 200 г. до н.э. в Малой Азии носивших греческие имена наемников – выходцев из Антиохии и Лаодикеи, позволяет сделать вывод о наличии в селевкидских полисах людей, лишенных средств к существованию и вынужденных уходить на чужбину в поисках заработка [Шифман, 1977. С. 22].

Не следует также забывать и о том, что отнюдь не все греки селевкидской державы были включены в состав полисов. Имущественное и социальное положение этой категории эллинов также сильно различалось. Например, в клинописном контракте 151 г. до н.э. из Урука упоминается Деметрий, сын Архия, который находился в зависимости от Зора, сына Кефалона [Саркисян, 1976. С. 188–189; Дандамаева, 1985. С. 172].

Поэтому представляется неслучайным отмеченное Е.С. Голубцовой отсутствие для Малой Азии свидетельств того, что в состав владений городских жителей входили люди, которые бы сидели на этой земле и ее обрабатывали [Голубцова, 1969. С. 167, 170]. Размеры клеров большинства граждан просто не позволяли разместиться там каким-либо местным жителям. На городских землях *λαοί* могли появиться лишь в виде исключения и только благодаря приписке к полису крупного владения,

причиной возникновения которого в конечном счете было царское пожалование (*RC* 18, 14–16).

Хотелось бы отметить, что аналогичным образом λαοί попадали и на земли гражданско-храмовых общин Вавилонии. Дарение Антиохом II посевных земель своей супруге Лаодике и их сыновьям с последующей припиской этих владений к территории Вавилона, Борсиппы и Куты [Spek, 1998. P. 145–146], так же, как и в случае с продажей Лаодике земель в Малой Азии (*RC* 18), означало, что вместе с землей передавались и λαοί, которые в конечном счете превратились в объект эксплуатации со стороны соответствующих гражданско-храмовых общин¹⁵⁷ [Саркисян, 1953. С. 66–67; 72–73; Wallenfels et al., 2016. P. 224–227].

Схожесть социального положения облегчала процесс повседневного общения между принадлежавшими к числу основных производителей материальных благ эллинскими переселенцами и жителями Востока. Так, по примеру греческих переселенцев и сирийские крестьяне в районе Антиохии начали культивировать оливу [Kosmin, 2014. P. 198]. Благодаря трудовой кооперации греческих и местных гончаров, в Бактрии стала использоваться новая конструкция обжигательного горна, испытывшая явное средиземноморское влияние, а также сформировался среднеазиатский керамический комплекс эпохи эллинизма [Болелов, 2001. С. 21–23; 2014. С. 65].

Произведенный выше разбор источников, в которых отразились взаимоотношения греко-македонян и жителей Востока в державе Селевкидов, позволяет сформулировать следующие выводы. Первое. Анализ понятия «македоняне» не подтверждает представление о них, как о

---

¹⁵⁷ Данное обстоятельство еще раз подчеркивает схожую социально-экономическую природу эллинистического полиса и вавилонской гражданско-храмовой общины.

господствующем этносе в государстве. Второе. Нет никаких оснований говорить об исключении восточной знати из правящей элиты [Бенгтсон, 1982. С. 73, 78]¹⁵⁸. Признание же факта интеграции локальных элит в доминирующий этнокласс [Смирнов, 2014а. С. 324; 2014б. С. 147–148] лишает эту социально-политическую категорию даже тени этничности. Третье. Следует еще раз подчеркнуть значение факта проникновения представителей народов Востока не просто за стены эллинского города, но и в состав гражданского коллектива¹⁵⁹. Четвертое. Местные жители составляли значительную часть селевкидской армии, причем служили в самых элитных частях. Пятое. Тезис о поголовном превращении местного населения в массу бесправных илотов, вынужденных работать в хозяйствах завоевателей, сильно искажает значительно более сложную картину социальных отношений в державе Селевкидов.

Таким образом, имеющиеся в распоряжении науки данные показывают, что этническое и социальное деление в селевкидском обществе не совпадали, а составлявшие его классы и сословия были по своему составу полиэтничны. Все это не позволяет использовать понятие «доминирующий этнокласс» при изучении социальной структуры державы Селевкидов [Балахванцев, 2015д. С. 18], а также считать греко-македонян господствующим общественным классом, эксплуатировавшим местное население.

---

¹⁵⁸ Еще более массово местные жители были представлены на низших уровнях государственного аппарата [Балахванцев, 2014в. С. 93–94].

¹⁵⁹ Важным будет напомнить, что гораздо меньшая – по сравнению с классическим периодом – степень замкнутости полисного коллектива является отличительной чертой эпохи эллинизма. См.: Балахванцев, 2016д. С. 231–232.

Глава 4

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ПАРФИИ

§ 1. Две античные традиции возникновения Парфии

Как уже отмечалось выше, источники, освещающие процесс возникновения аршакидского государства, крайне отрывочны и немногословны. Поэтому неудивительно, что исследователи, пытаясь воссоздать максимально полную и подробную картину рождения Парфии, в основном идут по пути контаминации несовместимых друг с другом данных [Gutschmid, 1888. S. 24; Debevoise, 1969. P. 9–11; Бокщанин, 1960. С. 180–184; Массон, Ромодин, 1964. С. 103–104; Bivar, 1983a. P. 29; Musti, 1984. P. 214, 219; Зеймаль, 1998. С. 344; Grainger, 2014. P. 196].

Во второй половине прошлого века польский ученый Й. Вольский обосновал представление о существовании в античности двух традиций истории ранней Парфии: одна представлена в созданной Юстином эпитоме истории Помпея Трога и у Страбона, другая – в несохранившемся сочинении Флавия Арриана, известному благодаря византийским авторам Зосиму, Фотию и Синкеллу. В первой традиции Парфянское государство возникает путем захвата Парфии кочевниками-парнами во главе с Аршаком, человеком неизвестного происхождения, ставшего родоначальником династии Аршакидов. Во второй традиции – более поздней и явно искусственной – Парфия обретает независимость через восстание местного населения против македонян, причем, во главе движения стоят два брата: Аршак и Тиридат из рода Аршакидов, происходящего от ахеменидского царя Артаксеркса. Кроме того, эта традиция пытается приуменьшить роль Аршака I в происходивших тогда событиях и выдвигает на первый план его брата Тиридата [Wolski, 1956–57. P. 36–49; Wolski, 2003. P. 23–30].

Однако в 2009 году вышли в свет две работы Г.А. Кошеленко и В.А. Гаибова, в которых был сформулирован следующий вывод: нет никакой

возможности говорить как о единой традиции Арриана, так и о единой традиции Юстина и Страбона [Гаибов, Кошеленко, 2009. С. 79–87; Кошеленко, Гаибов, 2009. С. 102–108]. Разбирая традицию Арриана, соавторы отметили, что Зосим, Фотий и Синкелл по-разному датируют время отпадения парфян от державы Селевкидов, а также расходятся в определении национальности Аршакидов и имени македонского сатрапа – обидчика Тиридата [Гаибов, Кошеленко, 2009. С. 81–83]. Что же касается юстино-страбоновской концепции, то к ней Г.А. Кошеленко и В.А. Гаибов выдвинули похожие претензии, подчеркнув, что эпитама Помпея Трога и «География» Страбона противоречат друг другу в вопросе о дате возникновения независимой Парфии [Кошеленко, Гаибов, 2009. С. 106].

Таким образом, из-за возникших между прежними единомышленниками¹⁶⁰ разногласий, ситуация в области источниковедения раннепарфянской истории стала еще более запутанной чем прежде. Поэтому представляется целесообразным сначала рассмотреть доводы Г.А. Кошеленко и В.А. Гаибова, заново проанализировать разбираемые ими источники, чтобы определить, какие из отмеченных противоречий являются мнимыми, а какие существуют в действительности, и чем это можно объяснить¹⁶¹.

Начнем с сочинения Фотия, константинопольского патриарха в 858–867 и 878–886 гг. В своей «Библиотеке» он кратко описал 280 прочитанных им сочинений, в том числе и «Парфику» Арриана. «Он [Арриан – А.Б.] рассказывает в этом труде о войнах, которые вели римляне и парфяне,

---

¹⁶⁰ Ранее Г.А. Кошеленко и В.А. Гаибов принадлежали к кругу сравнительно немногочисленных сторонников теории Й. Вольского. См.: Кошеленко, 1976. С. 32–33; Гаибов и др., 1992. С. 38.

¹⁶¹ О нашем первоначальном взгляде на эту проблему см.: Балахванцев, 2015г. С. 114–122.

когда римским императором был Траян. Он говорит, что скифский народ парфян, некогда поработанный одновременно с покорением персов, отложился от власти македонян по следующей причине. Арсак и Тиридат были братьями Арсакидами, потомками Фриапита, сына Арсака». Затем, упомянув сатрапа Антиоха II Теоса Ферекла, Фотий отмечает, что «Арсакиды, не стерпев наглости Ферекла, поставленного Антиохом сатрапом их страны, когда тот [Ферекл – А.Б.] силой попытался обесчестить второго из братьев, убили наглеца и, посоветовавшись о деле с другими пятью [сообщниками – А.Б.], прогнали народ македонян и стали править самостоятельно»¹⁶².

Нет сомнений, что текст Фотия дает наиболее точное представление о приводимой именно Аррианом версии возникновения державы Аршакидов. Вместе с этим, нельзя, разумеется, считать, что краткость и даже схематичность изложения, обусловленные самим жанром сочинения патриарха, были свойственны и Флавию Арриану. Его повествование,

---

¹⁶² *Arr. Parth. F 1.2 Roos.* Διέρχεται δὲ ἐν ταύτῃ τῇ πραγματείᾳ τοὺς πολέμους, οὓς ἐπολέμησαν Ῥωμαῖοι καὶ Πάρθοι Ῥωμαίων αὐτοκράτορος ὄντος Τραϊανοῦ. φησὶ δὲ τὸ Πάρθων γένος Σκυθικόν, ἀποστῆναι δὲ τῆς τῶν Μακεδόνων ἐπικρατείας, ἅμα Περσῶν καταστραφέντων πάλαι δουλωθέν, δι' αἰτίαν τοιαύτην. Ἀρσάκης καὶ Τιριδάτης ἦσθη ἀδελφῶ Ἀρσακίδαι, τοῦ υἱοῦ Ἀρσάκου τοῦ Φριαπίτου ἀπόγονοι. οὗτοι Φερεκλέα τὸν ὑπὸ Ἀντιόχου τοῦ βασιλέως (Θεὸν αὐτὸν ἐπὶ κλην ὠνόμαζον) – ἀλλ' οἳ γε Ἀρσακίδαι τὸν ὑπὸ Ἀντιόχου σατράπην αὐτῶν τῆς χώρας καταστάντα Φερεκλέα, ἐπεὶ τὸν ἕτερον τῶν ἀδελφῶν αἰσχροῦς ἐπέειρασε βιασάμενος, οὐκ ἐνεγκόντες τὴν ὕβριν ἀνειλόν τε τὸν ὑβρίσαντα καὶ ἑτέροις πέντε τὴν πράξιν ἀνακοινωσάμενοι καὶ τὸ ἔθνος Μακεδόνων ἀπέστησαν καὶ καθ' ἑαυτοὺς ἦρξαν.

безусловно, было гораздо более обстоятельным и не могло, например, обойтись без упоминания имен пятерых сподвижников Аршакидов.

Что можно сказать о времени возникновения Парфянского государства по Арриану? Г.А. Кошеленко и В.А. Гаибов, как и некоторые их предшественники [Musti, 1984. P. 219], считают, что данный автор относил обретение парфянами независимости к царствованию Антиоха II Теоса [Гаибов, Кошеленко, 2009. С. 81]. Однако у Арриана сказано только о том, что Ферекл был назначен на свою должность Антиохом II. Конечно, отсюда еще не следует, что сатрап не мог занимать свой пост и при Селевке II [Wolski, 1956–57. P. 49; Brodersen, 1986. P. 379]. В пользу этого предположения говорят и обстоятельства начала правления Селевка II Каллиника, когда обе столицы державы Селевкидов – Антиохия на Оронте и Селевкия на Тигре – оказались в руках египтян, а молодому царю пришлось бежать в Малую Азию. В такой ситуации Селевку II было не до смены правителей в верхних сатрапиях. Следовательно, из конспекта Фотия нельзя сделать однозначного вывода о том, когда – при Антиохе II или его сыне – возникло Парфянское государство. Что же касается национальности братьев, то текст Фотия прямо свидетельствует о том, что они были парфянами.

Последний «эллинский» историк Зосим в своей «Новой истории» упоминает о приходе Аршакидов к власти в рассказе о войне с Сасанидами при императоре Гордиане III. Она началась, «...когда Сапор принял власть после Артаксеркса, снова передавшего господство от парфян к персам. Ведь после Александра, сына Филиппа, и унаследовавших державу македонян, когда над верхними сатрапиями властвовал Антиох, парфянин Арсак, возмущившись из-за насилия над своим братом Тиридатом и подняв

войну против сатрапа Антиоха, дал парфянам повод прогнать македонян и захватить власть»¹⁶³.

Г.А. Кошеленко и В.А. Гаибов, как и издатель текста Зосима Ф. Пашу [Zosime, 1971. P. 143], твердо уверены, что Зосим относит отпадение парфян к 294–281 гг. до н.э., когда наместником верхних сатрапий был сын и соправитель Селевка I, Антиох [Гаибов, Кошеленко, 2009. С. 82]¹⁶⁴. Но насколько обоснована эта уверенность? В данном отрывке Зосим крайне лаконично излагает историю того, как в Иране (верхних сатрапиях) происходила *transitio imperii*. В самом деле, сначала историк намекает на древнеперсидскую династию Ахеменидов, хотя и не называя их по имени, затем указывает на то, что власть македонян длилась от Александра до Антиоха, после которого перешла к Аршакидам, а от них – в лице

---

¹⁶³Zos. I. 18. 1. τὴν ἀρχὴν Σαπώρου παραλαβόντος μετὰ Ἀρταξέρξην τὸν ἀπὸ Παρθυαίων αὐθις εἰς Πέρσας τὴν ἀρχὴν μεταστήσαντα· μετὰ γὰρ Ἀλέξανδρον τὸν Φιλίππου καὶ τοὺς διαδεξαμένους τὴν Μακεδόνων ἀρχὴν, Ἀντιόχου τῶν ἄνω σατραπειῶν ἄρχοντος, Ἀρσάκης ὁ Παρθυαῖος διὰ τὴν εἰς τὸν ἀδελφὸν Τηριδάτην ὕβριν ἀγανακτήσας, πόλεμον πρὸς τὸν Ἀντιόχου σατράπην ἀράμενος, αἰτίαν δέδωκεν Παρθυαίοις ἐκβαλοῦσι Μακεδόνας εἰς ἑαυτοὺς τὴν ἀρχὴν περιστῆσαι.

¹⁶⁴ Следует отметить, что сторонниками этой теории оказались проигнорированы кандидатуры будущих царей Антиоха II и Антиоха III: первый был наместником верхних сатрапий в 266–261 гг. до н.э. [Houghton, Lorber, 2002a. P. 165], а второй – в 225–223 гг. до н.э. (ABC 13B = BCHP 12; Polyb. V. 40. 5; Sherwin-White, 1983. P. 267–268; Kosmin, 2013b. P. 680; Берзон, 2014. С. 107).

Арташира I и его сына Шапура I – снова к персам¹⁶⁵. Возможно ли, чтобы в этот перечень суверенных владык Ирана¹⁶⁶ попал соправитель Селевка I?

Для того чтобы ответить на этот вопрос, следует, основываясь на анализе употребления царского титула при имени Антиоха, определить, обладал ли он в эти годы равной властью со своим отцом. Начнем с западных сатрапий державы Селевкидов. Хотя жители Милета при публикации царского письма дипломатично говорят о царях Селевке и Антиохе (*OGIS* 214, 8–9), в тексте самого документа к ним обращается лишь один Селевк, ни словом не упоминая о сыне (*OGIS* 214, 10). В письме Селевка по поводу привилегий храма в малоазийской Нисе (*RC* 9, 1) Антиох фигурирует рядом со своим отцом, но без царского титула. Имя Антиоха ни разу не встречается на монетах, выпущенных к западу от Евфрата.

Возможно ли, что на Востоке дело обстояло по-иному? Ведь Плутарх прямо заявляет, что Селевк I поставил Антиоха царем над верхними сатрапиями (*Plut. Dem.* 38). Однако это свидетельство в свете

---

¹⁶⁵ Примечательно, что у Геродиана (*Hdn.* VI. 2. 6–7) и, более кратко, в словаре Суды (*Suid.* s.v. Ἀρσάκης) излагается точно такая же схема перехода власти на Востоке: от Дария к Александру и македонянам, затем к Аршаку и его потомкам, после чего Артаксеркс, убив последнего парфянского царя Артабана, возвращает власть персам. Поскольку в обоих источниках Аршак именуется парфянином, а также упоминается его отложение от македонян, можно предположить, что в них также отразилась концепция Арриана.

¹⁶⁶ В пользу наличия у персонажа Зосима суверенитета говорит и упоминание о сатрапе Антиоха, против которого выступил Аршак: прерогатива назначения сатрапов принадлежала только суверену (*Polyb.* V. 40. 7; 43. 6).

имеющейся информации выглядит сильно преувеличенным. Так, в хозяйственных документах (*LBT* 36. R. 8'; 52. 2'-3') и астрономических дневниках [Берзон, 2014. С. 109] Антиох именуется царем вместе со своим отцом, но в вавилонской хронике этого периода его имя сопровождается лишь титулом «сын царя» (*ABC* 11 = *BCHP* 5). На монетах важнейших восточных центров – Селевкии на Тигре [Houghton, Lorber, 2002a. P. 52–66; Houghton et al., 2008. P. 636–640], Суз [Houghton, Lorber, 2002a. P. 68–77; Houghton et al., 2008. P. 640–641], Экбатан [Houghton, Lorber, 2002a. P. 79–88] – имя Антиоха вообще не появляется. Единственным исключением является бактрийский двор, несколько раз выпустивший монеты от имени царей Селевка и Антиоха [Houghton, Lorber, 2002a. № 280, P. 285–288; 2002b. Ad 19]. Все это свидетельствует о том, что Антиох был подчинен своему отцу и не обладал равной с ним властью [Welles, 1966. P. 58; Бикерман, 1985. С. 24; Смирнов, 2009. С. 168; Берзон, 2014. С. 105].

Поэтому представляется абсолютно нереальным, что Зосим мог упомянуть среди Аргеадов, Селевкидов, Аршакидов и Сасанидов кого-либо другого, кроме равного им по статусу суверена.

В замечании Зосима не нашлось места ни для имени селевкидского сатрапа, ни для перечисления предков Аршака и Тиридата. Однако приводимая им информация – имя селевкидского царя, попытка совершить насилие над одним из братьев, восстание местного населения – ни в чем не противоречит тексту Фотия, что, очевидно, свидетельствует об использовании обоими авторами одного общего источника – «Парфики» Флавия Арриана.

В хронографии монаха Георгия Синкелла дана попытка представить всемирную историю от Адама до императора Диоклетиана. Синкелл вставляет рассказ о возникновении державы Аршакидов в повествование о царях Сирии и Азии. Так, византийский историк, в частности, упоминает, что «третьим над Сирией и Азией царствовал Антиох, прозванный Богом,

пятнадцать лет». Это – Антиох II Теос, правивший в 261–246 гг. до н.э. Затем, после рассказа о событиях в других регионах эллинистического мира, Синкелл вновь возвращается к селевкидским делам. «Четвертым над Сирией и Азией царствовал Антиох, его сын, прозванный Каллиником, он же и Селевк, двадцать один год. Год [от сотворения – А.Б.] мира был пять тысяч двести тридцать восьмой. При этом Антиохе персы отпали от державы македонян и Антиохов, в подчинении у которых они находились со времени Александра Основателя, по следующей причине. Братья, некий Арсак и Тиридат, ведущие род от Артаксеркса, [царя – А.Б.] персов, были сатрапами бактрийцев при Агафокле, македонском наместнике Персиды. Как говорит Арриан, этот Агафокл испытывал вожделение к Тиридату, одному из братьев. Юноша же, относясь к этому серьезно, организовал заговор. [Агафокл – А.Б.] потерпел неудачу и был убит им и его братом Арсаком. Царствовал над персами Арсак, по которому цари персов именовали себя Арсакидами, два года, и был убит. После него его брат Тиридат [правил – А.Б.] тридцать семь лет»¹⁶⁷.

---

¹⁶⁷ *Sync.* p. 539–540. Συρίας καὶ Ἀσίας δ' ἐβασίλευσεν Ἀντίοχος ὁ υἱὸς αὐτοῦ, ὁ ἐπικληθεὶς Καλλίνικος, ὁ αὐτὸς καὶ Σέλευκος, ἔτη κα'. τοῦ δὲ κόσμου ἦν ἔτος ,εσλη'. Ἐπὶ τούτου τοῦ Ἀντιόχου Πέρσαι τῆς Μακεδόνων καὶ Ἀντιόχων ἀρχῆς ἀπέστησαν, ὑπ' αὐτοὺς τελοῦντες ἀπὸ Ἀλεξάνδρου τοῦ κτιστοῦ, διὰ τοιαύτην αἰτίαν. Ἀρσάκης τις καὶ Τιριδάτης ἀδελφοὶ τὸ γένος ἔλκοντες ἀπὸ τοῦ Περσῶν Ἀρταξέρξου ἐσατράπευον Βακτρίων ἐπὶ Ἀγαθοκλέους Μακεδόνοιο ἐπάρχου τῆς Περσικῆς. ὅς Ἀγαθοκλῆς ἐρασθεὶς Τιριδάτου, ὡς Ἀρριανὸς φησιν, ἐνὸς τῶν ἀδελφῶν, καὶ τὸν νεανίσκον σπουδάζων ἐπιβουλεύσαι, διαμαρτήσας ἀνηρέθη παρ' αὐτοῦ καὶ Ἀρσάκου τοῦ ἀδελφοῦ αὐτοῦ, καὶ βασιλεύει Περσῶν Ἀρσάκης, ἀφ' οὗ οἱ Περσῶν βασιλεῖς Ἀρσακίδαι ἐχρημάτισαν, ἔτη β', καὶ ἀναιρεῖται, καὶ μετ' αὐτὸν Τιριδάτης ἀδελφὸς ἔτη λζ'.

Различные исследователи полагают, будто Синкелл относит отпадение парфян ко времени правления Антиоха II [Musti, 1984. P. 220], Селевка II [Zosime, 1971. P. 143; Wolski, 1996. P. 170, not. 13] или даже Антиоха III [Гаибов, Кошеленко, 2009. С. 82–83]. Однако, на наш взгляд, дело обстоит не так просто. Действительно, четвертым царем из династии Селевкидов мог быть только Селевк II Каллиник (246–226 гг. до н.э.)¹⁶⁸. Но тут же возникает вопрос, почему в труде Синкелла он фигурирует под столь странным именем – «Антиох, ... прозванный Каллиником, он же и Селевк»? Ответ содержится в приводимой Синкеллом датировке начала правления данного персонажа – 5238 год. Поскольку в списках царей эллинистического времени после смерти Александра Македонского Синкелл отсчитывает годы «от сотворения мира» с 5493 г. до н.э. [Перл, 1969. С. 62–63, прим. 102], эта дата соответствует 256/5 г. до н.э. и, безусловно, является неверной. О том, что это – не обыкновенный *lapsus manus*, а системная хронологическая ошибка, свидетельствуют и вычисленные Синкеллом даты начала правления Антиоха II (271/0 г. до н.э.), Селевка III (235/4 г. до н.э.) и Антиоха III (232/1 г. до н.э.)¹⁶⁹. Очевидно, отнеся приход к власти Селевка II Каллиника к 256/5 г. до н.э. и зная, что в это время Сирией и Азией управлял царь Антиох, византийский

---

¹⁶⁸ Предположение Г. Ассара о смерти Селевка II в 225 г. до н.э. [Assar, 2007. P. 51] было подвергнуто критике в работе Т. Бойи, где приводятся аргументы в пользу традиционной даты [Boiy, 2011. P. 5, not. 15].

¹⁶⁹ При этом Синкелл (*Sync.* p. 540) спорит с Евсевием, доказывая, что правление Антиоха III началось не в сто тридцать девятую олимпиаду (224–221 гг. до н.э.), как утверждал последний, а в сто тридцать седьмую (232–229 гг. до н.э.). Между тем, легко удостовериться, что в данном случае истина находится как раз на стороне Евсевия.

хронист принял их за одно и то же лицо, в результате чего на свет явилась гибридная фигура Антиоха Каллиника – Селевка. Таким образом, из-за допущенной Синкеллом неточности, отпадение парфян можно отнести как к концу царствования Антиоха II, так и к началу правления его сына, примерно, к 256–235 гг. до н.э.

Анализ свидетельств Фотия, Зосима и Синкелла не позволяет согласиться с утверждением о том, что они по-разному датировали возникновение независимой Парфии. Приводимые ими по этому вопросу сведения не только не противоречат друг другу, но, взятые в комплексе, позволяют предположить, что у Флавия Арриана отпадение парфян отнесено к царствованию Антиоха II.

Теперь рассмотрим другие противоречия. Если у Фотия и Зосима Арсак и Тиридат являются парфянами, то Синкелл называет их царями персов. Для правильного понимания последнего утверждения необходимо учесть такой элемент системы словоупотребления византийских авторов¹⁷⁰, как архаизация используемых этнонимов [Бибиков, 1978. С. 98]. Так, парфян «персами» именовал еще Прокопий Кесарийский (*Procop.* ВР. I. 17. 24), а Феофилакт Симокатта утверждал, что Арсакиды – один из семи персидских знатных родов (*Theoph. Sim. Hist.* III. 18. 8). Царями персов называет Аршакидов и словарь Суды (*Suid.* s.v. Ἀρσάκης). Поэтому нет никаких оснований считать, что этим этнонимом, равно как и датировками «от сотворения мира» Синкелл обязан труду Арриана.

Вряд ли можно увидеть противоречие между Фотием и Синкеллом в том, что последний указывает на персидского царя Артаксеркса¹⁷¹, как на

---

¹⁷⁰ Следует заметить, что парфяне и персы смешиваются уже у Аммиана Марцеллина (*Amm. Marc.* XXIII. 6. 4, 6).

¹⁷¹ Обычно считается [Гаибов, Кошеленко, 2009. С. 86], что здесь имеется в виду Артаксеркс II. Однако нельзя исключать и Артаксеркса I:

прародителя обоих братьев. Уже Я. Нойзнер отмечал, что, судя по нумизматическим данным – титулу «царя царей», появившемуся при Митридате II в 110/109 г. до н.э. [Sellwood, 1980. P. 63; Assar, 2005. P. 51], – претензия Аршакидов на происхождение от Ахеменидов возникла в конце II в. до н. э. [Neusner, 1963. P. 46]. К сожалению, невозможно с абсолютной точностью определить, в какой мере возрождению этого титула способствовала ахеменидская практика [Дандамаев, 1985. С. 112; Curtis et al., 1995. P. 150; Knarpton et al., 2001. P. 102], а в какой он был простым выражением того факта, что к этому времени парфянскому царю подчинились цари Мидии Атропатены, Персиды, Элимаиды и Харакены. Но, как бы там ни было, уже при Фраате III титул «царь царей» стал традиционным при обращении к правителю Парфии (*Dio Cass.* XXXVII. 6. 1–2). Из ахеменидского прошлого был заимствован и головной убор парфянских царей – тиара, представленная на монетах Митридата II и его преемников до Фраата III включительно [Olbrycht, 1997. P. 30–32]. Еще более важным является то обстоятельство, что в 92 г. до н.э. в окрестностях Старой Нисы среди имений и виноградников, носящих имена аршакидских царей [Morano, 2008. P. 345, № 94CH5], существовал и виноградник Артахшахракан, названный в честь Артаксеркса из династии Ахеменидов (*PEDN* 128). Поэтому в труде Арриана вполне могло найтись место для упоминания и об ахеменидской версии происхождения Аршакидов¹⁷².

кроме того, что его личное имя также было Аршак (Аршу) [Sachs, 1977. P. 130–131; Daryaei, 2015. P. 8], именно этот правитель использовал южноуральских дахов для подавления восстания в Египте (см. приложение II).

¹⁷² В.А. Гаибов и Г.А. Кошеленко [Гаибов, Кошеленко, 2009. С. 86] рассматривают появление Артаксеркса II в качестве родоначальника династии Аршакидов как своеобразное «послание» парфянских властей,

Единственным явным, на первый взгляд, противоречием между Фотием и Синкеллом является то, что первый называет обидчиком Тиридата сатрапа Ферекла, а у второго, прямо ссылающегося на Арриана, в этой роли выступает Агафокл. Казалось бы, что самый простой способ снять данное противоречие – это предположить, что в «Парфике» излагалось несколько вариантов этой истории. Тем не менее, Г.А. Кошеленко и В.А. Гаибов считают такое предположение маловероятным [Гаибов, Кошеленко, 2009. С. 83]. Так ли это? Античные историки никогда не упускали шанс продемонстрировать свою эрудицию и привести несколько версий описываемых ими событий. Так, Геродот дает читателю возможность ознакомиться с тремя сказаниями о происхождении скифов, хотя считает правильным лишь последнее (*Hdt.* IV. 5–11). В данном отношении Арриан являлся его достойным последователем. Например, в

обращенное к их греческим подданным и напоминающее эллинам о том, что именно этот царь в 386 г. до н.э. продиктовал им знаменитый «Царский мир». Но если здесь и можно говорить о «послании», то его адресатом были отнюдь не греки, в глазах которых престиж Ахеменидов после их бесславного конца навсегда перестал существовать. В последней трети II в. до н.э. под власть Аршакидов попали области Юго-Западного Ирана. Но если в Северном Иране парфяне могли обосновывать свое господство ссылкой на победу над Селевкидами, то на Юге это не работало, так как к моменту появления парфян там уже существовали независимые государства [Nodelman, 1960. P. 86–87; Alram, 1986. P. 162–163; Potts, 1999. P. 380–391; Callieri, 2004. P. 100]. В этих условиях фальшивая ахеменидская генеалогия позволяла Аршакидам требовать лояльности от правителей Элимаиды, Персиды и Харакены, среди которых престиж ахеменидской династии был традиционно высок.

«Анабасисе Александра», который дошел до нас целиком, имеется большое количество мест, где автор приводит несколько мнений по одному и тому же вопросу: II. 3. 7: гордиев узел; II. 4. 7: причины болезни Александра; II. 12. 5–8: Александр и мать Дария; III. 3. 5–6: путь к оракулу Аммона; III. 4. 5: обратный маршрут в Мемфис; III. 30. 1–5: пленение Бесса; IV. 3. 5: захват города на Яксарте; IV. 9. 2–3: реакция Александра на убийство Клита; IV. 13. 5–6: заговор пажей; IV. 14: судьба Каллисфена; V. 14. 3–6: битва с Пором; V. 20. 2: название индийского племени; VI. 11: обстоятельства ранения Александра; VII. 15. 5–6: римское посольство к Александру; VII. 22. 4–5: случай с диадемой; VII. 27: слухи о болезни и смерти Александра. Следует также заметить, что в ряде случаев Арриан воспроизводил и такую информацию, в истинности которой он серьезно сомневался. Поэтому у нас нет оснований отрицать возможность приведения Аррианом различных мнений о том, как звали свергнутого Аршакидами сатрапа.

Все это вместе взятое не подтверждает мнения [Edson, 1958. P. 167, not. 24; Гайбов, Кошеленко, 2009. С. 83–85] о существовании «радикальных» различий между Синкеллом и Фотием и невозможности их возведения к одному и тому же источнику – «Парфике» Флавия Арриана.

Теперь перейдем к вопросу о том, можно ли говорить о единой традиции Помпея Трога и Страбона в истории ранней Парфии. В эпитоме Трога вторжение Аршака в Парфиену синхронизируется с отпадением бактрийского сатрапа Диодота от державы Селевкидов (*Iust.* XLI. 4. 3, 5) Сопоставив этот факт с заявлением Страбона: «Когда начались восстания [стран – А.Б.] за Тавром, ... прежде всего поставленные во главе [страны – А.Б.] сторонники Евтидема склонили к отпадению Бактриану и всю округу. Затем Арсак, скиф, вместе с некоторыми из даев, так называемыми парнами, кочевниками, живущими на реке Ох, напал на Парфиену и

завладел ею»¹⁷³, Г.А. Кошеленко и В.А. Гаибов пришли к выводу, что у Страбона вместо Диодота главным действующим лицом восстания в Бактрии оказывается один из его преемников Евтидем. Данное противоречие, отмечавшееся и ранее [Drijvers, 1998. P. 284], навело их на мысль, что Юстин и Страбон отражают две разные традиции возникновения Парфии [Кошеленко, Гаибов, 2009. С. 104, 106].

Однако, утверждая, что Страбон вообще не упоминает Диодота [Гаибов, Кошеленко, 2009. С. 80, прим. 4], сторонники этой точки зрения не обратили внимания на еще одно заявление Страбона: «говорят, что от этих [скифов – А.Б.] ведет [свой – А.Б.] род Арсак, другие же называют его бактрийцем, который бежал от усиления сторонников Диодота и склонил к отпадению Парфиену»¹⁷⁴. В данном случае Аршак оказывается уже современником Диодота.

В чем же заключается причина данного противоречия, если оно действительно существует¹⁷⁵? Напомним, что «География» не является историческим сочинением и представляет собой компиляцию, составленную Страбоном на основе трудов его предшественников, среди которых важную роль играл Аполлодор из Артемиды [Drijvers, 1998. P. 279–281]. Часто сделанные им выписки – как в силу разновременности

---

¹⁷³ *Strab.* XI. 9. 2. Νεωτερισθέντων δὲ τῶν ἕξω τοῦ Ταύρου...πρῶτον μὲν τὴν Βακτριανὴν ἀπέστησαν οἱ πεπιστευμένοι καὶ τὴν ἐγγὺς αὐτῆς πᾶσαν οἱ περὶ Εὐθύδημον. ἔπειτ' Ἀρσάκης ἀνὴρ Σκύθης τῶν Δαῶν τινὰς ἔχων τοὺς Πάρνους καλουμένους νομάδας παροικοῦντας τὸν Ὀχον, ἐπῆλθεν ἐπὶ τὴν Παρθυαίαν καὶ ἐκράτησεν αὐτῆς.

¹⁷⁴ *Strab.* XI. 9. 3. ἀπὸ τούτων δ' οὖν ἔλκειν φασὶ τὸ γένος τὸν Ἀρσάκη, οἱ δὲ Βακτριανὸν λέγουσιν αὐτόν, φεύγοντα δὲ τὴν αὐξήσει τῶν περὶ Διόδοτον ἀποστήσαι τὴν Παρθυαίαν.

¹⁷⁵ См. ниже, глава 6.

использованных авторов, так и из-за применения одного топонима или гидронима к различным объектам – противоречат друг другу. Так, например, при описании Закавказья Страбон сначала заявляет, что истоки Фасиса (Риони) находятся в Армении (*Strab.* XI. 2. 17), а чуть позже – в горах к северу от Иберии (*Strab.* XI. 3. 4). Переходя к народам, живущим к востоку от Каспийского моря, автор помещает тапуров между гирканцами и ариями (*Strab.* XI. 8. 8), что делает их обитателями внутренних районов Северного Хорасана; а несколькими строчками ниже тапуры оказываются уже на побережье Каспия между дербиками и гирканцами (*Strab.* XI. 9. 1). Все это позволяет предположить, что если не вся работа Страбона [Drijvers, 1998. P. 279], то, по крайней мере, одиннадцатая книга оставалась неоконченной и неопубликованной до смерти автора [Балахванцев, 2015г. С. 120].

Таким образом, противопоставлять Страбона Помпею Трогу можно только в том случае, если не учитывать компилятивный характер «Географии» и игнорировать часть собранной ее автором информации. Более того, оба сочинения совпадают в двух ключевых моментах: во-первых, подчеркивают иноземное – по отношению к Парфиене – происхождение Аршака, во-вторых, синхронизируют возникновение государства Аршакидов с событиями, происходившими в Бактрии. Вместе с тем, сделанные Страбоном выписки проливают свет на те споры, которые вели древние авторы по вопросу о происхождении Аршака и о дате завоевания Парфиены.

От Страбона следует вернуться к Помпею Трогу и задать вопрос: кто был главным источником сорок первой книги его всемирной истории? Если одни авторы считают, что им мог быть только Аполлодор Артемитский [Bickerman, 1944. P. 79; Altheim, 1948. S. 21–24; Neusner, 1963. P. 43, 46; Altheim, Stiehl, 1970. S. 359–379, 384, 455–459; Gardiner-Garden, 1987b. P. 8–10; Alonso-Núñez, 1988–1989. P. 132; Пьянков, 1994. С.

204; Nikonorov, 1998. P. 107; Lassere, 2003. P. 13–15; Балахванцев, 2009. С. 90–93; Lerouge-Cohen, 2009. P. 377, 379, 383; Plischke, 2014. S. 210], то другие в этом сомневаются [Tarn, 1951. P. 49–50; Томпсон, 1953. С. 251; Momigliano, 1975. P. 140; Wolski, 1976. S. 445, anm. 28; Bivar, 1983a. P. 21–22; 1983b. P. 188; Wolski, 2003. P. 24, not. 39] или полагают, что наряду с Аполлодором Трог использовал здесь работы Тимагена Александрийского и Посидония Апамейского [Liebmann-Frankfort, 1969. P. 919].

Если бы живший во времена принципата Августа и в начале правления Тиберия [Nikonorov, 1998. P. 117; Балахванцев, 2009. С. 92]¹⁷⁶ Помпей Трог ориентировался на современную ему официальную аршакидскую доктрину парфянской истории, если бы он опирался на своего старшего современника Тимагена Александрийского или на созданные в первой половине I в. до н.э. работы Посидония Апамейского, то основные черты концепции Арриана непременно бы нашли свое отражение и в сорок первой книге «Филипповых историй». Однако ничего даже отдаленно похожего на версию Арриана у Трога нет. Поэтому можно смело исключить Тимагена и Посидония из числа претендентов на роль главного источника сорок первой книги Помпея Трога. Если же принять во внимание многочисленные совпадения между Трогом и Страбоном, который прямо указывает на Аполлодора как на свой источник, то сомнений в том, что в основе сорок первой книги лежит написанная ок. 90

---

¹⁷⁶ Трог критикует Тита Ливия (*Iust.* XXXVIII. 3. 11), «История» которого публиковалась с 20-ых гг. до н.э. вплоть до смерти писателя в 17 г. н.э., и говорит о Цезарях и Августах во множественном числе (*Iust.* XLI. 5. 8), что стало возможным только после 14 г. н.э.

г. до н.э. «Парфика», практически не остается¹⁷⁷. Поэтому, поскольку основной массив информации о возникновении Парфянского государства у Помпея Трога и Страбона заимствован из «Парфики» Аполлодора Артемитского, следует восстановить историческую справедливость и наряду с традицией Арриана говорить о традиции Аполлодора.

Установив реальность существования двух традиций, можно перейти к рассмотрению того, насколько точно каждая из них отражает историю ранней Парфии. Как уже отмечалось выше, Й. Вольский попытался обосновать легендарность версии Флавия Арриана, однако выдвинутые им аргументы смогли убедить сравнительно немногих. В самом деле, польский исследователь обратил внимание на то, что в традиции Арриана по-разному воспроизводится имя селевкидского наместника, свергнутого Аршаком и Тиридатов [Wolski, 2003. P. 20, not. 32]. Но это обстоятельство само по себе не может доказать недостоверность всей концепции, а лишь свидетельствует о существовании внутри нее различных версий. Далее, утверждению Й. Вольского о том, что история с попыткой обесчестить Тиридата и последующим заговором является литературной фикцией, сфабрикованной эллинскими писателями по образцу рассказа о Гармодии и Аристокитоне, а также убийства семью знатными персами узурпатора Гауматы [Wolski, 2003. P. 23–24]¹⁷⁸, можно

---

¹⁷⁷ Вопрос о том, пользовался ли Трог «Парфикой» напрямую или через посредников (последователей Аполлодора?), пока остается без ответа.

¹⁷⁸ Во избежание возможных недоразумений следует повторить, что мы полностью разделяем представление о неисторичности версии Арриана [Балахванцев, 2015г. С. 118].

противопоставить тот факт, что подобные совпадения в истории случаются довольно часто¹⁷⁹.

При решении вопроса о том, какая традиция – Арриана или Аполлодора – более достоверна, ключевую роль играют следующие обстоятельства. Во-первых, Арриан называет парфян скифским народом (*Arr. Parth. F 1.2 Roos*). Однако парфянский язык принадлежит к числу западноиранских [Оранский, 1979. С. 128] и значительно отличается от скифского, относящегося к юговостоиранской подгруппе [Кулланда, 2016. С. 98, 114–115]. Поэтому парфяне никак не могли быть скифским народом. Напротив, авторы, следующие Аполлодору Артемитскому (*Strab. XI. 8. 2, 9. 3; Iust. XLI. 1. 10*), с полным основанием называют скифскими выходцами дахов (парнов), говоривших на одном из восточноиранских языков [Лившиц, 2010. С. 8] и, судя по археологическим данным, принадлежавших к скифскому (сакскому) миру в широком смысле этого слова.

Во-вторых, приводимые Аррианом имена свергнутого Аршакидами селевкидского сатрапа (Ферекл, Агафокл) не встречаются в других

---

¹⁷⁹ Так, в одном и том же городе Константинополе (Стамбуле) с промежутком в тысячу лет царствовали Юстиниан I (527–564) и Сулейман I (1520–1566). В правление каждого из них Византийская и Османская империи переживали период максимального расцвета, каждый прославился завоеваниями в Европе, Азии и Африке, а также вошел в историю благодаря предпринятой им кодификации законодательства. Если же учесть ту роль, которую в управлении двором и государством играли Феодора при Юстиниане и Роксолана при Сулеймане, то сходство становится просто удивительным. Однако никто не рискнет утверждать, что Сулейман является литературной фикцией, сочиненной турецкими хронистами по образцу его византийского предшественника.

источниках, в то время как существование упоминающегося у Юстина наместника Андрагора (*Iust.* XLI. 4. 7) подтверждается надписью из Горгана (Гиркания)¹⁸⁰.

В-третьих, присутствующая у Арриана версия, согласно которой Аршак и Тиридат были сатрапами бактрийцев, безусловно, является ошибочной. Между тем, у Юстина (*Iust.* XLI. 4. 5) и Страбона (*Strab.* XI. 9. 3), в полном согласии с нумизматическими данными, в роли последнего селевкидского сатрапа Бактрии и первого греко-бактрийского царя выступает Диодот. Все это вместе взятое однозначно свидетельствует о легендарности традиции Флавия Арриана¹⁸¹ и требует при изучении истории ранней Парфии опираться только на традицию Аполлодора Артемитского, в которой отражена другая, явно более ранняя и достоверная стадия представлений парфян об истории их государства и правящей династии.

§ 2. Проблема Андрагора.

Среди наиболее дискуссионных вопросов истории ранней Парфии одно из важнейших мест по праву занимает комплекс проблем, связанных с последним – во всяком случае, из числа известных нам по имени – селевкидским сатрапом Парфии Андрагором. Разгадка «загадки

---

¹⁸⁰ Сомнения в том, что речь идет об одном и том же человеке, полностью нейтрализуются исключительной редкостью этого имени (см. приложение IV).

¹⁸¹ Нам уже приходилось отмечать, что представленная у Арриана версия возникновения Парфии была сочинена по заказу пришедшей к власти боковой ветви Аршакидов – «Тиридатидов» – с целью обосновать их принадлежность к местной знати и ведущую роль Тиридата в свержении селевкидского господства [Балахванцев, 2009. С. 98–99]. Ср.: Neusner, 1963. P. 45; Кошеленко, 1976. С. 34.

Андратора» не только помогает уточнить хронологию возникновения Парфянского государства, но и проливает дополнительный свет на характер этого процесса.

Историки середины – второй половины XIX в. просто приводили в соответствующих местах своих работ сообщение Юстина о гибели в борьбе с Аршаком македонского наместника Парфиены Андратора [Droysen, 1953. S. 235; Rawlinson, 1872. P. 43; Gutschmid, 1888. S. 31]. Положение стало меняться после того, как на рубеже 70–80-х гг. XIX века в руки исследователей попал знаменитый Амударьинский клад (Клад Окса), представлявший собой, по обоснованному мнению Б.А. Литвинского, сокровища храма Окса на Тахти-Сангине [Литвинский, Пичикян, 2000. С. 15–29; Литвинский, 2001. С. 425–429]. Вместе с другими предметами в состав клада входили золотые и серебряные монеты с легендой ΑΝΔΡΑΓΟΡΟΥ. Поскольку в нарративной традиции наряду с Андратором – современником завоевателя Парфиены Аршака (*Iust.* XLI. 4. 7) упоминался еще один Андратор – сатрап Парфиены при Александре (*Iust.* XII. 4. 12), исследователи стали решать вопрос: кому из двух Андраторов принадлежат найденные монеты?

П. Гарднер после долгих колебаний [Gardner, 1879. P. 3–4; 1881. P. 8] пришел к выводу, что монеты Андратора относятся к бывшему селевкидскому наместнику и, следовательно, свидетельствуют о том, что он добился независимости от Селевкидов [Gardner, 1886. P. XIX]¹⁸². Впрочем, эта точка зрения была далеко не единственной. Так, А. Каннингэм считал, что монеты принадлежат Андратору – сатрапу Александра [Cunningham, 1881. P. 172]. Б. Хэд предпочел оставить вопрос

---

¹⁸² Следует заметить, что у П. Гарднера все-таки оставались определенные сомнения относительно датировки монет Андратора. См.: [Gardner, 1886. P. 1], где он предлагает дату ок. 300 г. до н.э.

открытым [Head, 1911. P. 825]. А.К. Марков приписал золотые монеты Андрагора – наместнику Александра, а серебряные – жертве Аршака [Марков, 1892. С. 4]. Э. Рэпсон фактически повторил мнение А. Каннингэма [Rapson, 1893. P. 204]. Г. Ховорс сначала отнес монеты Андрагора ко времени Александра Македонского [Howorth, 1890. P. 38–39], а затем пришел к выводу, что они являются современными подделками; Андрагор же, будучи селевкидским сатрапом, не мог обладать правом монетной чеканки [Howorth, 1905. P. 223–224]. В. Рос полагал, что монеты Андрагора принадлежали сатрапу Александра Македонского (Wroth 1903, XXX, not. 1). Только Дж. Хилл решился выйти из замкнутого круга двух кандидатур и отнес монеты Андрагора к Северо-Восточной Персии, датировав их концом IV – началом III в. до н.э. [Hill, 1919. P. 32; 1922. P. CLIX–CLX, 193].

Однако с течением времени гипотеза П. Гарднера, поддержанная авторитетом У. Вилькена [Wilcken, 1894. Sp. 2133], стала приобретать среди исследователей эллинистического Востока все большее число сторонников и, несмотря на отдельные возражения [Tarn, 1932. P. 575; Debevoise, 1969. P. 9, not. 37]¹⁸³, в настоящий момент занимает практически господствующее положение [Bevan, 1902. P. 284; Beloch, 1925. S. 670, anm. 2; Rostovtzeff, 1941. P. 430; Bengtson, 1944. S. 55; Altheim, 1948. S. 17; Wolski, 1950. P. 113–114; 1956–57. P. 44–45; Бокщанин, 1960. С. 177, 180; Дьяконов, 1961. С. 180; Schmitt, 1964. S. 62; Le Rider, 1965. P. 299, 313–314; Will, 1966. P. 253; Colledge, 1967. P. 25; Ghirshman, 1974. P. 4; Кошеленко,

---

¹⁸³ Оба исследователя считали Андрагора Юстина селевкидским сатрапом и отличали его от Андрагора – эмитента монет. См. также: Bickerman, 1966a. P. 92, not. 26; Mitchiner, 1975. P. 8; Holt, 1988. P. 98, not. 47; Mørkholm, 1991. P. 119–120; Sherwin-White, Kuhrt, 1993. P. 88; Балахванцев, 2005в. С. 50–58; 2013а. С. 15–21.

1979. С. 266; Volkmann, 1979. Sp. 533; Bivar, 1983a. P. 28–29; 1983b. P. 187; Frye, 1984. P. 163; Must, 1984. P. 214; Дьяконов, Зеймаль, 1988. С. 8–14; Бадер, 1989 С. 218; Will, 1994. P. 438; Bernard, 1994. P. 488; Rtveldadze, 1995. P. 182; Зеймаль, 1998. С. 341–342; Olbrycht, 1998. S. 62–63; Кошеленко и др., 1999. С. 294; Luther, 1999. S. 9; Lerner, 1999. P. 23; Houghton, Lorber, 2002a. P. XXXV, 165–166, 230; Кошеленко, 2004. С. 219; Choisnel, 2004. P. 28; Bivar, 2005. P. 212–213; Brosius, 2006. P. 81; Farrokh, 2007. P. 119; Curtis, 2007. P. 7; Errington, Curtis, 2007. P. 43; Pourshariati, 2008. P. 20, not. 76; Widemann, 2009. P. 47; Lerouge-Cohen, 2009. P. 372; Никонов, 2010. С. 43; Erickson, Wright, 2011. P. 166; Bennett, Roberts, 2012. P. 108; Gregoratti, 2013. P. 43; Rezakhani, 2013. P. 767; Kosmin, 2013b. P. 685; Martinez-Sève, 2014a. P. 129; Grainger, 2014. P. 196; Plischke, 2014. S. 218, 228–229; Overtoom, 2016. P. 5; Strootman, 2017. P. 183]. Следует, однако, заметить, что этому способствовала не столько сила выдвинутых П. Гарднером аргументов, сколько выяснение полной недостоверности [Gutschmid, 1888. S. 31; Veloch, 1925. S. 670, anm. 2; Heckel, 2006. P. 28] данных Юстина о знатном персе Андрагоре, якобы управлявшем Парфией при Александре Македонском и ставшим родоначальником парфянских царей¹⁸⁴.

---

¹⁸⁴ Попытка Г.А. Кошеленко [Кошеленко, 2004. С. 224] рассматривать свидетельство Юстина (*Iust.* XII. 4. 12) как «отблеск» еще одного варианта легенды о возникновении Парфянского государства и династии Аршакидов не представляется нам удачной. Слова Юстина находятся в таком явном противоречии с тем, что известно о списке сатрапов Парфии в 330–321 гг. до н.э., греческим характером имени Андрагора и версией самого Юстина о происхождении Аршакидов, что приходится признать этого появление этого персонажа следствием крайне неаккуратного сокращения Юстином текста Помпея Трога. Можно предположить, что у последнего в данном месте его работы говорилось о

Теперь, после краткого историографического обзора, целесообразно перейти к рассмотрению источниковедческой базы рассматриваемой здесь проблемы. Обычно, касаясь Андрагора, исследователи основываются на трех источниках: надписи из Горгана (Гиркания), представляющей собой письмо высокопоставленного селевкидского администратора Евандра его подчиненным Андрагору и Аполлодоту об освобождении раба Гермея (*IGIAC 76*), монетах, о которых шла речь выше, и тексте Юстина.

Начнем с надписи. Поскольку в ней содержится клаузула об освобождении «ради царя Антиоха и царицы Стратоники и [их – А.Б.] детей», письмо обычно датируется 281–261 гг. до н.э. [Robert, 1960. P. 88; Rougemont, 2012. P. 158]. Представляется, что присутствие здесь царских детей дает возможность предложить более узкую дату. Дело в том, что в манумиссиях селевкидского времени из Суз в формулировке, ради кого совершается освобождение, безымянные дети царя никогда не упоминаются (*IGIAC 13, 14, 15, 17, 23*; Новиков, 1989. С. 78). Скорее всего,

---

назначении Александром в Парфию наместниками знатных персов Амминапа и Фратаферна, а затем упоминался селевкидский сатрап Андрагор, после которого этой страной овладели Аршакиды. В ходе возникшей полемики Г.А. Кошеленко заметил, «что речь идет не о реальном Андрагоре, а о фикции, созданной в некоторых кругах парфянского общества» [Бонгард-Левин, Кошеленко, 2007. С. 80]. Мы согласны, что в данном месте эпитомы речь идет об исторической фикции. Однако нет никакой необходимости считать эту фикцию продуктом напряженного труда одной из конкурирующих групп парфянских политтехнологов: возведение происхождения Аршакидов к вымышленному сатрапу Александра Македонского вряд ли могло польстить правителям мировой державы или укрепить их право на власть. Ср.: Lerouge-Cohen, 2009. P. 375.

отступление Евандра от устоявшегося формуляра объясняется сложившейся в 266 г. до н.э. уникальной политической ситуацией.

Как стало известно благодаря публикации нового клинописного источника (*LAR* 15, 4'–5', 26'–27'), в 266 г. до н.э. Антиох I, вдобавок к старшему сыну Селевку, бывшему соправителем отца с 280 г. до н.э., назначил вторым соправителем еще и младшего сына Антиоха [Берзон, 2015. С. 21, 24]. Такое двойное соправительство, существовавшее примерно между апрелем и октябрём 266 г. до н.э. [Берзон, 2015. С. 24] и порождавшее неопределенность в вопросе о том, кто в конечном счете унаследует престол, могло побудить Евандра к соблюдению сугубой осторожности при упоминании о царевичах. Поэтому письмо Евандра к Андрагору и Аполлодоту следует отнести именно к данному периоду, т.е. весне-осени 266 г. до н.э.¹⁸⁵

Однако надпись из Горгана, проливающая свет на начальный этап карьеры Андрагора, не может ответить на вопрос: стал ли он на закате своей жизни мятежником или до самого конца сохранял верность Селевкидам.

Совершенно по-другому обстоит дело с монетами Андрагора. Если они действительно принадлежат одноименному сатрапу Парфиены, то это будет лучшим доказательством того, что Андрагор еще до вторжения

---

¹⁸⁵ Уже первый издатель памятника Л. Робер [Robert, 1960. P. 88–89] осторожно предположил, что, судя по отсутствию каких-либо упоминаний о соправителях Антиоха I, надпись может относиться ко времени между казнью старшего сына Селевка и назначением нового соправителя Антиоха. И хотя теперь ясно, что такого промежутка в действительности не существовало, догадка Л. Робера, похоже, подтверждается.

Аршака был полностью независимым правителем¹⁸⁶. При решении этого вопроса важно не упустить из виду следующие обстоятельства.

Во-первых, решающее значение для определения места чеканки и обращения монет имеет сфера их распространения. Все известные на сегодняшний день монеты Андрагора происходят с территории Бактрии (Клад Окса) и Арахосии (Мир Заках II)¹⁸⁷, а на землях исторической Парфиены они не встречаются. Раньше этот аргумент можно было ослабить указанием на то, что Парфиена в нумизматическом плане

---

¹⁸⁶ Иногда [Beloch, 1925. S. 670, anm. 2; Frye, 1984. P. 168) высказывается мнение, что отсутствие на монетах Андрагора титула может свидетельствовать о сохранении номинальной вассальной зависимости от Селевкидов. Однако в эллинистическую эпоху чекан золотой и серебряной монеты был исключительной прерогативой независимых правителей: законных царей, а также более или менее удачливых узурпаторов [Бикерман, 1985. P. 197; Seyrig, 1955. P. 126, not. 44; Le Rider, 1965. P. 322, not. 5; Ven-David, 1972. P. 94; Балахванцев, 2000а. С. 215, прим. 79]. Попытку Р. Фрая [Frye, 1984. P. 238, not. 121] опровергнуть этот тезис ссылкой на серебрянный чекан фратараксов Персии вряд ли можно признать удачной. Хотя одни исследователи датируют возникновение монетной чеканки в Парсе началом III в. до н.э. [Klose, Müseler, 2008. S. 16–20], а другие – на сто лет позже [Sellwood, 1983. P. 302; Colledge, 1987. P. 150; Alram, 1986. P. 162–163; Callieri, 2004. P. 100; Wiesehöfer, 2007. P. 40–42], все они, за немногими исключениями [Engels, 2013. P. 37–48; Strootman, 2017. P. 195, 197], связывают этот процесс с отпадением Персиды от державы Селевкидов.

¹⁸⁷ Принадлежность трех новых статеров Андрагора, появившихся на антикварном рынке, к кладу Мир Заках II была установлена О. Бопераччи в 1994 году (CNG Triton XVI 550).

практически не исследована, и монеты Андрагора могут быть найдены в будущем. Но после опубликования Боджнурдского клада, сокрытого ок. 209 г. до н.э. и насчитывавшего в своем составе более 1500 монет различных эллинистических и аршакидских правителей [Abgarians, Sellwood, 1971. P. 103–119], настаивать на принадлежности монет Андрагора к чекану Парфиены становится крайне сложным.

Во-вторых, если монеты Андрагора все-таки чеканились в Парфиене, то между ними и последующими раннеаршакидскими эмиссиями должны быть обнаружены черты определенного сходства. Однако монеты Андрагора – что было подмечено еще Э. Рэпсоном [Rapson, 1893. P. 204] – не имеют ничего общего с парфиенским чеканом Аршака I и Аршака II. Действительно, чекан Андрагора представлен статерами [Балахванцев, 2017. Рис. 21] и тетрадрахмами, чекан ранних Аршакидов – драхмами и дихалками (типы 1–6 по Д. Селлвуду) [Sellwood, 1980. P. 20–27]¹⁸⁸. Далее, у монет Андрагора соотношение осей аверса и реверса – $\uparrow\downarrow$, а у раннеаршакидских драхм оно всегда $\uparrow\uparrow \pm 15^0$. Монеты Андрагора отличаются от эмиссий Парфиены и в иконографическом плане, и по манере исполнения. Все это свидетельствует против возможности отнесения чекана Андрагора к Парфиене второй половины III в. до н.э.¹⁸⁹

Таким образом, единственным источником, освещающим вопрос об Андрагоре, действовавшем в Парфиене, остается Юстин, который сообщает буквально следующее: «После него [Антигона – А.Б.] ими [парфянами – А.Б.] владел Селевк Никатор, а затем Антиох и его

---

¹⁸⁸ Предложение Г. Ассара отнести к Аршаку II и тип 7 по Д. Селлвуду [Assar, 2005. P. 36; Assar, Bagloo, 2006. P. 26, 33) не имеет под собой никаких оснований и не может быть принято.

¹⁸⁹ О подлинном времени и обстоятельствах выпуска этих монет см. приложение IV.

наследники. От его правнука Селевка они впервые отложились во время Первой Пунической войны в консульство Луция Манлия Вульсона и Марка Атилия Регула. Безнаказанность этому отпадению предоставили раздоры между двумя братьями-царями: Селевком и Антиохом, которые упустили [возможность – А.Б.] покарать отложившихся, пока стремились вырвать друг у друга царскую власть. Тогда же отложился и Диодот, правитель тысячи бактрийских городов, и приказал называть себя царем... В это время был Арсак, человек неизвестного происхождения, но испытанной доблести. Обычно он жил разбоями и грабежом. Получив известие, что Селевк разбит галлами в Азии, он, освободившись от страха перед царем, с отрядом разбойников напал на парфян, одолел их правителя Андрагора и, убив его, захватил власть над народом»¹⁹⁰.

Поскольку сначала Юстин упоминает об отложении (*defecere*) парфян (XLI. 4. 3), а затем – об убийстве их правителя Андрагора (XLI. 4. 7), то естественно предположить, что к моменту вторжения Аршака Андрагор уже приобрел независимость от Селевкидов [Altheim, 1948. P. 17;

---

¹⁹⁰ *Iust.* XLI. 4. 3–7. Post hunc a Nicatore Seleuco ac mox ab Antiocho et successoribus eius possessi, a cuius pronepote Seleuco primum defecere primo Punico bello, L. Manlio Vulsonе M. Atilio Regulo consulibus. Huius defectionis impunitatem illis duorum fratrum regum, Seleuci et Antiochi, discordia dedit, qui dum invicem eripere sibi regnum volunt, persequi defectores omiserunt. Eodem tempore etiam Diodotus, mille urbium Bactrianarum praefectus, defecit regemque se appellari iussit... Erat eo tempore Arsaces, vir sicut incertae originis, ita virtutis expertae. Hic solitus latrociniis et rapto vivere accepta opinione Seleucum a Gallis in Asia victum, solutus regis metu, cum praedonum manu Parthos ingressus praefectum eorum Andragoran oppressit sublatoque eo imperium gentis invasit.

Wolski, 1956–57. P. 42–45; Luther, 1999. P. 7]. Однако насколько верным является это рассуждение?

Прежде всего следует обратить внимание на то, что титул Андрагора у Юстина – *praefectus*. В сочинении Юстина и сохранившихся прологах книг Помпея Трога термин *praefectus* употребляется только по отношению к *зависимым* правителям, таким как сатрап Сарданапала Арбакт (*Iust.* I. 3. 2, 6), сатрапы Ахеменидов (*Iust.* V. 1. 7; 2. 5; VI. 1. 2; 2. 11; 6. 3; XI. 6. 15; 10. 5; *Trog. Prol.* VI; X), наместники Александра Македонского (*Iust.* XII. 1. 4; 2. 16; 4. 12; 10. 8; 14. 4; XIII. 4. 19, 25; XV. 4. 19; *Trog. Prol.* XI), сатрапы селевкидских (*Iust.* XXXIX. 1. 8; XLI. 4. 5, 7) и парфянских царей (*Trog. Prol.* XLII) или правителей Понта (*Iust.* XVI. 4. 7; XXXVIII. 1. 1). Характерно, что когда в прологах Помпея Трога говорится об отложившихся сатрапах, то последние именуется еще и *defectores* (*Trog. Prol.* X).

Аналогичным образом данный апеллятив используется и другими латинскими авторами. Именно так старший современник Помпея Трога Корнелий Непот именует ахеменидского сатрапа Тиссаферна (*Nep. Ag.* 2. 3). Титул *praefectus* неоднократно употребляется в сочинении Курция Руфа применительно к сатрапам Дария III (*Curt.* V. 2. 8) и Александра Великого (*Curt.* VI. 4. 24; VIII. 3. 17). Лишь один раз Корнелий Непот использует титул *praefectus* по отношению к диадохам Александра Македонского в 323–316 гг. до н.э. (*Nep. Eum.* 13. 3). Однако для правильного понимания этого свидетельства необходимо учесть ту более никогда не повторяющуюся двойственность, которая характеризует положение диадохов в данный период. В самом деле, оказавшись после смерти Александра *фактически* независимыми правителями, опиравшимися на свои собственные войска, *формально* диадохи считались лишь наместниками двух номинальных царей, унаследовавших титул Великого Македонца – слабоумного Филиппа Арридея и младенца Александра IV. В

анализируемом здесь месте Корнелий Непот обращает внимание только на *публично-правовую* характеристику положения диадохов, подчеркивая эволюцию их титулатуры от наместника (*praefectus*) до царя (*rex*).

В целом же термин *praefectus* использовался для обозначения официального лица, не обладающего суверенитетом и занимающего подчиненное положение по отношению к центральной или местной власти (OLD s.v. *praefectus*)¹⁹¹.

В связи с этим возникает вопрос: почему Андрагор, будучи, по мнению многих исследователей, уже независимым правителем, носит у Юстина титул *praefectus*?

Еще более важное значение имеет обычно игнорируемое в литературе¹⁹² указание Юстина (XLI. 4. 7) на те мотивы, которыми руководствовался Аршак при вторжении в Парфиену; а именно, что вождь парнов сделал это, «освободившись от страха перед царем» (*solutus regis metu*). Если считать Андрагора мятежным сатрапом, обладавшим в момент вторжения Аршака независимостью, то совершенно непонятно, какова связь между разгромом Селевка II в битве при Анкире (ок. 238 г. до н.э.) и вторжением Аршака в Парфиену? Действительно, в таком случае поражение царя означало, что мятежному наместнику больше не надо бояться удара с запада, и он может бросить все свои силы против Аршака. Но тогда поражение Селевка II должно было бы скорее предостеречь Аршака от вторжения в Парфиену, а уж упоминание об освобождении от страха перед царем выглядит в такой ситуации полным абсурдом.

---

¹⁹¹ Все это не позволяет согласиться с Й. Вольским, который понимает титул Андрагора как *δυναστής* [Wolski, 1982. P. 143].

¹⁹² Автору известны только два исключения: Sherwin-White, Kuhrt, 1993. P. 88; Olbrycht, 2003b. P. 72. Но никто из вышперечисленных исследователей не сделал из этого наблюдения должных выводов.

Мотивация действий Аршака у Юстина, который здесь явно следует тексту Помпея Трога, имеет смысл лишь в том случае, если Андрагор до самого конца сохранял верность Селевку II. В самом деле, только тогда поражение последнего лишало наместника надежды на получение помощи от своего суверена, а Аршак мог, действительно, не боясь более царя, вторгнуться в Парфиену.

Но как тогда быть с уже упомянутым выше «отпадением» парфян? Для того чтобы выяснить, что стоит за *defecere* в действительности, следует обратить внимание на датировку этого события. Юстин датирует отпадение парфян консульством Луция Манлия Вульсона и Марка Атилия Регула (256 г. до н.э.), продолжавшейся в это время Первой Пунической войной (264–241 гг. до н.э.) и правлением Селевка II (246–226 гг. до н.э.). Неудивительно, что за этим синхронизмом в науке прочно утвердилось название «курьезного». Были предприняты многочисленные попытки хоть как-то сблизить эти даты. Так, вместо Марка Атилия Регула в тексте Юстина предлагалось читать имя Гая Атилия Регула, обладавшего – вместе с Луцием Манлием Вульсоном – консулатом в 250 г. до н.э. [Droysen, 1953. S. 237, anm. 241; Beloch, 1925. S. 670, anm. 3; Debevoise, 1969. P. 9; Wolski, 1956–57. P. 51; Assar, Bagloo, 2006. P. 27].

Обосновывая эту замену, Й. Вольский указывает, что Марк Атилий Регул был в 256 г. до н.э. только консулом-суффектом, а датировки могли даваться лишь по ординарным консулам. Однако в данном случае Й. Вольский, как и его предшественники, явно заблуждается. Так, Евтропий (*Eutr.* II. 21. 1) датирует римское вторжение в Африку консулатом Луция Манлия Вульсона и Марка Атилия Регула, не обращая внимания на то, что последний был консулом-суффектом. Точно так же неоднократно издававшаяся строительная надпись 108 г. до н.э. из Кампании (*CIL X 3935 = AE 1956, 37 = AE 1957, 308 = AE 1980, 233 = AE 1996, 429 = AE 1997, 316*) датируется по консулату Сервия Сульпиция Гальбы и Марка Аврелия

Скавра, при том, что последний был консулом-суффектом, заместившим ординарного консула Гортензия. Аналогичным образом датированы и другие надписи этого года (*CIL X 3776 = ILS 3185; NSA 1921, 129*).

Еще более радикальную эмендацию предложил А. Лютер, согласно которому у Юстина, Трога либо его первоисточника «отпадение» парфян датировалось 247 г. до н.э., или 507 годом от основания Рима, но при этом по ошибке вместо консулов этого года были названы имена также упомянутых в консульских фастах под этим годом цензоров Авла Атилия Кайатина и Авла Манлия Торквата [Luther, 1999. S. 10–12]. Однако и это предположение не выглядит убедительным. Дело в том, что в тексте Помпея Трога или его греческого источника «отпадение парфян», скорее всего, датировалось по олимпиадам¹⁹³. Можно предположить, эта дата – второй год 133 Олимпиады, что соответствует 507 году от основания Рима. Можно допустить правоту А. Лютера, полагавшего, что в использованном Трогом или его источником экземпляре фаст были приведены лишь родовые имена цензоров – т.е. Атилий и Манлий, причем, при небрежном списывании они превратились в консулов Атилия и Манлия. Но тогда в тексте эпитомы Юстина, который *не дополнял*, а лишь *сокращал* труд Помпея Трога, должно было вместо «в консульство Луция Манлия Вульсона и Марка Атилия Регула» стоять «в консульство Атилия и Манлия».

К сказанному выше следует добавить, что, во-первых, ни та, ни другая передатировки не уничтожают «курьезного синхронизма», так как правление Селевка II Каллиника началось позже – в 246 г. до н.э. Во-вторых, а это особенно важно, обе эмендации лишены каких-либо

---

¹⁹³ В эллинистической историографии счет по олимпиадам стал общепринятым благодаря Тимею из Тавромения (конец IV – первая половина III в. до н.э.).

текстологических оснований. Таким образом, ни одно из предложенных исправлений текста Юстина нельзя считать обоснованным.

Между тем, кроме хронологических, в анализируемом тексте имеются и другие несообразности. Так, заявление Юстина о «первом отложении» (*Iust. XLI. 4. 3: primum defecere*) парфян предполагает, что, как минимум, было еще и второе. Но тогда первая попытка избавиться от власти Селевкидов должна была закончиться неудачей¹⁹⁴. Однако, вопреки логике, Юстин утверждает, что это отпадение (*Iust. XLI. 4. 4: huius defectionis*) осталось безнаказанным.

Чем можно объяснить отмеченные выше противоречия? Следует вспомнить, что при работе с текстом Помпея Трога эпитоматор часто не только упрощал ход описываемых событий, но и просто их искажал. Поэтому несогласованности и нелепости эпитомы по поводу хронологии и сущности происходивших в Парфии событий, скорее всего, возникли в результате контаминации Юстином весьма разнородного фактического материала, содержавшегося в оригинале Помпея Трога¹⁹⁵. При этом, вся изложенная у последнего история потери Селевкидами сатрапии Парфии была сведена эпитоматором к понятию *defectio*. Таким образом, ни текст Юстина, ни другие имеющиеся в распоряжении науки источники не дают

---

¹⁹⁴ Поэтому Андрагор не мог возглавлять первое возмущение, так как иначе бы он не оказался на посту наместника Парфии значительно позже, во время вторжения Аршака.

¹⁹⁵ Например, там должна была присутствовать информация о восстании против власти Селевкидов (*primum defecere* Юстина), которое произошло в Парфии в 256 г. до н.э., во время Второй Сирийской войны (260–253 гг. до н.э.). Нет сомнения, что это восстание было подавлено, и, может быть, именно после него сатрапом Парфии был назначен Андрагор [Балахванцев, 2005в. С. 57; 2013а. С. 19].

никаких оснований считать, что наместник Андрагор отпал от державы Селевкидов и сделал Парфиену независимым государством.

§ 3. Аршак I и первое завоевание Парфиены.

Теперь, после того, как прояснена ситуация в Парфиене середины III в. до н.э., следует разобраться с тем, что происходило на ее северных границах. Как уже отмечалось выше, в начале III в. до н.э. часть хорезмийских дахов (парнов) покинула территорию Левобережного Хорезма и вместе со своими отарами обосновалась на берегах Оха (Атрека и его притоков). Археологические данные свидетельствуют об освоении ими района от Бами и Коджа на севере до долины Сумбара на юге. Однако происходившие на протяжении жизни двух поколений рост численности населения и увеличение поголовья овец не могли не привести к усилению военных столкновений между различными родами в борьбе за пастбища и источники воды. Это кажется тем более вероятным, что ряд территорий, входящих в состав области парнов (хребет Монджуклы, Ходжакалинская долина), очень бедны водными и растительными ресурсами.

О происходивших между парнами столкновениях свидетельствует и часто игнорируемое, как не имеющее исторической ценности [Lerouge-Cohen, 2010. P. 165], замечание Юстина (*Iust.* XLI. 4. 7) о грабеже и разбое, как основных занятиях Аршака перед вторжением в Парфиену. В этой войне каждый род, желающий не только выжить, но и победить, был вынужден создавать дружину из юношей, чьей основной профессией теперь стала война. Логично предположить, что именно благодаря проявленной им доблести (*Iust.* XLI. 4. 6; *Amm. Marc.* XXIII. 6. 2) Аршак оказался во главе своей родовой дружины, а победа над другими родами сделала его, неродовитого воина (*Iust.* XLI. 4. 6; *Amm. Marc.* XXIII. 6. 2), вождем всех парнов.

Однако одержанная Аршаком победа и прекращение родовых усобиц¹⁹⁶ были не в состоянии изменить сложившуюся эколого-демографическую ситуацию. Проблему можно было решить лишь за счет переселения части парнов на новые земли. При этом, движение на запад или северо-запад означало неизбежный конфликт с апасиаками, к чему парны ни тогда, ни даже несколько десятилетий спустя еще не были готовы. Соплеменников Аршака не очень привлекала и возможность вторжения в Несайю, хорошо знакомую им по набегам конца IV в. до н.э.: северо-западный край Ахала не слишком богат водой, да и к тому же отделен от области парнов труднопроходимыми горными хребтами. Наиболее заманчивым выглядело переселение на юг, в Парфиену, привлекавшую их богатыми пастбищами и климатом, благоприятным для овцеводства [Петрусевич, 1880б. С. 114–115].

Разумеется, парны хорошо понимали, что попытка завоевания Парфиены обязательно повлечет за собой войну с державой Селевкидов. Поэтому они могли рискнуть на вторжение только в момент, когда последняя будет серьезно ослаблена. Это обстоятельство надо постоянно иметь в виду, оценивая достоверность сохранившихся в античной традиции датировок возникновения независимой Парфии.

Начнем с Аммиана Марцеллина, который относит приход к власти Аршака ко времени правления Селевка I Никатора (*Amm. Marc.* XXIII. 6. 3). Исследователи единодушно игнорируют это замечание, справедливо считая его неверным. Однако, как будет показано ниже, даже это ошибочное заявление римского историка может способствовать установлению верной даты. Столь же недостоверным является и утверждение словаря Суды об

---

¹⁹⁶ Хотя источники хранят об этом абсолютное молчание, без выполнения двух этих условий ни о каком вторжении в пределы державы Селевкидов не могло быть и речи.

изгнании Аршаком македонян после 293 лет их господства (*Suid.* s.v. Ἀρσάκης). Ведь отсчитав указанное количество лет от любой, связанной с Александром Македонским, даты, пришлось бы допустить, что Парфянское государство возникло только во второй половине I в. до н.э.

Большинство ученых стремится вывести дату возникновения независимой Парфии из «курьезного синхронизма» Юстина, пытаясь максимально согласовать хронологические показания последнего с данными Страбона, Арриана, Евсевия и Аппиана, а также – аршакидской эрой. При этом сторонники так называемой «высокой» хронологии помещают, по крайней мере, начальную фазу обретения парфянами своей государственности в правление Антиоха II [Bickerman, 1944. P. 80, 83; Tarn, 1951. P. 72–74; Musti, 1984. P. 219–220], а приверженцы «низкой» хронологии переносят весь процесс в первые годы царствования Селевка II [Brodersen, 1986. P. 378–381; Wolski, 1996. P. 167–178]. Какая же из двух точек зрения является верной?

Если исключить из анализируемого отрывка эпитомы Помпея Трога информацию о «первом отпадении» парфян, которая, как было показано выше, не имеет никакого отношения к возникновению Парфянского государства, то слова Юстина трактуются вполне однозначно. Он прямо заявляет, что парфяне находились под властью Селевкидов при Селевке I Никаторе, Антиохе I Сотере и его наследниках. Под ними, несомненно, имеются в виду Антиох II Теос и Селевк II Каллиник. Именно после поражения последнего в Малой Азии Аршак вторгся в Парфию (*Iust.* XLII. 4. 3, 7). В пользу того, что независимая Парфия возникла при Селевке II, говорит и ошибочное упоминание о Селевке I у Аммиана Марцеллина. Поскольку в рассказе об Аршаке Аммиан явно использовал эпитому

Помпея Трога¹⁹⁷, наиболее логичное объяснение допущенной автором «Деяний» ошибки сводится к тому, что он просто перепутал Селевка II Каллиника с его одноименным и гораздо более знаменитым прадедом. С изложенной хронологией совпадает и сохраненное Страбоном свидетельство некоторых более древних авторов, у которых утверждение Аршака в Парфии синхронизируется с деятельностью в Бактрии Диодота I – современника Селевка II Каллиника (*Strab.* XI. 9. 3)¹⁹⁸.

Однако эта хронология абсолютно не согласуется с информацией остальных источников. Как упоминалось выше, у Арриана парфяне добиваются независимости в правление Антиоха II. Евсевий предлагает целых две даты: 250/9 г. до н.э. (*Eus. Chron.* II. 120) и 248/7–245/4 гг. до н.э. (*Eus. Chron.* I. 207). Аппиан относит начало процесса отделения парфян от державы Селевкидов к первым месяцам Третьей Сирийской войны (*App. Syr.* 346)¹⁹⁹. Наконец, аршакидская эра берет отсчет с 14/15 апреля 247 г. до н.э. [Assar, 2004. P. 71].

К сожалению, исследователи, принимающие на веру любые даты в пределах царствования Антиоха II, игнорируют один очень важный источник, который может пролить свет на эту запутанную проблему. В XIII

---

¹⁹⁷ Ср., например, приводимые обоими авторами сведения о происхождении и занятиях Аршака (*Iust.* XLI. 4. 6–7; *Amm. Marc.* XXIII. 6. 2), предпринятых им мерах по укреплению государства (*Iust.* XLI. 5. 1; *Amm. Marc.* XXIII. 6. 4), почитании имени Аршака (*Iust.* XLI. 5. 5–6, 8; *Amm. Marc.* XXIII. 6. 5–6).

¹⁹⁸ Еще одно замечание Страбона о бегстве Аршака к апасиакам от Селевка Каллиника (*Strab.* XI. 8. 8) также доказывает, что завоевание парнами Парфии имело место не позднее правления последнего.

¹⁹⁹ См. подробный комментарий с анализом предшествующей литературы: Brodersen, 1989. S. 203–206.

Большом наскальном эдикте Ашоки из династии Маурьев упоминается о посольствах, отправленных царем в чужие страны, чтобы сообщить их правителям об одержанной им победе дхармы (праведности): «И эту победу считает главной Государь, а именно победу дхармы. Она же одержана Государем и здесь, и во всех пределах, даже до шести сотен йоджан, где царь греков по имени Антийока и за тем Антийокой четыре царя: по имени Туламая, по имени Антикини, по имени Мака, по имени Аликасудары, (и) ниже – Чолы (и) Пандьи вплоть до Тамбапарни» [Вигасин, 2007. С. 23]²⁰⁰. Если бы граничащая с державой Маурьев Бактрия и лежащая дальше на запад Парфия были независимыми государствами уже в середине III в. до н.э., то Великое западное посольство Ашоки прежде всего отправилось бы в Бактры, затем – в Парфию и только после этого – в Антиохию. В этом случае текст XIII Большого наскального эдикта выглядел бы примерно так: «где царь греков по имени Диодота и за тем Диодотой шесть царей...». Однако отсутствие в тексте эдикта даже малейшего намека на посещение индийским посольством Бактрии и Парфии свидетельствует о том, что обе эти области все еще были селевкидскими сатрапиями. Таким образом, определение даты посольства Ашоки одновременно дает и *terminus post quem* для возникновения новых государств в Иране и Средней Азии.

Большинство из упоминаемых в тексте эдикта Ашоки греческих царей хорошо известны: Антиох II Теос (261–246 гг. до н.э.), Птолемей II Филадельф (282–246 гг. до н.э.), Антигон II Гонат (283–239 гг. до н.э.), Маг Киренский (ок. 277–ок. 250 гг. до н.э.). Относительно того, кто имеется в виду под Александром, существуют разные мнения: одни авторы полагают, что это – Александр II Эпирский [Феррари, 1998. С. 34, прим. 17], другие

---

²⁰⁰ Чолы и Пандьи жили на крайнем юге Индии, а под Тамбапарни подразумевается Шри-Ланка (Цейлон).

видят в нем Александра, царя Коринфа и Эвбеи [Вигасин, 2007. С. 95–103; Кошеленко, Гаибов, 2009. С. 106, прим. 14]. А.А. Вигасин аргументирует свою точку зрения тем, что Александр II Эпирский умер ок. 255 г. до н.э. и не мог принимать маурийское посольство, которое отправилось в путь только после завершения Второй Сирийской войны в 253 г. до н.э. Однако сравнительно недавняя публикация одного из рескриптов Александра II Эпирского, который точно датируется 242 г. до н.э. [Rigsby, Hallof, 2001. S. 344], выявила ошибочность прежних представлений. С другой стороны, наместник Антигона Гоната в Коринфе Александр отложился от своего повелителя и принял царский титул в 249 г. до н.э. [Walbank, 1984. P. 247]. Таким образом, посольство Ашоки к эллинистическим монархам могло иметь место только в 252–249 гг. до н.э., что серьезно подрывает позицию сторонников «высокой» хронологии [Балахванцев, 2010а. С. 17].

Имеющаяся к настоящему времени информация о военных акциях Антиоха II также не позволяет принять раннюю дату возникновения независимой Парфии. Так, весной 251 г. до н.э. Антиох II возвратился из восточных сатрапий²⁰¹, а в середине лета 250 г. до н.э. выступил со своими

---

²⁰¹ В феврале-марте 251 г. до н.э. Антиох II выступил из Селевкии (*AD* -251. Rev. 3). Хотя в вавилонских астрономических документах Селевкия на Тигре обычно упоминается с указанием на то, что это «царский город» (*AD* -273. A 'Rev'. 31', 35'), однако после первого или второго упоминания данное указание опускается (*AD* -273. A 'Rev'. 36'). Такая же картина наблюдается и в отношении соседней с Вавилоном Селевкии на Евфрате: сначала она именуется «царским городом» (*BCHP* 11 Obv. 3', 8', 13'), но потом этот эпитет опускается (*BCHP* 11 Rev. 9', 11'). Скорее всего, в данном месте астрономического дневника речь идет о второй столице державы Селевкидов.

войсками из Антиохии²⁰² и двинулся на северо-запад Малой Азии и во Фракию [Балахванцев, 2011. С. 88–89]: селевкидская армия угрожала Византию (*Memn.* FGrH 434 F 15), а также совершила поход против фракийского племени астов (*Polyaen.* IV. 16; *IGBR* I² 388)²⁰³. Естественно, что если бы отпадение Парфии произошло ок. 250 г. до н.э., Антиох II двинулся бы не на запад, а на восток.

В целом, «ахиллесовой пятой» сторонников «высокой» хронологии является игнорирование того бесспорного обстоятельства, что успешное завершение Второй Сирийской войны²⁰⁴ позволило бы Антиоху II в 253–246 гг. до н.э. без труда отразить любое покушение на восточные владения Селевкидов²⁰⁵.

Но как совместить все эти факты и рассуждения с тем, что начало аршакидской эры приходится на 14/15 апреля 247 г. до н.э.? Последнее обстоятельство могло бы склонить чашу весов в пользу сторонников «высокой» хронологии, но лишь при одном условии: наличии доказательств того, что аршакидская эра была введена в действие именно в 247 г. до н.э. Однако, в отличие от селевкидской эры, первые свидетельства применения которой относятся к годам, непосредственно примыкающим ко времени возвращения Селевка I в Вавилон в 311 г. до н.э. [Бикерман, 1975. С. 66; *Voüy*, 2011. P. 1, not. 1], самые ранние случаи использования

---

²⁰² Не позднее августа об этом уже знали в Вавилоне. См.: *AD* -249. A 'Rev'. 6'.

²⁰³ О политической и военной активности Антиоха II Теоса в Малой Азии и Пропонтиде см.: *Ma*, 1999. P. 34–37 (с предшествующей литературой).

²⁰⁴ О результатах войны см.: *Hölbl*, 2001. P. 44.

²⁰⁵ От этого соображения нельзя отделаться, назвав Антиоха «безвольным, беспутным алкоголиком» [Бокщанин, 1960. С. 16].

аршакидской – это 152/1 г. до н.э. (*PEDN 2673*) и 141 г. до н.э. (*AD -140. A Rev. 3'*; Spek, 1997/1998. P. 171). Доказательств ее существования в более ранний период нет.

Безусловно, отсутствие доказательств еще не является доказательством отсутствия. Тем не менее, при оценке самой возможности того, что аршакидская эра использовалась уже с 247 г. до н.э., надо обязательно учесть следующее обстоятельство. Метод датирования по эрам появился в Передней и Центральной Азии только в эллинистическую эпоху, когда Антиох I продолжил начатый его отцом Селевком счет лет от момента захвата Вавилона [Бикерман, 1975. С. 66]. Следует вспомнить, что в IV–III вв. до н.э. ни в ахеменидском Иране, ни в Хорезме династические эры не были известны. Вопрос: как могли не имевшие к 247 г. до н.э. сколько-нибудь прочных контактов с Селевкидами парны, которым – как и другим находившимся на одной с ними стадии развития этносам – был свойственен счет времени лишь по поколениям [Бикерман, 1975. С. 57], моментально принять совершенно чуждый и неизвестный им ранее хронологический принцип?

В пользу того, что парфяне в течение долгого времени обходились без своей династической эры, свидетельствует и то, что остракон № 2-L, в отличие от других документов со Старой Нисы, датируется еще не по аршакидской эре, а правлением «Аршака царя, сына внука Аршака» [Livshits, 2006. P. 401]. Учитывая, что оба остракона – № 2-L и *PEDN 2673* – относятся к правлению Митридата I, логично заключить, что именно при нем под воздействием селевкидского влияния и была создана аршакидская эра [Балахванцев, 2015з. С. 144]²⁰⁶. Поэтому введение этой эры никак не

---

²⁰⁶ Причем, это произошло не сразу после прихода Митридата к власти, а через некоторое время после того, как он принял царский титул. Возможно, что Митридат, принадлежавший к третьему поколению

доказывает, что независимое Парфянское государство возникло именно в 247 г. до н.э.

Свидетельство Аппиана, которое относит начало пути парфян к независимости к первым месяцам Третьей Сирийской войны, могло бы составить сильную конкуренцию картине, нарисованной Юстином. В самом деле, на протяжении осени 246 – зимы 245 гг. до н.э. держава Селевкидов фактически перестала существовать как единое целое. И если в Бактрии сложившейся ситуацией сумел воспользоваться Диодот²⁰⁷, то почему аналогичные события не могли произойти и в Парфии? К тому же одна из приводимых Евсевием дат возникновения Парфянского государства (*Eus. Chron. I. 207*) хорошо согласуется с датировкой Аппиана.

Однако Евсевий и Аппиан, не противореча друг другу в плане хронологии, по-разному передают суть происходивших событий. Первый, следуя легендарной и недостоверной традиции Арриана²⁰⁸, пишет, что в 133 Олимпиаду (248/7–245/4 гг. до н.э.) парфяне отложились от македонян, и их первым царем стал Аршак (*Eus. Chron. I. 207*). Что же касается самого Аппиана, то его замечание фактически дополняет Юстина и свидетельствует лишь о происшедшем в 246 г. до н.э. очередном

парфянских правителей после Аршака I, установил начальный год новой эры, отсчитав 90 лет (3 поколения × 30 лет) от своего времени. Тогда наиболее подходящей датой введения аршакидской эры будет 157 г. до н.э. Ср.: Grainger, 2014. P. 197; Strootman, 2017. P. 187, not. 46.

²⁰⁷ См. ниже, приложение V.

²⁰⁸ Невозможно согласиться с утверждением [Lerner, 1999. P. 21] о зависимости датировки Евсевия от Юстина. Скорее, на первого могла повлиять аршакидская эра.

восстании²⁰⁹ местного населения в Парфии. Судя по тому, что в момент вторжения Аршака сатрапией управлял селевкидский наместник Андрагор, оно явно окончилось неудачей и прямого отношения к возникновению независимой Парфии не имеет.

Итак, руководствуясь данными Юстина и Страбона, можно представить развитие событий накануне и во время вторжения парнов в Парфию следующим образом. К концу 240 г. до н.э. Аршак одержал победу в междоусобной борьбе и объединил всех парнов под своей властью. Вряд ли это могло случиться раньше, т.к. в противном случае номады не преминули бы воспользоваться столь благоприятной для нападения ситуацией, как в 246–245 г. до н.э. Между тем, даже завершение Третьей Сирийской войны в 241 г. до н.э. не принесло державе Селевкидов необходимой передышки. Около 240 г. до н.э. младший брат Селевка II Каллиника Антиох Гиеракс, первоначально действовавший в качестве наместника Малой Азии, объявил себя царем. Так разразилась «Война братьев», продолжавшаяся до 236 г. до н.э. [Vickers, 1944. P. 76]. Около 238 г. до н.э. Селевк II потерпел сокрушительное поражение под Анкирой (Малая Азия) от Антиоха Гиеракса и его союзников-галатов, потерял практически всю свою армию (*Polyaen.* IV. 9. 6) и некоторое время даже считался мертвым (*Plut. Mor.* 489 A).

Аршак не стал упускать столь удачную возможность для вторжения в Парфию: Селевк надолго, быть может, навсегда выбыл из игры, а сатрап Андрагор был предоставлен собственной участи. Аршак двинулся на юг во главе закаленного в междоусобных схватках войска, которое Юстин именует «отрядом разбойников» (*Iust.* XLI. 4. 7). Его маршрут, скорее

---

²⁰⁹ Выше уже отмечалось, что употребленное Юстином выражение *primum defecere* (*Iust.* XLI. 4. 3) свидетельствует, как минимум, о двух одновременных восстаниях в Парфии.

всего, проходил через современные Дешт и Джаджерм, откуда можно было легко проникнуть на Иранское плато [Spooner, 1965. P. 99]. С точки зрения возможностей для занятий овцеводством парнам были более интересны лежавшие на стыке Парфиены и Гиркании районы восточных предгорий Эльбурса, Джорджана на верхнем Горгане, Аладага и Эсферайенской долины, но надежда на богатую добычу увлекала их на запад, к главному городу сатрапии Гекатомпилу. Аршак разгромил наместника Парфиены и Гиркании Андрагора, который пал в бою (*Iust.* XLI. 4. 7), и овладел значительной частью сатрапии²¹⁰.

К моменту завоевания на территории сатрапии проживали как иранцы, так и греки. К числу первых относились парфиены, гирканцы, тапуры и марды, предки которых обитали в этих краях еще в доахеменидскую эпоху. Эллины появились здесь вместе с Александром Македонским и в основном осели в городах: Гекатомпиле, Сотейре, Каллиопе, Харите, Ахайе, Тамбраке и Сиринке (*Polyb.* X. 31. 5–6, 11; *App. Syr.* 298).

Для правильного понимания отношений, сложившихся у Аршака I с населением завоеванных областей, необходимо обязательно учесть следующие факторы. Во-первых, местное иранское население вовсе не было угнетенной греко-македонскими завоевателями массой, видевшей в парнах своих освободителей. Хотя в селевкидской Парфиене, как

---

²¹⁰ Хотя Юстин и утверждает, что Аршак захватил всю Гирканию (*Iust.* XLI. 4. 8), это кажется преувеличением: парнов было слишком мало, чтобы контролировать приморскую зону вплоть до Сефидруда, да и районы с влажным субтропическим климатом, малопригодные для овцеводства, вряд ли могли их заинтересовать. К тому же парны явно не желали быть втянутыми в конфликт с апасиаками, в сферу интересов которых входили гирканские земли в низовьях Атрека и Горгана.

отмечалось выше, и имели место восстания, они, скорее всего, были вызваны усилением налогового гнета и призывом региональной администрации. Во-вторых, начало контактов парнов с населением Парфиены и Гиркании восходит к последней четверти IV в. до н.э., когда кочевники, пользуясь незащищенностью северных границ распавшейся державы Александра и слабостью местных властей, добились для себя права в определенное время ради захвата добычи совершать набеги на Гирканию, Несайю и равнины парфиенов (*Strab.* XI. 8. 3). Поэтому местные жители – как иранцы, так и греки – не ждали от незваных гостей ничего хорошего.

В-третьих, парнов не интересовали пустынные и малопригодные для жизни склоны Джагатая или Джебаркуха. Вместе со своими стадами они хлынули на самые плодородные и, естественно, густонаселенные земли объединенной сатрапии. Но появление здесь кочевников с их отарами означало изгнание земледельцев с насиженных мест²¹¹ и превращение полей, садов и виноградников в одно большое пастбище. Поэтому конфликт пришельцев-парнов с местным населением из-за земли был неизбежен.

---

²¹¹ Следует отметить, что Селевкиды так никогда не поступали. Все их подданные, живущие как на территории *царской хоры*, находившейся под административной и юридической властью сатрапа, так и в автономных *этносах* (племенах) и *демах* (колониях, городах, храмовых и полугородских общинах), должны были платить налоги в казну. К тому же, жители *хоры* были главным источником поставки солдат и продовольствия [Mileta, 2002. P. 162–165]. Поэтому Селевкиды не только не отнимали землю у азиатских крестьян, но всячески пытались заселить и благоустроить опустевшие территории (*Strab.* XI. 10. 2; *Plin.* NH. VI. 47; *App. Syr.* 4).

Ценнейшее, хотя и практически полностью игнорируемое в научной литературе²¹² свидетельство на этот счет оставил Страбон: «Действительно, вначале [Аршак – А.Б.] был бессилен, воюя с теми, у кого была отнята земля; и он сам, и его наследники...»²¹³. Нет никаких оснований считать, что парнов смогла бы удовлетворить конфискация земельных владений одних только греко-македонян²¹⁴, количество которых в Парфии и Гиркании было сравнительно незначительным [Бадер, 1989. С. 222; Гаибов и др., 1992. С. 41]. Поэтому основными жертвами вторжения Аршака стали иранцы. Увязнув в бесконечной войне с парфиянами и гирканцами, Аршак

---

²¹² На него обратили внимание лишь единицы [Drijvers, 1998. P. 284–285; Olbrycht, 2003b. P. 73]. Но даже М. Ольбрыхт не придал ему серьезного значения. Польский исследователь, вопреки источнику, склонен постулировать достижение компромисса между пришельцами из степи и местным иранским населением, а также их общую враждебность к греко-македонянам [Olbrycht, 2003b. P. 73–75].

²¹³ *Strab.* XI. 9. 2. κατ' ἀρχὰς μὲν οὖν ἀσθειῆς ἦν διαπολεμῶν πρὸς τοὺς ἀφαιρεθέντας τὴν χώραν καὶ αὐτὸς καὶ οἱ διαδεξάμενοι ἐκείνον... На всякий случай заметим, что под τοὺς ἀφαιρεθέντας τὴν χώραν ни в коем случае нельзя понимать Селевкидов. Последних Страбон всегда именуется «сирийскими» и «македонскими царями», «царями Сирии и Мидии» или «теми, кому были подвластны Сирия и Мидия» (*Strab.* XI. 9. 2, 13. 1, 14. 15; XV. 3. 24).

²¹⁴ Пастбище, организованное на месте даже такого богатого поместья как у Мнесимаха, площадью 300 гектаров [Голубцова, 1969. С. 170], было пригодно для выпаса примерно трехсот овец. На рубеже XIX–XX вв. такое количество скота приходилось на одну среднюю по зажиточности семью северобалханских туркмен [Марков, 1958. С. 171], живших на прежних землях апасиаков.

оказался в очень тяжелой ситуации, когда в Парфиену вступила армия Селевка II Каллиника.

Глава 5

СЕЛЕВК II КАЛЛИНИК И ПАРФИЯ

В отношении похода Селевка II против Аршака I среди исследователей царит практически полное единодушие. Уже в работах середины – второй половины XIX в. была нарисована следующая картина: Селевк II, укрепив свои позиции на Западе, двинулся в поход против Парфии; поначалу он имел успех и даже заставил вождя парфян Аршака бежать к апасиакам, но затем парфянам все же удалось разбить Селевка²¹⁵,

---

²¹⁵ Некоторые ученые [Gardner, 1877. P. 4; Lerner, 1999. P. 35–36; Overtoom, 2016. P. 28–29, not. 112] считают, что Селевк II был не только разбит парфянами, но и попал к ним в плен. Эта версия основывалась на сохранившемся у Афинейя фрагменте из шестнадцатой книги Посидония (*Posid. F 64 = Athen. IV. 153a*) и на наличии на аверсе поздних монетных серий Селевка II бородатого царского изображения. Однако труд Посидония охватывал события начиная с 146 г. до н.э., а шестнадцатая книга посвящена правлению Антиоха VII Сидета [Momigliano, 1975. P. 32; Kidd, 1999. P. 303]. Поэтому свидетельство Посидония должно относиться не к Селевку II, а либо к старшему сыну Деметрия II Никатора и будущему царю Сирии Селевку V, плененному Фраатом II в 129 г. до н.э. [Stähelin, 1921. Sp. 1245], либо к сыну Антиоха VII [Hoover, 2007. P. 292, not. 57]. К тому же данные астрономических дневников не позволяют считать, что Селевк II хоть какое-то время был в плену. Что же касается утверждения, согласно которому бороду носили только те селевкидские цари, которые побывали в плену у парфян и восприняли их обычаи [Gardner, 1877. P. 4; Overtoom, 2016. P. 28–29, not. 112], то это может быть справедливо лишь применительно к Деметрию II. Оно неприменимо к Антиоху IX Кизикену, Антиоху X Евсебу, Антиоху XI Елифану и Филиппу I, которые хотя и

которому из-за вновь возникших волнений пришлось вернуться домой, а Парфия утвердила свою независимость [Droysen, 1953. S. 300–301; Rawlinson, 1872. P. 48–49; Gutschmid, 1888. S. 34; Niese, 1899. S. 166; Bevan, 1902. P. 289; Bouché-Leclercq, 1913. P. 109; Stähelin, 1921. Sp. 1239; Debevoise, 1969. P. 12–13; Newel, 1938. P. 202–203; Bickerman, 1944. P. 82; Altheim, 1948. S. 18–19; Массон, 1955. С. 78; Бокщанин, 1960. С. 186–187; Дьяконов, 1961. С. 181–182; Schmitt, 1964. S. 63; Will, 1966. P. 278; Ghirshman, 1976. P. 215; Кошеленко, 1979. С. 267; Schippmann, 1980. S. 19; Bivar, 1983a. P. 28–29; Musti, 1984. P. 213; Gardiner-Garden, 1987b. P. 18; Bernard, 1994. P. 491; Koshelenko, Pilipko, 1996. P. 131; Зеймаль, 1998. С. 344; Olbrycht, 1998. S. 64–65; Lerner, 1999. P. 43; Houghton, Lorber, 2002a. P. 230; Wolski, 2003. P. 65; Gaslain, 2006. P. 244–245; Brosius, 2006. P. 85; Абдуллаев, Бердимуратов, 2010. С. 50; Engels, 2013. P. 59; Plischke, 2014. S. 238].

Различия среди сторонников данной концепции заключаются лишь в нюансах: если одни датируют поход Селевка 238–237 гг. до н.э. [Droysen,

---

носили бороду, но в парфянском плену никогда не бывали [Hoover, 2007. P. 289, not. 41, fig. 1, 4, 7, 8]. Напротив, Деметрий III Евкер, как это видно по его монетным изображениям [Newell, 1939. Pl. XIV. № 115, 116, 119, 123, 126, 127; pl. XV. № 128, 130], носил бороду еще до того, как попал в плен к Митридату III. Последовательное применение теории П. Гарднера приводит к анекдотичному выводу, будто Деметрий III, словно предчувствуя свою печальную судьбу, начал отпускать бороду заблаговременно. И чтобы завершить эту тему, следует отметить, что во времена Селевка II верхушка парнов, судя по монетным изображениям Аршака I, предпочитала бороду брить. Поэтому предполагать существование связи между парфянским походом Селевка и его последующим решением отпустить бороду не приходится.

1953. S. 300; Niese, 1899. S. 166; Массон, 1955. С. 78; Бокщанин, 1960. С. 186; Farrokh, 2007. 120], то другие относят его к 232–227 гг. до н.э. [Tarn, 1928. P. 722; Bickerman, 1966a. P. 93; Debevoise, 1969. P. 13; Altheim, 1948. S. 19; Wolski, 1969. S. 251, anm.152; Schippmann, 1980. S. 19; Gardiner-Garden, 1987b. P. 18; Koshelenko, Pilipko, 1996. P. 131; Зеймаль, 1998. С. 344; Kosmin, 2013b. P. 686; Plischke, 2014. S. 238; Strootman, 2017. P. 187, 192].

По-разному ученые определяют и основную причину, заставившую Селевка II отказаться от продолжения борьбы за Парфию: у одних это – восстание его тетки²¹⁶, бывшей супруги Деметрия II Македонского, Стратоники в Антиохии [Gutschmid, 1888. S. 34; Niese, 1899. S. 166; Tarn, 1932. P. 576; Altheim, 1948. S. 19; Ghirshman, 1976. P. 215; Choisnel, 2004. P. 31], у других – вторжение младшего брата царя Антиоха Гиеракса в Месопотамию [Bevan, 1902. P. 289, not. 4; Бокщанин, 1960. С. 187, прим. 93; Will, 1994. P. 442; Assar, Bagloo, 2006. P. 30–31]²¹⁷.

Некоторые исследователи считают, что одним из следствий победоносного для парфян сражения с Селевком II стала коронация Аршака I в Асааке [Bickerman, 1944. P. 82; Кошеленко, 1971. С. 213–214; Gardiner-Garden, 1987b. P. 18]; другие это отрицают и относят коронацию к

---

²¹⁶ В последнее время в литературе появилась тенденция считать ее не теткой, а сестрой Селевка II [Габелко, Кузьмин, 2008. С. 146–151; Зелинский, 2009. С. 187], что представляется довольно спорным. См.: Балахванцев, 2017. С. 71, прим. 220.

²¹⁷ Следует отметить мнение Х. Хайнена, который, напротив, полагает, что именно из-за вовлеченности в борьбу с парфянами Селевк II не смог восстановить свою власть в Малой Азии [Heinen, 1984. P. 429]. Однако, как будет показано ниже, считать, что Селевк II не добился успеха ни на Западе, ни на Востоке, нет никаких оснований.

247 г. до н.э. – первому году эры Аршакидов [Wolski, 1969. S. 253–254; Schippmann, 1980. S. 17; Frye, 1984. P. 208, not. 13; Choisnel, 2004. P. 28]. Но убеждение в том, что в целом поход Селевка II потерпел неудачу, является *loco communi* практически для всех авторов, высказывавшихся по данному вопросу.

Однако уже В. Тарн обратил внимание на свидетельство Полибия, согласно которому даи в 217 г. до н.э. в составе армии Антиоха III принимали участие в битве при Рафии (*Polyb. V. 79. 3*). Английский историк сделал из этого вывод, что вплоть до 217 г. до н.э. Селевкиды имели доступ к дахам [Tarn, 1932. P. 576]. Впоследствии к мнению В. Тарна присоединился Х. Шмитт [Schmitt, 1964. S. 64]. Й. Вольский пошел дальше и предположил, что в результате своего похода Селевк II сделал Аршака вассалом и заставил его поставлять воинские контингенты в селевкидскую армию [Wolski, 1969. S. 245, 251, anm. 152]. Но хотя интерпретация Й. Вольского получила определенную поддержку [Le Rider, 1965. P. 299, not. 3; Pfrommer, 1993. P. 26; Drijvers, 1998. P. 285], сам автор этой идеи после прозвучавшей в его адрес критики [Schmitt, 1964. S. 63, anm. 1; Bar-Kochva, 1976. P. 49; Frye, 1984. P. 210–211] от нее отказался, признав, что даи участвовали в битве в качестве простых наемников [Wolski, 1993. P. 71, not. 17].

Итак, точка зрения на даев, участвовавших в битве при Рафии, как на наемников, имеет довольно длительную историю и широкое распространение [Launey, 1949. P. 586; Walbank, 1957. P. 607; Gardiner-Garden, 1987b. P. 16–17; Foulon, 1996. P. 332, not. 52; Olbrycht, 2003b. P. 72]. Но насколько она обоснована? Во-первых, Полибий вовсе не называет даев наемниками, хотя в других местах своего труда (*Polyb. V. 36. 3; 53. 3; 63. 8; 65. 4; 79. 9; 82. 10*) он отнюдь не игнорирует эту категорию воинов, именуемых ξένοι или μισθοφόροι.

Во-вторых, обращает на себя внимание то обстоятельство, что даи совместно с карманиями и киликийцами участвовали в битве в качестве легковооруженных пехотинцев (*Polyb.* V. 79. 3; 82. 10). Но если, например, для киликийцев это было нормально (*App. Syr.* 166; *Polyb.* XXXI. 3. 4), то даев IV–II вв. до н.э. источники упоминают лишь как конных лучников (*Arr. Anab.* V. 12. 2; *Liv.* XXXVII. 40. 8; *App. Syr.* 167)²¹⁸. Такое – далеко не традиционное – использование даев доказывает, что Антиох обладал над ними властью значительно большей, чем над простыми наемниками или даже союзниками.

В-третьих, еще Э. Бикерман заметил, что Селевкиды всегда имели в своем распоряжении многочисленную конницу и легковооруженную пехоту, но постоянно испытывали недостаток в тяжеловооруженных гоплитах [Бикерман, 1985. С. 66]. Непонятно, для чего в таком случае Антиоху III могло понадобиться нанимать одну-две тысячи легковооруженных даев? Но если бы такая необходимость и возникла, то гораздо проще было пригласить больше арабов, живущих рядом с театром военных действий, чем посылать вербовщиков за Гирканское море.

В-четвертых, даже если вопреки всему предположить, что даи – это все-таки наемники, то каким образом они могли попасть в армию Антиоха III? Гипотеза В. Тарна о селевкидском контроле над юго-восточным побережьем Каспия, в сущности, ничего не объясняет. Очевидно, что парны – ни о каких других даях здесь речи не идет – не могли оказаться у Антиоха III без согласия их вождя Аршака. Но как мог Аршак позволить своим соплеменникам стать селевкидскими наемниками? Вождь парнов,

---

²¹⁸ Надо заметить, что не только письменные, но и археологические источники (см. выше, глава 2) не подтверждают точку зрения [Никоноров, 2000. С. 31; 2010. С. 47] о существовании у парфян катафрактов уже в III–II вв. до н.э.

сам осмелившийся вторгнуться в Парфию лишь после поражения Селевка II под Анкирой около 238 г. до н.э., хорошо понимал, что любое усиление Селевкидов на Западе неизбежно создает для него угрозу; напротив, их неудачи в Келесирии и Малой Азии развязывают ему руки для новых территориальных захватов.

Единственное разумное объяснение в данной ситуации может быть следующее: Аршаку *пришлось* послать своих воинов в армию Антиоха III или, что гораздо менее вероятно, разрешить ему набирать наемников в Парфии. Поскольку Аршак действовал явно против своих собственных интересов, то естественно сделать вывод о существовании соответствующего договора между Аршаком и Селевкидами и о вассальной зависимости первого от последних. Когда же мог быть заключен такой договор?

Первые годы правления Антиоха III вплоть до битвы при Рафии были заполнены борьбой с восставшим мидийским сатрапом Молоном и войной с Птолемеем IV за Келесирию. Военно-политические интересы старшего брата и предшественника Антиоха, Селевка III, были целиком сосредоточены в Малой Азии²¹⁹. Остается предположить, что такой договор мог быть подписан в результате восточного похода Селевка II.

Таким образом, имеется две версии результатов похода Селевка II против Парфии. На первый взгляд, концепция безрезультатности восточной кампании Каллиника выглядит более основательно: ее сторонники основываются на скурых строчках эпитомы Трога (*Iust.* XLI. 4. 9–5. 1), замечании Страбона (*Strab.* XI. 8. 8), сообщении Исидора Харакского (*Isid. Mans. Parth.* 11) и подкрепляют данные нарративных источников

---

²¹⁹Данные нумизматики позволяют сделать предположение о том, что Селевк III готовился также к возобновлению войны с Египтом за Келесирию [Mørkholm, 1991. P. 115].

нумизматическим материалом. Следует, однако, заметить, что в арсенале логических построений, выстраиваемых с целью доказать победу Аршака I, имеются аргументы весьма разного достоинства: как достаточно веские, заслуживающие самого серьезного рассмотрения, так и явно надуманные, противоречащие очевидным фактам. Но история науки показывает, что самый незначительный аргумент тотчас приобретает статус самого серьезного и даже неопровержимого, если оставить его без внимания. Поэтому для того, чтобы подтвердить или опровергнуть господствующую точку зрения, необходимо разобрать все ее составляющие.

Начнем с нумизматики. Еще Э.Т. Ньюэлл отметил сходство между первыми, как он полагал, аршакидскими монетами и выпусками одного селевкидского монетного двора, предположительно отождествленного им с Гекатомпиллом и прекратившего свою работу в правление Селевка II. По мнению исследователя, это сходство получает свое объяснение, если парфянские монеты были выпущены в Гекатомпиле после того, как он стал столицей Парфянского царства, в продолжение и в подражание предыдущей селевкидской чеканке [Newell, 1938. P. 256, not. 14]. Данная гипотеза была активно поддержана В. Тарном, однако самого Э.Т. Ньюэлла продолжали одолевать сомнения²²⁰. Он так и не смог сделать окончательный выбор между Гекатомпиллом и Артакоаной в Арее. Тем не менее, «гекатомпильский» вариант локализации надолго утвердился в

---

²²⁰ См.: Newell, 1941. P. 34–35. Автор подчеркивает, что монеты Селевка II не могли появиться после 226 г. до н.э., а сопоставляемые с ними парфянские – раньше 200 г. до н.э.; поэтому нет необходимости делать вывод, что они чеканились на одном и том же монетном дворе.

нумизматической литературе²²¹ и стал еще одним подтверждением версии Юстина о победе Аршака над Селевком II.

Однако насколько вообще обосновано помещение данного монетного двора к востоку от Тигра? В своих рассуждениях Э.Т. Ньюэлл исходил, во-первых, из того, что грубое изображение и вогнутая поверхность реверса монет «гекатомпильского» двора сближает их с драхмами первых парфянских царей²²² до Митридата II и с монетами ранних царей Персии. Во-вторых, три монеты, выпущенные на этом дворе (две драхмы Антиоха II и одна Селевка II) происходят из коллекций, составленных в Персии, а еще две (тетрадрахмы Селевка II) были присланы из Бомбея.

В-третьих, в легенде одной тетрадрахмы Селевка II присутствует лунарная *сигма* [Newell, 1938. № 735], а на двух драхмах того же царя [Newell, 1938. № 736, 737] – лунарный *эпсилон*. При этом Э.Т. Ньюэлл обратил внимание на присутствие лунарных *сигмы* и *эпсилона* в легендах монет, выпущенных Селевком I в Бактрах, и сделал вывод, что «раннее и настойчивое повторение курсивных форм для определенных букв на восточных монетах Селевкидов составляет дополнительный сильный аргумент для такого же восточного происхождения монет исследуемой группы». В-четвертых, голова Антиоха I на «гекатомпильских» монетах [Newell, 1938. № 727, 728] по стилю и общему характеру имеет тесную

---

²²¹ Кошеленко, 1968. С. 55, 60–62; Mørkholm, 1991. P. 118. Последний, впрочем, именует «гекатомпильский» монетный двор «до некоторой степени загадочным». Те же сомнения: Alram, 1998. S. 368–369.

²²² Сейчас установлено, что эти монеты относятся к чекану не Аршака I и его сына, а Митридата I.

связь с портретами на одновременных²²³ выпусках Экбатан и Бактр [Newell, 1938. P. 252–253].

По поводу данных рассуждений можно заметить следующее. Во-первых, сходство портрета Антиоха I на монетах «Гекатомпила» и других восточных монетных дворов абсолютно ничего не доказывает: один и тот же штемпель аверса мог употребляться на совершенно различных дворах²²⁴. Во-вторых, грубый стиль реверса не является восточной монополией: сам Э.Т. Ньюэлл отмечает грубое изображение на оборотной стороне монет [Newell, 1941. № 1002–1009], выпущенных в Антиохии²²⁵

---

²²³ Взятые Э.Т. Ньюэллом для сравнения выпуски нельзя считать одновременными, т.к. на «гекатомпильском» дворе чеканка монет с портретом Антиоха I началась только при Антиохе II [Houghton, Lorber, 2002a. P. 213].

²²⁴ Mørkholm, 1991. P. 18–19. В.К. Голенко [Голенко, 1989. С. 336, 347] высказывает такое же мнение применительно именно к «гекатомпильскому» монетному двору, объясняя сработанность штемпелей лицевой стороны тем, что они сначала использовались в центральных мастерских, а затем, отработав определенный срок, были отправлены в провинцию.

²²⁵ Сейчас к антиохийскому двору относятся только следующие экземпляры: Newell, 1941. № 1002 = Houghton, Lorber, 2002a. № 689.3; Newell, 1941. № 1004 = Houghton, Lorber, 2002a. № 689.9; Newell, 1941. № 1005 = Houghton, Lorber, 2002a. № 689.8; Newell, 1941. № 1008 = Houghton, Lorber, 2002a. № 691.4; Newell, 1941. № 1009 = Houghton, Lorber, 2002a. № 691.3. Остальные [Newell, 1941. № 1003 = Houghton, Lorber, 2002a. № 724.2; Newell, 1941. № 1006 = Houghton, Lorber, 2002a. № 724.6; Newell, 1941. № 1007 = Houghton, Lorber, 2002a. № 724.5] приписываются неизвестному двору 39, находившемуся в Северной Сирии или Северной Месопотамии.

при Селевке II²²⁶. То же самое можно заметить и по поводу вогнутой поверхности реверса: данная черта характерна для продукции многих селевкидских монетных дворов: Антиохии [Houghton, Lorber, 2002a. P. 19–20], Дрангианы [Houghton, Lorber, 2002a. P. 95], Суз [Houghton, Lorber, 2002a. P. 146], а также неизвестных монетных дворов 42, 45, 52 [Houghton, Lorber, 2002a. P. 266, 270, 340], действовавших при Селевке II и Селевке III в Месопотамии.

В-третьих, курсивные формы в монетных легендах попадают не только на восточных, но и на западных дворах. Примером может служить употребление курсивной *омеги* на тетрадрахмах Антиоха Гиеракса [Newell, 1941. № 1571] из Александрии в Троаде [Newell, 1941. P. 337, pl. LXXIII. 7–8] и Антиоха III [Houghton, Lorber, 2002a. № 1137], видимо, из Северной Месопотамии, а также лунарной *сигмы* на имитациях бронзы Антиоха III [Houghton, Lorber, 2002a. № 1062] из Келесирии. Кроме того, нет никаких оснований безоговорочно принимать тезис о «раннем и настойчивом повторении курсивных форм» применительно к практике восточных монетных дворов Селевкидов. Действительно, курсивные формы на Востоке уже при Антиохе I встречаются крайне редко [Houghton, Lorber, 2002a. № 448–451], а при Антиохе II полностью исчезают и появляются вновь только два века спустя²²⁷.

---

²²⁶ Newell, 1941. P. 125, pl. XXIII. 12–15. У двух монет (№ 13,15) реверсы очень похожи на «гекатомпильские». Аналогичные случаи отмечает и О. Мёркхольм [Mørkholm, 1991. P. 124: Сарды, 127: временный монетный двор]. Автор объясняет это тем, что «в периоды спешки и затруднительных обстоятельств со стилем могут происходить странные вещи».

²²⁷ Так, лунарная *сигма* изредка появляется в выпусках бронзы Антиалкида [Vorearachchi, 1991. P. 279]; курсивная *омега* – в аналогичных

В-четвертых, следует еще раз напомнить, что решающее значение для установления места чеканки и обращения монет имеет сфера их распространения, которая определяется благодаря регистрации монетных находок и точной фиксации мест, откуда они происходят. Монеты «гекатомпильского» двора находят на территории Фракии [Русева, 1993. С. 7], в древности они свободно обращались в таких западнопонтийских центрах, как Каллатис²²⁸. Однако наиболее точную информацию по данному вопросу сообщают монеты из кладов [Mørkholm, 1991. P. 20–21]. На сегодняшний день известно, что так называемые «гекатомпильские» монеты обнаружены только в кладах, зарытых в Малой Азии²²⁹, Северной Финикии²³⁰, Северной Сирии²³¹, Северо-Западном Иране²³² и Пакистане²³³. Также весьма показательным выглядит полное отсутствие

выпусках Никия [Voreagachchi, 1991. P. 312]. О систематическом употреблении курсивных форм можно говорить только начиная с чекана Зоила II [Voreagachchi, 1991. P. 365–367].

²²⁸ В Эрмитаже (ГЭ. Инв. № 18782) хранится «гекатомпильская» драхма Селевка II с надчеканкой Каллатиса [Голенко, 1989. С. 346–347].

²²⁹ IGCH № 1369 = CH VIII № 324: тетрадрахма Антиоха I, IGCH № 1406: тетрадрахма Селевка II, IGCH № 1450: тетрадрахма Антиоха I.

²³⁰ IGCH № 1530: две тетрадрахмы Антиоха II.

²³¹ CH I № 74: драхма (?) Селевка II.

²³² Houghton, Lorber, 2002a. P. 214, № 613.1: драхма Антиоха II.

²³³ Следует заметить, что информация по последнему кладу из Кветты выглядит крайне противоречивой. В работе А. Хоутона и К. Лорбер говорится то о находке тетрадрахмы Антиоха II [Houghton, Lorber, 2002a. P. 214, № 612.11], то о монете Селевка II [Houghton, Lorber, 2002a. P. 487]. Ср., однако [Miller, 2010. P. 111–112], где о присутствии в составе клада монет «Гекатомпила» (Артакоаны) вообще не упоминается.

«гекатомпильских» монет селевкидского времени в таком относительно хорошо изученном в нумизматическом плане городе, как Сузы [Le Rider, 1965. P. 234–235]. Наконец, в составе знаменитого клада из Боджнурда, зарытого сравнительно недалеко от Гекатомпила ок. 209 г. до н.э., нет ни одной «гекатомпильской» монеты.

Кроме Э.Т. Ньюэлла, связь между так называемыми «гекатомпильскими» монетами и самыми ранними аршакидскими выпусками попытались обосновать публикаторы и первые исследователи уже упоминавшегося выше Боджнурдского клада [Abgarians, Sellwood, 1971. P. 109–112]. Во-первых, они отметили наличие заметно вогнутого реверса как у монет Аршака II [Sellwood, 1980. P. 26–27: типы 5 и 6], так и у селевкидских экземпляров с «гекатомпильского» двора. Во-вторых, авторы обратили внимание на то, что *kanpa* в монетной легенде первых аршакидских выпусков имеет странную форму: ее вертикальная гаста превышает габариты строки, а это находят параллели только в эмиссиях «Гекатомпила» при Селевке II. На основании этих наблюдений монеты Аршака I (типы 1–4) были отнесены к Нисе (Михрдаткирту), а монеты его сына Аршака II (типы 5 и 6) – к Гекатомпилу (?) [Abgarians, Sellwood, 1971. P. 115, 117].

Однако оба приведенных довода не достигают своей цели. Действительно, как это уже было показано выше, наличие заметно вдавленной оборотной стороны характерно для многих селевкидских монет III в. до н.э. Таким образом, этот признак никак не может повлиять на локализацию «гекатомпильского» монетного двора. Что же касается размеров вертикальной гасты *kanpy*, то аналогичная картина наблюдается и на других монетных дворах Селевка II, например, в Нисибисе [Mørkholm, 1991. № 356], Коммагене [Houghton, Lorber, 2002a. № 728.1] и Месопотамии [Houghton, Lorber, 2002a. № 745], а также на печатях

должностных лиц из Урука при Селевке III и Антиохе III [Rostovtzeff, 1932. P. 26, pl. IV, 1].

Все это вместе взятое приводит нас к заключению, что даже в действительности существующие черты сходства между первыми аршакидскими выпусками и продукцией одного из неизвестных селевкидских монетных дворов чисто случайны. Наряду с ними имеются и существенные технические и иконографические различия. Во-первых, на «гекатомпильских» монетах Селевка II соотношение осей аверса и реверса никогда строго не фиксируется, а у всех раннеаршакидских драхм из Боджнурдского клада оно всегда – $\uparrow\uparrow\pm 15^\circ$ [Abgarians, Sellwood, 1971. P. 109]. Во-вторых, реверс первых парфянских монет обнаруживает значительное сходство с оборотной стороной выпусков только Селевка III и Антиоха III (Аршак с луком в руке, сидящий на стуле влево – Аполлон с луком в руке, сидящий на омфале влево), но никак не Селевка II. Дело в том, что у последнего на подавляющем большинстве монетных дворов, в том числе и на «гекатомпильском», господствующим типом реверса драхм и тетрадрахм был не сидящий (как у его предшественников и преемников), а стоящий рядом с треножником Аполлон. Сидящий Аполлон, в виде исключения, встречается лишь в Экбатанах и на неизвестном монетном дворе, расположенном где-то в Сирии или Месопотамии [Newell, 1941. P. 389; Houghton, Lorber, 2002a. P. 232].

Следовательно, у нас нет оснований считать, будто местом выпуска монет, о которых идет речь, был Гекатомпил [Балахванцев, 2000а. С. 204–208; 2015б. С. 6]²³⁴. Естественно, что и прекращение чекана Селевка II на

---

²³⁴ Аналогичное мнение: Ehling, 1997. S. 29–33; Houghton, Lorber, 2002a. P. 213. Эти исследователи считают, что «гекатомпильский» монетный двор на самом деле находился в Артакоане (Арейя). Однако данный вывод представляется сомнительным. При решении вопроса о

этом неизвестном дворе никак не было связано с захватом Гекатомпила парнами.

Теперь перейдем к сообщению Исидора Харакского о коронации Аршака I в Асааке (*Isid. Mans. Parth.* 11). В свое время Г.А. Кошеленко весьма убедительно доказывал, что оно хорошо подтверждается данными нумизматики, а именно, выпуском Аршаком I драхм с легендой ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΑΡΣΑΚΟΥ [Кошеленко, 1968. С. 64–65]. Однако после находки клада из Боджнурда стало ясно, что на монетах Аршака I титул ΒΑΣΙΛΕΩΣ / ΜΛΚ' ни разу не встречается. Драхмы с легендой ΑΡΣΑΚΟΥ ΒΑΣΙΛΕΩΣ начинает выпускать только Митридат I [Sellwood, 1980. P. 32–33].

Таким образом, информация Исидора Харакского не только не подтверждается нумизматическим материалом²³⁵, но и полностью ему противоречит. Как и в чью пользу можно разрешить данное противоречие?

локализации этого неизвестного монетного двора, следует, наряду со всем сказанным выше, обратить внимание на то, что монограмма , встречающаяся на его продукции при Селевке II [Houghton, Lorber, 2002a. № 831.6], присутствует также на тетрадрахмах Антиоха II [Houghton, Lorber, 2002a. № 582.1d,e: неизвестный двор 31], Селевка II [Houghton, Lorber, 2002a. № 724.6: неизвестный двор 39] и Селевка III [Houghton, Lorber, 2002a. № 932.3,5: неизвестный двор 50], причем, все они относятся к Северной Сирии или Северной Месопотамии. Поскольку данная монограмма встречается также на малоазийском серебре и бронзе Селевка II [Houghton, Lorber, 2002a. № 647–649: Смирна; № 653.2,3, 654.2, 657.6: Сарды], то, скорее всего, «гекатомпильский» монетный двор располагался где-то на востоке Малой Азии, Северной Сирии или Северной Месопотамии.

²³⁵ Удивительно, что факт отсутствия на монетах Аршака царского титула в литературе либо, по большей части, игнорируется, либо просто

Предположение о том, что Аршак I был провозглашен царем, но никак не отметил это на своих монетах, выглядит беспрецедентным и невероятным. Действительно, из диадохов после 306–305 гг. до н.э. только Антигон Монофталм, считая себя единственным законным наследником Александра Македонского, сохранил прежний александровский тип чеканки и не поместил на монетах своего имени с царским титулом²³⁶. Но все остальные диадохи, принимавшие царский титул в противовес Антигону и в знак своей полной от него независимости, сразу же отразили этот важнейший политический шаг в своих эмиссиях²³⁷. Даже Деметрий Полиоркет последовал в этом отношении примеру не своего отца, а его соперников [Mørkholm, 1991. P. 78].

Аналогично вели себя правители Понта и Каппадокии [Mørkholm, 1991. P. 131–132], а также пытавшиеся отделиться от державы Селевкидов узурпаторы в лице Антиоха Гиеракса, Молона и Ахея: принимая царский титул, все они стремились немедленно сообщить об этом миру посредством монет [Houghton, Lorber, 2002a. P. 291, 297, 343, 347]. Единственным исключением является Аттал I Пергамский, сохранивший и после 236 г. до н.э. на своих монетах имя Филетера [Mørkholm, 1991. P. 129]. Однако аналогия между Атталом и Аршаком неуместна: если первый действовал так явно из пиетета перед памятью первого представителя династии Атталидов, то у Аршака не было причин испытывать такое же уважение к своему старому титулу *αὐτοκράτωρ* / *kāran* [Sellwood, 1980. P. 21–24].

констатируется [Martinez-Sève, 2014a. P. 133], либо объявляется не имеющим значения [Olbrycht, 2013b. P. 69].

²³⁶ Mørkholm, 1991. P. 61. Противоположное мнение: Hammond, Walbank, 1988. P. 174–175.

²³⁷ Mørkholm, 1991. P. 60: Кассандр и Лисимах, 65: Птолемей, 71: Селевк.

В сообщении Исидора Харакского (*Isid. Mans. Parth.* 11) вызывает сомнение и еще одна деталь: вечный огонь, который, по мнению Г.А. Кошеленко, был возжен в момент коронации²³⁸. Возжигание вечного огня в честь коронации царя является одной из примечательных черт зороастризма. Однако в культуре завоевателей-парнов, известной исключительно по погребальному обряду²³⁹ и монетным изображениям [Раевский, 1977. С. 83–84; Frye, 1984. P. 211, not. 25], влияние зороастризма или иранизма практически не ощущается²⁴⁰. Попытки ряда исследователей отыскать это влияние по меньшей мере спорны²⁴¹. Поэтому упоминание о существовании коронационного храма огня в Парфии в III в. до н.э. выглядит настоящим анахронизмом. Гораздо логичнее отнести возникновение этого храма к рубежу II–I вв. до н.э., когда влияние иранизма в парфянской государственной идеологии резко возрастает [Балахванцев, 2009. С. 91–92].

Ввиду вышеизложенного, следует сделать решительный выбор в пользу свидетельства монет самого Аршака I и отказать в доверии сообщению Исидора Харакского, информация которого о событиях уже далекого для него парфянского прошлого основывается лишь на местных слухах и преданиях, а не на строго документированных фактах. Поэтому, несмотря на господствующую тенденцию, основанную на некритическом

---

²³⁸ Кошеленко, 1971. С. 214–215. Однако из текста этого не следует. Слова...*φυλάττεται ἐνταῦθα πῦρ ἀθάνατον* означают только, что вечный огонь *хранился* в Асааке во времена Исидора Харакского.

²³⁹ См. выше, глава 2.

²⁴⁰ Естественно, что это утверждение не распространяется на покоренное парнами местное население, в культуре которого должны были сохраниться традиции ахеменидской эпохи.

²⁴¹ См. ниже, глава 6.

следовании поздним письменным источникам (*Isid. Mans. Parth.* 11; *Iust.* XLI. 2. 1; 5. 5, 7, 8)²⁴², называть Аршака I царем [Choisnel, 2004. P. 28; Gaslain, 2005a. P. 221; Curtis, 2007. P. 8; Dąbrowa, 2008. P. 25; Olbrycht, 2013b. P. 63; Martinez-Sève, 2014a. P. 127; Grainger, 2014. P. 200; Plischke, 2014. S. 240; Olbrycht, 2016. P. 451 Strootman, 2017. P. 187], он таковым никогда не был [Балахванцев, 2000a. С. 211; Assar, 2004. P. 71]. Об этом однозначно свидетельствуют не только выпущенные им монеты, но и остраконы со Старой Нисы, где царский титул при имени Аршака, упоминаемого в качестве предка правящего государя, ни разу не употребляется (*PEDN* 2638–2640; Livshits, 2006. P. 401, № 2-L).

Отсутствие у Аршака I царского титула²⁴³ никак не противоречит тому обстоятельству, что голова Аршака увенчана диадемой, т.к. эта инсигния присутствует на монетных изображениях и тех правителей, которые заведомо не были царями. Основатель династии Атталидов Филетер никогда не именовался царем, но на монетах, выпускавшихся Эвменом I с 263 г. до н.э., его голова увенчана диадемой [Mørkholm, 1991. P. 129, № 409]. Точно так же отсутствует царский титул на реверсе монет

---

²⁴² О причинах несомненной тенденциозности эпитомы Помпея Трога в освещении вопросов раннеаршакидской истории см. ниже. К тому же Юстин обращается с термином «царство» слишком свободно, именуя так селевкидскую сатрапию Гирканию (*Iust.* XLI. 4. 8).

²⁴³ Свидетельство Полибия о наличии в гирканском городе Тамбраке дворца (*Polyb.* X. 31. 5), вопреки мнению Г.А. Кошеленко [Кошеленко, 1968. С. 57], еще ничего не говорит о статусе Аршака: во-первых, дворец мог принадлежать одному из ахеменидских или селевкидских царей (*Diod.* XVII. 78. 4; *Curt.* VI. 5. 22; *Arr. Ind.* 39. 3); во-вторых, хозяином βασιλεία мог быть и сатрап (*Xen. Anab.* I. 2. 7, 4. 10; IV. 4. 7). См. также: Sherwin-White, Kuhrt, 1993. P. 82; Invernizzi, 2001b. P. 297; Coloru, 2013b. P. 35.

восточно-иранского династа Наштена, хотя на их аверсе изображена голова правителя в диадеме [Borearachchi, Aman ur Rahman, 1995. P. 61–62; Borearachchi, 1997. P. 67–74]. Отсутствие царского титула не помешало и одному из юэчжийских правителей Бактрии – Гераю – изобразить себя увенчанным диадемой [Sachs, 2003. № 148a]²⁴⁴.

Но что могло помешать основателю Парфянского государства провозгласить себя царем? В эллинистическую эпоху принятие царского титула было всегда следствием победы над бывшим сюзереном или царственным соперником и выражало идею полного суверенитета [Bickerman, 1944. P. 77; Кошеленко, 1971. С. 214–215]. Поэтому отсутствие титула ΒΑΣΙΛΕΩΣ / MLK' позволяет усомниться в справедливости категоричного замечания Юстина о победе Аршака над Селевком II (*Iust.* XLI. 4. 9)²⁴⁵, тем более, что оно полностью противоречит свидетельству Страбона о победе Селевка II и бегстве Аршака к апасиакам [Droysen, 1953. S. 300; Frye, 1984. P. 168; Drijvers, 1998. P. 285].

Исследователям, прибегающим к контаминации этих двух источников, приходится либо предполагать помощь Аршаку со стороны апасиаков [Rawlinson, 1872. P. 48; Wolski, 1965. P. 107, not. 1; Koshelenko,

---

²⁴⁴ В последние десятилетия Д. Крибб выдвинул гипотезу о значительно более поздней, чем считалось раньше, датировке монет Герая. Он относит эти монеты к чекану Кадфиза I, который, по его мнению, правил между 30 и 78 гг. н.э. [Cribb, 1993. P. 107–139; Sims-Williams, Cribb, 1995/96. P. 99–100; Cribb, 1999. P. 188]. Однако попытка отождествить Герая и Куджулу Кадфиза вызвала обоснованную критику со стороны М. Алрама [Alram, 1999. P. 24–25].

²⁴⁵ Сомнения в победе Аршака высказывались и ранее: Tarn, 1932. P. 576; Le Rider, 1965. P. 322, not. 3; Bickerman, 1966a. P. 93; Ghirshman, 1976. P. 215; Wolski, 1993. P. 68.

Pilipko, 1996. P. 131] или Диодота II [Bickerman, 1944. P. 82; Lerner, 1999. P. 35], либо объяснять отступление Селевка II «novis motibus in Asiam» (*Iust.* XLI. 5. 1). К теме «союзников» Аршака можно обратиться несколько позже, а сейчас следует разобраться, что могло заставить Селевка II вернуться назад. Прежде всего стоит отметить, что упоминание Юстином Азии полностью исключает вариант с восстанием Стратоники в Антиохии: в эпитоме Помпея Трога под «Азией» всегда понимается или часть света, или только Малая Азия, но ни в коем случае не Сирия²⁴⁶. К тому же, нет никаких доказательств того, что восстание Стратоники²⁴⁷ произошло во время парфянского похода Селевка II. Более того, согласно сохраненному Иосифом Флавием свидетельству Агафархида, Стратоника начала свой мятеж, когда Селевк II «готовил вавилонское войско» (*Ios. Ap. I. 207*)²⁴⁸. Это сообщение хорошо согласуется с данными клинописных источников, согласно которым в 238–235 гг. до н.э. Селевку пришлось столкнуться с восстаниями вавилонских солдат [Voüy, 2004. P. 150; 2010. P. 9].

---

²⁴⁶ Наиболее отчетливо это видно в следующих местах: *Iust.* XXXI. 7. 8; XXXVI. 4. 1; XLI. 4.7; XLII. 4. 7.

²⁴⁷ Судя по тому, что оно никак не отразилось на работе антиохийского монетного двора [Houghton, Lorber, 2002a. P. 253–256], мятеж носил эфемерный характер. Некоторые авторы выдвигают бездоказательные и алогичные предположения о союзе Стратоники и Антиоха Гиеракса [Droysen, 1953. S. 302; Bouché-Leclercq, 1913. P. 274–276; Green, 1990. P. 264; Houghton, Lorber, 2002a. P. 230, 292], которые, к тому же, совершенно неприемлемы с точки зрения хронологии.

²⁴⁸ О реорганизации Селевком II воинских сил Вавилонии свидетельствует и появление титула «полководца над четырьмя полководцами», впервые зафиксированного в 229 г. до н.э. [Potts, 2007. P. 63–64].

Следовательно, выступление Стратоники²⁴⁹ можно датировать ок. 235 г. до н.э. [Voüy, 2004. P. 150; Grainger, 2014. P. 209]. Но тогда она никак не могла повлиять на итоги парфянского похода, который ее племянник предпринял несколько лет спустя.

Остается Антиох Гиеракс. Разумеется, его вторжение в Месопотамию (*Trog. Prol.* 27) могло заставить царя принять решение о срочном возвращении домой. Но совпадали ли два этих события во времени? Иногда [Droysen, 1953. S. 304; Жигунин, 1980. С. 136; Bennett, Roberts, 2012. P. 66–67] сообщение Помпея Трога пытаются объединить со свидетельством Полиена (*Polyaen.* IV. 17), повествующего о борьбе полководцев Селевка II Ахея Старшего и Андромаха против Антиоха Гиеракса в Месопотамии. Однако известно, что Андромох вплоть до 220 г. до н.э. томился в египетском плену (*Polyb.* IV. 51. 1). По обоснованному предположению Б. Нибура [Wilcken, 1893. Sp. 206; Мищенко, 1994. С. 409], Андромох и его отец Ахей Старший в результате неудачных для них боевых действий попали в плен к Антиоху Гиераксу, который выдал их

---

²⁴⁹ Здесь имеется одно совершенно непонятное обстоятельство: после провала мятежа Стратоника бежала из Антиохии в Селевкию Пиерию, где была схвачена и казнена (*Ios. Ap.* I. 207). Получается, что в этот момент Селевкия принадлежала Сирии. На этом основании Б. Ниезе [Niese, 1899. S. 168] даже предположил, что после восстания Стратоники должна была разразиться новая война между Лагидами и Селевкидами, в ходе которой последние и потеряли Селевкию. В действительности же Селевкия Пиерия была захвачена Птолемеем III еще во время Третьей Сирийской войны и оставалась под египетским контролем до 219 г. до н.э. [Newell, 1941. P. 188; Mørkholm, 1991. P. 114]. Невозможно представить, чтобы люди Селевка II могли столь свободно действовать на чужой территории, не спровоцировав при этом войну с Египтом.

своему фактическому союзнику Птолемею III. Пленение и выдача Ахея и Андромаха египтянам не могут быть датированы 228–226 гг. до н.э., так как в этот период отношения между Антиохом Гиераксом и Птолемеем III резко обострились (*Iust.* XXVII. 3. 9–10). Скорее всего, отец и сын попали в руки Антиоха еще до завершения «Войны братьев», т.е. до 238 г. до н.э. Поэтому, как это уже отмечалось [Балахванцев, 2000а. С. 212, прим. 69], вторжение Антиоха Гиеракса в Месопотамию следует отнести к начальному этапу этой войны (ок. 240 г. до н.э.). С последней датой полностью согласуется и упоминание Полиеном союзника Антиоха, царя Софены Арсама, умершего ок. 230 г. до н.э.

В 2002 году были выдвинуты новые аргументы в поддержку датировки вторжения Гиеракса 227 г. до н.э. Анализируя работу селевкидских монетных дворов, А. Хоутон и К. Лорбер пришли к выводу о существовании в Восточной Киликии неизвестного монетного двора 37²⁵⁰, на котором последовательно чеканились монеты Селевка II, Антиоха Гиеракса и снова Селевка II, причем, характерным признаком последней эмиссии был портрет царя с длинной бородой, введенный только после парфянского похода. Авторы объяснили это обстоятельство тем, что во время своего вторжения в Месопотамию в 227 г. до н.э. Антиох захватил этот двор, но затем быстро его потерял [Houghton, Lorber, 2002a. P. XXVI, 231, 250–251, 293; ср. Grainger, 2014. P. 205].

Однако насколько реально существование самого монетного двора? Действительно, тетрадрахмы Антиоха Гиеракса, якобы выпущенные этим двором между сериями 1 и 2 Селевка II, выполнены в нормальном рельефе и имеют слегка изогнутые диски, в то время как портрет Селевка II в серии 2 выполнен в исключительно высоком рельефе [Houghton, Lorber, 2002a. P.

---

²⁵⁰ Позднее они перенесли его в Месопотамию [Houghton et al., 2008. P. 666–667].

324]. Если же учесть тот факт, что приписанные этому же двору тетрадрахмы Селевка III имеют широкие плоские диски [Houghton, Lorber, 2002a. P. 332], то столь явное отсутствие какой-либо преемственности в технике изготовления всех этих монет не позволяет считать их продукцией одного двора.

А. Хоутон и К. Лорбер пытаются парировать этот аргумент указанием на наличие общих монограмм на монетах обеих серий Селевка II, Антиоха Гиеракса и Селевка III [Houghton, Lorber, 2002a. P. 324, 332]. Однако между серией 1 Селевка II и последующими выпусками связи по монограммам просто отсутствуют. Что же касается монет Антиоха Гиеракса, серии 2 Селевка II и Селевка III, то их объединяет лишь одна монограмма AP , состоящая из греческих букв *альфа* и *ро*. Ущербность этого довода хорошо видна из того, что такая же монограмма использовалась при Селевке II в Экбатанах, при Селевке III – в Антиохии, а при Антиохе III – на неизвестном монетном дворе 68 в Северной Месопотамии [Houghton, Lorber, 2002a. P. 285, 334, 431–432]. Употребление одинаковых монограмм в различных центрах имело весьма широкое распространение и обычно объясняется перемещением ответственных за выпуск монеты чиновников с одного двора на другой [Houghton, Lorber, 2002a. P. 239, 251]. Все это позволяет считать, что версия вторжения Антиоха Гиеракса в Месопотамию в 227 г. до н.э. не имеет под собой никаких нумизматических оснований [Балахванцев, 2015б. С. 8].

Еще хуже эта версия согласуется с тем, что известно об истории последних лет жизни Антиоха. События в Малой Азии, одновременные парфянскому походу Селевка II, разворачивались следующим образом: после своего поражения от Атгала I у Афродисия ок. 230 г. до н.э. Антиох Гиеракс удалился в Вифинию, царство своего тестя Зиела, и оставался там до смерти последнего в 229 г. до н.э. В том же году Гиеракс вторгся со своей армией в Северную Мисию (Геллеспонтскую Фригию), но уже зимой

229 г. до н.э. он был разбит Атталом I. Весной 228 г. до н.э. пергамская армия нанесла Антиоху новое поражение в Лидии, а зимой того же года – в Карии [Magie, 1950. P. 738–739, not. 24; Габелко, 2005. С. 222–223; Климов, 2010. С. 63–64]. Поход разбитого наголову Гиеракса через всю Малую Азию и его вторжение в Месопотамию в этих условиях кажутся абсолютно невероятными.

Более приемлемой выглядит версия Евсевия, который датирует первым годом 138 Олимпиады (228/7 г. до н.э.) поражение Антиоха Гиеракса в Карии, его побег во Фракию и наступившую там смерть. При этом Евсевий ни словом не упоминает о вторжении Антиоха в Месопотамию (*Eus. Chron. I. 253*). Версия Евсевия хорошо согласуется с нумизматическими данными, из которых следует, что Селевк II уже в 228–226 гг. до н.э. захватил бывшую столицу Антиоха Гиеракса Сарды и возобновил там свою чеканку²⁵¹. Таким образом, на поход Антиоха Гиеракса в Месопотамию просто не остается времени. Но даже если бы такой поход и состоялся, то он мог иметь место только в 227 г. до н.э., т.е. уже после – как будет показано ниже – завершения парфянской кампании Селевка II Каллиника.

Прежде чем вынести окончательное суждение о сравнительной ценности информации, сообщаемой нам Трогом–Юстином и Полибием по данному вопросу, необходимо заметить следующее: упоминание Полибием даев в составе армии Антиоха III в битве при Рафии тем более важно, что оно носит случайный, непредумышленный характер. Действительно, трудно представить себе, будто Полибий выдумал участие даев для того, чтобы косвенным образом польстить Селевку II, царствование которого вообще осталось за рамками его труда.

---

²⁵¹ Mørkholm, 1991. P. 124; Ma, 1999. P. 47. Критика этого утверждения: Houghton, Lorber, 2002a. P. 251.

По-другому обстоит дело с Трогом. В литературе уже неоднократно отмечался тот факт, что, излагая события раннепарфянской истории с опорой на Аполлодора Артемидского, он передает официальную парфянскую традицию, и в этом заключается ценность его труда [Bickerman, 1966b. P. 16; Кошеленко, 1976. С. 31; Wolski, 1976. S. 456; Gardiner-Garden, 1987b. P. 13]. Однако к историческим источникам, как и к людям, вполне применима расхожая фраза: «Их недостатки являются продолжением их достоинств». Именно официальный характер версии, передаваемой Трогом–Юстином, предопределяет то обстоятельство, что история в ней предстает такой, какой ее хотели видеть правящие круги Парфии, а факты учитываются в той степени, в которой они не противоречат желаемому. Совершенно естественно, что в официальной истории Аршак I, основатель династии Аршакидов и Парфянского государства, не мог потерпеть поражение [Балахванцев, 2000а. С. 213; 2015б. С. 8].

Кроме этого, необъективному освещению результатов похода Селевка II в труде Юстина благоприятствовало еще одно обстоятельство. Дело в том, что Юстин любил нагромождать то на одного, то на другого эллинистического правителя всевозможные бедствия и напасти [Соколов, 1910. С. 217–222; Will, 1966. P. 230, 268]. Именно таким правителем, «игралищем судьбы» (*Iust.* XXVII. 2. 5), выступает в эпитоме Помпея Трога Селевк II. Он терпит бесконечные поражения от Птолемея III и Антиоха Гиеракса, буря уничтожает его флот, а в конце жизни Каллиник даже теряет свое царство и становится изгнанником²⁵². Ввиду этих обстоятельств

---

²⁵² Уместно также напомнить, что при сокращении труда Помпея Трога эпитоматор допускает многочисленные ошибки. Одной из наиболее вопиющих ошибок является фигура царя Евмена Вифинского (*Iust.* XXVII. 3. 1, 5–6), сконструированная Юстином из двух царей: пергамского –

необходимо прийти к заключению, что данные Юстина о поражении Селевка II в войне с парфянами не заслуживают никакого доверия.

Как же разворачивались события в действительности? На основе произведенного выше анализа источников и полученных промежуточных выводов можно нарисовать следующую картину: после поражения под Анкирой около 238 г. до н.э. Селевк II круто изменил направление своей политики. Заключив не позднее 236 г. до н.э. мир и предоставив своим соперникам (Антиоху Гиераксу, Атталу I Пергамскому и галатам) истреблять силы друг друга в изнурительной борьбе за Малую Азию, Каллиник стал прилагать усилия для стабилизации обстановки внутри царства, уделяя особое внимание восточным областям. Ему удалось подавить военные мятежи в Вавилоне в июне 238 г. до н.э. (*AD* -237'Obv. 13')²⁵³ и сентябре-октябре 235 г. до н.э. (*AD* -234 Obv.'13). И лишь после того, как ситуация в Месопотамии была нормализована, сложились благоприятные условия для похода против Аршака.

Как можно датировать эту войну? Судя по тому, что феврале 229 г. до н.э.²⁵⁴ Селевк II вместе со своими сыновьями находился в Вавилоне, в царских садах на левом берегу Евфрата (*AD* -229 B 'Obv.'10')²⁵⁵, война с

Евмена и вифинского – Зиела. К сожалению, этот вымышленный персонаж действует на страницах работы Е.В. Зеймаля [Зеймаль, 1998. С. 344] словно реальное историческое лицо.

²⁵³ Предположение, что это восстание было поднято сторонниками Антиоха Гиеракса [Voüy, 2004. P. 150], не находит никакой опоры в источниках.

²⁵⁴ А не в марте 228 г. до н.э., как ошибочно указано у П. Бернара [Bernard, 1994. P. 490].

²⁵⁵ Предположение, что в данном месте астрономических дневников речь идет не о пребывании царя и его детей в Вавилоне, а о

Аршаком к этому времени уже закончилась. Возможно, момент выступления селевкидских войск – 9 октября 231 г. до н.э. – зафиксировала разбитая клинописная табличка (*AD -230 A 'Rev.11'*)²⁵⁶. Маршрут армии можно представить следующим образом: из Вавилона Селевк двинулся в Селевкию на Тигре, а затем поднялся вверх по долине Диялы. Как доказывает пример Дария III (*Curt. V. 1. 9; Arr. Anab. III. 16. 1*), перевалы Загроса в октябре были вполне проходимы. Через них Селевк прошел в Мидию, где смог пополнить армию за счет мидийских контингентов. Вероятно, что не позднее февраля 230 г. до н.э. селевкидские войска через Каспийские ворота вступили на территорию Парфии.

К этому времени Аршак успел уже захватить не только Парфию, но и часть Гиркании. Смерть Диодота I избавила парнов от угрозы войны с Бактрией²⁵⁷, а с новым бактрийским царем Диодотом II Аршак заключил мирный договор (*Iust. XLI. 4. 9*). Однако войны на два фронта – с армией

жертвоприношениях за их жизнь [Spek, 2016. P. 52], не представляется приемлемым, т.к. основано на произвольном восстановлении разрушенного текста.

²⁵⁶ Парфянский поход Селевка начался спустя непродолжительное время после прихода к власти в Бактрии Диодота II (*Iust. XLI. 4. 9*). Произведенные С.А. Коваленко подсчеты продолжительности монетной чеканки Диодота I [Kovalenko, 1995/96. P. 54–55] позволяют прийти к выводу, что смерть первого царя Греко-Бактрии и восшествие на престол его сына Диодота II относятся к 232–231 гг. до н.э. О времени отложения Диодота от державы Селевкидов см. ниже, приложение V.

²⁵⁷ Опасения Аршака по поводу возможного нападения со стороны Диодота I, скорее всего, следует рассматривать как косвенное доказательство того, что Бактрия захватила Арейю и стала непосредственно граничить с Парфией.

Селевка II и лишенным земли местным населением (*Strab.* XI. 9. 2) – Аршак выдержать не смог. Он был разбит и бежал к апасиакам (*Strab.* XI. 8. 8), жившим на правом берегу нижнего Окса (Узбоя). Судя по тому, что Аршак оказался так далеко на севере, селевкидская армия дошла, как минимум, до долины Оха (Атрека).

Тем не менее и Аршак, и его гостеприимцы хорошо понимали, что пребывание вождя парнов у апасиаков может послужить поводом для селевкидского вторжения. Положение Аршака становилось критическим. Он вполне мог разделить судьбу Спитамена, убитого теми, у кого тот думал найти спасение (*Arr. Anab.* IV. 17. 7). Диодот II вовсе не собирался спешить на помощь своему союзнику: ведь весь смысл договора с Аршаком заключался для бактрийского царя в том, чтобы чужой кровью защитить себя и свое царство²⁵⁸. Но при этом и Селевк II не мог надолго задерживаться в Парфиене: на Западе, как это уже отмечалось, складывались благоприятные условия для возобновления борьбы за Малую Азию.

Однако и просто уйти без закрепления своей победы Каллиник тоже не хотел. Поэтому он пошел на заключение весьма выгодного для себя договора с Аршаком. На условия этого соглашения может пролить свет беглое замечание Полибия, согласно которому во время восстания Молона в 222 г. до н.э. вождь мятежников подкупом снискал благосклонность со

---

²⁵⁸ Раздающиеся иногда утверждения [Vickers, 1944. P. 82; Lerner, 1999. P. 35; Никоноров, 2010. С. 44] о помощи Аршаку со стороны Диодота II не находят подтверждения в тексте Юстина, который подчеркивает, что договор с Диодотом не гарантировал Аршаку получение военной помощи, а лишь избавлял того от угрозы с востока. По сути, это был только пакт о ненападении.

стороны «глав соседних сатрапий»²⁵⁹. Если учесть, что сам Молон был сатрапом Мидии, а его брат и сообщник Александр – Персии (*Polyb.* V. 40. 7); что к северу от Мидии находилась независимая от Селевкидов Мидия Атропатена (*Polyb.* V. 55); что Молон силой захватил примыкавшие к Мидии с запада и юга Аполлониатиду, Сузиану (кроме акрополя Суз), Вавилонию, область у Эритрейского моря, Селевкию на Тигре, Месопотамию и Паропотамию (*Polyb.* V. 43. 8; 46. 7; 48. 12–14, 16), то, казалось бы, не остается ничего другого, как предположить, что к сатрапам, соблюдавшим по отношению к Молону дружественный нейтралитет, относились, как минимум, наместники Парфиены, Кармании²⁶⁰ и Дрангианы²⁶¹.

---

²⁵⁹ *Polyb.* V. 43. 6. τὰς παρακειμένας σατραπείας ...τῶν προσετώτων...

²⁶⁰ О принадлежности Кармании Селевкидам свидетельствует не только участие ее обитателей в битве при Рафии (*Polyb.* V. 79. 3, 7; 82. 12), но и указание Полибия на то, что возвращение Антиоха III с армией в Карманию означало завершение всего восточного похода 209–206 гг. до н.э. (*Polyb.* XI. 34. 13–14). Селевкидская Кармания еще ждет своего исследователя. К сожалению, статья Д. Потса [Potts, 1989. P. 581–603], вопреки своему названию, посвящена совершенно другим вопросам.

²⁶¹ Недавняя находка надписи Селевка II в Систане (*IGIAC* 80 bis) доказывает, что Дрангиана входила в состав владений Каллиника. Аргументы С.В. Смирнова, предлагающего отнести надпись к Мидии [Смирнов, 2017. С. 251–252], не выглядят убедительными. Во-первых, топонимов, схожих по звучанию с Βασιστρα, зафиксировано довольно много и за пределами Мидии [Rougemont, 2012. P. 267–268]. Во-вторых, Дрангиана представляла из себя идеальную страну для коневодства, о чем наглядно свидетельствует ее заселение кочевниками-саками во II в. до н.э.

Однако данное свидетельство Полибия получило в литературе совсем другую трактовку. Так, Х. Шмитт считал, что под термином «сатрапии» скрываются бывшие селевкидские провинции, которые уже отпали [Schmitt, 1964. S. 123]. Такая интерпретация слов Полибия нашла поддержку у Дж. Ма, увидевшего в них доказательства того, что «независимые княжества Атропатена, Парфиена и Бактрия все еще упоминались Селевкидами как сатрапии» [Ma, 1999. P. 30]. Но можно ли считать Полибия столь небрежным в отношении терминологии или столь ангажированным в плане политики?

В своем сочинении Полибий именует области державы Селевкидов к востоку от Евфрата то «верхними сатрапиями» (*Polyb.* V. 41. 1, 48. 12, 54. 13), то «верхними областями» (*Polyb.* V. 40. 5, 46. 5). Говоря же о планируемых Антиохом III походах против владык варваров²⁶², живущих «над его собственными и пограничными с ними сатрапиями»²⁶³, Полибий употребляет только выражение «верхние области» (*Polyb.* V. 55. 3–4). Оно же используется Полибием при подведении итогов «анабасиса» Антиоха III в 209–206 гг. до н.э. (*Polyb.* XI. 34. 14). Таким образом, нет ни одного случая, когда Полибий называет заведомо не принадлежащие Селевкидам области «сатрапиями», а их правителей – «сатрапами»²⁶⁴. Более того,

---

²⁶² В число *τῶν δυναστῶν* входили правитель Мидии Атропатены Артабазан и, возможно, неизвестный нам по имени царь Софены (*Polyb.* VIII. 25. 4). Поход против сына последнего, Ксеркса, был предпринят Антиохом только в 212 г. до н.э.

²⁶³ *Polyb.* V. 55. 1. τοὺς ὑπερκειμένους ταῖς ἑαυτοῦ σατραπείαις καὶ συνοροῦντας...

²⁶⁴ Под упоминающимися в общем перечне подчиненных Антиохом сатрапами «верхних областей» (*Polyb.* XI. 34. 14), конечно, имеются в виду не Аршак, Евтидем или Софагасен, а те селевкидские сатрапы Востока,

области Артабазана и Ксеркса даже именуется «царствами» (*Polyb.* V. 55. 9; VIII. 25. 2). Точно так же не умалчивает Полибий и о царских титулах Евтидема (*Polyb.* XI. 34. 1, 3, 9) и Софагасена (*Polyb.* XI. 34. 11).

Из всего сказанного выше следует, что замечание Полибия (*Polyb.* V. 43. 6) действительно свидетельствует о наличии в 222 г. до н.э. в Парфиене селевкидского сатрапа, который вернулся туда в соответствии с условиями договора 230 г. до н.э. Кроме этого, Аршак был вынужден признать вассальную зависимость и принять обязательство поставлять воинов в селевкидскую армию. Взамен Селевк II разрешил вождю парнов остаться на границах Парфиены²⁶⁵. В честь своей победы Каллиник выпустил в Сузах и Экбатанах серию монет, на реверсе которых было изображено характерное оружие кочевников: лук в горите и колчан со стрелами [Houghton, Lorber, 2002a. № 799, 813, 822–824]. Период первого селевкидского господства над парнами продолжался не менее двенадцати лет вплоть до поражения Антиоха III в битве при Рафии.

которые после 217 г. до н.э. не проявили по отношению к своему повелителю должной лояльности.

²⁶⁵ Ранее мы полагали, что Селевк II при возвращении домой просто повторил свой прежний маршрут в обратном направлении. Однако надпись из Систана (*IGIAC* 80 bis, 2), свидетельствующая о личном присутствии царя в Дрангиане [Rougemont, 2012. P. 266], позволяет предположить, что из Парфиены Селевк прошел через Арейю, Дрангиану, Карманию, Персиду, Сузиану и вступил в Вавилон с юга.

Глава 6

МЕЖДУ РАФИЕЙ И МАГНЕСИЕЙ

§ 1. Возникновение Парфянского государства

Разгром Антиоха III египтянами 22 июня 217 г. до н.э. [Бикерман, 1975. С. 263], о котором Аршак I был сразу же осведомлен участвовавшими в битве при Рафии соплеменниками, предоставил ему отличную возможность взять реванш за свое прежнее поражение. Принимая решение о новом вторжении в Парфиену, Аршак, несомненно, рассчитывал, что из-за сложившейся в Келесирии и Малой Азии ситуации Антиоху еще долгое время будет не до него. Действительно, Антиох III даже после заключения мира с Птолемеем IV (*Polyb.* V. 87. 6–9) не смог немедленно направиться на Восток, так как до 214 г. до н.э. царю пришлось бороться с мятежным сатрапом Ахеем в Малой Азии (*Polyb.* VIII. 17–23).

Поэтому Аршак не стал терять времени даром. Уже в 217 г. до н.э. он отложился от Антиоха III, во главе парнов вторгся в Парфиену и захватил селевкидские земли вплоть до Каспийских Ворот. Ранее такое развитие событий можно было обосновать лишь логическими выкладками [Балахванцев, 2000а. С. 215]: изгнание парнов из Парфиены Селевком II и их господство в сатрапии накануне похода Антиоха III требуют признать, что между двумя этими событиями имело место второе вторжение Аршака в Парфиену. Однако нам удалось найти прямое свидетельство о вторичном завоевании Аршаком Парфиены в античной традиции. Речь идет о широко известном и постоянно дебатированном в науке замечании Страбона о захвате Парфиены Аршаком и кочевниками-парнами, живущими на реке Ох. Этому вторжению предшествовало восстание Евтидема в Бактрии,

когда цари Сирии и Мидии «были заняты другими делами» (*Strab.* XI. 9. 2)²⁶⁶.

К сожалению, пытаясь синхронизировать вторжение Аршака с различными событиями в державе Селевкидов и, либо игнорируя, либо объявляя ошибкой [Holt, 1999. P. 59; Кошеленко, Гаибов, 2009. С. 104–105] хронологическую близость между приходом к власти Евтидема и завоеванием Парфии Аршаком, исследователи уподобились тем, кто, погнавшись за журавлем в небе, упускает синицу из рук. В самом деле, из текста Страбона совершенно невозможно понять, какие именно правители державы Селевкидов имеются здесь в виду. Напротив, о том, что приход Евтидема к власти в Бактрии предшествовал вторжению Аршака в Парфию, сказано предельно ясно. Разумеется, это вторжение никак не могло произойти во времена правления Селевка Каллиника, так как бактрийскими современниками последнего были Диодот I и Диодот II. Учитывая, что смерть Диодота II и захват власти Евтидемом I приходятся приблизительно на 225 г. до н.э. [Holt, 1999. P. 25, 64; Kritt, 2001. P. 70]²⁶⁷, слова Страбона можно отнести только ко второму вторжению Аршака в 217 г. до н.э.

Скорее всего, Аршак при новом вторжении использовал тот же самый маршрут, что и за двадцать лет до этого. Не изменились и цели

---

²⁶⁶ Хотя из-за предлагаемых конъектур перевод данного отрывка вызывает споры [Wolski, 1956–57. P. 38–39; Musti, 1984. P. 220], мы склонны придерживаться чтения *διὰ τὸ πρὸς ἄλλοις εἶναι*. См. аргументацию в работе: Drijvers, 1998. P. 284.

²⁶⁷ С.А. Коваленко считает, что монетная чеканка Диодота II продолжалась около пяти лет [Kovalenko, 1995/96. P. 55]. Как было показано выше, Диодот II пришел к власти в 232–231 гг. до н.э., следовательно, его правление закончилось не позднее 226 г. до н.э.

захватчиков: парнам были нужны богатые водой и пастбищами земли, что неминуемо должно было повлечь за собой изгнание с них местного населения.

Важнейшим результатом вторичного завоевания Парфиены стало образование Парфянского государства²⁶⁸. Разумеется, решающим фактором основания государства было отнюдь не стремление к захвату добычи [Schirpmann, 1980. S. 22]: ее легко было получить путем обычного грабежа. Вряд ли можно всерьез говорить и о «национальном» факторе, т.е. стремлении парнов к свержению греко-македонской власти [Schirpmann, 1980. S. 23]. Главная причина создания государства заключалась в необходимости удержания господства парнов над покоренным населением Парфиены и Гиркании, чего было невозможно добиться с помощью одних лишь племенных органов власти.

Как известно, важнейшим признаком государства является существование *публичной власти*, не совпадающей с большинством населения и наделенной *аппаратом принуждения*. После завоевания Аршак из племенного вождя превратился в правителя Парфии, а его дружина – в войско. Последнему весьма способствовал опыт, приобретенный парнами на службе в селевкидской армии. При этом продолжение войны с лишенным земли местным населением (*Strab.* XI. 9. 2), которое по численности значительно превосходило пришельцев, создавало необходимость включать в ряды парфянской армии практически

---

²⁶⁸ Нельзя категорически исключить возможность того, что первые шаги к созданию своего государства были предприняты Аршаком еще в 238–231 гг. до н.э. Однако никакими данными на этот счет наука пока не располагает. Поэтому нам представляется целесообразным проанализировать все, что известно о возникновении Парфянского государства, в данной главе.

всех взрослых мужчин-парнов и не допускать в нее гирканцев и парфиенов, чья лояльность завоевателям была крайне сомнительной.

Далее, парны заимствовали у Селевкидов деление населения по *территориальному принципу, чеканку монеты*, а также *письменность* с использованием греческой и арамейской графики. Таким образом, все основные признаки государства были налицо.

Теперь, чтобы закончить с характеристикой Парфянского государства, вернемся к тому, с чего начали, т.е. к публичной власти. Мы ничего не знаем о том, что представлял из себя аппарат управления при первых Аршакидах. Можно лишь предположить, что из числа своих приближенных Аршак назначил правителей в более мелкие территориальные образования (Хоарена, Комисена), а также – в захваченные им города. Однако о характере власти самого Аршака можно вынести вполне определенное суждение. Прежде всего, еще раз повторим, что Аршак не имел титула ΒΑΣΙΛΕΥΣ. Начав чеканить монету²⁶⁹ не позднее 216 г. до н.э.²⁷⁰, Аршак I выпустил четыре типа драхм [Sellwood, 1980. P. 21–24]²⁷¹. На оборотной стороне типов 1 и 2 размещалась греческая

---

²⁶⁹ Его чекан состоял из драхм [Sellwood, 1980. P. 20–24] и дихалков [Gaslain, 2006. P. 239, fig. 2]. На последних какой-либо титул после имени ΑΡΣΑΚΟΥ отсутствовал.

²⁷⁰ Б. Критт в своей последней монографии (*non vidimus*) относит начало парфянской чеканки приблизительно к 215 г. до н.э. См.: Glenn, 2015. P. 6.

²⁷¹ Г.А. Кошеленко предпринял попытку пересмотреть схему Д. Селлвуда и включить в первый этап чеканки Аршака I как типы 5,1 и 6,1 с изображением лучника, сидящего на троне-дифросе, так и типы 7,1 и 8,1, на реверсе которых находится изображение лучника, сидящего на *омфале* [Кошеленко, 2008. С. 139–140]. К сожалению, Г.А. Кошеленко странным

легенда ΑΡΣΑΚΟΥ ΑΥΤΟΚΡΑΤΟΡΟΣ [Балахванцев, 2017. С. 82, рис. 3–4]. Легенда реверсов типов 3 и 4 была двуязычной: написанное по-гречески имя правителя ΑΡΣΑΚΟΥ сопровождал арамейскографичный титул *krny*²⁷² [Балахванцев, 2017. С. 82, рис. 5–6].

В литературе уже давно установилось мнение, что под арамейской оболочкой скрывается иранское слово *kāran* [Bivar, 1961. P. 123, not. 5; Sellwood, 1983. P. 280; Alram, 1986. S. 122, anm. 482; Koch, 1993. S. 171; Bernard, 1994. P. 500, not. 3; Балахванцев, Яблонский, 2009. С. 92; Balakhvantsev, Yablonskii, 2009a. P. 141; Балахванцев, 2012в. С. 223–224; Balachvancev, 2013. P. 254]. Данный термин в греческой транслитерации сохранился у Ксенофонта, который переводил его как *κύριος* – «господин, владыка» (*Xen. Hell. I. 4. 3*). *Kāran* является патронимическим титулом, образованным при помощи прибавления суффикса *-āna (потомок) к имени *kāra- (народ, войско)²⁷³, что можно понять как «отпрыск народа, войска».

образом не учел полного отсутствия монет с *омфалом* в составе Боджнурдского клада, а также не обратил внимания на метрологические и технические различия между двумя группами монет, что делает невозможным их одновременное хождение в Парфииене [Abgarians, Sellwood, 1971. P. 109–111, 119].

²⁷² Аналогичное написание данного термина присутствует также в одном из ахеменидских документов из Бактрии. См.: Naveh, Shaked, 2006. P. 190–191. Титул *krny* встречается также на реверсе тетрадрахм и драхм правителя Парса Вахбарза [Klose, Müseler, 2008. S. 36], однако в подлинности этих монет существуют серьезные сомнения [Wiesehöfer, 2007. P. 48, not. 22].

²⁷³ См.: Gershevitch, 1969. P. 200; Mayrhofer, 1973. S. 177, 283. Последний, правда, полагает, что за *krny* может скрываться имя Karina. О сопоставлении двух этих имен см.: Justi, 1895. S. 157; Hallock, 1969. P. 710.

М. Ольбрыхт, рассмотрев ряд аналогий из греческой и иранской практики, пришел к выводу, что *αὐτοκράτωρ* / *kāran* – это независимый правитель, чьи притязания основаны на военном успехе²⁷⁴ [Olbrycht, 2013b. P. 70–71]. Представляется, что наш польский коллега далеко не полностью использовал ту информацию об оформлении и сути власти Аршака, которую можно извлечь из монетных легенд. Бесспорно, что все лица, обладавшие титулом *αὐτοκράτωρ* / *kāran*, были военачальниками. Однако особый интерес представляет то, как происходило наделение этим титулом. В ахеменидское время, как следует из прямого указания Ксенофонта по поводу назначения Кира Младшего, титул *каран* жаловался царским указом (*Xen. Hell. I. 4. 3*). Однако если учесть, что понятие *kāra- относится еще к эпохе родового строя и охватывает всех свободных членов общества [Дандамаев, 1985. С. 83–84], можно предположить, что первоначально у иранцев в целом и у парнов в частности *караном* человека нарекало все племя.

В Афинах полководцы получали титул *στρατηγὸς αὐτοκράτωρ* (стратег с неограниченными полномочиями) от народного собрания (*Thuc. VI. 8. 2, 26. 1*; *Xen. Hell. I. 4. 20*; *Diod. XIII. 69. 3*; *Plut. Alc. 33. 2*). В Сиракузах будущего тирана Дионисия Старшего *стратегом-автократором* провозгласило также народное собрание (*Diod. XIII. 95*).

Следует обратить внимание и на упоминаемое Э.А. Грантовским [Грантовский, 2007. С. 304] имя **Kāra*ka – «глава народа, войска».

²⁷⁴ Заметим, что на военном успехе основывались притязания на власть большинства – если не всех – правителей эллинистической эпохи: от законных царей до вынашивающих честолюбивые замыслы сатрапов.

1)²⁷⁵. Филипп II Македонский (*Diod.* XVI. 89. 1–3; *Arr. Anab.* VII. 9. 5) и его сын Александр (*Diod.* XVII. 4. 9) последовательно получали этот титул от синедриона Коринфского союза. В эпоху диадохов титул *автократора* мог быть предоставлен полководцу регентом империи: Евмен получил его от Пердикки (*Plut. Eum.* 5. 1), а Антигон от Антипатра (*Diod.* XVIII. 50.1). Вместе с тем, нарекать военачальников *автократорами* имело право и войсковое собрание македонян, как это было в случае с Арридеем и Пифоном, а затем – с Антипатром (*Diod.* XVIII. 36. 7, 39. 1–2).

Что могут дать приведенные аналогии для понимания характера власти Аршака I? Поскольку он, как следует из факта чеканки монеты, явно был независимым правителем, возможность пожалования ему титула *αὐτοκράτωρ* / *kāran* «сверху» следует исключить²⁷⁶. Поэтому остается лишь один вариант – неограниченную власть в военных и других делах Аршаку вручило народное собрание парнов. Однако к концу политической карьеры Аршак I, благодаря достигнутым им успехам, сумел сделать полученную от племени власть не только пожизненной, но даже наследственной, передав ее своему сыну Аршаку II (*Iust.* XLI. 5. 7).

Образование Парфянского государства оказало огромное влияние и на завоевателей, и на завоеванных, и на отношения между ними. Но прежде чем перейти к анализу социальной структуры раннеаршакидской Парфии, следует остановиться на тех понятиях, которые при этом используются. Заметим, что одним из пороков теории «доминирующего этнокласса», о

---

²⁷⁵ Заявление М. Ольбрыхта, что Дионисий *сам* провозгласил себя *στρατηγὸς αὐτοκράτωρ* [Olbrycht, 2013b. P. 63], не соответствует тексту Диодора.

²⁷⁶ Предположение, что употребление титула *αὐτοκράτωρ* свидетельствует о первоначальном подчинении Аршака Селевкидам [Rezakhani, 2013. P. 767] является абсолютно бездоказательным.

которой шла речь выше, является пренебрежение ее адептов содержанием такого понятия как «класс», являющегося ключевым для любого социологического исследования.

Между тем, «понятие представляет собой форму мышления, которая целостно и обобщенно раскрывает существенные отличительные признаки исследуемых объектов и явлений *реального* [выделено нами – А.Б.] мира... Термины – это словесное, естественно-языковое выражение понятий» [Ковальченко, 1987. С. 194]. Поэтому наличие разработанного понятийного аппарата помогает избавиться от штампов ходячего словоупотребления, или «идолов Рынка» (Ф. Бэкон), и является непременным условием проведения любого научного исследования²⁷⁷.

В свое время С.Л. Утченко и И.М. Дьяконов, отталкиваясь от предложенного В.И. Лениным определения «класса», выработали следующую общую схему классового деления: «1) класс людей, владеющих (прямо или косвенно) средствами производства, но не занятых производительным трудом и эксплуатирующих труд других; 2) класс людей, владеющих средствами производства и занятых производительным трудом; 3) класс людей, не владеющих средствами производства, но занятых производительным трудом» [Утченко, Дьяконов, 1970. С. 3, 9].

Однако наряду с классовой в докапиталистических обществах существовала и сословная стратификация, основанная на делении населения на социально-политические группы, каждая из которых отличается объемом политических и юридических прав и обязанностей, закрепленных обычаем, религией или правом, и передаваемых по наследству [Балахванцев, 1994. С. 43]. Сословную структуру добуржуазных обществ можно представить в следующем виде: 1) сословие свободных

---

²⁷⁷ О существующих в научной литературе различных трактовках понятий «класс» и «сословие» см.: Балахванцев, 1994. С. 26–43.

полноправных (привилегированных); 2) сословие свободных неполноправных (непривилегированных); 3) сословие несвободных бесправных [ср. Илюшечкин, 1986. С. 53–54]²⁷⁸.

Ко времени завоевания Парфии в парнском обществе, судя по археологическим данным, практически отсутствовало имущественное и социальное неравенство. Так, признаки, характерные для элитных захоронений [Яблонский, 2015. С. 46], не представлены ни в одном из отождествляемых с дахами-парнами погребальных комплексов IV–III вв. до н.э.²⁷⁹ Однако, как попавшая в руки парнов военная добыча, так и открывшаяся возможность эксплуатировать местное население, сыграли роль катализатора процесса социальной стратификации. Вряд ли можно сомневаться в том, что львиная доля захваченных богатств досталась Аршаку и его сподвижникам, которые сформировали слой парфянской знати [Olbrycht, 2003b. С. 83–84]. Вместе с тем, необходимость подавлять сопротивление согнанного с земли местного населения (*Strab.* XI. 9. 2) требовала поддерживать среди парнов определенное единство и не лишать выгод от завоевания даже рядовых соплеменников. Поэтому говорить о

---

²⁷⁸ Что же касается столь популярного в ряде социологических и исторических работ понятия «статус», то мы склонны понимать под ним то положение в обществе, которое занимает конкретный человек в конкретное время, причем, оно зависит не только от его классовой и сословной принадлежности, но и от чисто личных качеств (ум, образование, связи и т.д.).

²⁷⁹ Достаточно сказать, что лишь в одном из погребений – курган 1 урочища Кизыл-Чешме – было золото, да и то в виде золотых нитей, использованных для украшения шапочки и обуви [Марущенко, 1959. С. 113].

традиционности власти знати над простыми кочевниками [Гаибов и др., 1992. С. 48; Никоноров, 2000. С. 32] не представляется возможным.

Переходя к характеристике положения эллинов, парфиенов и гирканцев, следует отметить умозрительность предлагаемых в ряде работ моделей взаимодействия завоевателей с местными элитами [Бадер, 1989. С. 223; Daßbrova, 2013. P. 53]. Слова Страбона о земельной политике Аршака и его преемников (*Strab.* XI. 9. 2) свидетельствуют о предпринятой ими попытке устранить греко-иранскую аристократию и занять ее место [Schirpmann, 1980. S. 23, 83]. Наряду с этим, жертвой данной политики не могло не стать и рядовое население Парфиены и Гиркании.

Все это позволяет представить социальную структуру раннепарфянского общества в следующем виде: парны составили в нем большую часть первого и значительную долю второго классов. Что же касается сословных градаций, то теперь сословие свободных полноправных было представлено парнами, оттеснившими на ступеньку ниже прежнюю местную верхушку. В целом, парнское завоевание ухудшило социальное положение большей части населения Парфиены и Гиркании, за исключением разве что тех, кто не имел собственности или относился к сословию несвободных бесправных (рабов, λαοί). Для последних установление власти Аршакидов не меняло ничего, кроме имени господина.

Однако как согласовать реконструированную картину социальных отношений в Парфии с данными эпитомы Помпея Трога? Если верить свидетельству Юстина (*Iust.* XLI. 5. 1), согласно которому основатель Парфянского государства активно строил крепости (*castella*) и основывал города (*civitates*), то можно прийти к выводу, что после 217 г. до н.э. отношения Аршака I с его новыми-старыми подданными претерпели разительные изменения. В самом деле, урбанизация была бы невозможной без активного участия местного населения, которое, в отличие от парнов,

было хорошо знакомо с городской жизнью. Однако нам уже приходилось отмечать, что источник эпитомы Помпея Трога – Аполлодор из Артемиды – следовал официальной парфянской традиции, в которой история представляла собой, какой ее хотели видеть правящие круги Парфии, а факты учитывались лишь в той степени, в которой они не противоречили желаемому. Именно этими обстоятельствами и объясняется то, что источник приписывает вождю парнов образ действий, характерный для типичного эллинистического правителя [ср. Grainger, 2015. P. 65]. Реальная картина «градостроительства» Аршака I проглядывает сквозь описание основанного им города Дара (*Iust.* XLI. 5. 2–4). Этот «город» был созданием не рук человеческих, а природы, и, по сути, являлся просто скалой-убежищем, которые существовали в различных областях Ирана и Средней Азии (*Curt.* VI. 6. 23–24, VII. 11. 1–3; *Arr. Anab.* IV. 18. 4–5, 21. 2). Естественно, что для его «сооружения» ни местные жители, ни их опыт не требовались. Даже начало чеканки монеты с греческой легендой (Sellwood 1980, 20–24), которое не могло обойтись без привлечения специалистов из числа эллинов, все же не дает оснований утверждать ни о назревании перемен во внутренней политике Аршака, ни, тем более, о филэллинизме последнего.

Но если в филэллинизме Аршака I никто, разумеется, «не обвинял», то предположения об усвоении и использовании им элементов ахеменидского наследия, что косвенно могло бы свидетельствовать о примирительной политике по отношению к местным иранцам, высказывались неоднократно. Так, Й. Вольский [Wolski, 1993. P. 68–70], опираясь на «феномен употребления арамейской легенды», говорит о тенденции, которая, по его мнению, доминировала в политике Аршакидов: оппозиция эллинизму и опора на ахеменидское прошлое [ср. Eddy, 1961. P. 82–84]. Но, как нам кажется, четыре арамейские буквы на двух типах

раннеаршакидских монет являются слишком шатким основанием для столь важного вывода²⁸⁰.

Парфянская письменность возникла отнюдь не при Ахеменидах, а в раннеэллинистическую эпоху (конец IV – первая половина III в. до н.э.), когда на основе прежде единого имперско-арамейского письма в различных областях бывшей империи стали складываться местные среднеиранские письменности со своими особенностями как в графике, так и в отборе арамейских форм для идеограмм [Балахванцев, 2012в. С. 225, 227; Balachvancev, 2013. S. 256, 257]. Аршак не был ни изобретателем, ни восстановителем арамейскографического письма. Он просто использовал обе существовавшие в эллинистической Парфии системы письменности, чтобы пропагандировать себя и свою власть среди подданных.

Некоторые исследователи [Зеймаль, 1982. С. 47–48; Invernizzi, 2001с. Р. 134; Curtis, 2007. Р. 9; Iossif, 2011. Р. 273; Erickson, Wright, 2011. Р. 165; Curtis, 2012. Р. 68] считают, что изображение парфянского лучника на реверсе раннеаршакидских драхм является доказательством претензий на ахеменидское наследие и было заимствовано с оборотной стороны монет ахеменидского сатрапа Киликии Датама (378–372 гг. до н.э.)²⁸¹. Но можно ли принять эту версию всерьез?

---

²⁸⁰ Особенно если учесть, что в легенде драхм типа 4 допущена метатеза, и резчик штемпеля вместо правильного *krny* вырезал *knry* [Sellwood, 1980. Р. 24].

²⁸¹ Иногда сферу заимствования ограничивают только головным убором, подчеркивая его схожесть с *кирбасием* малоазийских сатрапов IV в. до н.э. [Strootman, 2017. Р. 188]. Однако то, что Аршак изображен в *башлыке* [Sellwood, 1980. Р. 21], типичном головном уборе ираноязычных кочевников, вряд ли нуждается в столь сложных объяснениях. Ср.: Dąbrowa, 2008. Р. 26.

Как было блестяще продемонстрировано Д.С. Раевским, на реверсе парфянских драхм представлен Аршак в момент вручения / передачи *лука*. Этот уникальный для древней нумизматики мотив не находит аналогий ни в восточном, ни в эллинистическом монетном репертуаре. Его можно интерпретировать лишь исходя из представлений, свойственных народам «скифского» мира, где *лук* служил символом царской²⁸² власти [Раевский, 1977. С. 83–84].

Можно предположить, что при выработке иконографии сцены инвеституры на реверсе раннеаршакидских драхм, на нее повлияли имевшиеся на руках у парфян монеты, отчеканенные в других регионах и в другие эпохи. Однако меньше всего такими образцами могли стать статеры Датама. Во-первых, у нас нет никаких доказательств того, что они обращались или хотя бы были известны в ранней Парфии. Во-вторых, в плане композиции между монетами Датама и Аршака существует принципиальное отличие, связанное с ролью *лука*. На драхмах роль *лука* активна [Раевский, 1977. С. 82], Аршак держит его в руке. На статерах никакого действия с *луком* не производится; он расположен у ног сатрапа, все внимание которого поглощено процессом выверки прямизны древка находящейся у него в руках стрелы. Кроме того, есть и более мелкие отличия: Датам сидит вправо, Аршак – влево [Балахванцев, 2017. С. 82, рис. 3–5]; над Датамом парит Ахурамазда в виде крылатого диска, над Аршаком нет ничего подобного. Единственная сходная черта – трон, но и он мог быть с минимальной переработкой заимствован с драхм александровского типа, обнаруженных в Боджнурдском кладе [Abgarians, Sellwood, 1971. Pl. 20:A/a, A/g, E/a].

---

²⁸² Заметим, что в передаваемой Геродотом легенде (*Hdt.* IV. 8–10), на которую ссылается Д.С. Раевский, речь идет все-таки не о царской власти, а о власти над страной.

В целом, ни надписи, ни само изображение парфянского лучника, ни его отдельные детали не свидетельствуют о попытках Аршака I использовать элементы ахеменидского наследия для легитимации своей власти. Напротив, они, скорее, доказывают, что основатель династии Аршакидов всеми способами подчеркивал свои кочевническое происхождение и культурную идентичность [Gaslain, 2005b. P. 15–21]. Не удивительно, что все это, наряду, разумеется, с достигнутыми политическими успехами, резко подняло авторитет Аршака среди соплеменников и сделало его своего рода культовой фигурой: после Аршака I и его сына Аршака II все последующие парфянские правители использовали имя основателя государства и династии в качестве тронного.

Ок. 214 г. до н.э. [Wolski, 1962. P. 145; Le Rider, 1965. P. 300, not. 8; Chaumont, 1971. P. 148, not. 3] Аршак I умирает²⁸³, и к власти в Парфии приходит его сын Аршак II (*Iust.* XLI. 5. 7). Некоторые исследователи до сих пор пытаются отстаивать давно устаревшее мнение, согласно которому второго правителя Парфии звали Артабаном, а Аршак – это только «династический титул» [Assar, 2008. P. 4, 6; Rezakhani, 2013. P. 767]. Между тем, как установил еще А. Гутшмидт, упоминающая Артабана фраза из пролога сорок первой книги Помпея Трога (*Trog. Prol.* XLI), стоит не на своем месте и должна быть перенесена в пролог сорок второй книги

---

²⁸³ Мы склоняемся к этой датировке по следующей причине. В составе Боджнурдского клада, сокрытого ок. 209 г. до н.э., обнаружено примерно 850 драхм Аршака II и всего ок. 60 драхм Аршака I [Abgarians, Sellwood, 1971. P. 104–106]. Столь малое количество монет основателя Парфянского государства по сравнению с его ничем не примечательным сыном можно объяснить лишь тем, что чеканка Аршаком I своей монеты началась незадолго до смерти и была весьма непродолжительной (ок. 216–214 гг. до н.э.).

[Gutschmid, 1886. P. LXI; 1888. S. 81]. Кроме того, сторонники этой гипотезы почему-то игнорируют тот факт, что Юстин везде, в том числе и в случае с Аршаком II (*Iust. XLI. 5. 7: Arsaces et ipse nomine*)²⁸⁴, приводит одни только *личные* имена Аршакидов.

Чекан Аршака II также состоял из драхм и дихалков [Sellwood, 1980. P. 25–27]²⁸⁵, однако, в отличие от отца, имя ΑΡΣΑΚΟΥ на его выпусках никаким титулом²⁸⁶ не сопровождалось [Балахванцев, 2017. С. 86, рис. 7]. Судя по замечанию Страбона (*Strab. XI. 9. 2*), он продолжал прежнюю политику в отношении местного населения. Но если в условиях относительного спокойствия на внешних границах конфликт парнов с эллинами, парфиянами и гирканцами лишь укреплял власть Аршака II, гарантируя ему полную лояльность соплеменников, то после того, как в Парфию вступила армия Антиоха III, ситуация коренным образом изменилась.

§ 2. Анабасис Антиоха III

---

²⁸⁴ На важность этого свидетельства Юстина обратил внимание уже Й. Вольский [Wolski, 1962. P. 142–143].

²⁸⁵ Изображения дихалков, не учтенных в работе Д. Селлвуда, доступны на сайте: <http://www.parthia.com/arsaces2.htm> (дата обращения: 02.12.2017).

²⁸⁶ Недавно была предпринята попытка приписать Аршаку II обычно относимые к Митридату I монеты, на реверсе которых наряду с изображением лучника, сидящего на *омфале*, имеется легенда, включающая в себя царский титул [Кошеленко, Гаибов, 2012. С. 26–29]. К сожалению, Г.А. Кошеленко и В.А. Гаибов не учли того факта, что среди более чем девятисот раннепарфянских драхм из Боджнурдского клада нет *ни одной* монеты с подобным типом реверса. Данное обстоятельство делает их предположения бездоказательными.

В 209 г. до н.э., после подавления восстания Ахея в Малой Азии и подчинения Софены (*Polyb.* VIII. 17–23, 25), Антиох III приступил к решению поистине грандиозной задачи: реставрации селевкидской власти на Востоке в полном объеме. Первой целью его похода должна была стать Парфия. Но прежде чем излагать ход и результаты парфяно-селевкидской войны, необходимо определить, какие территории к ее началу находились в руках Аршака II.

Начнем с востока. Полибий сообщает (*Polyb.* X. 49. 1), что после окончания парфянской кампании, в ходе войны с Евтидемом Бактрийским в 208 г. до н.э., Антиох осаждал какой-то город в трех днях пути²⁸⁷ к западу от реки Арий (Герируд–Теджен). Это обстоятельство не позволяет согласиться с теми авторами, которые полагают, что граница Парфии и Бактрии проходила по этой реке [Bickerman, 1966a. P. 94, not. 34; Walbank, 1967. P. 265; Абдуллаев, Бердимуратов, 2010. С. 46; Кошеленко, Гаилов, 2012. С. 26]. Если же учесть, что входившая в состав Греко-Бактрии Арейя [Walbank, 1967. P. 232] включала в себя долину Кешефруда и граничила с Парфиеной по хребту Биналуд (карта), то последний следует считать и восточным пределом завоеваний Аршака I.

Каково же было положение дел в Несайе? Как уже отмечалось выше, представление, согласно которому селевкидская сатрапия Парфиена соответствовала району Ашхабада, а вторжение Аршака в Парфиену означало и захват парнами Старой и Новой Нисы²⁸⁸, является ошибочным.

---

²⁸⁷ Учитывая, что вся армия проходит за день максимум 31 км [Engels, 1978. P. 20], расстояние от безымянного города до реки равнялось приблизительно 93 км.

²⁸⁸ Попытка связать с багирскими городищами раннеаршакидский монетный двор, помечавший часть своей продукции монограммой M , составленной из греческих букв *mu* и *tau* [Sellwood, 1980. P. 20–24], не

Между тем, именно на основе таких представлений все открытые на нисийских городищах сооружения и артефакты, датируемые после середины III в. до н.э., автоматически относились к Аршакидам [Крашенинникова, 1978. С. 122; Пилипко, 2001. С. 338; Pilipko, 2008. P. 46; Olbrycht, 2014a. P. 141]. Но если – при всех различиях между всеми исследователями – датировка городища не выходила за рамки аршакидской эпохи, то в интерпретации его основных сооружений – Здания с Квадратным залом (ЗКЗ), Башенного сооружения (БС), Сооружения с Круглым залом (СКЗ), Большого квадратного дома (БКД), Красного здания – единства явно не наблюдается. Различные ученые видели в этих объектах то усыпальницу Аршакидов, то дворец, то храм огня, то героон [Пугаченкова, 1949. С. 239–241; 1958. С. 93–102; 1978. С. 19–21; Кошеленко, 1966. С. 20–29; 1977. С. 52–65; Invernizzi, 2000. P. 15–23; 2001a. P. 203; 2011. P. 653–659; Grenet, 2015. P. 25–30].

На рубеже старого и нового тысячелетий новый импульс дискуссии придало появление двух монографий, вышедших из-под пера известного исследователя Старой Нисы В.Н. Пилипко [Пилипко, 1996; 2001]. В них он дал подробное обоснование своего взгляда на Старую Нису, как на династический культовый центр Аршакидов, возникший между серединой III в. до н.э. и 150 г. до н.э. Мы вполне разделяем вывод автора о династическом культовом характере Старой Нисы, но при этом, как нам кажется, повторное рассмотрение суммированного в работах В.Н. Пилипко богатейшего археологического материала и привлечение данных

может быть признана удовлетворительной, так как ее автор исходил из априорного представления о том, что Парфия Аршака I охватывала и северные склоны Копет-Дага. О логических неувязках во взглядах Д. Селлвуда на эти монеты см. также: Galle, 1982. P. 179; Пилипко, 1987. P. 122; Alram, 1998. S. 367.

нарративных и нумизматических источников позволяет прийти к совершенно иному заключению относительно хронологии и первоначального назначения старонисийского комплекса.

Еще в 2005 году нами была высказана идея о том, что Старая Ниса первоначально являлась династическим культовым центром Селевкидов, возникшим не позднее 250 г. до н.э. [Балахванцев, 2005б. С. 185]. Эта гипотеза обратила на себя внимание двух ведущих специалистов по данной проблеме – В.Н. Пилипко и К. Липполиса, которые посчитали, что столь ранняя дата возникновения памятника не имеет под собой достаточных оснований [Пилипко, 2007. С. 155; Lippolis, 2013a. P. 70, not. 1; 2014. P. 225, not. 22). Однако поскольку в их критике отсутствовала какая-либо аргументация, следует еще раз вернуться к этой теме, привлекая не использованные ранее данные. При этом необходимо оговорить, что мы собираемся проанализировать лишь те категории археологических источников (стены, базы колонн, керамика, остраконы, элементы архитектурного и скульптурного декора), которые существенны для темы предпринятого исследования.

Стены. В.Н. Пилипко полагает, что наиболее ранней постройкой Старой Нисы были ее внешние стены. Анализ особенностей конструкции стен Старой и Новой Нисы, а также аршакидских крепостей Геок-тепе, Игды-кала, Чакан-депе позволил автору нарисовать следующую картину развития фортификации в «Партаве». Первоначально самые древние крепостные сооружения этой области имели низкорасположенный внутрстенный коридор. На более же поздних этапах развития от него отказались, и стрелковые галереи стали устраиваться на значительной высоте от основания. Поскольку в стенах Старой Нисы внутрстенный коридор или был поднят на уровень второго яруса, или вообще отсутствовал, то крепостные укрепления на Старой Нисе сооружены

позднее, чем на Новой²⁸⁹, и их следует отнести не к раннеэллинистическому (конец IV – первая половина III в. до н.э.), а к аршакидскому²⁹⁰ периоду [Пилипко, 2001. С. 137, 338–339].

Что можно заметить по данному поводу? Во-первых, утверждение В.Н. Пилипко о том, что крепостные стены – наиболее ранняя постройка Старой Нисы, не так очевидно, как это представляется самому автору. Действительно, о характере древнейших монументальных сооружений, существовавших на месте ЗКЗ и вокруг него, пока нельзя сказать ничего определенного. Но предположим даже, что они уже тогда имели культовый характер. Означает ли это, что возведению таких сооружений непременно должна предшествовать постройка крепостных стен? В Олимпии стена вокруг Альтиса была возведена только в последней трети IV в. до н.э. [Wiesner, 1939. Sp. 79–80], хотя само святилище существовало к тому времени уже несколько столетий. Аналогичная картина наблюдается и в отношении святилища богини Гемитеи в Памфилии: храм и прилегающие к нему сооружения возникают ок. 350 г. до н.э., но были обнесены стенами лишь в III в. до н.э. [Mellink, 1962. P. 81–82]. Точно так же обстояло дело в бактрийском Сурх-Котале и хорезмийской Аяз-кале 3: крепостные стены вокруг обоих памятников появилась позже возведения последних [Schlumberger et al., 1983. P. 19; Болелов, 1998. С. 130, 134]. Следует также обратить внимание и на то обстоятельство, что старонисийский холм расположен не более, чем в полутора километрах от Новой Нисы, окруженной мощными стенами и охраняемой многочисленным гарнизоном. В этих условиях стены вокруг Старой Нисы могли появиться и не сразу.

---

²⁸⁹ Аналогичное мнение: Крашенинникова, 1978. С. 119.

²⁹⁰ О неправомерности отнесения начала аршакидского периода на Старой Нисе к середине III в. до н. э. см. ниже.

Во-вторых, вызывает недоумение утверждение В.Н. Пилипко (со ссылкой на Н.И. Крашенинникову) о наличии в основании стен Новой Нисы внутрстенных коридоров. Последняя, напротив, подчеркивает, что «основание стены составляет мощное монолитное ядро высотой не менее 9–9,5 м», а внутрстенный коридор с бойницами находился выше [Крашенинникова, 1978. С. 116, 118]. В-третьих, непонятно, почему В.Н. Пилипко ограничился привлечением данных по фортификации, происходящих только с территории «Партавы»²⁹¹, если сам автор отмечает, что старонисийский комплекс был создан эллинскими мастерами и в значительной мере чужд местной культуре [Пилипко, 2001. С. 250–254]. В таком случае более оправданным будет использовать данные по развитию фортификации и из других среднеазиатских областей, входивших в состав державы Селевкидов. Но тогда возникающая картина окажется значительно более сложной и неоднозначной, чем та, которая нарисована у В.Н. Пилипко.

Действительно, в эллинистический период внутрстенная стрелковая галерея отсутствует и на маргианской Гяур-кале; причем, вместо нее под верхней стрелковой дорожкой располагались узкие помещения, перекрытые арочными сводами, которые использовались обороняющимися как укрытия. Внутрстенные стрелковые галереи с бойницами появляются на Гяур-кале только в парфянский период во второй половине II в. до н.э. [Завьялов, 1999. С. 33–34]²⁹². Против понимания высоты расположения внутрстенной стрелковой галереи в

---

²⁹¹ Заметим, что В.Н. Пилипко все-таки выходит за пределы «Партавы», используя для обоснования своих выводов материал из расположенной на Узбое Игды-калы.

²⁹² В данном случае мы, кроме статьи, опираемся и на информацию, содержащуюся в личном письме В.А. Завьялова от 17 июня 2003 года.

качестве хронологического признака свидетельствует и фортификация Игды-калы. Три стены этой крепости, выходящие на относительно ровную каменную площадку, имели бойницы, расположенные на уровне «второго этажа», а в обращенной к глубокому каньону северо-восточной стене стрелковый коридор находился прямо на материке [Вайнберг, Юсупов, 1984. С. 24; Юсупов, 1986. С. 156–157]. Все это еще раз подтверждает тот вывод, что конструктивные особенности стен Старой Нисы не дают оснований для уточнения датировки объекта в пределах III в. до н.э. и, естественно, никак не могут доказывать невозможность возникновения всего комплекса в селевкидский период²⁹³.

Базы колонн. Все каменные базы колонн, обнаруженные в древнейших сооружениях Старой Нисы – портиках к юго-востоку от ЗКЗ [Пилипко, 1996. С. 15–16] и Красном Здании [Lippolis, 2009. P. 55] – относятся к одному и тому же типу баз со съёмным тором и характеризуются следующими чертами: квадратный в плане двух- или трехступенчатый плинт и увенчанный небольшим цилиндрическим

---

²⁹³ Ахиллесовой пятой рассуждений В.Н. Пилипко является игнорирование такого важного элемента любой фортификации как рельеф. Низкорасположенный внутростенный коридор отсутствовал на Старой Нисе не потому, что строители опасались применения осаждающими стенобитных орудий. Высота старонисийского холма над окружающей равниной достигает 9–15 м. [Пилипко, 2001. С. 132], поэтому для подвозки к стенам осадных башен с таранами пришлось бы сооружать насыпи соответствующей высоты с нормальным уклоном [Левина, 1949. С. 144]. Учитывая наличие цоколя и крутизну склона, создающего мертвое пространство [Куркина, 2002. С. 47], сооружать стрелковые бойницы в нижнем ярусе стены было бы просто бессмысленно.

пояском тор [Пилипко, 1996. Табл. 9, 1–3; Lippolis, 2009. P. 56, fig. 7]²⁹⁴. Наиболее близкие аналогии базам с двухступенчатым плинтом встречаются в храме Окса на Тахти-Сангине [Литвинский, Пичикян, 2000. Табл. 40), а с трехступенчатым – в пропилеях Ай-Ханум [Bernard, 1973. P. 19, fig. 1].

Б.А. Литвинский, проанализировав развитие торовидных баз на территории Ирана и Средней Азии, показал, что базы со съемными торами должны датироваться промежуточным периодом между композитными ахеменидскими базами Западного Ирана (VI–IV вв. до н.э.) и эллинистическими базами Ай-Ханум (III–II вв. до н.э.), где торы выбиты вместе с постаментами, т.е. концом IV – самым началом III в. до н.э. [Литвинский, Пичикян, 2000. С. 141–153]. Однако открытие монолитных баз с двухступенчатым плинтом в ахеменидском дворце в Караджамирли (Шамкирский район Азербайджана)²⁹⁵ показывает, что схема Б.А. Литвинского нуждается в определенной корректировке. Новые материалы позволяют говорить о сосуществовании композитных и монолитных баз в V–III вв. до н.э. Поэтому, учитывая даты бактрийских аналогий, базы из самых ранних построек Старой Нисы следует отнести к III в. до н.э. [Балахванцев, 2015ж. С. 103–104].

---

²⁹⁴ Аналогичные базы с двухступенчатым плинтом [Пилипко, 1996. Табл. 31, 2–3] обнаружены и в относящемся ко второму этапу существования ЗКЗ помещении 7 [Пилипко, 1996. С. 86, табл. 5], а также – в «Восточном» здании [Lippolis, 2013b. P. 112].

²⁹⁵ Нам самим довелось расчищать эти базы в портике [Балахванцев, 2017. Рис. 8] и жилых помещениях дворцового комплекса в 2011 и 2013 гг. Заметим, что данная находка позволяет по-новому взглянуть на дискуссию о возрасте баз из пропилеев Ай-Ханум [Пичикян, 1991. С. 215–217] и датировать их III в. до н.э.

Керамика и остраконы. В настоящее время открытые на Старой Нисе керамические комплексы играют важную роль при определении хронологии всего памятника. Так, еще Н.И. Крашенинникова отнесла возникновение СКЗ ко II в. до н.э. на основе обнаруженной под полом здания и в его первой промазке керамики этого времени [Крашенинникова, Пугаченкова, 1964. С. 125]. В свою очередь, В.Н. Пилипко датировал по керамике, происходящей из мусорных сбросов возле ЗКЗ и БС, крупный ремонт, осуществлявшийся на двух этих объектах в I в. до н.э. [Пилипко, 2001. С. 305]. Но на чем основаны датировки самой керамики?

В.Н. Пилипко датирует керамику из мусорных сбросов на основе сопоставления ее с материалами из ямы Северного винохранилища и находкой вместе с ней остраконов, идентичных остраконам Северного комплекса. По поводу последних можно привести авторитетное мнение В.А. Лившица: «Что касается парфянских остраков из развалин зданий Центрального комплекса, найденных В.Н. Пилипко, А. Бадером и В.М. Массоном, установить их дату трудно, так как они, в отличие от остраков из винохранилищ, не датированы по аршакидской эре. Среди 2752 остраков из винохранилищ есть два, датируемых серединой II в. до н.э., все остальные – I в. до н.э. и первые два десятилетия I в. н.э. По палеографии остраки из Центрального комплекса не отличаются от них, так что их можно датировать либо II в. до н.э., либо I в. до н.э. – началом I в. н.э.»²⁹⁶

Таким образом, более правильным будет расширить датировку данного керамического комплекса за счет II в. до н.э.²⁹⁷ Но тогда и дата ремонта ЗКЗ и БС вполне может быть сдвинута во II в. до н.э. При этом необходимо иметь в виду, что Центральный комплекс Старой Нисы до

---

²⁹⁶ Личное письмо В.А. Лившица от 3 июля 2003 года.

²⁹⁷ Заметим, что ранее теоретическую допустимость подобной датировки признавал и В.Н. Пилипко [Пилипко, 1996. С. 68].

ремонта функционировал, как минимум, несколько десятилетий. Наконец, весьма важным является то обстоятельство, что в мусорном сбросе у основания ЗКЗ и в слое, подстилающем СКЗ, встречаются чаши со ступенчатым перегибом стенки и отогнутым наружу венчиком [Пилипко, 1996. С. 68], которые выходят из употребления к I в. до н.э. [Крашенинникова, 1978. С. 118]. Поскольку весь Центральный комплекс возводился одновременно²⁹⁸, и так как однотипная керамика в одном случае (СКЗ) дает нам дату строительства, а в другом (ЗКЗ) – дату ремонта, то получается весьма странная картина, когда строительство одной части Центрального комплекса шло практически параллельно с ремонтом другой. Все это заставляет по меньшей мере поразмышлять, не следует ли отнести *terminus post quem* для возникновения данного вида чаш и, соответственно, для возведения Центрального комплекса хотя бы к середине – второй половине III в. до н.э.?

Скульптура. Поскольку глиняная скульптура появилась в ЗКЗ и СКЗ уже на первом этапе их функционирования [Крашенинникова, Пугаченкова, 1964. С. 125; Пилипко, 2001. С. 189, 249, 262], то датировка скульптурных фрагментов позволяет датировать и сооружение всего Центрального комплекса. Наиболее интересные перспективы в этом плане открывает анализ обнаруженных в «Белой комнате» ЗКЗ двух глиняных голов [Пилипко, 1989а. С. 167–177; 1996. С. 142–145], особенно одной из них, увенчанной шлемом исключительно хорошей сохранности

---

²⁹⁸ Впрочем, К. Липполис усомнился в абсолютной одновременности ЗКЗ и БС, между которым нет прямой связи [Lippolis, 2011. P. 218].

[Балахванцев, 2017. Рис. 9]. В.Н. Пилипко, приведя ряд аналогий²⁹⁹ [Балахванцев, 2017. С. 89, рис. 10], определил нисийский экземпляр как гибрид беотийского и аттического шлемов и отнес его ко II в. до н.э.³⁰⁰

Однако и это определение, и данная датировка вызывают серьезные сомнения в их истинности. Прежде всего, представляется неоправданной предпринятая В.Н. Пилипко попытка сближения шлема из Старой Нисы со шлемами греко-бактрийского царя Менандра (ок. 160–145 гг. до н.э.) и гиганта Отоса с Пергамского алтаря (175–150 гг. до н.э.). Дело в том, что наиболее плодотворным и оправданным в методическом отношении является лишь такое сравнение артефактов, которое проводится среди объектов, относящихся к одному и тому же типу. Но если нисийский шлем явно относится к числу аттических с козырьком [Waurick, 1988. S. 169–173], или, по терминологии П. Динциса, псевдоаттических [Dintsis, 1986. S. 274], то шлем на монетах Менандра является беотийским [Dintsis, 1986. S. 9, 18; Литвинский, 2001. С. 353]³⁰¹. Что же касается пергамского экземпляра, то, при сравнении его с нисийским, сходство наблюдается лишь в отношении формы каски; однако, если нисийский шлем имеет

---

²⁹⁹ Как указывает сам В.Н. Пилипко, датировать находку по ее стратиграфическому положению не представляется возможным [Пилипко, 1989а. С. 168].

³⁰⁰ Аналогичное мнение по поводу глиняной скульптуры ЗКЗ и СКЗ в целом: Colledge, 1987. P. 153; Invernizzi, 1998. P. 12; 2001с. P. 147. П. Бернар отмечал, что голова в шлеме может датироваться III в. до н.э. [Bernard, 1994. P. 499, not. 48].

³⁰¹ Отметим также две, отсутствующие на прорисовке В.Н. Пилипко, детали: шлем Менандра сбоку имеет бычий рог и ухо, а значительная часть тульи покрыта бугорками [Mørkholm, 1991. № 641; Woppearachchi, Aman ur Rahman, 1995. № 307, 363–389].

гребень и нащечники, то пергамский (как и греко-бактрийский) их начисто лишен.

По поводу других приведенных самим В.Н. Пилипко аналогий нисийскому шлему можно заметить следующее. Определенным сходством с нисийским обладает шлем, изображенный в северном люнете гробницы Лисона и Калликла (Македония), который датируется в достаточно широких пределах между 250 и 150 гг. до н.э.³⁰² Однако пользоваться этой аналогией можно лишь с большой осторожностью, так как типовая принадлежность шлема является спорной [Dintsis, 1986. S. 289; Waurick, 1988. S. 169–173; Дедюлькин, 2016. С. 173]. К тому же нельзя закрывать глаза – даже с учетом условности изображения [Дедюлькин, 2016. С. 169, 173] – на те черты, которые отличают этот шлем от нисийского: тулья македонского шлема имеет удлиненную эллипсоидную форму, а его поля расположены в одной горизонтальной плоскости.

Такую же осторожность следует проявить и в отношении бронзового шлема, обнаруженного в составе клада у села Бубуй³⁰³ и датирующегося либо концом IV – первой половиной III в. до н.э. [Рабинович, 1941. С. 157, прим. 3], либо последней четвертью III – первой половиной II в. до н.э. [Дедюлькин, 2016. С. 182]. Дело в том, что хотя шлем из Бубуя принадлежит к числу аттических с козырьком [Waurick, 1988. S. 170], рассматривать его в качестве прямой аналогии нисийскому

---

³⁰² См. приведенную у П. Динциса литературу [Dintsis, 1986. S. 146]. В настоящее время этот шлем чаще относят к III в. до н.э. Так, С. Миллер предлагает дату ок. 200 г. до н.э. [Miller, 1993. P. 92], а М. Андроникос – 250 г. до н.э. [Ginouvès, 1994. P. 178].

³⁰³ Учитывая существование нескольких вариантов произношения данного топонима [Карнаух и др., 2016. С. 226], мы приводим тот, который уже давно утвердился в литературе.

нельзя³⁰⁴. Назатыльники бубуйского и нисийского экземпляров сильно отличается друг от друга. Кроме того, по бокам шлема над ухом имеются небольшие, выдающиеся вперед и вниз острые выступы [Рабинович, 1941. С. 157].

Большое сходство наблюдается между шлемом из Старой Нисы и двумя бронзовыми шлемами, происходящими с острова Мелос, один из которых хранится в Лувре [Балахванцев, 2017. Рис. 11], а другой – в Государственных музеях Берлина [Балахванцев, 2017. Рис. 12]. Оба шлема датируются первой половиной III в. до н.э. [Dintsis, 1986. S. 277, № 216, 217]. К сожалению, и парижский, и берлинский экземпляры лишены нащечников. Круг привлекаемых аналогий можно расширить за счет еще двух аттических шлемов с козырьком из Продроми (Эпир), которые сначала датировались 350–325 гг. до н. э. [Choremis, 1980. P. 15–16, 18], а потом – рубежом IV–III в. до н.э. [Rakatsanis, Otto, 1980. S. 57; Dintsis, 1986. S. 275–276, № 213, 214]; изображения шлема упавшего гоплита с саркофага амазонок из Тарквиний, относящегося к последней четверти IV в. до н.э. [Коннолли, 2001. С. 69]³⁰⁵; изображения на свинцовом жетоне, найденном при раскопках Агоры Афин [Kroll, 1977. Pl. 40, 1], который датируется ок. середины III в. до н.э. [Kroll, 1977. P. 141; Camp, 1986. P. 120]. Особое внимание следует обратить на многочисленные изображения подобных шлемов на монетах Селевка II [Houghton, Lorber, 2002a. № 691, 700, 705,

---

³⁰⁴ Исследователи разграничивают шлемы группы «Мелос», которые являются ближайшими аналогиями нисийскому экземпляру, и типологически отличные от них шлемы из Бубуя, Орджоникидзе, Апостолиды, Грушевского могильника, Гавани [Waurick, 1988. S. 170; Алексинский, 2008. С. 47].

³⁰⁵ К сожалению, изображенная на торце саркофага фигура упавшего гоплита дана в таком ракурсе, что назатыльник шлема виден не полностью.

732, 736, 737, 765, 812, 817–819, 832]. Некоторые из них [Houghton, Lorber, 2002a. № 659–663] датируются 246–242 гг. до н.э. и наглядно свидетельствуют о широком распространении аттических шлемов с козырьком уже в середине III в. до н.э.

Но максимальным сходством с нисийским экземпляром обладает хранящийся в Эрмитаже железный шлем с серебряными украшениями [Балахванцев, 2017. Рис. 13], найденный в 1834 году в Керчи [Рабинович, 1941. С. 152–154; Dintsis, 1986. S. 276, № 215; Алексинский, 2008. С. 31–70]. Сходство между двумя шлемами прослеживается не только на уровне основных элементов конструкции (назатыльник и козырек опускаются вниз, тулья имеет сфероидную форму, шлем увенчан спускающимся на затылок мощным гребнем), но и в деталях. Следует подчеркнуть, что данное наблюдение, сделанное в 2005 году [Балахванцев, 2005б. С. 179], нашло полную поддержку у Д.П. Алексинского, посвятившего специальное исследование керченскому экземпляру [Алексинский, 2008. С. 68, прим. 179].

Что же касается вопроса датировки, то для шлема из Керчи предлагались следующие даты: III в. до н.э. [Блаватский, 1954. С. 83], начало III в. до н.э. [Рабинович, 1941. С. 152], первая половина III в. до н.э. [Dintsis, 1986. S. 276; Waurick, 1988. S. 171; Виноградов, 1997. С. 75; Алексинский, 2013. С. 61]³⁰⁶. Исследователи, занимавшиеся сопутствовавшим шлему инвентарем, относят само захоронение к началу третьей четверти III в. до н.э. (Pfrommer, 1990. P. 278–279; Трейстер, 2010б.

---

³⁰⁶ Применение при золочении серебряных накладок на шлеме не химического метода, а плакировки также свидетельствует в пользу ранней даты [Алексинский, 2008. С. 45; ср.: Балахванцев, Яблонский, 2006. С. 103].

С. 597–600], хотя найденная в гробнице керамика допускает и более раннюю дату³⁰⁷.

Поэтому, принимая во внимание все приведенные выше аналогии, голову в аттическом шлеме с козырьком из Старой Нисы следует отнести к первой половине – середине III в. до н.э., но никак не позже. Это, в свою очередь, свидетельствует о том, что здания со скульптурой из необожженной глины появились на Старой Нисе еще в первой половине III в. до н.э.

Архитектурный декор. В ходе раскопок Красного Здания итальянские археологи обнаружили, что цоколь его северного фасада облицован каменными плитами, орнаментированными цепочкой

---

³⁰⁷ В июне 2005 и октябре 2015 гг. в Эрмитаже нам удалось поработать с обнаруженной вместе со шлемом чернолаковой пеликой и пиксидой. Пиксиду по аналогиям с афинской Агоры [Rotroff, 1997. № 1229. Fig. 75, pl. 90] можно отнести ко второй [Kotitsa, 1996. S. 38–39, 193] или даже к первой четверти III в. до н.э. [Rotroff, 1997. P. 362]. По мнению Ю.И. Ильиной, потертость росписи на пиксиде объясняется не только продолжительностью использования, но и плохим качеством белой краски, которой был выполнен рисунок. Что же касается пелики, то по таманским аналогиям ее можно датировать последней четвертью IV в. до н.э. [Корске, 1964. S. 72, № 142]. Добавим, что орнамент на горлышке, имитирующий ожерелье с подвесками, выходит из употребления во второй четверти III в. до н.э. [Rotroff, 1997. P. 59, ill. 1, 46]. Однако, по мнению Ю.И. Ильиной, само отнесение пелики, хранящейся в Эрмитаже под номером П.1834.24, к комплексу гробницы у Карантинного шоссе вызывает сомнения. Поэтому до окончательного прояснения этого вопроса пелику из анализа лучше исключить, а погребальный комплекс датировать приблизительно серединой III в. до н.э.

бочковидных бусин по верхней кромке и отходящими от нее вертикальными каннелюрами [Lippolis, 2004. Fig. 6–8, tav. IX; 2009. P. 56, fig. 6]. Фрагменты аналогичной облицовки находили и ранее, в процессе исследования ЗКЗ и БС [Пилипко, 1996. Табл. 31, 4, 7]. Нисийские пластины являются несколько упрощенной и перевернутой на 180 градусов копией карнизов дверных проемов, окон и ниш Персеполя [Schmidt, 1953. P. 222, pl. 128B, 191A, 204A). Копирование отдельных фрагментов каменного убранства дворцов Персеполя было распространено в Иране и в эллинистическую эпоху [Klose, Müseler, 2008. Farbtaf. 4], и при ранних Сасанидах [Луконин, 1977. С. 142], однако архитектура древней столицы вряд ли могла повлиять на зодчих Старой Нисы в 160–120 гг. до н. э., когда независимая в это время Персида была отделена от парфян территорией, крайне враждебной по отношению к последним державы Селевкидов. Более подходящим временем для такого влияния являются эпохи, когда области, в которых расположены оба комплекса, входили в состав одной державы. Аршакиды установили контроль над Персидой только при Митридате II³⁰⁸, но последняя четверть II в. до н.э. кажется слишком поздней датой для возведения Красного Здания. Поэтому более предпочтительным выглядит вариант создания этого памятника при Селевкидах в III в. до н.э.

Селевкидский якорь.

---

³⁰⁸ Иногда, ссылаясь на влияние парфянской иконографии на чеканку Вадфрадада IV, захват Персиды приписывают Митридату I и датируют ок. 141 г. до н.э. [Engels, 2013. P. 80]. Однако поскольку в 140–120-х гг. до н.э. парфянам сначала пришлось вести ожесточенную борьбу за Вавилонию с Харакеной и Элимаидой [Potts, 1990. P. 387–391], а затем отражать натиск саков [Debevoise, 1969. P. 35–38], любая дата завоевания Персиды ранее конца 20-х гг. II в. до н.э. выглядят маловероятной.

Уже в ходе первых раскопок на Старой Нисе были обнаружены терракотовые плиты («метопы») с изображениями селевкидского якоря [Пилипко, 2001. С. 28, рис. 16]. Позднее стало ясно, что они использовались в архитектурном оформлении ЗКЗ и БС [Пилипко, 2001. С. 239]. Однако с самим якорем такой ясности не наблюдается до настоящего времени.

Так, первый раскопщик Старой Нисы А.А. Марущенко, считавший, что открытые им артефакты относятся к парфянской эпохе [Пилипко, 2001. С. 13], осмыслил якорь как «весы» зороастрийского бога справедливости Рашна [Чунакова, 2004. С. 189] для взвешивания душ людей [Марущенко, 2001. С. 409, 411]. М.Е. Массон назвал «якорь» мнимым и сравнил его с эмблемой культа Атаргатис [Массон, 1949. С. 44]. Г.А. Пугаченкова утверждала, что старонисийский якорь «несколько напоминает» якорь на монетах Селевка I Никатора и видела в нем демонстрацию генеалогических связей между Аршакидами и Селевкидами и, одновременно, родовую тамгу Аршакидов [Пугаченкова, 1949. С. 219; 1958. С. 97]. Аналогичного мнения первоначально придерживался и Г.А. Кошеленко [Кошеленко, 1977. С. 60], который впоследствии признал в якоря бесспорно селевкидский символ [Бонгард-Левин, Кошеленко, 2005. С. 143, прим. 68].

Так что же изображал знак на «метопах» из Старой Нисы? Следует обратить внимание на два важных момента: во-первых, веретено старонисийского якоря расширяется в центре; во-вторых, обращенные вверх лапы якоря доходят как раз до этого места [Балахванцев, 2017. С. 92, рис. 14]. Поскольку точно такие же черты характерны для изображений селевкидского якоря [Pfrommer, 1993. P. 23], то иконография недвусмысленно свидетельствует о том, что якорь из Старой Нисы принадлежит к их числу.

Но каким образом селевкидский якорь мог попасть в династический культовый центр Аршакидов, которым обычно считают Старую Нису? Х.

фон Галль связывал использование селевкидского якоря с появлением при парфянском дворе селевкидской принцессы [Gall, 1980. S. 249]. М. Пфроммер также признавал роль междинастических браков и считал, что в данном случае селевкидский якорь выражает претензию Аршакидов на селевкидское наследство [Pfrommer, 1993. P. 25, 26, 82, not. 254; ср. Лапшин, 1999. С. 83]. Существует предположение, что селевкидский якорь был заимствован парфянами как один из символов царской власти и в течение долгого времени присутствовал на аршакидских монетах [Пилипко, 2000. С. 111; Invernizzi, 2007. P. 172; 2011. P. 660; Kosmin, 2014. P. 257, 356, not. 25).

Однако ни с одним из этих объяснений невозможно согласиться. Дело в том, что селевкидский якорь сначала был, как свидетельствуют античные авторы (*App. Syr.* 286–287; *Iust.* XV. 4. 4–9), личным символом Селевка I. Уже с 311 г. до н.э. он появляется на монетах, выпущенных им в Вавилонии [Houghton, Lorber, 2002a. P. 5–6]. Значение этого символа было хорошо понятно и сторонникам, и противникам Селевка: именно поэтому во время борьбы за Вавилонию по приказу Антигона Одноглазого и Деметрия Полиоркета ненавистный им знак выскрабливали с монет. После смерти Селевка I якорь превратился в эмблему основанной им династии [Babelon, 1890. P. VII–VIII; Mc Dowell, 1935. P. 30, 163–164; Newell, 1941. P. 192–193].

Селевкидский якорь присутствовал в чекане Селевка I [Houghton, Lorber, 2002a. P. 22, 62, 64, 76, 88, 99, 101, 102, 106, 107, 474], Антиоха I [Houghton, Lorber, 2002a. P. 135, 138–139, 147], Антиоха II [Houghton, Lorber, 2002a. P. 189], в период междуцарствия в 246–244 гг. до н.э. [Houghton, Lorber, 2002a. P. 228], Селевка II [Houghton, Lorber, 2002a. P. 244, 273], Антиоха III [Houghton, Lorber, 2002a. P. 414, 469], Селевка IV [Houghton et al., 2008. P. 26], Антиоха IV [Houghton et al., 2008. P. 56, 60, 69, 78], Деметрия I [Houghton et al., 2008. P. 205], Александра I Балы [Houghton

et al., 2008. P. 233–234, 251, 255], Деметрия II Никатора [Houghton et al., 2008. P. 265, 288–289, 292], Антиоха VI [Houghton et al., 2008. P. 328–329], Антиоха VII [Houghton et al., 2008. P. 392], Александра II Забины [Houghton et al., 2008. P. 452–453, 454].

Он активно использовался на печатях должностных лиц [Mc Dowell, 1935. P. 33–34, 127; Canali De Rossi, 2004. P. 80] и при надчеканке как чужеземной, так и собственно селевкидской монеты, вновь пускаемой в обращение [Seyrig, 1958. P. 190, 196; Kritt et al., 2000. P. 95; Houghton, Lorber, 2002b. P. 47–50, 51–54, 56, 57, 61, 62, 63, 66–71]. Наличие селевкидского якоря на эталонах веса Селевка VI и Антиоха X [Weiss, Ehling, 2006. S. 370, abb. 2, 3] свидетельствует о том, что он сохранял свое значение династического символа вплоть до падения Селевкидов.

Мог ли подобный символ заимствоваться другими эллинистическими династиями? В III–II вв. до н.э. селевкидские принцессы не раз вступали в династические браки с представителями правящих домов Египта, Македонии, Пергама, Каппадокии, Софены и Понта³⁰⁹. Так, Антиох I Сотер выдал свою дочь Стратонику за наследника македонского трона Деметрия (*Ios. Ap. I. 207*). Представительница династии Селевкидов Антиохида стала матерью Аттала I Пергамского (*Strab. XII. 4. 2*). Дочь Антиоха III Клеопатра Сира вышла замуж за Птолемея V (*Polyb. XXVIII. 20. 9*). Селевк IV отдал свою дочь Лаодику в жены последнему македонскому царю Персею (*Polyb. XXV. 4. 10*). Однако ни один из этих браков так и не привел к заимствованию селевкидского якоря монетным чеканом данных стран.

Но как быть с имеющимися в литературе [Mørkholm, 1991. P. 178; Kosmin, 2014. P. 257] упоминаниями о заимствовании селевкидского якоря царями Греко-Бактрии, Элимаиды, Харакены и Иудеи? Начнем с Евтидема

---

³⁰⁹ О браках с иранскими династиями см. выше, глава 3.

Бактрийского. Присутствие селевкидского якоря на одном из выпусков его бронзы объясняется тем, что в 206 г. до н.э. он был вынужден признать номинальную зависимость от Антиоха III Великого [Holt, 1999. P. 132; Kritt et al., 2000. P. 97].

На лицевой стороне монет царя Элимаиды Камнискира II и его супруги Анзазе, выпущенных в 80–70 гг. до н.э. в Селевкии на Гедифонте, действительно встречается изображение якоря [Sellwood, 1983. P. 307, pl. 11, 12; Варданян, 1986. С. 101, табл. I, 1; Vardanian, 1997. P. 161], однако считать его селевкидским нельзя. У данного экземпляра нет утолщения в центральной части веретена, а лапы якоря имеют вид слабоизогнутой дуги. Кроме того, отсутствует такая необходимая – и всегда представленная у селевкидского – часть якоря, как рым, т.е. кольцо, соединяющее веретено с якорной цепью. Что же касается символа, помещенного на монетах последующих правителей Элимаиды [Sellwood, 1983. Pl. 12, 3–11; Варданян, 1986. Табл. I, 3–12, II, 13–15; Vardanian, 1997. P. 161], то он, безусловно, якорем не является³¹⁰.

Наконец, «якорь» на бронзовых монетах Гиспаосина не следует воспринимать как попытку бывшего селевкидского наместника представить себя законным наследником прежних сюзеренов [Kosmin, 2013a. P. 71], или даже как претензию на талассократию³¹¹. Из-за сходства с элимаидским символом его вообще нельзя считать селевкидским [Le Rider, 1959. P. 231, not. 7].

---

³¹⁰ О селевкидском якоря на сузианском халке первого царя Элимаиды Камнискира I см. ниже прим. 315.

³¹¹ Харакена владела Бахрейном и другими островами в Персидском заливе [Gatier et al., 2002. P. 223–226], а также играла важную роль в морской торговле [Gregoratti, 2011. P. 214–215].

Нам известны только два случая использования селевкидского якоря другими государствами, причем, ни один из них не связан с династическими браками. Действительно, появление селевкидского якоря на афинском серебре «нового стиля» все исследователи трактуют как знак признательности со стороны Афин за оказанные Селевкидами благодеяния. М. Томпсон отнесла афинское серебро с селевкидским якорем к 166/5 г. до н.э. и видела в нем выражение благодарности Антиоху IV [Thompson, 1961. P. 606]. Позднее Х. Хабихт датировал этот выпуск 134/3 г. до н.э., увязав его с эвергетизмом Антиоха VII Сидета [Хабихт, 1999. С. 242]. На бронзовых монетах иудейского царя Александра Янная (103–76 гг. до н.э.) селевкидский якорь [Regev, 2013. Pl. 4] употреблялся как знак продолжения традиции иерусалимского чекана Антиоха VII Сидета [Houghton et al., 2008. P. 392]. Одновременно он воспринимался как символ власти и успеха [Regev, 2013. P. 214]³¹².

Что можно заметить по поводу утверждений о существовании династических браков между Аршакидами и Селевкидами? Прежде всего, следует отметить ошибку Г.А. Пугаченковой, которая приводит женитьбу «Орода на дочери Антиоха» в качестве примера браков парфянских царей с принцессами из дома Селевкидов [Пугаченкова, 1949. С. 219]. В действительности Ород II женился на дочери царя Коммагены Антиоха I Теоса Филоромея (*Dio Cass.* XLIX. 23. 4). Династия коммагенских правителей возводила свое происхождение к знатному иранскому роду Оронтидов [Балахванцев, 2014б. С. 307], поэтому причислять коммагенскую царевну к Селевкидам нет никаких оснований.

---

³¹² Трактовка употребления селевкидского якоря в качестве своеобразной компенсации за отсутствие у Хасмонеев власти на море [Regev, 2013. P. 214] представляется абсолютно произвольной.

После исключения этого аргумента в нашем распоряжении не остается ни одного факта, свидетельствующего о заключении династических браков между двумя правящими домами: ведь нельзя же относить к таковым вынужденную³¹³ женитьбу попавшего в парфянский плен Деметрия II Никатора на царевне Родогуне, сестре Фраата II (*App. Syr.* 356; *Iust.* XXXVIII. 9. 3). Действительно, династический брак заключается между представителями двух правящих фамилий как средство скрепления военного и (или) политического союза. Но находившийся в парфянском плену Деметрий не мог в тот момент представлять не только дом Селевкидов, но даже и самого себя. По той же самой причине нельзя считать династическим браком и женитьбу Фраата II на дочери Деметрия II Лаодике, захваченной парфянами после разгрома Антиоха VII Сидета (*Iust.* XXXVIII. 10. 10; *Porphyr.* FGrH 260 F 32.20).

Что же касается изображения якоря на парфянских монетах, то с этим дело обстоит следующим образом. На первых аршакидских сериях, выпущенных Аршаком I и Аршаком II, якоря нет. Его нет также на монетах Митридата I, Фраата II и Артабана I. Якорь появляется только на реверсе сузианских халков при Митридате II: сначала в 117/6 г. до н.э. [Le Rider, 1965. P. 86/122, Sellwood, 1980. P. 66/23.9; Assar, 2006b. P. 151], а затем в 112/1 г. до н.э. [Le Rider, 1965. P. 88/128, Sellwood, 1980. P. 75–76/26.30; Assar, 2006b. P. 151]³¹⁴. Но можно ли трактовать два эти случая как знак назревающих серьезных изменений в парфянской государственной идеологии и пропаганде?

---

³¹³ Об этом красноречиво свидетельствуют две совершенные Деметрием попытки побега (*Iust.* XXXVIII. 10. 4–9).

³¹⁴ В последнем случае якорь изображен с обвивающим его дельфином. Такой же тип реверса известен в чекане индо-греческого царя Никия. См.: Voregarachchi, 1991. P. 312.

Для правильного понимания данного факта необходимо учесть, что в Сузах, начиная с захвата города царем Элимаиды Камнискиром I в 147 г. до н.э., ежегодно или почти ежегодно стал меняться тип оборотной стороны местных халков [Le Rider, 1965. P. 389]. Г.А. Кошеленко объяснил это тем, что выпуск сузианской меди осуществлялся хоть и от имени царя, но самим полисом [Кошеленко, 1972. С. 100]. Таким образом, право выбора типа изображения лежало не на царских чиновниках, а на ответственных за выпуск медной монеты городских магистратах. Поэтому присутствие якоря в двух сузианских выпусках свидетельствует не о заимствовании парфянами селевкидской символики, а, скорее, о легкой фронде, которую могли позволить себе граждане Суз по отношению к Аршакидам³¹⁵.

Можно ли считать селевкидским якорем фигуру, находящуюся позади головы царя на лицевой стороне драхм и дихалков Синатрука [Sellwood, 1980. P. 103/34.2–9]? Д. Селлвуд так и не смог однозначно определить, является ли она «якорем» или это символ богини дождя, характерный для выпусков Элимаиды [Sellwood, 1980. P. 101]. Однако сравнение этой фигуры с настоящим селевкидским якорем показывает, что между ними нет ничего общего. Действительно, у «якоря Синатрука» отсутствуют оба штока и утолщение в центре веретена, а расположение горизонтального элемента не позволяет воспринимать его в качестве якорных лап.

Только в правление Орода II (ок. 57–38 гг. до н.э.), когда Селевкиды уже сошли с исторической сцены, якорь, который лишь с натяжкой³¹⁶ можно признать селевкидским, начинает систематически употребляться на

---

³¹⁵ Появление селевкидского якоря на халке Камнискира I [Le Rider, 1965. P. 76/86] объясняется аналогичным образом.

³¹⁶ На якорю, изображенном на парфянских монетах, отсутствует утолщение в центре веретена.

реверсе драхм и дихалков, битых в Михрдаткирте (Старой Нисе) и на других восточных монетных дворах [Sellwood, 1980. P. 150/47.29–34, 153/48.6–12, 155/48. 22–23]. Учитывая, что к этому времени комплекс на Старой Нисе уже давно сложился, монеты Орода никак не могли повлиять на появление «метоп» с селевкидским якорем.

А. Инверницци, вопреки всем приведенным выше данным, настаивает на том, что парфяне заимствовали селевкидский якорь в ряду других символов, как, например, *омфал* с реверса селевкидских монет [Invernizzi, 2011. P. 660, not. 34]. Не говоря уже о крайней странности подобного рода «аргумента», когда одно заимствование «доказывает» другое, заметим, что наш итальянский коллега не обратил внимания на колоссальную разницу в символике двух этих объектов. В самом деле, в отличие от селевкидского якоря, который был политическим символом, присущим только данной династии, *омфал* являлся символом религиозным, одним из атрибутов культа Аполлона. Поэтому не удивительно, что, кроме чеканки Селевкидов³¹⁷, он встречается на монетах Дельф [Mørkholm, 1991. № 204], критского Херсонеса [Mørkholm, 1991. № 226], Пафоса [Mørkholm, 1991. № 62], Кизика [Mørkholm, 1991. № 274a, b], Халкедона [Mørkholm, 1991. № 496, 497], Синопы [Mørkholm, 1991. № 455]. Точно также его заимствование и использование парфянами означало не более чем дружественный жест в сторону эллинских подданных Аршакидов³¹⁸.

---

³¹⁷ Следует вспомнить, что наиболее распространенными типами в державе Селевкидов были отнюдь не монеты с *омфалом*, а тетрадрахмы и драхмы Александра Македонского. Среди драхм на их долю приходилось почти 95% [Le Rider, 1994. P. 470].

³¹⁸ Вместе с тем, сам характер использования священного камня в аршакидской чеканке, в которой *омфал* заменил собой трон-дифрос в качестве сиденья для парфянского лучника (Аршака), может быть, даже

Но заимствование Аршакидами селевкидского якоря могло произойти только в случае коренных изменений в обосновании права этой династии на власть, которое теперь основывалось бы не на завоевании, а на претензии на наследство Александра и Селевка. Естественным выражением этих изменений должно было стать появление селевкидского якоря не просто на стенах сооружений Старой Нисы, а на реверсе аршакидских драхм с соответствующим исчезновением с них парфянского лучника. Этого, как известно, не произошло.

Таким образом, гипотеза о восприятии парфянами селевкидского якоря уже во II в. до н.э. в качестве символа царской власти лишается какой-либо фактической основы и повисает в воздухе. Поэтому единственным возможным объяснением использования «метоп» с изображением селевкидского якоря на стенах ЗКЗ и БС является признание того, что Старая Ниса возникла как династический культовый центр Селевкидов [Балахванцев, 2003. С. 26; 2005б. С. 185; 2015е. С. 85; 2015ж. С. 107]³¹⁹.

Проведенный анализ источников и полученные промежуточные результаты позволяют прийти к следующему заключению. Древнейшие сооружения с колонными базами на Старой Нисе появляются в начале III в. до н.э. Через несколько десятилетий, но не позднее 252–247 гг. до н.э. на старонисийском холме возводятся стены, а на месте первоначальных

помимо желания Митридата I [Sellwood, 1980. P. 29], продемонстрировал всю «глубину» провозглашенной этим царем политики филэллинизма.

³¹⁹ Поэтому мы не можем согласиться с уже не раз высказанным мнением [Lippolis, 2008. P. 370, not. 29; 2013а. P. 70, not. 1; 2014. P. 225, not. 22], что на Старой Нисе не существует археологических материалов, которые можно было бы с уверенностью отнести к селевкидскому периоду. Такие материалы есть, надо лишь суметь их увидеть.

построек возникает Центральный комплекс, о предназначении которого мы можем судить по его архитектурному и скульптурному декору³²⁰. Селевкидский якорь на стенах ЗКЗ и БС, глиняные статуи мужчин и женщин в греческих одеяниях, представлявшие, по всей видимости, богов и богинь олимпийского пантеона, а также членов правящей династии – все это подводит к определению Старой Нисы как династического культового центра Селевкидов. Разумеется, высказывать сейчас какие-либо предположения о существовавшей здесь форме организации царского культа – местной или общегосударственной [Бикерман, 1985. С. 226–234; Sherwin-White, Kuhrt, 1993. P. 202–210] – было бы явно преждевременным.

Дальнейшая история Старой Нисы предстает в следующем виде. После того, как около 238 г. до н.э. Аршак I вторгся в Парфиену, а несколько позднее Диодот I захватил Арейю, Старая Ниса, как и вся Несайя, была отрезана от основной территории державы Селевкидов³²¹. Однако в 230 г. до н.э. Селевк II Каллиник разбил парнов и связь с Несайей

---

³²⁰ Оставляя окончательные оценки на долю искусствоведов, хотелось бы заметить, что глиняная скульптура Старой Нисы не только создана эллинскими мастерами, но и явно предназначалась для правителей-эллинов. Когда же греки работали для парфян, то, подчиняясь вкусам заказчика, они, по словам Д. Шлюмберже, изображали жизнь так, чтобы исключить из нее все случайное [Шлюмберже, 1985. С. 138]. Ярким доказательством справедливости этого тезиса является статуя из Шами. Именно так должна была выглядеть нисийская скульптура, если бы она создавалась по заказу Аршакидов.

³²¹ Учитывая, что в 36–43 гг. н.э. Селевкия на Тигре в одиночку смогла противостоять натиску парфян, существование на протяжении тех же шести – семи лет селевкидского анклава в Несайе выглядит вполне допустимым.

была восстановлена. Данная ситуация повторилась вновь в 217 г. до н.э. О положении в Несайе в этот период можно судить на основании найденных в БКД на Старой Нисе двух свинцовых тетрадрахм Антиоха III местной чеканки [Houghton, Lorber, 2002a. P. 466]. Судя по тому, что портрет царя на этих монетах относится к так называемому типу А, применявшемуся в 223–211 гг. до н.э., а свинец употреблялся при чеканке лишь в самых крайних обстоятельствах [Виноградов, Карышковский, 1983. С. 26, прим. 129; Varag, 1984. P. 1–5], можно прийти к выводу, что Старая Ниса и в 217–211 гг. до н.э. оставалась под контролем Селевкидов [Балахванцев, 2004. С. 14–15], но судьба ее явно висела на волоске³²².

Что же касается Гиркании, Парфиены, в том числе входивших в состав последней Хоарены и Комисены, то, исходя из описания анабасиса Антиоха у Полибия (*Polyb.* X. 28. 7, 29. 2), эти земли, безусловно, были захвачены парнами³²³. Наибольшие споры вызывает определение западных пределов парфянской экспансии. Ряд ученых полагает, что к 209 г. до н.э.

---

³²² Предположение, что эти тетрадрахмы выпустил сам Антиох III около 209–208 гг. до н.э. во время парфянской фазы его восточной кампании [Houghton, Lorber, 2002a. P. 466] кажется нам абсолютно невероятным. Во-первых, непонятным в таком случае становится помещение на этих монетах портрета типа А, когда ок. 211–210 гг. до н.э. был введен новый тип В [Houghton, Lorber, 2002a. P. 359]. Во-вторых, победоносному царю нет нужды опускаться до свинца, особенно после захвата в Экбатанах и превращения в монету около четырех тысяч талантов золота и серебра (*Polyb.* X. 27. 13).

³²³ Утверждение о том, что парны лишь вторгались в эти районы ради грабежа [Sherwin-White, Kuhrt, 1993. P. 197], не имеет опоры в источниках и подвергается справедливой критике [Bernard, 1994. P. 495; Кошеленко, Гайбов, 2012. С. 25, прим. 8].

Аршакиды захватили всю Мидию или ее северо-восточную часть [Rawlinson, 1872. P. 54; Tarn, 1932. P. 576; Debevoise, 1969. P. 16, not. 67; Sellwood, 1980. P. 20, 27; Sherwin-White, Kuhrt, 1993. P. 197; Wolski, 2003. P. 68; Choisnel, 2004. P. 31, 33; Кошеленко, Гаибов, 2012. С. 25]. Обосновывая данную точку зрения, ее адепты ссылаются на разграбление Антиохом III Экбатан [Rawlinson, 1872. P. 54, not. 3], а также на переименование мидийского города Раги в Арсакию [Кошеленко, Гаибов, 2012. С. 30].

Что можно заметить по этому поводу? Начнем с Экбатан. Прежде всего, мы никак не можем согласиться с утверждением о разграблении города: Полибий сообщает только о том, что Антиох с целью пополнения казны конфисковал там храмовые сокровища (*Polyb.* X. 27. 13). Подобным образом царь пытался действовать и в отношении храма Бела в Элимаиде (*Diod.* XXVIII. 3, XXIX. 15; *Strab.* XVI. 1. 18; *Iust.* XXXII. 2. 1), принадлежность которой державе Селевкидов не вызывает никаких сомнений. Таким образом, акция Антиоха в Экбатанах не может служить доказательством захвата города парнами.

Теперь перейдем к Арсакии. Страбон (*Strab.* XI. 13. 6) и следующий ему Стефан Византийский (*Steph. Byz.* s.v. *Ράγα*), отмечающие факт переименования города, не говорят, когда это произошло. Г.А. Кошеленко и В.А. Гаибов полагают, что это случилось в первые годы правления Аршака II, когда тот, воспользовавшись борьбой Антиоха III с мятежным сатрапом Молоном (222–220 гг. до н.э.), захватил восточную часть Мидии [Кошеленко, Гаибов, 2012. С. 29–30]³²⁴.

Однако согласиться с этой гипотезой не представляется возможным. В самом деле, история восстания Молона подробно изложена у Полибия

---

³²⁴ Непонятно, почему авторы приписывают это вторжение Аршаку II, когда, как было показано выше, смерть Аршака I и приход к власти его сына датируется не ранее 214 г. до н.э.

(*Polyb.* V. 40–54). Если бы в то же самое время парны вторглись в Мидию, то это непременно повлияло бы на действия мятежного сатрапа и нашло отражение в повествовании Полибия. Но рассказ последнего не содержит в себе и намека на то, что с востока Молону грозили какие-либо неприятности. Более того, сразу после победы Антиох приказал своим военачальникам отвести бывших солдат Молона в Мидию и привести в порядок дела этой области (*Polyb.* V. 54. 8), а сам сначала занимался устройством верхних сатрапий (*Polyb.* V. 54. 9–13), а затем вторгся в Атропатену (*Polyb.* V. 55. 1–2, 6–10). Такие действия были бы абсолютно невозможны, если бы Раги были захвачены врагом. Поэтому мы склонны согласиться с теми исследователями [Walbank, 1967. P. 232; Bernard, 1994. P. 495], которые ограничивают пределы завоеваний Аршака I на западе Каспийскими воротами. Что же касается Арсакии, то, на наш взгляд, это название обязано своим появлением парфянскому царю Митридату I, который после захвата Мидии переименовал город в честь своего прадеда Аршака I [Балахванцев, 2009. С. 96, 100; 2015а. С. 10].

Восточный поход Антиоха III начался в 209 г. до н.э. Полагают, что царь выступил из Экбатан не раньше весны [Walbank, 1967. P. 232], однако уже в эпоху диadoхов полководцы, стремящиеся застичь противника врасплох, начинали кампанию еще зимой (*Nep. Eum.* 8; *Plut. Eum.* 15). Селевкидская армия прошла через Каспийские ворота и вступила в Хоарену (район Эрадана). От первой фазы похода до нас дошла лишь одна деталь: упоминание Полибием города Каллиопы (*Polyb.* X. 31. 15). Этот полис, основанный Селевком I (*App. Syr.* 298), находился именно в Хоарене (*Plin. NH.* VI. 44) и был занят войсками Антиоха. В ходе дальнейшего марша селевкидская армия, не встречая какого-либо сопротивления, проникла в Комисену.

Причины бездействия Аршака интересовали еще древних историков. Так, согласно Полибию, Аршак надеялся, что Антиох не пойдет

далее уже захваченных Хоарены и Комисены (*Polyb.* X. 28. 1). Но вряд ли можно приписывать правителю парнов образ мыслей ребенка. Скорее всего, на первом этапе похода в пользу Антиоха сыграл фактор внезапности. Однако и в последующем Аршак II не осмелился дать неприятелю бой в открытом поле. Частично это объясняется численным превосходством селевкидской армии, хотя приводимые Юстином числа – 100 000 пехоты и 20 000 всадников (*Iust.* XLI. 5. 7) – явно фантастичны [Debevoise, 1969. P. 17, not. 69; Schmitt, 1964. S. 63, anm. 3]³²⁵. Парны попытались остановить продвижение Антиоха, разрушая подземные каналы (*канаты*) и колодцы (*Polyb.* X. 28. 5–6). Однако это не помогло, и селевкидская армия, пройдя Парфиену, без сопротивления заняла Гекатомпил (Шахр-и Кумис) и продолжила путь к перевалам через горы Лаба³²⁶, ведущим в Гирканию (*Polyb.* X. 29. 1–3). Иногда считают, что Антиох III прошел в Гирканию через перевал Чалчанлян к востоку от хребта Шахкух [Walbank, 1967. P. 238]. Однако расположенный западнее перевал Шемширбур [Мельгунов, 1863. С. 89], использованный еще Александром [Engels, 1978. P. 83; Bosworth, 1980b. P. 341, 349], кажется более предпочтительным вариантом³²⁷.

---

³²⁵ Если учесть, что для решающей битвы с Птолемеем IV при Рафии Антиох III собрал 62 000 пехоты и 6 000 конницы (*Polyb.* V. 79. 13), а в сражении с 10 000 бактрийских всадников на реке Арий победа далась ему ценой огромных усилий (*Polyb.* X. 49. 7–13), то численность селевкидской кавалерии в восточном походе, скорее всего, не превышала 10–12 000 человек.

³²⁶ Местные жители еще в XIX веке называли эту часть Эльбурса горами Лапут (Лабут). См.: Бодэ, 1856а. С. 131.

³²⁷ Ср. [Pédech, 1958. P. 77], где не исключается ни один вариант.

Именно здесь Антиох впервые встретил серьезное сопротивление. Часто приходится сталкиваться с мнением, что основным его противником в горах и самой Гиркании были парфяне [Debevoise, 1969. P. 17–18; Бокщанин, 1960. С. 202–203; Кошеленко, Гаибов, 2012. С. 26; Colu, 2013b. P. 31], и даже – что резня греков в Сиринке была организована по приказу Аршака [Wolski, 2003. P. 68]. Однако данные точки зрения не имеют опоры в тексте Полибия, который именует врагов Антиоха просто варварами (*Polyb.* X. 29–31). Скорее всего, ими были те самые тапуры и, возможно, марды, с которыми пришлось сражаться еще Александру (*Arr. Anab.* III. 23–24). Сломив их сопротивление и перейдя через горы, Антиох занял гирканские города Тамбрак и Сиринк, находящиеся в окрестностях Астрабада – современного Горгана [Дорн, 1875. С. 73; Pédech, 1958. P. 79–80; Walbank, 1967. P. 241], а также Ахриану (*Polyb.* X. 31. 14).

О маршруте дальнейшего продвижения селевкидской армии можно судить по следующим данным. Сохранившийся в сочинении Полибия рассказ о водопаде на Оксе и апасиаках (*Polyb.* X. 48) позволяет предположить, что Аршаку II пришлось пойти по стопам своего отца (*Strab.* XI. 8. 8) и воспользоваться их «гостеприимством» [Niese, 1899. S. 398–399]. Но бегство Аршака за Окс (Узбой) объяснимо лишь в том случае, если Антиох дошел, как минимум, до долины Атрека. Действительно, сокровище ок. 209 г. до н.э. к северу от Боджнурда клада, состоявшего из более чем 1 500 драхм Александра, Филиппа Арридея, Лисимаха, Антиоха II (?), Диодота, Аршака I и Аршака II [Abgarians, Sellwood, 1971. P. 103–118], свидетельствует о том, что жители данного региона чувствовали надвигавшуюся на них военную угрозу. Таким образом, можно прийти к выводу, что в результате победоносного похода Антиох III очистил от парнов всю Гирканию и Парфиену. Победителю достался основанный Аршаком I в качестве своей резиденции город Дара (*Iust.* XLI. 5. 2–4). Была восстановлена связь и с Несайей [Балахванцев, 2015а. С. 11].

В чем же заключается причина столь быстрого и сокрушительного поражения Аршака? На наш взгляд, оно – кроме внезапности нападения Антиоха и его явного превосходства в силах – объясняется характером власти парнов на захваченных землях. Об этом можно судить не только по уже не раз упоминавшимся словам Страбона (*Strab.* XI. 9. 2), но и по попыткам Аршака задержать продвижение селевкидской армии. Он мог бросить против Антиоха свою превосходную конницу, чтобы она тревожила вражескую пехоту на марше и нападала на отряды фуражиров. Однако Аршак не захотел рисковать своими соплеменниками и вместо этого прибегнул к тактике «выжженной земли».

Эти действия наглядно продемонстрировали, что Аршак заботился только о парнах, что его власть в Парфиене и Гиркании была просто военной оккупацией. Естественным следствием подобного порядка вещей оказалось отсутствие поддержки³²⁸ со стороны даже того местного населения, которое сохранило свою землю во время парнского завоевания. В самом деле, отданный Аршаком приказ о разрушении *канатов* и колодцев, являвшихся основой ирригации в Парфиене³²⁹, обрекал здешних

---

³²⁸ Единственным исключением стали дикие горные племена тапуров и, возможно, мардов, которые, впрочем, выступали не столько за Аршака, сколько против любого, кто пытался проникнуть в их родные края.

³²⁹ О роли таких подземных каналов в водоснабжении территорий, прилегающих к центральным пустыням Ирана, см.: [Петров, 1955. С. 83–84; Walbank, 1967. P. 236; Trinkaus, 1983. P. 126–127, fig. 1; Plischke, 2014. S. 83–86]. Предположение, что раз Антиох III двигался через пустыню, то, следовательно, данная система в Парфиене в это время практически не функционировала [Turpin, 2009. P. 111] не выдерживает никакой критики:

крестьян на разорение и голодную смерть. В такой ситуации они должны были ждать прихода войск Антиоха как избавления от неминуемой гибели.

Отдельно стоит упомянуть об отношениях между Аршаком II и эллинами. Хотя нет оснований считать, что резня греков в Сиринке (*Polyb.* X. 31. 11) была организована по приказу Аршака II [Wolski, 2003. P. 68; ср. Bennett, Roberts, 2012. P. 109], последний нес за нее полную политическую ответственность, так как это было делом рук его фактических союзников. Поэтому не будет слишком рискованным предположить, что эллины воспринимали парнов и их вождя как своих злейших врагов [Балахванцев, 2015в. С. 62].

Не позднее зимы 209–208 г. до н.э. Антиох III заключил с Аршаком мир, об условиях которого Юстин сообщает лишь то, что Аршак стал союзником Селевкидов (*Iust.* XLI. 5. 7). Нарочитая неясность употребленного в эпитоме Помпея Трога выражения – *societatem* – создала почву для появления многочисленных интерпретаций. В литературе превалирует тенденция приуменьшать последствия военного поражения для Аршака II. Так, высказываются мнения, что Парфия была приведена в состояние «технического вассалитета» [Green, 1990. P. 294, map 18], что Антиох признал независимость Парфии [Rawlinson, 1872. P. 57], что парфяне потеряли только южные предгорья в районе Нишапура [Boyse, 1994. P. 247] или одну Гирканию [Strootman, 2017. P. 187], что селевкидский суверенитет над Парфией был лишь номинальным, и за Аршаком сохранился царский титул [Бокщанин, 1960. С. 203; Schmitt, 1964. S. 63; Schippmann, 1980. S. 21; Brosius, 2006. P. 86], что победы Антиоха III, по сути, были бесплодны [Musti, 1984. P. 213], что Антиоху пришлось заключить компромиссный мир [Grainger, 2015. P. 66], что парфяне

поход через пустыню не только не исключает, но даже и предполагает существование в ней оазисов.

сохранили независимость своего царства [Gaslain, 2006. P. 246]. Дальше всех в этом направлении зашел Й. Вольский, без каких-либо оговорок заявивший о победе, одержанной... Аршаком II [Wolski, 2003. P. 48, 65, not. 109]!

Все это не имеет никакого отношения к действительности. У Антиоха явно не было причин выдавать Аршаку премию за мятеж в виде уступки только что отвоеванных селевкидских территорий. Напротив, для более прочного закрепления за Селевкидами Парфии и Гиркании Антиох III³³⁰ открыл новый монетный двор. Он был расположен восточнее Экбатан и помечал свою продукцию монограммой $\overline{\text{AP}}$, состоявшей из *кси*, *альфы* и *ро*. А. Хоутон, К. Лорбер и О. Гувер полагают, что этот двор мог находиться в Рагах, Хараксе или Гекатомпиле [Houghton et al., 2008. P. 32, 121, 694]. Однако определенное сходство выпускаемых на нем драхм с раннеаршакидским чеканом³³¹ делает, на наш взгляд, наиболее убедительной локализацию данного двора именно в Гекатомпиле. Возможно, что открытие этого двора было связано с размещением в Гекатомпиле селевкидского гарнизона, на оплату которого и предназначалась выпускаемая в столице сатрапии монета.

---

³³⁰ Судя по тому, что на самых ранних выпусках использовался портрет царя типа В, производство было организовано сразу после победы над Аршаком II в 209 г. до н.э. [Houghton et al., 2008. P. 694].

³³¹ Как Аполлон, так и парфянский лучник держат в руке *сложносоставной* лук. Данное обстоятельство свидетельствует не просто о расположении этого двора в пограничном с Парфией регионе [Houghton et al., 2008. P. 694], но о том, что селевкидская чеканка продолжалась на том же монетном дворе, который ранее работал для Аршака I и Аршака II, т.е. – в Гекатомпиле.

В сложившейся ситуации парны смогли лишь сохранить за собой те земли на Сумбаре и Атреке, которые они занимали накануне первого вторжения в Парфиену [Балахванцев, 2015а. С. 12]³³². Аршак II был вынужден признать селевкидское господство, платить дань [Ghirshman, 1976. P. 216; Choisnel, 2004. P. 33], посылать своих воинов в армию Антиоха (*Liv.* XXXVII. 40. 8; *App. Syr.* 167)³³³ и в знак утраты суверенитета прекратить монетную чеканку [Sellwood, 1980. P. 25]. Столь часто дебатированный в науке вопрос – сохранил ли Аршак II царский титул [Кошеленко, Гаибов, 2012. С. 31–32; Grainger, 2015. P. 69] – вообще является беспредметным. Ни текст Полибия (*Polyb.* X. 28–29), ни выпущенные самим Аршаком II монеты [Sellwood, 1980. P. 26–27] не позволяют считать, что он когда-либо обладал титулом ΒΑΣΙΛΕΥΣ. Таким образом, даже если согласиться с Юстином–Трогом и признать заключение союза между Антиохом III и Аршаком II, надо все-таки помнить, что это был союз всадника и лошади.

---

³³² Ср.: Grainger, 2015. P. 69; Strootman, 2017. P. 193.

³³³ Мнение, что это опять были наемники [Briscoe, 1981. P. 211–212; Tuplin, 2014. P. 272], не только не имеет никакой опоры в источниках, но и явно противоречит здравому смыслу [Балахванцев, 2000а. С. 203–204].

Глава 7

Темное двадцатипятилетие

Трудно сказать, сколь еще долго парны оставались бы под властью Селевкидов, если бы Антиох III не потерпел катастрофического поражения от римлян при Магнесии в 190 г. до н.э. После подписания с Римом Апамейского мира в 188 г. до н.э. Антиох III навсегда потерял всю Малую Азию к северу и востоку от Тавра, что серьезно ослабило державу Селевкидов. Однако мы ничего не знаем о попытках парнов воспользоваться столь благоприятно сложившимися для них обстоятельствами. Очевидно, память о поражениях Аршака I и Аршака II была еще слишком свежа.

В истории Парфии наступает темное двадцатипятилетие (189–164 гг. до н.э.), на которое приходится правление Фрияпатия (ок. 191–176 гг. до н.э.)³³⁴, Фраата I (ок. 176–171 гг. до н.э.) и Митридата I. О первом из них неизвестно ничего, кроме имени, и того, что он правил пятнадцать лет (*Iust.* XLI. 5. 8–9). Тем не менее, попробуем определить его место в генеалогической схеме ранних Аршакидов. Для этого необходимо, опираясь на данные текста Юстина и парфянских официальных документов, установить подлинную генеалогию правителей Парфии – от Аршака I до Митридата II включительно.

---

³³⁴ Неизвестно, когда закончилось правление предшественника Фрияпатия, Аршака II. Замечание Юстина, согласно которому Аршак I умер весьма пожилым человеком (*Iust.* XLI. 5. 5), позволяет предположить, что его сын принял власть ок. 214 г. до н.э. уже в зрелом возрасте. Однако дожил ли он до Апамейского мира или нет, сказать с уверенностью нельзя. Необходимо отметить, что все приводимые здесь даты правлений ранних Аршакидов являются условными.

Итак, первым правителем Парфии был Аршак I, которому наследовал его сын Аршак II (*Iust.* XLI. 5. 7). Однако Юстин ничего не говорит нам о характере родственных отношений между Аршаком II и третьим парфянским «царем» Фрияпатием (*Iust.* XLI. 5. 8). Й. Вольский, обратив внимание на то, что у Юстина Аршак I является прадедом сына Фрияпатия Митридата I (*Iust.* XLI. 6. 9), посчитал, что Фрияпатий был сыном Аршака II [Wolski, 1962. P. 145, not. 25]. Но за два года до выхода в свет статьи Й. Вольского был опубликован найденный при раскопках на Старой Нисе остракон № 1760, который гласил следующее: «Год 157, царь Аршак, внук Фрияпатака, сына племянника Аршака» [Дьяконов, Лившиц, 1960а. С. 20; *PEDN* 2638]. Опираясь на этот документ [Балахванцев, 2017. С. 99, рис. 15], Г.А. Кошеленко пришел к выводу о том, что прямая линия наследников Аршака I прекратилась на его сыне Аршаке II, а все последующие правители Парфии были потомками Фрияпатия, являвшегося, в свою очередь, внучатым племянником Аршака I [Кошеленко, 1976. С. 33].

Однако здесь сразу же возникает вопрос, который в статье Г.А. Кошеленко так и остался без ответа: как в таком случае быть с уже упоминавшимся указанием Юстина на прямое родство между Аршаком I и Митридатом I? В тексте Юстина Аршак I обозначается как *proavus* Митридата I. Слово *proavus* имеет два основных значения: «прадед» и, более широкое, «прямой предок» (OLD. s.v. *proavus*). В каком же значении употреблено это слово у Юстина? Анализ употребления этого слова у различных римских авторов показывает, что *proavus* в значении «прямой предок» употребляется в основном у поэтов и лишь однажды – у Цицерона. Напротив, в значении «прадед» это слово используется как в стихах, так и в прозе³³⁵. Не менее важным является и тот факт, что, говоря о предках, сам

---

³³⁵ Подробнее см.: Балахванцев, 2009. С. 95.

Юстин постоянно пользуется апеллятивом *maiores* (*Iust.* VII. 5. 12; IX. 4. 4; XI. 4. 6, 15. 15; XII. 16. 3; XXX. 4. 13, 15; XXXI. 8. 4; XXXVIII. 6. 4, 7. 1; XXXIX. 3. 7), а в двух случаях – чтобы охватить не только прямых предков – *parentes* (*Iust.* XLII. 2. 3, 5). Все это вместе взятое позволяет прийти к выводу о том, что *proavus* у Юстина следует понимать как «прадед».

Стремясь опровергнуть прямое родство между Аршаком I и Фрияпатием, самое пристальное внимание слову *proavus* уделил Г. Ассар [Assar, 2004. P. 84–85]. Прежде всего, иранский исследователь предположил, что Трог, Юстин или один из переписчиков перепутал *proavus* с *propatruus*. Однако эта версия «аргументируется» лишь перечислением действительных и мнимых ошибок Юстина в вопросах родственных связей и поэтому не может быть принята. Затем Г. Ассар замечает, что *proavus* может означать прадеда с материнской стороны. Но этот довод блестяще опровергается приводимыми самим автором примерами из династической истории Ахеменидов. Так, Ксеркс, будучи сыном Атоссы, дочери Кира Великого, нигде не называет последнего своим дедом. Таковым везде именуется его дед с отцовской стороны Аршама, который никогда не был царем. От себя добавим, что в эпитоме Помпея Трога счет предков по отцовской линии применяется не только у Ахеменидов (*Iust.* V. 1. 7), но и у Митридатидов (*Iust.* XXXVIII. 5. 3, 6. 2). Не останавливаясь на третьем замечании Г. Ассара, согласно которому *proavus* мог означать отдаленного предка, перейдем к четвертому предположению: возможно, Тиридат усыновил малолетнего сына Аршака I. Не говоря уже о том, что в наших источниках на это нет и намека, практика усыновления, столь типичная для древнего Рима, среди старших Аршакидов никогда не применялась.

Против утверждения Г.А. Кошеленко о прекращении прямой линии потомков Аршака I уже на его сыне Аршаке II свидетельствует и опубликованный В.А. Лившицем остракон из Старой Нисы № 2-L, в

первых двух строчках которого упоминается «Аршак царь, сын внука Аршака» [Livshits, 2006. P. 401]. В.А. Лившиц полагает, что этого Аршакида можно отождествить либо с Фраатом I, либо с Митридатом I, либо с Артабаном I. Заметим, что Фраата I из этого списка можно смело исключить, так как Старая Ниса перешла в руки Аршакидов только при Митридате I [Балахванцев, 2005б. С. 182–187]. Как нам уже приходилось отмечать, остракон № 2-L относится именно к правлению последнего.

Итак, остракон № 2-L хорошо согласуется с данными эпитафии Помпея Трога. Но как в таком случае быть с остраконом № 1760 = *PEDN* 2638? Представляется, что все исследователи, обращавшиеся к этому источнику, допустили ошибку, отождествив упоминаемого в надписи Фрияпатака с Фрияпатием Трога–Юстина³³⁶. Дело в том, что хотя оба этих имени близки друг другу, но, тем не менее, не являются тождественными. Имя Фрияпатак / Friyarātak представляет собой гипокористик к иранскому имени Фрияпат / Friyarāt [Diakonoff, Livschits, 2001. P. 200]. Подобные словообразования в парфянской ономастике встречаются довольно часто: как среди царских имен – Фраат и Фраатак (*Dio Cass.* LIV. 8. 1, LV. 20), так и среди имен, упоминающихся на нисийских остраконах – Artadāt и Artadātak, Mihrdāt и Mihrdātak, Sāsān и Sāsānak, Srōšdāt и Srōšdātak [Diakonoff, Livschits, 2001. P. 186, 197, 203].

Итак, ничто не мешает считать, что Фрияпатий был либо сыном, либо – что гораздо менее вероятно – племянником Аршака II, а Фрияпатак, соответственно, приходился Фрияпатию троюродным братом. Однако не

---

³³⁶ Дьяконов, Лившиц, 1960а. С. 20; Bickerman, 1966b. P. 15–16; Кошеленко, 1976. С. 31; Луконин, 1987. С. 238; Simonetta, 2001. P. 75, 78; Assar, 2004. P. 74; 2005. P. 36; Пилипко, 2005. С. 567; Лившиц, 2010. С. 134. Определенные сомнения по поводу отождествления двух этих персонажей выражала только М.-Л. Шомон [Chaumont, 1971. P. 157].

менее важным вопросом является то, сколько сыновей было у Фрияпатия. Дело в том, что в сорок первой книге эпитомы говорится, что Фрияпатий оставил только двух сыновей: Фраата I и Митридата I (*Iust.* XLI. 5. 9), а в сорок второй – указывается, что на смену Фраату II, сыну Митридата I, пришел его дядя по отцу – *patruus* Артабан I (*Iust.* XLII. 2. 1). Налицо очевидное противоречие, которое, к сожалению, часто не учитывается: или у Фрияпатия было только два сына, но тогда Артабан не мог быть дядей Фраата II по отцу, или Юстин напутал с числом детей Фрияпатия³³⁷.

На наш взгляд, первый вариант выглядит более вероятным. Дело в том, что при сокращении Юстином текста Помпея Трога с родственными связями упоминаемых в нем персонажей происходили довольно причудливые изменения. Так, Селевкид Деметрий I Сотер приходился племянником Антиоху IV Епифану и двоюродным братом – малолетнему сыну последнего Антиоху V Евпатору. Однако в эпитоме Деметрий стал братом Антиоху IV и дядей по отцу Антиоху V (*Iust.* XXXIV. 3. 6). Очевидно, данная метаморфоза была вызвана тем, что сначала эпитоматор

---

³³⁷ Обычно исследователи идут по пути увеличения числа детей Фрияпатия: Кошеленко, 1976. С. 33; Chaumont, 1971. P. 150; Schottky, 1991. Abb. 17, stammtaf. VII; Пилипко, 2005. С. 563. Особенно «щедрым» в этом отношении оказался Г. Ассар, который кроме Фраата I и Митридата I приписал Фрияпатию еще трех сыновей: Багасиса, Артабана I и Митридата II [Assar, 2005. P. 55]. По поводу первого из них следует заметить, что, действительно, в вавилонских астрономических документах неоднократно (под 138, 135, 133, 120 гг. до н.э.) упоминается высокопоставленный парфянский придворный Багасис. Наличие у него титула «брата царя», заимствованного Аршакидами из селевкидского придворного протокола [Бикерман, 1985. С. 42–43], разумеется, не означало, что Багасис был родным братом правивших тогда Фраата II или Артабана I.

исключил из сочинения Трога рассказ о правлении старшего брата Антиоха IV Селевка IV. Но, поскольку генеалогия «не терпит пустоты», то изъятие Селевка IV повлекло за собой перемещение на одно поколение вверх его сына со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Еще более серьезной переработке подверглась родословная царей Эпира. Юстин элиминировал всю историю междоусобной борьбы двух ветвей царского дома – потомков Неоптолема II и Аррибы. В результате работы эпитоматора Арриба из брата Неоптолема превратился в двоюродного брата – *frater patruelis* – его дочери Олимпиады (*Iust.* VII. 6. 11), жены Филиппа и матери Александра Македонского. Сын Аррибы Эакид приходился кузенom – *frater patruelis* – знаменитому Александру Эпирскому, но в эпитоме стал его родным братом (*Iust.* XVII. 3. 16)³³⁸.

---

³³⁸ Иногда высказывается мнение [Bailey, 1977. P. 148], что под апеллятивом *frater* может скрываться «двоюродный брат». Между тем, если оставить в стороне поэтические сочинения, в которых словоупотребление подчинено требованиям просодии и метрики, то становится ясно, что эпизодическое использование римскими авторами слова *frater* для обозначения кузена, носило заведомо неточный, упрощенный характер и полностью зависело от специфики текста. Так, Марк Туллий Цицерон в письме к своему ближайшему другу Титу Помпонию Аттику называет «братьями» племянника Квинта и сына Марка (*Cic. Att.* XII. 12. 1). По воле Квинта Курция Руфа, обреченный на смерть Филота, произносящий свою последнюю речь перед войсковым собранием, называет царевича Аминту, сына Пердикки, братом Александра Македонского (*Curt.* VI. 10. 24). Понятно, что и в том, и в другом случае подобное упрощение было вполне допустимо: ведь оно не могло ввести в заблуждение ни корреспондента Цицерона, ни слушавших Филоту воинов. Однако в историческом

Видимо, Юстин вычеркнул слово *patruelis*, в результате чего Александр превратился в родного брата – *frater* – Эакида и стал дядей по отцу – *patruus* – для сына Эакида Пирра (*Iust.* XVIII. 1. 2).

Анализ двух этих случаев позволяет нам прийти к выводу, что работа Юстина над текстом Трога шла, как минимум, в два этапа: сначала эпитоматор сокращал «Филипповы истории», выкидывая все, на его взгляд, маловажное или не доставляющее удовольствия, а затем редактировал измененный текст с целью избавления от возникших на первом этапе противоречий. Впрочем, как мы видим на примере Артабана I, это, к счастью, удавалось Юстину далеко не всегда.

Приведенные примеры позволяют предположить, что в сорок первой книге Помпея Трога Артабан I именовался *frater patruelis* Митридата I. Сначала эпитоматор оставил только слово «брат», что автоматически сделало Артабана дядей Фраата II. Однако, затем Юстин спохватился, что в одной и той же книге содержатся два противоречащих друг другу утверждения, и вообще избавился от Артабана, не заметив, что в сокращении сорок второй книги Артабан так и остался дядей Фраата.

Таким образом, Артабан I был не сыном, а племянником Фрияпатия. Следовательно, вплоть до 91 г. до н.э., когда умер сын и наследник Артабана I Митридат II³³⁹, парфянский трон занимали прямые потомки Аршака I³⁴⁰ и Аршака II³⁴¹.

сочинении Помпея Трога, где уделяется большое внимание родственным связям действующих лиц, *frater* мог означать только «родной брат».

³³⁹ Опираясь на содержащееся в вавилонских астрономических документах упоминание о смерти Артабана, брата Митридата II, Г. Ассар [Assar, 2005. P. 51–52] посчитал, что в аккадском тексте речь идет о царе Артабане I. На наш взгляд, между эпитомой Трога и вавилонским источником нет никаких противоречий, а упомянутый в последнем

Теперь, определив занимаемое Фрияпатием положение в кругу ранних Аршакидов, перейдем к его старшему сыну Фраату I. Из событий, происходивших во время его недолгого правления, в истории сохранилась только одержанная им победа над племенем мардов (*Iust.* XLI. 5. 9). Обычно эта война в лучшем случае лишь бегло упоминается в научных трудах [Дьяконов, 1961. С. 182; Frye, 1984. P. 210; Гаибов и др., 1992. С. 40; Sherwin-White, Kuhrt, 1993. P. 88; Wickevoort Crommelin, 1998. S. 267], а,

---

Артабан был отнюдь не парфянским царем Артабаном I, а его одноименным сыном, возможно, погибшим в той самой битве с тохарами, в которой смертельную рану получил и его отец.

³⁴⁰ Однако в 91 г. до н.э., как это явствует из нисийского остракона № 1760, царем стал внук Фрияпатака, внучатого племянника Аршака I. Началась борьба за престол между прямыми потомками Аршака I и представителями боковой линии, возводившими свое происхождение к его брату, которого мы, вслед за Г.А. Кошеленко [Кошеленко, 1976. С. 34–36], склонны называть Тиридатом. Не касаясь сейчас того, как протекала эта борьба, обстоятельства которой все еще недостаточно ясны [Simonetta, 2001. P. 78–79, 105–107], отметим, что в конце концов победу в ней одержали потомки Фрияпатака. Так, остракон № 2640 (Nov. 307), относящийся к 68/67 г. до н.э., упоминает царя Аршака, правнука Фрияпатака [Дьяконов, Лившиц, 1966. С. 143–144, прим. 28; *PEDN* 2640], которым мог быть только Фраат III. До Фраата III на парфянском троне восседал его отец Синатрук (*App. Mithr.* 486), который, стало быть, приходился Фрияпатаку внуком [Балахванцев, 2017. С. 101, рис. 16].

³⁴¹ Именно этим можно объяснить тот факт, что в написанной в начале I в. до н.э. «Парфике» Аполлодора Артемитского [Балахванцев, 2009. С. 99] и в эпитоме Помпея Трога Аршак II представлен достойным наследником своего великого отца (*Iust.* XLI. 5. 7).

между тем, более тщательный анализ данного сюжета способен как уточнить наши представления о тогдашних границах Парфии, так и пролить свет на причины ее будущего могущества.

Начнем с мардов, или амардов³⁴². Античные авторы фиксируют это ираноязычное [Грантовский, 2007. С. 86, прим. 7] племя в различных местах Армянского и Иранского нагорий, а также – Средней Азии. В Прикаспийском районе их обычно локализуют между дельтами Сефидруда (Амарда) и Хераза [Andreas, 1894. Sp. 1729; Kiessling, 1916. Sp. 479–480; Bosworth, 1980b. P. 351–352; Дьяконов, 2008. С. 238, 457, прим. 14]. Попробуем определить область обитания мардов более точно. Ближайшими соседями мардов были тапуры, что позволило Александру Македонскому поручить оба народа одному сатрапу (*Curt.* VI. 4. 25, 5. 21; *Arr. Anab.* III. 24. 3)³⁴³. Судя по тому, что греческие наемники Дария после его ареста в парфянском селении Фара (*Iust.* XI. 15. 1), расположенном в окрестностях современного Ласджерда [Bosworth, 1980b. P. 341], бежали оттуда в горы к тапурам (*Arr. Anab.* III. 21. 4, 23. 1), последние занимали отроги хребтов Каракач и Сефидкух [Bosworth, 1980b. P. 349]. Следовательно, мардам можно отдать горные районы к западу от хребта Каракач. Поскольку историки Александра описывали страну мардов как лесистую, горную и труднодоступную местность (*Diod.* XVII. 76. 4; *Curt.* VI. 5. 12–20; *Arr. Anab.* III. 24. 2–3), куда македоняне смогли пройти лишь

---

³⁴² Основной – как и в случае с парнами – являлась форма без а- [Грантовский, 2007. С. 86]. Возможно, что данный апеллятив был, по крайней мере, сначала не этнонимом, а уничижительным наименованием для диких горцев [Грантовский, 2007. С. 428; Дьяконов, 2008. С. 476].

³⁴³ Аналогичная ситуация имела место и в середине XIX века, когда горные районы Астрабадской провинции были объединены в один округ [Боде, 1856в. С. 112].

по побережью Гиркании (*Diod.* XVII. 76. 3), равнинный берег Каспия в 330 г. до н.э. марды явно не контролировали. Очевидно, к этому же времени восходит и свидетельство Клавдия Птолемея: каспийское побережье занято кадусиями, гелами³⁴⁴ и дрибиками, за которыми во внутренних областях живут амариаки³⁴⁵ и марды (*Ptol. Geog.* VI. 2. 5).

Однако ко времени экспедиции Патрокла (ок. 285 г. до н.э.) ситуация – в связи с распадом империи Александра и войнами диадохов – заметно изменилась. Селевкидский наварх застал мардов уже на морском побережье, причем их западными соседями были анариаки³⁴⁶, а восточными – гирканцы (*Strab.* XI. 6. 1, 8. 8; *Plin.* NH. VI. 36). Вместе с тем, еще одно свидетельство Страбона (*Strab.* XI. 8. 1) дает основания считать, что к северу от Эльбурса марды соприкасались с кадусиями.

Все это вместе взятое позволяет очертить область мардов в начале III в. до н.э. следующим образом. С юга она ограничивалась хребтами Терехмумедж, Талеган и Энгурмехель и тянулась на запад вплоть до

---

³⁴⁴ Следует отметить ошибку Птолемея, который воспринимает кадусиев и гелов как два разных народа. В действительности, гелы – это другое имя кадусиев (*Plin.* NH. VI. 48). Предлагаемая некоторыми издателями Плиния эмендация *Legi* [*Pline l' Ancien*, 2003. P. 29] не является необходимой. См.: *Syme*, 1988. P. 144.

³⁴⁵ Амариаки Птолемея соответствуют анариакам Страбона и атиакам Плиния.

³⁴⁶ Размещение анариаков к востоку от мардов (*Strab.* XI. 7. 1) объясняется нередкой у Страбона небрежностью в работе с источниками. См.: *Syme*, 1988. P. 144; Балахванцев, 2015г. С. 120.

впадения реки Шахруд в Сефидруд³⁴⁷, за которым начиналась область кадусиев. Земли в низовьях Сефидруда и морское побережье к востоку от его дельты принадлежали анариакам. Подконтрольный мардам участок побережья находился примерно между реками Сехезар и Хераз, к востоку от которого на равнине жили гирканцы, а в горах – тапуры.

Не приходится сомневаться в том, что укрепление селевкидской власти в Южном Прикаспии стабилизировало ситуацию в Гиркании³⁴⁸ и положило конец набегам мардов. Соответственно, разгоревшаяся в 238–209 гг. до н.э. борьба между Селевкидами и Аршакидами за Гирканию и Парфиену позволила горцам взять реванш за вынужденное соблюдение мира и подтвердить свою репутацию воинственного, варварского и разбойничьего народа (*Curt.* VI. 5. 11; *Arr. Anab.* III. 24. 2).

Наступивший после поражения Аршака II период относительного спокойствия продолжался недолго. Разгром римлянами Антиоха III при Магнесии в 190 г. до н.э. и резкое ослабление государства Селевкидов создали благоприятные обстоятельства для возобновления как разбойничьих набегов мардов, так и ползучей аршакидской экспансии.

Какую территорию контролировал Фраат I перед войной с мардами? Война не смогла бы состояться, если бы Аршакиды предварительно не

---

³⁴⁷ Судя по наименованию Сефидруда Амардом древние принимали за верхнее течение этой реки не Кызылузен, а Шахруд, в долине которого и жили марды.

³⁴⁸ В ряде городов Гиркании появились эллинские переселенцы (*Polyb.* X. 31. 11), определенное распространение получили греческие культы и институт вольноотпущенничества. См.: Guarducci, 1995. P. 276–278, fig. 97.

ввели свои войска в Гирканию³⁴⁹. Кстати, отсутствие какой-либо враждебной реакции со стороны Селевка IV (187–175 гг. до н.э.) на появление парнов в Гиркании позволяет предположить, что Селевкидам самим пришлось поручить своим аршакидским вассалам защиту этой сатрапии от набегов мардов.

Многие исследователи объединяют свидетельство Юстина (*Iust.* XLI. 5. 9) с данными Исидора Харакского (*Isid. Mans. Parth.* 7), согласно которому «первый царь Фраат» переселил мардов в город Харакс в Мидию, и делают вывод, что к этому времени Аршакиды завоевали не только Парфиену, но и часть Мидии [Rawlinson, 1872. P. 66–67; Gutschmid, 1888. S. 43; Kiessling, 1916. Sp. 500–501; Tarn, 1932. P. 577; Debevoise, 1969. P. 19; Бокщанин, 1960. С. 238; Volkman, 1979. Sp. 533; Schippmann, 1980. S. 22; Bivar, 1983a. P. 31; Boyce, 1994. P. 247; Olbrycht, 1998. S. 66; Wolski, 2003. P. 48–49; Choisnel, 2004. P. 41; Assar, 2004. P. 87; 2005. P. 40; 2006b. P. 88; Houghton et al., 2008. P. 694; Iossif, Lorber, 2009. P. 130; Gaslain, 2010. P. 10; Coloru, 2013b. P. 37].

Однако для восприятия двух этих сюжетов как относящихся к одному и тому же событию необходимо ответить на вопрос: имел ли Фраат I царский титул? Хотя в сорок первой книге эпитомы Помпея Трога постоянно говорится о его наличии у всех ранних Аршакидов (*Iust.* XLI. 2. 1; 5. 1, 5, 8, 9; 6. 1), нумизматические данные свидетельствуют, что в действительности царского титула не носили ни Аршак I, ни его потомки вплоть до Митридата I [Sellwood, 1980. P. 20–32]. Допущенная неточность

---

³⁴⁹ Возможно, это произошло еще при отце Фраата Фрияпатии [Ghirshman, 1976. P. 237]. На это косвенным образом указывает такая особенность творческого метода эпитоматора, как умолчание о тех правителях, при которых, с точки зрения Юстина, ничего значимого не происходило.

объясняется тем, что источник Трога Аполлодор из Артемиды [Балахванцев, 2009. С. 90–93] следует официальной парфянской традиции, которая, естественно, не могла признать, что основатель династии Аршакидов, а также его ближайшие преемники в течение долгого времени были вассалами Селевкидов, и поэтому наделила их царскими титулами [Балахванцев, 2000а. С. 208–213; 2009. С. 94, прим. 23].

В 2004–2005 гг. иранский исследователь Г. Ассар предпринял попытку обосновать наличие царских титулов у аршакидских правителей начиная с Фриапатия. Его внимание привлекла надпись на хуме [Массон, 1949. С. 50, рис. 12], обнаруженном в 1946 году при раскопках комнаты 2 Центрального дома Северо-Восточного сооружения Старой Нисы [Ершов, 1949. С. 130–132; Пилипко, 2001. С. 55, 179]. В надписи упоминался царь Аршак, сын царя Аршака [Livshits, Pilipko, 2004. P. 139]. Г. Ассар предположил, что первая строка, в которой уцелели лишь буква *resh* / *далет* со следующими за нею шестью или семью вертикальными штрихами, содержит дату по аршакидской эре. По мнению автора, в начале первой строки утрачены три или четыре знака, поэтому величина лакуны позволяет восстановить здесь лишь гетерограмму ŠNT (год) и еще два знака, каждый из которых обозначал цифру «двадцать». Букву же *r/d* Г. Ассар объяснил как результат слияния знаков «двадцать» и «десять».

Все это привело его к выводу, что дата соответствует 76–77 гг. эры Аршакидов, т.е. 172/171 или 171/170 гг. до н.э. и отмечает начало правления Митридата I³⁵⁰. Таким образом, надпись на хуме прямо свидетельствует в пользу наличия царского титула у Митридата I и его

---

³⁵⁰ Assar, 2004. P. 73. Однако уже через год Г. Ассар вновь изменил свою точку зрения и привел в одной и той же статье две взаимоисключающие даты смерти Фраата I и воцарения Митридата I: 163 г. до н.э. [Assar, 2005. P. 39] и 165 г. до н.э. [Assar, 2005. P. 40–41].

отца Фриапатия, а косвенным образом – у сына Фриапатия и старшего брата Митридата Фраата I. Следуя этой логике, Г. Ассар перераспределил часть монет с легендой «царя Арсака» и «великого царя Арсака», отнесенных Д. Селлвудом к Митридату I [Sellwood, 1980. P. 32–35], между Фриапатием, никогда не существовавшим Аршаком IV³⁵¹ и Фраатом I³⁵².

Однако насколько корректна восстановленная Г. Ассаром дата? Во-первых, в начале первой строки после гетерограммы ŠNT действительно нет места для цифры «сто». Но Г. Ассар странным образом забывает, что этот знак, палеографически восходящий к арамейской букве *коф* [Дьяконов, Лившиц, 1966. С. 147, прим. 41], в нисийских надписях мог опускаться (Дьяконов, Лившиц, 1960а. № 1089; Дьяконов, Лившиц, 1960б. С. 31; *PEDN* 1633). Во-вторых, календарная дата в остраконах Старой Нисы часто начиналась на предыдущей строке³⁵³, но тогда исчезают всякие

---

³⁵¹ Этот персонаж, не зафиксированный ни в каких источниках, появился на свет благодаря тому, что Г. Ассар [Assar, 2004. P. 86] произвольно разделит упомянутого в остраконе из Старой Нисы № 2-L «Аршака царя, сына внука Аршака» и Митридата I, правнука Аршака I (*Iust.* XLI. 6. 9). О допущенных Г. Ассаром ошибках при реконструкции генеалогии раннепарфянских правителей см.: Балахванцев, 2009. С. 94–100.

³⁵² Assar, 2004. P. 81–88; 2005. P. 37–41. В личном письме от 26 июня 2013 года Г. Ассар подтвердил неизменность своего мнения по данному вопросу.

³⁵³ Дьяконов, Лившиц, 1960а. № 16, 32, 68, 257, 264, 269, 478, 485, 526, 587, 590, 636, 681, 689, 740, 764, 863, 884, 890, 1379, 1549, 1554, 1654, 1673а, 1682, 1725+1722, 1874, 2120, 2156; 1960б. № 781, 1213, 1409. Аналогичные написания встречаются также на Новой Нисе [Diakonoff, Livshits, 2001. P. 181] и в надписи из Абрат аль-Шахира [Naveh, 2009. P. 69, fig. 6].

основания отрицать возможность восстановления в ней цифры «сто» или «двести».

В-третьих, попытка увидеть в букве *r/d* композитный знак и понять его как цифру «тридцать» не выдерживает никакой критики. Дело в том, что писцы Старой Нисы вписывали «двадцатку» как вертикаль, верхняя часть которой загибалась влево. Объединение этого знака с цифрой «десять» – короткой горизонтальной или наклонной чертой, совпадающей в последнем случае со знаком тупого ударения, – мало похоже на *resh* или *dalet*. Нам известен только один случай употребления знака, аналогичного нисийскому, в качестве цифры «пять» в надписи из Хатры (Н 214) 97/8 г. н.э. [Naveh, 2009. P. 68, fig. 7], однако и там этот графический вариант представляет собой совершенно изолированное явление [Bertolino, 1995. P. 5].

В-четвертых, появление столь ранней даты по эре Аршакидов представляется невозможным в принципе. Как нам уже приходилось отмечать, аршакидская эра была введена только при Митридате I, да и то не сразу, а через некоторое время после того, как этот правитель принял царский титул [Балахванцев, 2015з. С. 144].

Все это вместе взятое заставляет признать предложенную Г. Ассаром дату построенной буквально на пустом месте³⁵⁴. Одновременно с этим исчезают всякие основания считать Фриапатия и Фраата I царями и приписывать им монеты, в легендах которых присутствует титул ΒΑΣΙΛΕΩΣ. Но в таком случае, первым царем по имени Фраат среди Аршакидов был только Фраат II. Именно к последнему и относится сообщение Исидора Харакского. Следовательно, и говорить о начале завоевания парфянами Мидии при Фраате I не приходится.

---

³⁵⁴ По мнению В.Н. Пилипко [Пилипко, 2001. С. 300, прим. 34], сам хум (а, следовательно, и надпись) должны относиться к I в. н.э.

О том, что контролируемая Фраатом I территория была значительно меньше, чем это принято обычно считать, свидетельствует и продолжение работы селевкидского монетного двора, расположенного в Гекатомпиле и помечавшего свою продукцию монограммой $\overline{\text{AP}}$. Двор выпускал монету для Селевка IV и Антиоха IV и прекратил свою деятельность лишь после смерти последнего в 164 г. до н.э. [Houghton et al., 2008. P. 32, 121, 694]. Но в таком случае Фраат I не мог владеть не только восточной Мидией, но даже Парфиеной.

Разумеется, победа Фраата I стала серьезным внешнеполитическим успехом. Установление контроля над областью мардов открывало парфянам – через перевалы Терехмумедж и Кендеван – дорогу в Мидию в обход Каспийских ворот. Вместе с этим, победа над мардами ознаменовала собой начало серьезных изменений во внутренней политике ранних Аршакидов. Безусловной заслугой Фраата I было осознание того факта, что без преодоления конфликта с местным оседлым населением невозможно думать не только о новых завоеваниях, но даже о сохранении прежних. Будучи крайне заинтересованным в привлечении эллинов и гирканцев на свою сторону и видя в войне против мардов, тревоживших Гирканию своими набегами, наилучший способ для достижения этой цели³⁵⁵, Фраат вполне сознательно пренебрег тем, что марды были фактическими союзниками его деда Аршака II³⁵⁶. Судя по тому, что поход завершился полным успехом, надежды Фраата на помощь местных жителей

---

³⁵⁵ Других причин для войны с мардами просто не существовало: их земли никогда не привлекали кочевников-парнов, а надежда на богатую добычу в стране, где «много пчел, но мало меда», была иллюзорной.

³⁵⁶ Заметим, что, приняв на себя обязанности защитника Гиркании, Фраат посеял семена будущего конфликта с апасиаками, который разразился уже при его брате Митридате I (*Iust.* XLI. 6. 7).

оправдались: ведь без их активного участия конные лучники-парны (*Liv.* XXXVII. 40. 8; *App. Syr.* 167) вряд ли могли рассчитывать на победу в заросших густым лесом горах [Tarn, 1932. P. 577].

Результаты этих серьезных изменений во внутренней политике сказались уже в правление младшего брата Фраата I – Митридата I. Вряд ли можно доверять официозной версии Юстина (*Iust.* XLI. 5. 9–10), согласно которой Фраат нарушил обычай (*Iust.* XLI. 5. 9) и в обход своих сыновей назначил наследником брата, ценя его исключительную доблесть. Скорее, Митридат I сам захватил власть, устранив своих, очевидно, малолетних [ср. Debevoise, 1969. P. 19] племянников. Последнее обстоятельство может объяснить, почему этот переворот не вызвал раскола среди парфянской знати, которая жаждала новых завоеваний и нуждалась в опытном и удачливом военном предводителе.

Митридат I вполне оправдал ее надежды. Именно он возглавил последнее, третье по счету отложение парфян от державы Селевкидов, которое, наконец, оказалось успешным. Корнелий Тацит, повествуя о политике Антиоха IV Епифана в Иудее, сообщает об этом следующее: «царь Антиох всячески стремился устранить суеверие и ввести греческие обычаи..., но ему помешала парфянская война, так как в это время отложился Аршак»³⁵⁷.

Появившийся синхронизм дает возможность определить, когда парфяне выступили против Селевкидов. Автор Первой Книги Маккавеев (*I Mass.* 1. 44–59), рассказывая о попытках Антиоха IV насадить греческие обычаи среди иудеев, датирует осквернение жертвенника Иерусалимского храма 15 Хаслева 145 года эры Селевкидов. Поскольку селевкидская эра в

---

³⁵⁷ *Tac. Hist.* V. 8. 2. rex Antiochus demere superstitionem et mores Graecorum dare adniscus...Parthorum bello prohibitus est; nam ea tempestate Arsaces desciverat.

Вавилоне и Иудее отсчитывалась с весны 311 г. до н.э. [Bickerman, 1944. P. 74], эта дата соответствует 7 декабря 167 г. до н.э. Судя по тому, что весной 165 г. до н.э. Антиох IV выступил в поход на Восток [Новиков, Анохин, 2015. С. 148], отложение Митридата I можно датировать 166 г. до н.э.

В освобождении парфян из-под власти Селевкидов обращают на себя внимание два обстоятельства. Во-первых, в отличие от Аршака I, который выбрал для своих вторжений в Парфиену моменты наибольшего ослабления Селевка II в 238 г. до н.э. и Антиоха III в 217 г. до н.э., Митридат I отложился, когда Антиох IV пребывал на вершине своего могущества: именно в 166 г. до н.э. царь организовал прогремевшее на весь эллинский мир празднество в Дафне (*Polyb.* XXXI. 3–4). При этом Митридат, разумеется, не мог знать ни о перспективах восстания Маккавеев, ни о скорой смерти самого Антиоха, ни о той смуте, которая начнется в державе Селевкидов, в частности, об отложении наместника Мидии Тимарха [Houghton et al., 2008. P. 141]. Очевидно, что правитель Парфии чувствовал себя достаточно уверенно, чтобы пойти на такой шаг.

Во-вторых, в чем, собственно, выразилось отпадение парфян? Скорее всего, в том, что Митридат I, воздержавшись пока от вторжения в Парфиену, провозгласил свою независимость и аннексировал Гирканию, куда аршакидская армия вступила еще при Фриапатии или Фраате I. В пользу именно такого развития событий говорит и продолжение работы селевкидского монетного двора в Гекатомпиле, и выбранный Антиохом маршрут восточного похода, пролежавший через Армению, Месопотамию, Вавилонию, Персиду, Элимаиду и Мидию [Новиков, Анохин, 2015. С. 148–152]. Судя по действиям Антиоха, Митридат еще не воспринимался им как главная угроза для державы Селевкидов, а поход против парфян был, скорее всего, запланирован на 163 г. до н.э. [Новиков, Анохин, 2015. С. 159].

Однако ситуация кардинально изменилась после внезапной смерти Антиоха в конце 164 г. до н.э. [Houghton et al., 2008. P. 43]. Митридат I сразу же захватил Парфиену вместе с Гекатомпиллом, где организовал выпуск своих драхм [Балахванцев, 2017. С. 105, рис. 17], дихалков и халков с легендой ΑΡΣΑΚΟΥ [Sellwood, 1980. P. 29–31]³⁵⁸. Видимо, несколькими годами позже³⁵⁹ в руки Аршакидов перешла и Несайя³⁶⁰. Там также был открыт монетный двор, который вместе с Гекатомпиллом стал выпускать драхмы [Балахванцев, 2017. С. 105, рис. 18], триоболы, диоболы и оболы с легендой ΑΡΣΑΚΟΥ ΒΑΣΙΛΕΩΣ [Sellwood, 1980. P. 32–33]³⁶¹. Таким образом, Митридат I стал первым правителем из династии Аршакидов,

---

³⁵⁸ Возможно, что на решение Митридата I изменить старый тип реверса и усадить парфянского лучника на омфал повлияло и то, что при Селевке IV и Антиохе IV монетный двор Гекатомпила выпускал тетрадрахмы и драхмы только с изображением сидящего на омфале Аполлона [Houghton et al., 2008. P. 32–33, 121–123].

³⁵⁹ Сложно сказать, откуда – из гирканской или мидийской Несайи – прибыли нисийские всадники, принявшие участие в параде в Дафне в 166 г. до н.э. (*Polyb.* XXXI. 3. 6).

³⁶⁰ Митридат I заимствовал у своих селевкидских предшественников не только идею и форму отправления династического культа [Пилипко, 2001. С. 350], но и предназначенный для этого архитектурный комплекс. Таким образом, после проведения соответствующего ремонта Старая Ниса, получившая от своего завоевателя новое имя Михрдаткирт, стала использоваться в качестве династического культового центра Аршакидов [Балахванцев, 2005б. С. 187; 2015ж. С. 107].

³⁶¹ Изображения бронзовых монет, не учтенных в работе Д. Селлвуда, доступны на сайте: <http://www.parthia.com/mithradates1.htm> (дата обращения: 02.12.2017).

который принял царский титул. Поскольку в эпоху эллинизма провозглашение царем всегда было следствием победы над бывшим сюзереном или царственным соперником [Bickerman, 1944. P. 77; Кошеленко, 1971. С. 214–215], необходимо предположить наличие такой же победы и для Митридата I. Учитывая, что принятие царского титула примерно совпадает с захватом Несайи, а также – имеющиеся данные о войнах против Греко-Бактрии (*Strab.* XI. 11. 2; *Iust.* XLI. 6. 3), наиболее вероятным кандидатом на роль побежденного соперника Митридата является Евкратид I.

В чем же заключается причина столь выдающихся успехов Митридата I, который примерно за одно десятилетие добился большего, чем все его предшественники? Очевидно, что ответ на этот вопрос заключается в коренном изменении внутренней политики при Фраате I и Митридате I. Помня об ожесточенном сопротивлении местного оседлого населения, с которым столкнулись их предки, они *были вынуждены* отказаться от практики сгона с земель парфиенов и гирканцев, а также – от размещения своих соплеменников-парнов в Парфиене и Гиркании. Это видно хотя бы из того, что связанные с парнами могильники концентрируются на берегах Оха (Сумбара-Атрека) и в северо-западных предгорьях Копетдага и не встречаются на территориях к югу от Эльбурса и Нишапурских гор.

Нормализация отношений с эллинами, парфиенами и гирканцами позволила Митридату I использовать материальные и людские ресурсы завоеванных областей для покорения Мидии и Месопотамии на западе и успешного наступления на Греко-Бактрию на востоке, что впоследствии привело к превращению Парфии в мировую державу.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Предки среднеазиатских дахов во второй половине VI в. до н.э. вместе с другими номадами пришли в практически пустынное тогда Южное Приуралье с территории современных Челябинской области и Юго-Восточной Башкирии. Анализ палеопочв Южного Урала показывает, что в конце VI–V вв. до н.э. климатические условия в этом регионе были сравнительно влажными. Это способствовало усилению процессов выщелачивания и рассолонцевания почв, повышению их биологической активности. Зимы становились относительно мягкими, летние температуры понижались, росла обводненность рек и озер.

Благоприятные климатические условия не могли не способствовать как росту численности самих кочевников, так и увеличению поголовья их стад, главную роль в которых играла овца. Между тем, овцы потребляли кормов значительно больше, чем лошади или крупный рогатый скот, поэтому рост их поголовья требовал нахождения и освоения новых пастбищ. Однако проблема в принципе не могла быть решена за счет территорий одного только Южного Приуралья. Дело в том, что кочевое скотоводство невозможно без отлаженной системы сезонного чередования пастбищ. Пастбища в долине Урала и его притоков были очень удобны для использования в качестве летних, но зимой количество невыпасных дней здесь иногда доходит до девяноста, что создает угрозу массового падежа скота. Единственным выходом в данной ситуации могла стать перекочевка на юг, где гораздо продолжительнее безморозный период, метели налетают реже, меньше толщина и плотность снежного покрова, а также продолжительность его устойчивого залегания.

Состав стада, в котором, кроме овец, значительное место занимали лошади, а крупного рогатого скота было совсем немного, позволял южноуральским номадам совершать далекие перекочевки протяженностью около тысячи километров. Этому также способствовали более гумидные – чем в современную эпоху – климатические условия на Арало-Каспийском

водоразделе. Таким образом, уже на рубеже VI/V вв. до н.э. отдельные группы кочевников Южного Урала в ходе ежегодных меридиональных перекочевков стали пересекать Устюрт и спускаться в западную часть Присарыкамышской дельты Амударьи, где практически не бывает невыпасных дней. Они проводили там позднюю осень и зиму, а ранней весной собирались в обратный путь на север, к своим летовкам в долине Урала. Часть их уже тогда, в V в. до н.э., судя по наличию в курганах Юго-Восточного Устюрта костей крупного рогатого скота, стала оседать в районах зимовок и переходить к полuosедлой жизни.

Находки в устюртских курганах лепной керамики, аналогии которой встречаются в погребениях савроматского времени из Нового Кумака и могильников Зауралья, недвусмысленно свидетельствуют о том, номады каких районов Южного Урала оставили здесь свой след. В их числе были и дахи, упомянутые в Антидэвовской надписи Ксеркса 484 г. до н.э. Конечно, нет надобности предполагать, что дахи были силой покорены Ксерксом, скорее, речь может идти о номинальном признании персидского господства и принятии обязательств приносить дары в обмен на возможность пользоваться зимними пастбищами. Возможно, что смутные известия об этой миграции повлияли на античную традицию, в которой парны (даи) и даже парфяне именуется скифскими выходцами (*Strab.* XI. 8.2, 9. 3; *Curt.* IV. 12. 11; VI. 2. 14; *Arr. Parth.* F 1.2 Roos; *Iust.* XLI. 1. 10). Вместе с другими кочевниками дахи приняли участие в подавлении египетского восстания в середине V в. до н.э., после чего в могильниках долины Урала появилось большое количество ахеменидских престижных ценностей и захваченных на Ближнем Востоке трофеев.

В конце V – первой половине IV в. до н.э. на Южном Урале началась аридизация климата, достигшая апогея во второй половине IV–III вв. до н.э. Климат стал более континентальным, что нашло свое выражение прежде всего в снижении зимних температур и усилении суровости зим. Ухудшается качество почвенно-растительного покрова, уменьшается обводненность рек и

озер. Все это, естественно, усиливает отток населения из восточных районов Южного Приуралья на юг, в Присарыкамьшскую дельту Амударьи и приводит к прекращению функционирования Ново-Кумакского могильника в III в. до н.э. Следует заметить, что переселенцы не утратили в одночасье связей с другими кочевыми племенами, занимавшими более западные районы долины Урала и его притоков. Об этом свидетельствуют находки произведений ахеменидской и эллинской торевтики IV в. до н.э. в Прохоровке, куда они попали в ходе бурных событий, последовавших за гибелью ахеменидской империи и завоеванием Средней Азии Александром Македонским в 329–327 гг. до н.э.

Между тем, в конце V в. до н.э. в самом Хорезме произошли серьезные изменения: он отпал от державы Ахеменидов и стал независимым государством. Часть дахов в этих условиях, столкнувшись с угрозой надвигающегося перенаселения и недостатка пастбищ, предпочли откочевать в Согд (долину Зеравшана) и стать подданными персидских царей. Именно согдийские дахи сражались с македонцами при Гавгамелах и оказывали им ожесточенное сопротивление в междуречье Окса и Яксарта. Те же дахи (парны), которые остались в Присарыкамьшской дельте Амударьи, поначалу смогли установить с новым государственным образованием равноправные отношения. Вместе с хорезмийским царем и своими западными соседями – массагетами они вырабатывали общую линию поведения по отношению к Александру Македонскому (*Curt.* VIII. 1. 8), а после его смерти стали совершать систематические набеги на Гирканию, Парфиену и Несайю.

В IV–II вв. до н.э. границы этих областей можно очертить следующим образом. Западный рубеж Парфиены определяется на основании того, что город парфиенов Каллиопа (*Polyb.* X. 31.15; *App. Syr.* 298) находился в Хоаре, или Хоарене (*Plin.* NH. VI. 44), области, примыкавшей с востока к Каспийским Воротам. Во внутренних районах Парфиены был расположен Гекатомпил (*Polyb.* X. 28. 7), ныне убедительно локализуемый в местности Шахр-и Кумис возле деревни Куше, юго-западнее Дамгана. На востоке

Парфиена граничила с Ареей (*Arr. Anab.* III. 25. 1). Учитывая, что первым городом Арееи на пути Александра была Сусия, которую обычно отождествляют с Тусом, можно сделать вывод, что Арея охватывала и всю долину Кешефруда, а граница с Парфиеной проходила по хребту Биналуд. Южным пределом Парфиены, несомненно, служила пустыня Деште-Кевир и хребты Гугерд, Джебаркух и Кухе-Сорх. Северо-восточная граница Парфиены в IV–II вв. до н.э. не достигала Атрека и проходила по восточным отрогам Эльбурса и хребтам Аладаг, Шах-Джехан и Биналуд.

Горы Эльбурса служили также юго-восточным рубежом Гиркании, расположенной на побережье Каспийского моря. Так как через Гирканию, по свидетельству Страбона (*Strab.* XI. 7. 3), протекали реки Ох (Атрек) и Окс (Узбой), то ее северные пределы доходили, как минимум, до хребта Большой Балхан.

Граница Несайи с Гирканией проходила через верховья Сумбара, Чандыра и Хертута, а затем шла к долине Оха (Атрека), возможно, к месту впадения в последний Ширинчая, и Нишапурским горам, за которыми лежала Парфиена. На стыке верховьев Атрека и Кешефруда, примерно по линии, идущей от восточной оконечности хребта Шах-Джехан к северо-западным отрогам Хезармесджеда, а далее на юго-восток по хребту Моздуран, Несайя граничила с Ареей. За Копетдагом Несайя тянулась узкой полосой между горами и песками Каракумов приблизительно от Арчмана до реки Чехелькеман; Серахский оазис, скорее всего, относился уже к Арее (карта).

Однако не позднее начала III в. до н.э. усиливающийся Хорезм добивается установления своего контроля над западной частью Присарыкамышской дельты, в которой обитали дахи. Они, очевидно, были теперь вынуждены прекратить свои набеги, угрожавшие спровоцировать войну Хорезма с Селевком Никатором, обязались защищать западные границы страны и даже служить в гарнизонах, находящихся на довольно значительном расстоянии от их кочевий. Но признать власть Хорезма и

остаться в Присарыкамышье согласились отнюдь не все дахи. К тому же, из-за прибытия в дельту новых переселенцев с Южного Урала эколого-демографическая ситуация там стала довольно напряженной. Это – наряду с политикой Хорезмийского государства – заставило часть дахов прибегнуть к новой миграции.

Одни из них присоединились к своим родичам в Бухарском Согде. Другие пересекли Окс (Узбой) и овладели землями на его правобережье, оттеснив при этом на запад массагетов. Замечание Беросса о гибели Кира Великого на «равнине Даас» (*Beros. FGrH 680 F 10*) недвусмысленно свидетельствует о том, что в начале III в. до н.э. бывшие земли массагетов, где они когда-то одержали победу над персами, перешли в руки дахов, а информация об этом стала известна эллинистическим историкам. Именно об этих дахах (парнах), живущих к северу от Окса (Узбоя) упоминает Страбон (*Strab. XI. 7. 1, 3*). Примерно в это же время еще одна часть парнов также покинула Присарыкамышье и заняла незаселенные земли (*Iust. XLI. 1. 10*) на берегах Оха (Атрека и его притоков). Следует особо подчеркнуть, что все замечания древних (*Strab. XI. 9. 3*) и современных авторов о бактрийском происхождении Аршака и его вторжении в Парфию из Бактрии основаны лишь на неверной географической локализации области парнов, отнесенной ими к бактрийскому Оху.

Переходя к тому, как античные источники освещают возникновение Парфянского государства, следует прежде всего упомянуть о существовании двух традиций истории ранней Парфии. Первая представлена в созданной Юстином эпитоме истории Помпея Трога и у Страбона, которые основываются на «Парфике» Аполлодора Артемитского, вторая – в несохранившемся сочинении Флавия Арриана, известному нам благодаря византийским авторам Зосиму, Фотию и Синкеллу. В первой традиции Парфянское государство возникает путем захвата Парфии кочевниками-парнами во главе с Аршаком, человеком неизвестного происхождения, ставшего родоначальником династии Аршакидов. Во второй традиции

Парфия обретает независимость через восстание местного населения против македонян, причем, во главе движения стоят два брата: Аршак и Тиридат из рода Аршакидов, происходящего от ахеменидского царя Артаксеркса.

При решении вопроса о том, какая традиция – Арриана или Аполлодора – более достоверна, ключевую роль играют следующие обстоятельства. Во-первых, Арриан называет парфян скифским народом (*Arr. Parth. F 1.2 Roos*). Однако парфянский язык принадлежит к числу западноиранских и значительно отличается от скифского, относящегося к юговосточноиранской подгруппе. Поэтому парфяне никак не могли быть скифским народом. Напротив, авторы, следующие Аполлодору Артемитскому (*Strab. XI. 8. 2, 9. 3; Iust. XLI. 1. 10*), с полным основанием называют скифскими выходцами дахов (парнов), говоривших на одном из восточноиранских языков и, судя по археологическим данным, принадлежавших к скифскому (сакскому) миру в широком смысле этого слова.

Во-вторых, приводимые Аррианом имена свергнутого Аршакидами селевкидского сатрапа (Ферекл, Агафокл) не встречаются в других источниках, в то время как существование упоминающегося у Юстина наместника Андрагора (*Iust. XLI. 4. 7*) подтверждается надписью из Горгана (Гиркания).

В-третьих, присутствующая у Арриана версия, согласно которой Аршак и Тиридат были сатрапами бактрийцев, безусловно, является ошибочной. Между тем, у Юстина (*Iust. XLI. 4. 5*) и Страбона (*Strab. XI. 9. 3*), в полном согласии с нумизматическими данными, в роли последнего селевкидского сатрапа Бактрии и первого греко-бактрийского царя выступает Диодот. Все это вместе взятое однозначно свидетельствует о легендарности традиции Флавия Арриана и требует при изучении истории ранней Парфии опираться только на традицию Аполлодора Артемитского, в которой отражена другая, явно более ранняя и достоверная стадия представлений парфян об истории их государства и правящей династии.

Важно отметить, что ни текст Юстина, ни другие имеющиеся в распоряжении науки источники не дают никаких оснований считать, что еще до вторжения Аршака наместник Андрагор отпал от державы Селевкидов и сделал Парфиену независимым государством. Во-первых, монеты Андрагора, которые многими учеными считаются доказательством его суверенного статуса, происходят с территории Бактрии (Клад Окса) и Арахосии (Мир Заках II) и не имеют ничего общего с парфиенским чеканом Аршака I и Аршака II. Свойственные всем монетам Андрагора признаки связывают их с Бактрией после завоевания Александра и позволяют приписать их одноименному царевичу с Кипра и правителю какой-то части Бактрии в конце IV в. до н.э. Во-вторых, титул *praefectus*, которым Андрагора наделяет Юстин, использовался для обозначения официального лица, не обладающего суверенитетом и занимающего подчиненное положение по отношению к центральной или местной власти (OLD s.v. *praefectus*). В-третьих, указание Юстина (*Iust.* XLI. 4. 7) на те мотивы, которыми руководствовался Аршак при вторжении в Парфиену; а именно – что вождь парнов сделал это, «освободившись от страха перед царем» (*solutus regis metu*), свидетельствует о сохранении Андрагором верности Селевку II. В самом деле, только тогда поражение последнего лишало наместника надежды на получение помощи от своего суверена, а Аршак мог, действительно, не боясь более царя, вторгнуться в Парфиену.

Между тем, уже с начала III в. до н.э. часть хорезмийских дахов (парнов) вместе со своими отарами обосновались на берегах Оха (Атрека и его притоков). Археологические данные свидетельствуют об освоении ими района северо-западных предгорий Копетдага вплоть до долины Сумбара. Однако происходившие на протяжении жизни двух поколений рост численности населения и увеличение поголовья овец не могли не привести к усилению военных столкновений между различными родами в борьбе за пастбища и источники воды. Это кажется тем более вероятным, что ряд

территорий, входящих в состав области парнов (хребет Монджуклы, Ходжакалинская долина), очень бедны водными и растительными ресурсами.

О происходивших между парнами столкновениях свидетельствует и часто игнорируемое, как не имеющее исторической ценности, замечание Юстина (*Iust.* XLI. 4. 7) о грабеже и разбое, как основных занятиях Аршака перед вторжением в Парфиену. В этой войне всех против всех каждый род, желающий не только выжить, но и победить, был вынужден обзаводиться дружиной из юношей, чьей основной профессией теперь стала война. Логично предположить, что именно благодаря проявленной им доблести (*Iust.* XLI. 4. 6; *Amm. Marc.* XXIII. 6. 2) Аршак оказался во главе своей родовой дружины, а победа над другими родами сделала его, неродовитого воина (*Iust.* XLI. 4. 6; *Amm. Marc.* XXIII. 6. 2), вождем всех парнов.

Однако одержанная Аршаком победа и прекращение родовых усобиц были не в состоянии изменить сложившуюся эколого-демографическую ситуацию. Проблему можно было решить лишь за счет переселения части парнов на новые земли. При этом движение на запад или северо-запад означало неизбежный конфликт с апасиаками, к чему парны ни тогда, ни даже несколько десятилетий спустя еще не были готовы. Соплеменников Аршака не очень привлекала и возможность вторжения в Несайю, хорошо знакомую им по набегам конца IV в. до н.э.: северо-западный край Ахала не слишком богат водой, да и к тому же отделен от области парнов труднопроходимыми горными хребтами. Наиболее заманчивым выглядело переселение на юг, в Парфиену, манившую их богатыми пастбищами и климатом, благоприятным для овцеводства.

Развитие событий накануне и во время вторжения парнов в Парфиену можно представить следующим образом. К концу 240 гг. до н.э. Аршак одержал победу в междоусобной борьбе и объединил всех парнов под своей властью. Вряд ли это могло случиться раньше, т.к. в противном случае номады не преминули бы воспользоваться столь благоприятной для нападения ситуацией, как в 246–245 гг. до н.э. Между тем, даже завершение

Третьей Сирийской войны в 241 г. до н.э. не принесло державе Селевкидов необходимой передышки. Около 240 г. до н.э. младший брат Селевка II Каллиника Антиох Гиеракс, первоначально действовавший в качестве наместника Малой Азии, объявил себя царем. Так разразилась «Война братьев», продолжавшаяся до 236 г. до н.э. Около 238 г. до н.э. Селевк II потерпел сокрушительное поражение под Анкирой (Малая Азия) от Антиоха Гиеракса и его союзников-галатов, потерял практически всю свою армию (*Polyaen.* IV. 9. 6) и некоторое время даже считался мертвым (*Plut. Mor.* 489A).

Разумеется, Аршак не стал упускать столь удачную возможность для вторжения в Парфиену: Селевк надолго, быть может, навсегда выбыл из игры, а сатрап Андрагор был предоставлен собственной участи. Аршак двинулся на юг во главе закаленного в междоусобных схватках войска, которое Юстин без всякой политкорректности именуется «отрядом разбойников» (*Iust.* XLI. 4. 7). Его маршрут, скорее всего, проходил через современные Дешт и Джаджерм, откуда можно было легко проникнуть на Иранское плато. С точки зрения возможностей для занятий овцеводством парнам были более интересны лежавшие на стыке Парфиены и Гиркании районы восточных предгорий Эльбурса, Джорджана на верхнем Горгане, Аладага и Эсферайенской долины, но надежда на богатую добычу увлекала их на запад, к главному городу сатрапии Гекатомпилу.

Аршак разгромил селевкидского наместника Андрагора, который пал в бою (*Iust.* XLI. 4. 7), и овладел Парфиеной. Хотя Юстин и утверждает, что Аршак также захватил и всю Гирканию (*Iust.* XLI. 4. 8), это кажется преувеличением: парнов было слишком мало, чтобы контролировать приморскую зону вплоть до Сефидруда, да и районы с влажным субтропическим климатом, малопригодные для овцеводства, вряд ли могли их заинтересовать. К тому же парны явно не желали быть втянутыми в конфликт с апасиаками, в сферу интересов которых входили гирканские земли в низовьях Атрека и Горгана. Что же касается Несайи, где с середины

III в. до н.э. существовал династический культовый центр Селевкидов, то после вторжения Аршака в Парфиену и несколько более позднего захвата Диодотом I Ареи она была отрезана от основной территории державы Селевкидов.

К моменту завоевания на территории сатрапии проживали как иранцы, так и греки. К числу первых относились парфиены, гирканцы, тапуры и марды, предки которых обитали в этих краях еще в доахеменидскую эпоху. Эллы появились здесь вместе с Александром Македонским и в основном осели в городах: Гекатомпиле, Сотейре, Каллиоппе, Харите, Ахайе, Тамбраке и Сиринке (*Polyb.* X. 31. 5–6, 11; *App. Syr.* 298).

Для правильного понимания отношений, сложившихся у Аршака I с населением завоеванных областей, необходимо обязательно учесть следующие факторы. Во-первых, этническое и социальное деление в селевкидском обществе не совпадали, а составлявшие его классы и сословия были по своему составу полиэтничны. Местное иранское население вовсе не было угнетенной греко-македонскими завоевателями массой, видевшей в парнах своих освободителей. Хотя в селевкидской Парфиене и имели место восстания, они, скорее всего, были вызваны усилением налогового гнета и призволом региональной администрации. Во-вторых, начало контактов парнов с населением Парфиены и Гиркании восходит к последней четверти IV в. до н.э., когда кочевники, пользуясь незащищенностью северных границ распавшейся державы Александра и слабостью местных властей, добились для себя права в определенное время ради захвата добычи совершать набеги на Гирканию, Несайю и равнины парфиенов (*Strab.* XI. 8. 3). Поэтому местные жители – как иранцы, так и греки – не ждали от незваных гостей ничего хорошего.

В-третьих, парнов не интересовали пустынные и малопригодные для жизни склоны Джагатая или Джебаркуха. Вместе со своими стадами они хлынули на самые плодородные и, естественно, густонаселенные земли

объединенной сатрапии. Но появление здесь кочевников с их отарами означало изгнание земледельцев с насиженных мест и превращение полей, садов и виноградников в одно большое пастбище. Поэтому конфликт пришельцев-парнов с местным населением из-за земли был неизбежен.

Ценнейшее, хотя и практически полностью игнорируемое в научной литературе свидетельство на этот счет оставил Страбон: «Действительно, вначале [Аршак – А.Б.] был бессилен, воюя с теми, у кого была отнята земля; и он сам, и его наследники...» (*Strab.* XI. 9. 2). При этом нет никаких оснований считать, что парнов смогла бы удовлетворить конфискация земельных владений одних только греко-македонян, количество которых в Парфиене и Гиркании было сравнительно незначительным. Поэтому основными жертвами вторжения Аршака стали иранцы. Увязнув в бесконечной войне с парфиенами и гирканцами, Аршак оказался в очень тяжелой ситуации, когда в 230 г. до н.э. в Парфиену вступила армия Селевка II Каллиника.

Хотя смерть Диодота I избавила парнов от угрозы войны с Бактрией, а с новым бактрийским царем Диодотом II Аршаку удалось заключить мирный договор (*Iust.* XLI. 4. 9), однако войны на два фронта – с армией Селевка II и лишенным земли местным населением (*Strab.* XI. 9. 2) – он выдержать не смог. Аршак был разбит и бежал к апасиакам (*Strab.* XI. 8. 8), жившим на правом берегу нижнего Окса–Узбоя. Судя по тому, что Аршак оказался так далеко на севере, селевкидская армия дошла, как минимум, до долины Оха–Атрека. В результате победы Селевка II Каллиника была восстановлена и связь с Несайей.

И Аршак, и его гостеприимцы хорошо понимали, что пребывание вождя парнов у апасиаков может послужить поводом для селевкидского вторжения. Положение Аршака становилось критическим. Он вполне мог разделить судьбу Спитамена, убитого теми, у кого тот думал найти спасение (*Arr. Anab.* IV. 17. 7). Диодот II вовсе не собирался спешить на помощь своему союзнику: ведь весь смысл договора с Аршаком заключался для

бактрийского царя в том, чтобы чужой кровью защитить себя и свое царство. Но при этом и Селевк II не мог надолго задерживаться в Парфии: на Западе складывались благоприятные условия для возобновления борьбы за Малую Азию.

Однако и просто уйти без закрепления своей победы Каллиник тоже не хотел. Поэтому он пошел на заключение весьма выгодного для себя договора с Аршаком. Тот был вынужден признать вассальную зависимость и принять обязательство поставлять воинов в селевкидскую армию. Взамен Селевк II разрешил вождю парнов остаться на границах Парфии. В честь своей победы Каллиник выпустил в Сузах и Экбатанах серию монет, на реверсе которых было изображено характерное оружие кочевников: лук в горите и колчан со стрелами.

Разгром Антиоха III египтянами 22 июня 217 г. до н.э., о котором Аршак I был сразу же осведомлен участвовавшими в битве при Рафии соплеменниками (*Polyb. V. 79. 3*), предоставил ему отличную возможность взять реванш за свое прежнее поражение. Принимая решение о новом вторжении в Парфию, Аршак, несомненно, рассчитывал, что из-за сложившейся в Келесирии и Малой Азии ситуации Антиоху еще долгое время будет не до него. Действительно, Антиох III даже после заключения мира с Птолемеем IV (*Polyb. V. 87. 6–9*) не смог немедленно направиться на Восток, так как до 214 г. до н.э. царю пришлось бороться с мятежным сатрапом Ахеем в Малой Азии (*Polyb. VIII. 17–23*).

Поэтому Аршак не стал терять времени даром. Уже в 217 г. до н.э. он отложился от Антиоха III, во главе парнов вторгся в Парфию и захватил селевкидские земли вплоть до Каспийских Ворот. В античной традиции существует прямое свидетельство о вторичном завоевании Аршаком Парфии. Речь идет о широко известном и постоянно дебатированном в науке замечании Страбона о захвате Парфии Аршаком и кочевниками-парнами, живущими на реке Ох. Этому вторжению предшествовало восстание

Евтидема в Бактрии, когда цари Сирии и Мидии «были заняты другими делами» (*Strab.* XI. 9. 2).

К сожалению, пытаясь синхронизировать вторжение Аршака с различными событиями в державе Селевкидов и, либо игнорируя, либо объявляя ошибкой хронологическую близость между приходом к власти Евтидема и завоеванием Парфии Аршаком, исследователи уподобились тем, кто, погнавшись за журавлем в небе, упускает синицу из рук. В самом деле, из текста Страбона совершенно невозможно понять, какие именно правители державы Селевкидов имеются здесь в виду. Напротив, о том, что приход Евтидема к власти в Бактрии предшествовал вторжению Аршака в Парфию, сказано предельно ясно. Разумеется, это вторжение никак не могло произойти во времена правления Селевка Каллиника, так как бактрийскими современниками последнего были Диодот I и Диодот II. Учитывая, что смерть Диодота II и захват власти Евтидемом I приходится приблизительно на 225 г. до н.э., слова Страбона можно отнести только ко второму вторжению Аршака в 217 г. до н.э.

Скорее всего, Аршак при новом вторжении в Парфию использовал тот же самый маршрут, что и за двадцать лет до этого. Не изменились и цели захватчиков: парнам были нужны богатые водой и пастбищами земли, что неминуемо должно было повлечь за собой изгнание с них местного населения. О положении в Несайе в этот период можно судить на основании найденных на Старой Нисе двух свинцовых тетрадрахм Антиоха III местной чеканки. Судя по тому, что портрет царя на этих монетах относится к так называемому типу А, применявшемуся в 223–211 гг. до н.э., а свинец употреблялся при чеканке лишь в самых крайних обстоятельствах, можно прийти к выводу, что Старая Ниса и в 217–211 гг. до н.э. оставалась под контролем Селевкидов, но судьба ее явно висела на волоске.

Важнейшим результатом вторичного завоевания Парфии стало образование Парфянского государства. Разумеется, решающим фактором основания государства было отнюдь не стремление к захвату добычи: ее

легко было получить путем обычного грабежа. Вряд ли можно всерьез говорить и о «национальном» факторе, т.е. стремлении парнов к свержению греко-македонской власти. Главная причина создания государства заключалась в необходимости удержания господства парнов над покоренным населением Парфии и Гиркании, чего было невозможно добиться с помощью одних лишь племенных органов власти.

Как известно, важнейшим признаком государства является существование *публичной власти*, не совпадающей с большинством населения и наделенной *аппаратом принуждения*. После завоевания Аршак из племенного вождя превратился в правителя Парфии, а его дружина – в войско. Последнему весьма способствовал опыт, приобретенный парнами на службе в селевкидской армии. При этом продолжение войны с лишенным земли местным населением (*Strab. XI. 9. 2*), которое по численности значительно превосходило пришельцев, создавало необходимость включать в ряды парфянской армии практически всех взрослых мужчин-парнов и не допускать в нее гирканцев и парфиенов, чья лояльность завоевателям была крайне сомнительной. Далее, парны заимствовали у Селевкидов деление населения по *территориальному принципу*, *чеканку монеты*, а также *письменность* с использованием греческой и арамейской графики. Таким образом, все основные признаки государства были налицо.

О характере власти самого Аршака можно вынести вполне определенное суждение по легендам на его монетах. Они неоспоримо доказывают, что Аршак не имел титула ΒΑΣΙΛΕΥΣ. Начав чеканить монету не позднее 216 г. до н.э., Аршак I выпустил четыре типа драхм. На оборотной стороне типов 1 и 2 размещалась греческая легенда ΑΡΣΑΚΟΥ ΑΥΤΟΚΡΑΤΟΡΟΣ. Легенда реверсов типов 3 и 4 была двуязычной: написанное по-гречески имя правителя ΑΡΣΑΚΟΥ сопровождал арамейскографичный титул *krny*, за которым скрывается иранское слово *kāran*.

Анализ использования титула *αὐτοκράτωρ* / *kāran* в иранской и эллинской традициях позволяет считать, что неограниченную власть в военных и других делах Аршаку вручило народное собрание парнов. Однако к концу политической карьеры Аршак I, благодаря достигнутым им успехам, сумел сделать полученную от племени власть не только пожизненной, но даже наследственной, передав ее ок. 214 г. до н.э. своему сыну Аршаку II (*Iust.* XLI. 5. 7).

Образование Парфянского государства оказало огромное влияние и на завоевателей, и на завоеванных, и на отношения между ними. Все это вместе взятое позволяет представить социальную структуру раннепарфянского общества в следующем виде: парны составили в нем большую часть класса собственников, эксплуатирующих чужой труд, и значительную долю класса собственников, занятых производительным трудом. Что же касается сословных градаций, то теперь сословие свободных полноправных было представлено парнами, оттеснившими на ступеньку ниже прежнюю местную верхушку. В целом, парнское завоевание ухудшило социальное положение большей части населения Парфии и Гиркании, за исключением разве что тех, кто не имел собственности или относился к сословию несвободных бесправных (рабов, λαοί). Для последних установление власти Аршакидов не меняло ничего, кроме имени господина.

В 209 г. до н.э., после подавления восстания Ахея в Малой Азии и подчинения Софены (*Polyb.* VIII. 17–23, 25), Антиох III приступил к реставрации селевкидской власти на Востоке в полном объеме. Селевкидская армия прошла через Каспийские ворота, вступила в Хоарену (район Эрадана), проникла в Комисену, без сопротивления заняла Гекатомпил и продолжила путь к перевалам через горы Лаба, ведущим в Гирканию (*Polyb.* X. 29. 1–3). Сломив сопротивление тапуров и, возможно, мардов, Антиох занял гирканские города Тамбрак и Сиринк, находящиеся в окрестностях Астрабада – современного Горгана, а также Ахриану (*Polyb.* X. 31. 14). Аршаку II пришлось пойти по стопам своего отца (*Strab.* XI. 8. 8) и

воспользоваться «гостеприимством» апасиаков. Но бегство Аршака за Окс (Узбой) объяснимо лишь в том случае, если Антиох дошел, как минимум, до долины Атрека. В результате победоносного похода Антиох III очистил от парнов всю Гирканию и Парфиену. Победителю достался основанный Аршаком I в качестве своей резиденции город Дара (*Iust.* XLI. 5. 2–4).

В чем же заключается причина столь быстрого и сокрушительного поражения Аршака II? Оно – кроме внезапности нападения Антиоха и его явного превосходства в силах – объясняется характером власти парнов на захваченных землях. Об этом можно судить не только по уже упоминавшимся словам Страбона (*Strab.* XI. 9. 2), но и по попыткам Аршака задержать продвижение селевкидской армии. Он мог бросить против Антиоха свою превосходную конницу, чтобы она тревожила вражескую пехоту на марше и нападала на отряды фуражиров. Однако Аршак не захотел рисковать своими соплеменниками и вместо этого прибегнул к тактике «выжженной земли».

Эти действия наглядно продемонстрировали, что Аршак заботился только о парнах, что его власть в Парфиене и Гиркании была просто военной оккупацией. Естественным следствием подобного порядка вещей оказалось отсутствие поддержки со стороны даже того местного населения, которое сохранило свою землю во время парнского завоевания. В самом деле, отданный Аршаком приказ о разрушении *канатов* и колодцев, являвшихся основой ирригации в Парфиене, обрекал здешних крестьян на разорение и голодную смерть. В такой ситуации они должны были ждать прихода войск Антиоха как избавления от неминуемой гибели.

Отдельно стоит упомянуть об отношениях между Аршаком II и эллинами. Хотя нет оснований считать, что резня греков в Сиринке (*Polyb.* X. 31. 11) была организована по приказу Аршака II, последний нес за нее полную политическую ответственность, так как это было делом рук его фактических союзников. Поэтому не будет слишком рискованным

предположить, что эллины воспринимали парнов и их вождя как своих злейших врагов.

Не позднее зимы 209–208 г. до н.э. Антиох III заключил с Аршаком мир, об условиях которого Юстин сообщает лишь то, что Аршак стал союзником Селевкидов (*Iust.* XLI. 5. 7). Нарочитая неясность употребленного в эпитоме Помпея Трога выражения – *societatem* – создала почву для появления многочисленных интерпретаций. Однако у Антиоха явно не было причин выдавать Аршаку премию за мятеж в виде уступки только что отвоеванных селевкидских территорий. Напротив, для более прочного закрепления за Селевкидами Парфиены и Гиркании Антиох III открыл новый монетный двор. Он был расположен восточнее Экбатан и помечал свою продукцию монограммой $\overline{\text{AP}}$, состоявшей из *кси*, *альфы* и *ро*. Определенное сходство выпускаемых на нем драхм с раннеаршакидским чеканом делает наиболее убедительной локализацию данного двора именно в Гекатомпиле. Возможно, что открытие этого двора было связано с размещением в Гекатомпиле селевкидского гарнизона, на оплату которого и предназначалась выпускаемая в столице сатрапии монета.

В сложившейся ситуации парны смогли лишь сохранить за собой те земли на Сумбаре и Атреке, которые они занимали накануне первого вторжения в Парфиену. Аршак II был вынужден признать селевкидское господство, платить дань, посылать своих воинов в армию Антиоха (*Liv.* XXXVII. 40. 8; *App. Syr.* 167) и – в знак утраты суверенитета – прекратить монетную чеканку. Столь часто дебатированный в науке вопрос – сохранил ли Аршак II царский титул – вообще является беспредметным. Ни текст Полибия (*Polyb.* X. 28–29), ни выпущенные самим Аршаком II монеты не позволяют считать, что он когда-либо обладал титулом ΒΑΣΙΛΕΥΣ. Таким образом, даже если согласиться с Юстином–Трогом и признать заключение союза между Антиохом III и Аршаком II, надо все-таки помнить, что это был союз всадника и лошади.

Трудно сказать, сколь еще долго парны оставались бы под властью Селевкидов, если бы Антиох III не потерпел катастрофического поражения от римлян при Магнесии в 190 г. до н.э. После подписания с Римом Апамейского мира в 188 г. до н.э. Антиох III навсегда потерял всю Малую Азию к северу и востоку от Тавра, что серьезно ослабило державу Селевкидов. Однако мы ничего не знаем о попытках парнов воспользоваться столь благоприятно сложившимися для них обстоятельствами. Очевидно, память о поражениях Аршака I и Аршака II была еще слишком свежа.

В истории Парфии наступает темное двадцатипятилетие (189–164 гг. до н.э.), на которое приходится правление Фрияпатия (ок. 191–176 гг. до н.э.), Фраата I (ок. 176–171 гг. до н.э.) и Митридата I. О первом из них неизвестно ничего, кроме имени, и того, что он правил пятнадцать лет (*Iust.* XLI. 5. 8–9). Анализ занимаемого Фрияпатием положения в кругу ранних Аршакидов показывает, что Фрияпатий / Friyarāt был внуком Аршака I. Его ни в коем случае нельзя отождествлять с внучатым племянником Аршака I, имя которого – Фрияпатак / Friyarātak – упомянуто в остраконах Старой Нисы (*PEDN* 2638–2640).

Из событий, происходивших во время недолгого правления Фраата I, в истории сохранилась только одержанная им победа над племенем мардов (*Iust.* XLI. 5. 9). Война не смогла бы состояться, если бы Аршакиды предварительно не ввели свои войска в Гирканию. Кстати, отсутствие какой-либо враждебной реакции со стороны Селевка IV (187–175 гг. до н.э.) на появление парнов в Гиркании позволяет предположить, что Селевкидам самим пришлось поручить своим аршакидским вассалам защиту этой сатрапии от набегов мардов. О том, что контролируемая Фраатом I территория была значительно меньше, чем это принято обычно считать, свидетельствует и продолжение работы селевкидского монетного двора, расположенного в Гекатомпиле и помечавшего свою продукцию монограммой $\overline{\text{AP}}$. Двор выпускал монету для Селевка IV и Антиоха IV и прекратил свою деятельность лишь после смерти последнего в 164 г. до н.э.

Но в таком случае Фраат I не мог владеть не только восточной Мидией, но даже Парфиеной.

Разумеется, победа Фраата I стала серьезным внешнеполитическим успехом. Установление контроля над областью мардов открывало парфянам – через перевалы Терехмумедж и Кендеван – дорогу в Мидию в обход Каспийских ворот. Вместе с этим, победа над мардами ознаменовала собой начало серьезных изменений во внутренней политике ранних Аршакидов. Безусловной заслугой Фраата I было осознание того факта, что без преодоления конфликта с местным оседлым населением невозможно думать не только о новых завоеваниях, но даже о сохранении прежних. Будучи крайне заинтересованным в привлечении эллинов и гирканцев на свою сторону и видя в войне против мардов, тревоживших Гирканию своими набегами, наилучший способ для достижения этой цели, Фраат вполне сознательно пренебрег тем, что марды были фактическими союзниками его деда Аршака II. Судя по тому, что поход завершился полным успехом, надежды Фраата на помощь местных жителей оправдались: ведь без их активного участия конные лучники-парны (*Liv. XXXVII. 40. 8; App. Syr. 167*) вряд ли могли рассчитывать на победу в заросших густым лесом горах.

Результаты этих серьезных изменений во внутренней политике сказались уже в правление младшего брата Фраата I – Митридата I. Именно он возглавил последнее, третье по счету отложение парфян от державы Селевкидов, которое, наконец, оказалось успешным. Корнелий Тацит (*Tac. Hist. V. 8. 2.*), повествуя о политике Антиоха IV Епифана в Иудее, сообщает об этом следующее: «царь Антиох всячески стремился устранить суеверие и ввести греческие обычаи..., но ему помешала парфянская война, так как в это время отложился Аршак».

Судя по тому, что весной 165 г. до н.э. Антиох IV выступил в поход на Восток, отложение Митридата I можно датировать 166 г. до н.э. На первых порах отпадение парфян выразилось в том, что Митридат I, воздержавшись пока от вторжения в Парфиену, провозгласил свою независимость и

аннексировал Гирканию, куда аршакидская армия вступила еще при Фриапатии или Фраате I. Однако ситуация кардинально изменилась после внезапной смерти Антиоха в конце 164 г. до н.э. Митридат I сразу же захватил Парфиену вместе с Гекатомпиллом, где организовал выпуск своих драхм, дихалков и халков с легендой ΑΡΣΑΚΟΥ. Видимо, несколькими годами позже в руки Аршакидов перешла и Несайя. Там также был открыт монетный двор, который вместе с Гекатомпиллом стал выпускать драхмы, триоболы, диоболы и оболы с легендой ΑΡΣΑΚΟΥ ΒΑΣΙΛΕΩΣ. Таким образом, Митридат I стал первым правителем из династии Аршакидов, который принял царский титул. Поскольку в эпоху эллинизма провозглашение царем всегда было следствием победы над бывшим сюзереном или царственным соперником, необходимо предположить наличие такой же победы и для Митридата I. Учитывая, что принятие царского титула примерно совпадает с захватом Несайи, а также – имеющиеся данные о войнах против Греко-Бактрии (*Strab.* XI. 11. 2; *Iust.* XLI. 6. 3), наиболее вероятным кандидатом на роль побежденного соперника Митридата является Евкратид I.

В чем же заключается причина столь выдающихся успехов Митридата I, который примерно за одно десятилетие добился большего, чем все его предшественники? Вряд ли все можно свести к ироничному замечанию Анатоля Франса: «Никому не дано создавать шедевров, но некоторые вещи становятся ими благодаря любезности времени». Разумеется, «любезность времени» не стоит сбрасывать со счетов. Но является ли такое объяснение достаточным? Не выдерживают проверки фактами и гипотезы, объясняющие успехи парфян значительной ролью кочевнического компонента. Напротив, именно «варварское и скифское» в политике Аршака I и его двух преемников не только породило перманентный конфликт с сельскими и городскими жителями Парфиены и Гиркании, но и обусловило эфемерность первых завоеваний.

Очевидно, что ответ на этот вопрос заключается в коренном изменении внутренней политики при Фраате I и Митридате I. Помня об ожесточенном сопротивлении местного оседлого населения, с которым столкнулись их предки, они *были вынуждены* отказаться от практики сгона с земель парфиенов и гирканцев, а также – от размещения своих соплеменников-парнов в Парфиене и Гиркании. Это видно хотя бы из того, что связанные с парнами могильники концентрируются на берегах Оха (Сумбара-Атрека) и в северо-западных предгорьях Копетдага и не встречаются на территориях к югу от Эльбурса и Нишапурских гор.

Нормализация отношений с эллинами, парфиенами и гирканцами позволила Митридату I использовать материальные и людские ресурсы завоеванных областей для покорения Мидии и Месопотамии на западе и успешного наступления на Греко-Бактрию на востоке, что впоследствии привело к превращению Парфии в мировую державу.

Приложение I

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ТОПОНИМА ПАРТАВА

Происхождение топонима Партава (*Parθava-*) является не менее спорным, чем точная локализация той небольшой области в северо-восточном Иране, для обозначения которой он служил. Так, И.М. Дьяконов возводил это название к иранск. *pars-, *parsav- — «ребро», «бок», «край» и считал, что «Парфия была, по-видимому, «краем» для племен, говоривших на юго-западных диалектах» [Дьяконов, 2008. С. 100]. Но хотя переход общеиранского *ś в θ действительно характерен для древнеперсидского языка [Kent, 1953. P. 33; Расторгуева, 1990. С. 83], существование формы *Parθava-* уже в VII в. до н.э. не позволяет – вопреки Р. Кенту [Kent, 1953. P. 33] – выводить ее из «юго-западного» диалекта [Грантовский, 1961. С. 7, прим. 22; 2007. С. 165]. Вместе с этим, топоним Партава не может быть ни мидийским, ни парфянским, так как в западноиранских языках общеиранское *ś переходит в s [Kent, 1953. P. 33; Расторгуева, 1990. С. 83, 200–201]. Э.А. Грантовский считал, что фонетически возможно возводить этимологию названия области и населявшего ее народа к индоиранскому *Parthu- и сравнивать с соответствующими индийскими этнонимами [Грантовский, 1961. С. 7]. Однако, по мнению С.В. Кулланды, это представляется маловероятным с исторической точки зрения, поскольку названий, восходящих к индоиранскому *Parthu-, в иранском мире не известно³⁶². Тот же автор указывает: «принимая во внимание, что в иранской этнонимии распространены названия, восходящие к индоиранскому *Parśa/u, таковы, в частности, самоназвания персов... и пуштунов, можно предположить, что имя парфян восходит к иранскому языку, где *ś давало θ, т.е., учитывая

---

³⁶² Личное сообщение С.В. Кулланды от 21 декабря 2011 г.

расположение Парфии на границе с кочевым миром, не исключено, что к скифскому³⁶³, resp. сакскому» [Кулланда, 2016. С. 136].

О каком же языке может идти речь? Нам представляется, что, скорее всего, это был язык массагетов, которые обитали к востоку от Каспийского моря за рекой Араксом–Узбоем (*Hdt.* I. 201, 204). В археологическом плане они соответствовали ранним сакам Присарыкамышской дельты Амударьи и, таким образом, являлись северными соседями Партавы [Балахванцев, 2012в. С. 26; 2015к. С. 57]. Но как массагетский по происхождению топоним стал известен мидянам, а затем и персам?

В науке широко распространено отождествление *массагетов* Геродота с *sakā tigraxaudā* ахеменидских надписей [Литвинский, 1972. С. 174; Доватур и др., 1982. С. 182]. Однако сравнительно недавно А.А. Немировский предпринял попытку поставить тождество двух этих этнонимов под сомнение. Его аргументы сводятся к следующему. Во-первых, массагеты, судя по Геродоту, не были подвластны персам ни при Дарии (*Hdt.* III. 89–97), ни при Ксерксе (*Hdt.* VII. 61–96), а саки тиграхауда упоминаются в царских надписях Ахеменидов среди покоренных народов [Немировский, 2005. С. 221]. Во-вторых, если бы Дарий покорил массагетов, превзошел самого Кира и отомстил за его смерть, то этот грандиозный успех неминуемо получил бы достойное выражение в пропаганде ахеменидских царей. Между тем, рассказывая о походе против саков тиграхауда в Бехистунской надписи, Дарий ни словом не упоминает о Кире [Немировский, 2005. С. 221–222]. В-третьих, поскольку следовавший персидскому словоупотреблению Геродот не включал в число скифов (саков) массагетов, то последних нельзя относить к сакам тиграхауда [Немировский, 2005. С. 222–223].

Что можно заметить по поводу этих утверждений? Во-первых, в литературе уже не раз обращалось внимание на то обстоятельство, что

---

³⁶³ О данной фонетической закономерности, свойственной скифскому языку, см.: Витчак, 1992. С. 55; Кулланда, 2016. С. 110.

ахеменидские надписи игнорировали факты отпадения от империи тех или иных территорий [Shahbazi, 1982. P. 223, not. 157; Roaf, 1983. P. 128; Bosworth, 1995. P. 148; Badian, 1998. P. 207, 220; Балахванцев, 2006б. С. 367; 2013б. С. 52–53]. Так, в гробничной надписи Артаксеркса II ($A^2P=A^2Pa$) среди представителей входящих в состав его державы народов присутствуют заморский скиф, житель Скудры, египтянин, ливиец, эфиоп, хорезмиец. Однако в 359 г. до н.э. ни один из этих этносов не мог находиться в подчинении у персов³⁶⁴. Впрочем, ахеменидская традиция вольного обращения с фактами обязана своим возникновением вовсе не Артаксерксу II, а еще его предку Дарию I.

Как известно, поход Дария против причерноморских скифов закончился полным провалом: персы не смогли не только покорить Скифию, но и захватить хотя бы клочок земли к северу от Истра–Дуная (*Hdt.* IV. 118–141). Более того, скифы сами перешли в наступление, прошли через захваченную персами Фракию вплоть до Херсонеса Фракийского (*Hdt.* VI. 40)³⁶⁵, а затем, заключив союз со спартанцами, даже собирались вторгнуться в Мидию по течению Фасиса–Аракса (*Hdt.* VI. 84). Однако эти обстоятельства не помешали Дарию включить *sakā paradraya* (заморских, или европейских скифов) в перечень покоренных народов в своей гробничной надписи в Накш-и Рустаме (*DNa* 28–29), а также изобразить одного из них в качестве носителя трона, чему впоследствии подражали все его преемники [Schmidt, 1970. P. 108–110, fig. 44]³⁶⁶.

---

³⁶⁴ Подробнее см. приложение III.

³⁶⁵ Иногда скифское вторжение датируется 511 г. до н.э. [Фол, Хэммонд, 2011. С. 303], однако по Геродоту (*Hdt.* VI. 40) это случилось за три года до того, как Мильтиад окончательно оставил Херсонес в 493 г. до н.э. [Мюррей, 2011. С. 575].

³⁶⁶ Удивительно, что некоторые авторы, отмечая лживость утверждений Дария о царском достоинстве его предков и обстоятельствах

Таким образом, утверждая, что саки тиграхауда, в отличие от массагетов, были завоеваны персами, и, стало быть, речь идет о разных народах, А.А. Немировский проявляет чрезмерное доверие к ахеменидским надписям, которые, как нам уже приходилось отмечать, отнюдь не стремились дать их читателю объективную информацию об административном устройстве государства, но в первую очередь были призваны создать у него представление о вечности и неизменности империи [Балахванцев, 2006б. С. 367, прим. 6].

Между тем, к сомнениям относительно подчинения саков тиграхауда персам – кроме отмеченной выше тенденции ахеменидских памятников жертвовать реальностью в пользу идеологии – побуждает одно вполне конкретное обстоятельство. В перечне войск, которые Ксеркс вел в поход на Элладу, из числа саков упоминаются *только* амиргийские скифы (*Hdt.* VII. 64), традиционно отождествляемые с *sakā haumavargā* ахеменидских надписей [Литвинский, 1972. С. 163–169, 174; Доватур и др., 1982. С. 392; Vogelsang, 1992. P. 192]. Спрашивается, если саки тиграхауда были действительно покорены Дарием, то почему у Геродота нет даже и намека на их присутствие в армии Ксеркса?

Второй аргумент А.А. Немировского основан на априорном убеждении в том, что Дарий относился к Киру Великому с большим пиететом и воспринимал его как образец для сравнения и подражания. Но так ли было на самом деле? В Бехистунской надписи Дарий упоминает создателя империи Ахеменидов только в качестве отца Камбиса, а также других претендентов на престол, причем, если в вавилонском варианте Кир еще

захвата им власти [Дандамаев, 1985. С. 8–11, 68–70; Кайлер Янг-мл., 2011. С. 73–74], все же пытаются найти какие-то реальные основания для включения заморских скифов в список покоренных народов [Дандамаев, 1985. С. 111; Кайлер Янг-мл., 2011. С. 89]. Для Дария единственным и вполне достаточным «основанием» было нежелание признать свое поражение.

именовался «царь Parsu», то в добавленной позднее древнеперсидской версии³⁶⁷, которую утверждал лично Дарий [Дьяконов, 1986. С. 17], имя Кира *ни разу* не сопровождается царским титулом (*DB I 28, 39, 53, III 25, IV 9, 27–28; DBb 5–6; DBh 6–7*).

Однако это было далеко не единственным случаем умаления роли и достоинства Кира. В той же Бехистунской надписи Дарий заявляет, что восемь человек из его семьи (*manā*) были царями–*xšāyaθiyā* (*DB I 9–10*). Обычно считается, что Дарий имеет в виду Ахемена, Чишпиша, Кира I, Камбиса I, Кира II Великого, Камбиса II, а также своего прадеда Ариарамну и деда Аршаму [Дандамаев, 1985. С. 11; Кайлер Янг-мл., 2011. С. 40]. Исследователи уже отмечали то обстоятельство, что Ариарамна и Аршама не только не могли быть царями в Парсе [Дандамаев, 1985. С. 11], но и вообще не имели царского титула [Briant, 2002. P. 110–111]³⁶⁸. Между тем, приписывая титул *xšāyaθiyā* как Киру II, так и своим прямым предкам, Дарий

---

³⁶⁷ См.: Дандамаев, Луконин 1980, 269 (с предшествующей литературой).

³⁶⁸ Попытка А.И. Иванчика [Иванчик, 2000. С. 177, 198] «отстоять» правдивость данного заявления Дария не может быть признана удачной. Исследователь полагает, что Кир II и его прямые предки были царьками Аншана, в то время как Ариарамна и Аршама правили другим персидским княжеством. Однако даже принятие предлагаемого рядом исследователей перевода древнеперсидского *duvītāparanam* (*DB I 10*) как «в двух линиях» [Ahmadi, 2014. P. 41–82] не делает слова Дария заслуживающими доверия. В самом деле, раздробленная на отдельные княжества Парса не смогла бы свергнуть мидийское господство. Кроме того, источники единодушно свидетельствуют, что к моменту начала восстания против Астиага Кир II был *единственным* царем *всей* Парсы (Аншана). См.: Дандамаев, 1985. С. 8–11; Кайлер Янг-мл., 2011. С. 41–42.

в скрытой форме не только возвысил деда³⁶⁹ и прадеда, но и одновременно принизил Кира, лишив его титула «Великий царь», который сопровождал имя основателя империи в месопотамских источниках [Кайлер Янг-мл., 2011. С. 58].

Таким образом, во время создания Бехистунской надписи³⁷⁰ Дарий относился к своему предшественнику с нескрываемой неприязнью, которая могла возникнуть еще в последние годы правления Кира. Об этой неприязни было настолько широко известно, что появилось даже анекдотичное объяснение причин ее возникновения: Киру, мол, приснился вещий сон, после чего он стал подозревать Дария в намерении захватить власть и собирался его арестовать (*Hdt.* I. 209–210). Поэтому вряд ли стоит удивляться тому, что в рассказе о походе против саков тиграхауда Дарий о Кире не вспоминает. Всячески стремившийся создать впечатление, что он первый из персов стал «Великим царем» и находится под исключительным покровительством Ахурамазды, Дарий вполне мог воспринимать смерть Кира и Камбиса как «божий промысел», открывший ему, как наиболее достойному, дорогу к власти.

Переходя к анализу этнической номенклатуры, используемой в труде Геродота и ахеменидских надписях, следует сразу же возразить против

---

³⁶⁹ Упомянув своего престарелого деда Аршаму в надписи из Суз, Дарий ни слова не говорит о его царском достоинстве (*DSf* 13).

³⁷⁰ Предположение, что впоследствии Дарий пересмотрел свое отношение к Киру [Stronach, 1997. P. 361] основывается лишь на догадке, что древнеперсидские надписи из Пасаргад, упоминающие Кира II в качестве «царя» и даже «великого царя», были высечены при Дарии I. Однако нам кажется более вероятным, что эти надписи были делом рук Ксеркса, решившего задним числом возвеличить своего деда по материнской линии, к памяти которого он, по сведениям Геродота, постоянно апеллировал, обосновывая свое право на царскую власть (*Hdt.* VII. 2).

утверждения, что «отец истории» в целом следовал персидскому словоупотреблению. Так, наименование *sakā tigraxaudā* представляет собой типичный экзоэтноним, применение которых было вообще характерно для надписей Дария и Ксеркса (*DPh* 5–6; *DNa* 29; *DSe* 27–29; *XPh* 23–25). Употреблявшийся же Геродотом апеллятив «массагеты», судя по всему, является эндоэтнонимом, т.е. самоназванием, в котором к тому же отчетливо слышится элемент «сак» [Доватур и др., 1982. С. 183]. И хотя Геродот действительно не считал массагетов скифами (*Hdt.* I. 201), это не имеет никакого отношения к обсуждаемому тут вопросу.

Поэтому у нас нет оснований отказываться от отождествления саков тиграхауда с массагетами Геродота. В пользу же этого отождествления можно привести следующее наблюдение. В ахеменидскую эпоху в десятый мидийский податной округ входили *ортокорибантии* (*Hdt.* III. 92). Этот экзоэтноним является калькой с древнеперсидского *tigraxaudā* и означает «острошапочные». Вряд ли можно согласиться с мнением В. Фогельсанга, видящего в упоминании ортокорибантиев доказательство того, что десятый округ включал в себя народы, живущие за Каспийским морем, в том числе – и саков тиграхауда [Vogelsang, 1992. P. 203]. Дело в том, что племена, населявшие побережье Каспия, входили в одиннадцатый округ (*Hdt.* III. 92), а парфяне и гирканцы³⁷¹ – в шестнадцатый (*Hdt.* III. 93). Поэтому нет оснований считать, что ортокорибантии Геродота обитали к востоку от Каспия. Они не могли быть ни кем иными, как частью переселившихся в Мидию саков тиграхауда. Логично предположить, что это переселение было следствием их походов в северо-западный Иран, предпринятых еще до

---

³⁷¹Напомним, что, судя по надписям Дария из Бехистуна (*DB* I 16, II 92–98, III 1–10), Суз (*DSe* 21; *DSm* 8) и Накш-и Рустама (*DNa* 22), а также данным Страбона (*Strab.* XI. 9. 1), Гиркания была объединена в одну административную единицу с Парфией и платила подати вместе с последней.

образования Мидийской державы. О реальности этих рейдов свидетельствует костяное навершие с арамейской надписью из могильника Сакар-чага 3 в Южном Приаралье [Яблонский, 1996. С. 52, рис. 5], которую можно датировать концом VIII – первой половиной VII вв. до н.э. Поскольку во второй половине VIII в. до н.э. восточная граница сферы использования арамейского языка находилась в Западной Мидии и Манне [Lemaire, 1998. P. 15–30; Балахванцев, 2016г. С. 20–21], то саки тиграхауда должны были, как минимум, доходить до гор Загроса и озера Урмия. Именно благодаря своему присутствию в Мидии ортокорибантии могли способствовать проникновению формы *Parθava-* через посредство мидийского в язык ахеменидских царских надписей, где данный топоним стал восприниматься уже как вполне древнеперсидский [Грантовский 1961, 7, прим. 24].

На этом можно было бы поставить точку, если бы не одно обстоятельство. Анализируя имя массагетского царевича Σπαργαπίσης < общеиранское *Spargapaiša- (*Hdt.* I. 211, 213), специалисты по иранским языкам неоднократно отмечали, что в массагетском общеиранское *ś перешло в *s* [Грантовский, 2007. С. 184; Витчак, 1992. С. 55–56; Кулланда, 2016. С. 6]. Если дело обстоит именно так, то выводить топоним Партава из языка саков тиграхауда не представляется возможным. Однако вероятность того, что Геродот услышал имя Спаргаписа из уст массагета³⁷², ничтожно мала. Скорее, мы имеем здесь дело с иноязычной передачей, которая могла повлиять на первоначальную форму имени [Грантовский, Раевский, 1984. С. 49]. Мы полагаем, что имя Спаргапис дошло до Геродота не в массагетской, а в мидийской передаче, где, как уже отмечалось выше, общеиранское *ś переходило в мидийское *s*. Таким образом, никаких препятствий к тому,

---

³⁷² Трудно предположить возможность попадания какого-либо массагета в Средиземноморье, с другой стороны, сам Геродот никогда не бывал к востоку от Каспийского моря.

чтобы считать топоним Партава (*Parthava-*) происходящим из языка саков тиграхауда (массагетов)³⁷³, больше не остается.

---

³⁷³ Данное обстоятельство позволяет прийти к выводу, что массагетский язык имел со скифским одну общую изоглоссу $*\acute{s} > \theta$.

Приложение II

ЮЖНОУРАЛЬСКИЕ ДАХИ И АРТАКСЕРКС I

В мае 1971 года в одном из раннесарматских курганов западной группы Ново-Кумакского могильника на восточной окраине г. Орска был обнаружен алабастр египетского производства [Балахванцев, 2017. Рис. 19]. На плечиках сосуда находились расположенные в три горизонтальные строки клинописные надписи – древнеперсидская, эламская, аккадская (вавилонская), а ниже них, на тулове – заключенная в прямоугольник и читающаяся сверху вниз иероглифическая надпись: «Артаксеркс, фараон великий». Но если последняя дошла до нас практически без утрат, то клинописные строчки сохранились довольно плохо, о чем можно наглядно судить по опубликованной прорисовке [Савельева, Смирнов, 1972. С. 109, рис. 3в] и транслитерации надписей [Савельева, Смирнов, 1972. С. 108; Mayrhofer, 1978. S. 28, § 5. 2; Schmitt, 2001. S. 197, № 8]. В мае 2009 года по нашей просьбе сотрудник ГМИИ им. А.С. Пушкина И.О. Хаит выполнил новую прорисовку [Балахванцев, 2017. С. 118, рис. 20], добавив не отмеченные прежде знаки, что позволило дать более полную транслитерацию³⁷⁴.

По поводу чтения имени «Артаксеркс» среди исследователей никогда не было никаких расхождений, но вопрос: какой титул – «царь» или «великий царь» – стоял в клинописных надписях после имени, вызвал споры. Э.А. Грантовский после изучения алабаstra пришел к выводу, что для титула «великий царь» просто не хватает места [Савельева, Смирнов, 1972. С. 108; Savelyeva, 1973. P. 3]. Р. Шмитт, признавая, что относительно титула Артаксеркса могут быть различные мнения [Schmitt, 2001. S. 197]³⁷⁵, все-таки

---

³⁷⁴ Транслитерация древнеперсидской и эламской надписи выполнена П.Б. Лурье и М.А. Дандамаевым, а аккадской (вавилонской) – нами.

³⁷⁵ См. также: Mayrhofer, 1978. S. 28, § 5. 2.

сопоставлял орский алабастр с экземпляром из Берлина, у которого в иероглифической надписи Артаксеркс представлен с титулом «великий царь», а в клинописных – «царь» [Schmitt, 2001. S. 196, № 3].

Транслитерация клинописных надписей выглядит следующим образом:

(древнеперс.) : A-r-t-x-š-[ç-].

(элам.) :^mir-tak-[ik-sha-ash-sha].

(вавилон.) :^mar-t[a ...]³⁷⁶.

В первой строке имя Артаксеркса читается почти полностью. Во второй надписи полностью сохранились два первых знака с предшествующим детерминативом для мужских имен. В третьей строке также уцелел детерминатив мужского имени и знак -ar; от следующего знака -ta сохранились только горизонтальные клинья, а из трех вертикальных – лишь верхняя часть крайнего левого.

К какому из Артаксерксов можно отнести орский алабастр? Следует заметить, что при датировке сосудов с именем Артаксеркса исследователи, как правило, исходили из стилистических и (или) общеисторических соображений. Так, гранитную вазу из Венеции [Schmitt, 2001. S. 195, № 1] по форме и материалу датировали временем Артаксеркса III [Posener, 1936. P. 138, 140, 146; Савельева, Смирнов, 1972. С. 110; Savelyeva, 1973. P. 5], против чего выступил В. Хинц, заявивший, что при Артаксерксе III Египет больше не был составной частью ахеменидской державы [Hinz, 1980. S. 122]. Аналогичным образом Т.Н. Савельева отвергла кандидатуры Артаксеркса II и Артаксеркса III применительно к роли первого владельца орского

---

³⁷⁶ Ввиду существования в вавилонской клинописи различных способов написания имени «Артаксеркс» [Mayrhofer, 1973. S. 164; Schmitt, 2001. S. 195, № 1, 2] мы не пытаемся восстановить несохранившиеся на алабастре знаки.

алабастра, поскольку первый из них никогда не правил Египтом, а второй царствовал в нем довольно короткое время [Савельева, Смирнов, 1972. С. 110; Savelyeva, 1973. P. 5].

Однако согласиться с такими аргументами трудно. В самом деле, восстание Амиртея в Египте началось ок. 405 г. до н.э. и поначалу охватило лишь Дельту. Только к 401 г. до н.э. восстание распространилось на всю страну (*Xen. Anab.* II. 1. 14), а в 400 г. до н.э. капитулировали последние персидские гарнизоны в Верхнем Египте [Дандамаев, 1985. С. 206; Bresciani, 1985. P. 512]. Таким образом, если ограничиться только общеисторическими соображениями, то и Артаксеркс II, правивший в Египте в 404–401 гг. до н.э., и его сын, восстановивший на четыре года персидское господство в долине Нила в 342 г. до н.э. [Morkot, 1991. P. 330; Briant, 2002. P. 1029–1031], теоретически могли быть теми царями, для одного из которых изготовили орский алабастр.

Вопрос о том, какой именно Артаксеркс был первым хозяином этого сосуда, решается лишь на основе наблюдений за эволюцией ахеменидской эпиграфики. Дело в том, что, как показывает собранный Р. Шмиттом материал, уже начиная с царствования Дария II (423–404 гг. до н.э.) на печатях ахеменидских царей и чиновников перестают использовать эламскую и вавилонскую клинопись [Schmitt, 1981]. При Артаксерксе II (404–359 гг. до н.э.) сфера употребления эламской и вавилонской письменностей еще больше сокращается и ограничивается теперь лишь царскими надписями [Knappton et al., 2001. P. 102], а при Артаксерксе III (359–338 гг. до н.э.) исчезает и там [Schmitt, 2009. S. 40].

Естественно, что данные обстоятельства не позволяют относить сосуд с эламской и вавилонской клинописью ко времени правления Артаксеркса II или его сына. Интересно, что и среди сосудов с именем Дария нет таких, которые могли бы быть приписаны Дарию II [Савельева, Смирнов, 1972. С. 110; Schmitt, 2001. S. 191]. Видимо, изготовление сосудов с именами ахеменидских царей в Египте при нем уже прекратилось. Таким образом,

орский алабастр можно датировать только временем царствования Артаксеркса I (465–424 гг. до н.э.).

Т.Н. Савельева, основываясь на проявившейся в египетской эпиграфике тенденции к сокращению царского титула, отнесла орский алабастр к первой половине его правления [Савельева, Смирнов, 1972. С. 111; Savelyeva, 1973. P. 6]. Представляется, что эта, безусловно, правильная точка зрения нуждается в уточнении. В самом деле, исходя из сочетания титулов в клинописных и иероглифических надписях, все сосуды с именем Артаксеркса можно разделить на три хронологические группы:

1. Титул «царь великий» в клинописных надписях сочетается с титулом «фараон великий» в иероглифике [Schmitt, 2001. S. 195, № 1].

2. Титул «царь» в клинописных надписях сочетается с титулом «фараон великий» в иероглифике [Schmitt, 2001. S. 196, № 3; Савельева, Смирнов, 1972. С. 108; Savelyeva, 1973. P. 3].

3. Титул «царь» в клинописных надписях сочетается с титулом «фараон» в иероглифике [Schmitt, 2001. S. 195, 196, 198, № 2, 4, 11].

Очевидно, что производство сосудов первой группы относится к самому началу правления Артаксеркса I. Верхней границей для них стало восстание Инара, пик которого пришелся на 459–456 гг. до н.э. Трудно предположить, что в то время, когда даже столица сатрапии – Мемфис – попала в руки мятежников, египетские ремесленники продолжали производить изделия с именем персидского царя. Весьма вероятно, что в эти годы производство сосудов для дворцового обихода было приостановлено. Сосуды третьей группы мы, в полном согласии с Т.Н. Савельевой [Савельева, Смирнов, 1972. С. 111; Savelyeva, 1973. P. 6], относим ко второй половине правления Артаксеркса I (ок. 445–424 гг. до н.э.), когда в иероглифике стал использоваться сокращенный титул «фараон». Что же касается алабастров

второй хронологической группы, включая и сосуд из Орска, то их следует датировать периодом между поражением восстания и серединой сороковых годов V в. до н.э.

Алабастр с именем Артаксеркса по праву занимает почетное первое место среди других находок ахеменидских престижных ценностей на Южном Урале. Вопрос о причинах их попадания в данный регион уже давно дебатруется в науке [Балахванцев, 2010в. С. 116]. Многие исследователи считают, что изделия ахеменидского происхождения проникли на Южный Урал благодаря экономическим, торговым связям [Иессен, 1952. С. 228; Дандамаев, Луконин, 1980. С. 220; Акбулатов, 1999. С. 67; Скрипкин, 2003. С. 196]. Другие, признавая значение торговли, отмечали, что престижные ценности попадали на Южный Урал в качестве трофеев либо даров [Савельева, Смирнов, 1972. С. 120–122; Десятчиков, 1979. С. 94; Мошкова, 1981. С. 182–184; Безруков, 2005. С. 119–121].

Что можно заметить по поводу высказанных выше мнений? Нам уже неоднократно приходилось выражать свое отрицательное отношение к «торговой» теории [Балахванцев, Яблонский, 2008. С. 36–37; Балахванцев, 2010в. С. 117; 2012б. С. 22]. На наш взгляд, она является глубоко неверной, по крайней мере, по двум причинам. Первое: говорить о существовании торгового пути между двумя регионами можно только в том случае, если у нас есть доказательства движения товаров пусть не в двух, но хотя бы в одном направлении. Однако в отличие от хорошо документированного в археологическом отношении торгового пути, связывавшего во времена Геродота Северное Причерноморье с Южным Уралом³⁷⁷, нам неизвестны

---

³⁷⁷ По данным Т.Б. Барцевой [Барцева, 1981. С. 92], доля южноуральского и северо-казахстанского сырья в цветной металлообработке лесостепной зоны Левобережной Украины в V в. до н.э. достигала 36%. См. также: Членова, 1983. С. 49–51, 60.

факты экспорта на территорию Ахеменидского Ирана южноуральского золота³⁷⁸ или продуктов хозяйства местных кочевников.

Более того, трудно даже теоретически предположить, какие «эквиваленты население Урала могло отдавать в обмен на доставлявшиеся ему предметы роскоши» [Иессен, 1952. С. 230]. В раннем средневековье таким эквивалентом была пушнина, однако район концентрации находок наиболее престижных ахеменидских ценностей (долина реки Урал между Уральском и Орском) никогда не был центром пушного промысла. Еще менее вероятно, что кому-либо пришло в голову вывозить с Южного Приуралья в Иран овец, лошадей, кожи или кумыс: во-первых, такие же или аналогичные им товары имелись и в самом Иране; во-вторых, длительный путь по степям и пустыням, неизбежные потери в процессе перевозки привели бы к столь резкому удорожанию уцелевшего импорта, что он стал бы поистине «золотым».

Второе: могли ли золотые браслеты и гривны, сосуды из драгоценных металлов, алабастр с именем Артаксеркса вообще быть объектами торговых сделок? Рассмотрим эти категории вещей по отдельности.

Браслеты и гривны. В Ахеменидском Иране золотые браслеты и гривны были символом знатности самого высокого ранга³⁷⁹, и их носили

---

³⁷⁸ Поэтому предположение М.Ю. Трейстера, что долгосрочный интерес персидских царей к Южному Уралу был вызван наличием там золотых россыпей [Трейстер, 2012. С. 280; Трейстер, Яблонский, 2012. С. 287; Трейстер, 2014. С. 242], не кажется нам сколько-нибудь обоснованным. К тому же в принципе непонятно, чем Ахеменидов, сокровищницы которых были буквально забиты [Дандамаев, Луконин, 1980. С. 212] драгоценным металлом из Лидии и Бактрии [Lecoq, 1997. P. 236], Кармании (*Strab.* XV. 2. 14; *Plin.* NH. VI. 98) и Саспиритиды (*Strab.* XI. 14. 9), могло заинтересовать золото, источники которого находились за тысячу километров от границ их державы.

одни мужчины³⁸⁰. Так, по словам Ксенофонта (*Xen. Anab. I. 5. 8*), среди приближенных претендента на персидский трон Кира Младшего лишь самые знатные обладали гривнами (στρεπτούς) и браслетами (ψέλια). Наиболее доверенный человек из числа приближенных Кира Артапат наряду с гривной и браслетами носил еще и золотой акинак (*Xen. Anab. I. 8. 29*). По свидетельству Курция Руфа, золотые гривны (aureos torques) носили и гвардейцы ахеменидских царей – т.н. «бессмертные» (*Curt. III. 3. 13*). Очевидно, что браслеты и гривны, которые спартанские илоты сняли с тел убитых врагов после битвы при Платеях, в основном принадлежали именно «бессмертным» (*Hdt. VIII. 113, IX. 80*).

Браслеты и гривны являлись также своеобразными «орденами», которыми высшая власть награждала лиц либо чем-то действительно отличившихся, либо «заслуживших» их вследствие своего официального положения. Так, Кир Младший наряду с золотой уздой, золотым акинаком и персидским платьем пожаловал зависимому от персов царю Киликии Сиеннесию золотую гривну и браслеты, что считалось у Ахеменидов наиболее почетным даром (*Xen. Anab. I. 2. 27*). По сообщению Плутарха, Артаксеркс II высоко оценил заслуги убийцы Кира Митридата и наградил его золотым акинаком, гривной и браслетами (*Plut. Art. 15. 2*). Клавдий Элиан

---

³⁷⁹ Зеймаль, 1979. С. 24. Здесь следует еще раз вспомнить о свидетельстве Ксенофонта, на важность которого в плане уяснения положения персидской знати обратил внимание П. Кальмайер [Calmeyer, 1980. P. 57–58]. Согласно греческому историку, Кир Великий ввел обычай, по которому знать должна все время находиться при царском дворе и быть готовой к выполнению любого распоряжения своего повелителя (*Xen. Cyr. VIII. 1. 6–8*).

³⁸⁰ Обнаружено лишь одно погребение на акрополе Суз с гривной и двумя браслетами, которое первоначально посчитали женским, но затем это было поставлено под сомнение [Tallon, 1992. P. 242; Razmjou, 2005. P. 174].

свидетельствует, что среди подарков иноземным послам обязательно присутствовали гривны и браслеты (*Ael.* VII. I. 22). Это настолько вошло в обычай, что когда Ксеркс захотел украсить полюбившийся ему платан, то он повесил на дерево гривны и браслеты (*Hdt.* VII. 31; *Ael.* VII. II. 14).

Изобразительные памятники не только подтверждают, но и во многом дополняют информацию нарративных источников. Так, гривны и браслеты являются атрибутами многих представителей знати и воинов [Calmeyer, 1980. S. 58]³⁸¹ на рельефах восточной и северной стороны ападаны [Roaf, 1983. Pl. XIV, *a. b*; XXIV; XLVI, *b*; Curtis, Razmjou, 2005. P. 65–68, fig. 22], центрального здания [Roaf, 1983. Pl. XXXIX; XLVI, *a*], а также построенных при Артаксерксе III западной лестницы дворца Дария I [Roaf, 1983. Pl. XLVI, *d*] и дворца самого Артаксеркса [Roaf, 1983. Pl. XLVI, *c*] в Персеполе. Браслеты изображены на статуе Дария I, обнаруженной в Сузах [Curtis, Razmjou, 2005. P. 99, fig. 88], и на происходящих оттуда же фигурах «бессмертных» [Curtis, Razmjou, 2005. P. 87–88, fig. 51, 52]³⁸². Гривны и браслеты являются частью облачения Птахотепа – «начальника сокровищницы» в Египте при Дарии I [Rehm, 1992. S. 84, 85, fig. 31; Curtis, 2005. P. 133, fig. 50]. Мозаика из Дома Фавна в Помпеях, воспроизводящая картину Филоксена из Эретрии (конец IV в. до н.э.) «Битва Александра с Дарием», демонстрирует, что и персидский царь, и один из его соратников³⁸³ носили гривны [Andreae, 1977. Abb. 2; 17].

---

³⁸¹ Об иерархии изображенных в Персеполе фигур см.: Calmeyer, 1991. S. 35–53.

³⁸² Благодаря тому, что изображения выполнены из глазурованных полихромных кирпичей, нет никаких сомнений в том, что браслеты были золотыми.

³⁸³ Судя по сообщениям античных авторов, в походе и битве царя окружали знать, «бессмертные» и так называемые «родственники» (*Curt.* III. 3. 13–15, 11. 9–10; IV. 15. 28; *Arr. Anab.* III. 11. 5).

Посуда из драгоценных металлов. Золотая и серебряная посуда, наряду с гривнами и браслетами, была непременным атрибутом жизни персидской аристократии, ее безусловным статусным символом. Так, Афиней свидетельствует, что тому, кого Великий царь лишал почестей, приходилось есть с глиняной посуды (*Athen.* XI. 464a). Посуда из драгоценных металлов обязательно входила в состав даров, которыми Ахемениды жаловали прибывавших к ним послов (*Lys.* XIX. 25; *Ael.* VH. I. 22). Очень важно, что эта практика засвидетельствована уже для V в. до н.э., по крайней мере, для его конца: именно к этому времени относится свидетельство афинского оратора Лисия. Щедрый дар Артаксеркса II одному греку включал в себя двадцать золотых и сто больших серебряных фиал, а также серебряные кратеры (*Athen.* II. 48f). Наконец, драгоценные сосуды дарились и другим лицам, оказавшим царю какие-нибудь услуги (*Xen.* Cyp. I. 3. 7; VIII. 2. 3–4, 6, 8; 3. 3, 33; 4. 24, 27; 5. 29; *Plut.* Art. 5.1; *Ael.* VH. I. 32).

Естественно, что единственным источником такого рода статусных символов мог быть только Великий царь. Лишь он имел право жаловать их своим подданным или отбирать назад. Но тогда исключение символов знатности и отличия из сферы купли-продажи становилось непременным условием функционирования подобной системы: в противном случае их смог бы приобрести любой желающий, обладающий достаточными средствами.

Сказанное в полной мере относится и к **алебастровому сосуду** из Орска [Schmitt, 2001. S. 199]. Во-первых, он являлся царской собственностью. Во-вторых, такие сосуды входили в число царских даров. Так, по свидетельству Геродота, Камбис после завоевания Египта, наряду с золотой гривной и браслетами, подарил царю эфиопов алабастр с миррой (*Hdt.* III. 20).

Все это вместе взятое позволило нам в 2008 году предположить, что «наиболее вероятной причиной появления ахеменидских импортов на юге Урала является установление тесных военно-политических контактов между местными кочевниками и Ахеменидами» [Балахванцев, Яблонский, 2008. С.

37]. Заметим, что мнения о наличии таких связей высказывались и ранее. Но если одни авторы в общей форме оценивают ахеменидские импорты в качестве свидетельства военно-дипломатических контактов приуральских номадов с Ахеменидами [Schmitt, 2001. S. 199; Гуцалов, 2003. С. 183], то другие пытаются их конкретизировать.

Некоторые исследователи полагают, что номады Южного Урала могли служить в гарнизонах ахеменидской державы, и подкрепляют это предположение найденными в Персеполе бронзовыми наконечниками стрел такого же типа, что и в Южном Приуралье [Савельева, Смирнов, 1972. С. 122]. М.Ю. Трейстер, поддержав идею о гарнизонной службе сарматов, в том числе и в Персеполе, привел в ее поддержку еще два довода: во-первых, возможное иранское происхождение круговой керамики³⁸⁴, обнаруженной в курганах Южного Приуралья; во-вторых, находку на дне погребальной камеры кургана № 1 могильника Филипповка I предмета (Пшеничнюк 2012, рис. 47, 4), имеющего аналог в Персеполе и относящегося, по его определению, к элементам парадного ахеменидского оружия и костюма [Трейстер, 2010а. С. 370–372; Трейстер, Яблонский, 2012. С. 287].

Однако, гипотеза о том, что Ахемениды использовали кочевников Южного Урала для гарнизонной службы в Иране, выглядит абсолютно неубедительной. Во-первых, фактически она не имеет под собой никакого обоснования. В самом деле, многие исследователи с большим сомнением относятся к возможности использования бронзовых наконечников стрел в качестве этнических маркеров [Дьяконов, 2008. С. 266, прим. 99; Muscarella, 2006. P. 154–158]. К тому же сам К.Ф. Смирнов отмечает наличие таких же наконечников у кочевников Семиречья и Хорезма [Савельева, Смирнов,

---

³⁸⁴ Абсолютное большинство упоминаемых артефактов не имеет отношения к Ахеменидскому Ирану, а принадлежит к керамическим комплексам Хорезма и Чирикратской культуры [Болелов, 2012. С. 210–213].

1972. С. 122, прим. 73–74]. Что же касается наблюдений, сделанных М.Ю. Трейстером, то они еще раз доказывают лишь контакты обитателей Южного Урала с ахеменидскими землями, но, разумеется, не могут сами по себе пролить свет на характер этих контактов.

Во-вторых, сама идея комплектовать гарнизоны из кочевников кажется весьма странной: Ахемениды всегда использовали их как превосходную конницу, но никогда не делали попыток запереть привыкших к постоянному передвижению номадов в крепостных стенах. В-третьих, против «гарнизонной» теории говорит и сам характер находок. Их высокая стоимость и высочайший уровень исполнения предполагают *значимость* [выделено нами – А.Б.] службы «сарматов» для ахеменидского двора [Трейстер, 2010а. С. 365]. Но эта *значимость* никак не согласуется с обыденной гарнизонной службой³⁸⁵.

Другая группа исследователей воспринимает найденные на Урале ахеменидские престижные ценности в качестве трофеев и пытается определить, в ходе каких военных конфликтов они попали в руки сарматов. Так, Ю.М. Десятчиков считал, что дружины уральских кочевников вторглись в Иран в 60-е годы IV в. до н.э., в ходе великого восстания сатрапов [Десятчиков, 1979. С. 94–95]. Н.Е. Берлизов связал появление ахеменидских импортов на Южном Урале с участием «сарматов» сначала в междоусобице Артаксеркса II и Кира Младшего, а затем – в войне Александра Македонского и Дария III [Берлизов, 1997. С. 103].

Однако любые предположения о походах уральских кочевников на территорию Ирана должны непременно соотноситься с датой отпадения Хорезма от державы Ахеменидов: ведь все контакты последних с номадами

---

³⁸⁵ О скромном имущественном положении воинов, служивших в V в. до н.э. в гарнизоне Элефантины, наглядно свидетельствуют происходящие отсюда документы. См.: Porten, Yardeni, 1986. P. 26–48; 1989. P. 18–100, 133–135.

Южного Урала могли идти только через Хорезм³⁸⁶, который стал независимым уже в конце V в. до н.э.³⁸⁷ Поэтому кочевники Южного Урала просто физически не могли оказаться на территории Северо-Западного Ирана и Восточной Анатолии в 60-х гг. IV в. до н.э., как это предполагал Ю.М. Десятчиков [Десятчиков, 1979. С. 94]³⁸⁸. Что же касается гипотезы Н.Е. Берлизова, то она не только не находит опоры в источниках, но и прямо им противоречит. В самом деле, в сравнении с другими эпизодами внутривосточной борьбы в Иране, попытка Кира Младшего в 401 г. до н.э. захватить трон освещена с почти исчерпывающей полнотой. Однако ни участник похода Кира Ксенофонт, ни более поздние авторы Диодор и

---

³⁸⁶ Разумеется, теоретически можно предполагать, что прямые или опосредованные контакты Ахеменидского Ирана и южноуральских кочевников осуществлялись не только через Хорезм [Трейстер, 2010а. С. 368], но, например, и через территорию Чирикратской культуры в низовьях Сырдарьи. Однако о политических и экономических связях Ахеменидов с чирикратцами практически ничего не известно, а контакты последних с номадами Южного Урала относятся в основном к постахеменидскому времени.

³⁸⁷ Подробнее см. приложение III.

³⁸⁸ Спорить с гипотезой Ю.М. Десятчикова трудно, но не из-за весомости приводимых им аргументов, а из-за их полного отсутствия. Следует, тем не менее, заметить: утверждение автора о продвижении сираков, вышедших из среды «царских даев», до Восточной Анатолии, предполагает, что в 60-х гг. IV в. до н.э. ахеменидское государство подверглось вторжению, сопоставимому по своим масштабам с нашествием турок-сельджуков во второй половине XI в. Очень странно, что греческие источники (Исократ и др.), которые так тщательно фиксировали все признаки ослабления былого персидского могущества (восстания сатрапов), ничего подобного не заметили.

Плутарх ни словом не упоминают о присутствии каких-либо «саков» или «скифов» в армии Артаксеркса II. К тому же, между началом мятежа весной 401 г. до н.э. и решающей битвой при Кунаксе 3 сентября 401 г. до н.э. у царя было слишком мало времени для того, чтобы просить и, главное, успеть получить помощь с берегов Урала³⁸⁹.

Недавно С.А. Яценко предположил, что золотые украшения и парадные сосуды времен Артаксеркса I попали к кочевой знати Южного Урала в качестве трофеев или своеобразных даров от хорезмийцев за военную помощь в борьбе с Ахеменидами [Яценко, 2011. С. 509, прим. 11]. Сама по себе эта картина не выглядит чем-то невероятным: отпадение Хорезма, скорее всего, было результатом восстания местного населения, которое вполне могло подарками и долей в добыче привлечь на свою сторону соседних номадов. Непонятно другое: откуда у самих повстанцев на рубеже V/IV вв. до н.э. оказались ахеменидские статусные символы³⁹⁰, в том числе алабастр Артаксеркса I, произведенный ок. 450 г. до н.э. для нужд царской сокровищницы. Конечно, можно было бы предположить, что они были захвачены у местного сатрапа. Но в том-то и дело, что Хорезм никогда не был отдельной сатрапией [Балахванцев, 2006б. С. 367, прим. 6, 368–370] и, как указывает Геродот, платил царю подати вместе с жителями Парфии, Ареи и Согда (*Hdt.* III. 93). Что же касается имевшихся в Хорезме представителей ахеменидской администрации, то им было явно «не по чину» владеть статусными символами придворной знати.

---

³⁸⁹ Напомним, что те южноуральские номады, которые проводили позднюю осень и зиму в западной части Присарыкамышской дельты Амударьи, ранней весной уходили на север, к своим летовкам в долине Урала (см. выше, глава 2).

³⁹⁰ Ср. со справедливым замечанием М.Ю. Трейстера об отсутствии находок ахеменидских статусных предметов в Хорезме [Трейстер, 2012. С. 280].

М.Ю. Трейстер воспринимает находки статусных вещей в качестве трофеев и царских даров за участие в греко-персидских войнах, а также – свидетельства заключения межэтнических браков [Трейстер, 2012. С. 281; Трейстер, Яблонский, 2012. Р. 287; Трейстер, 2014. С. 242]. Начнем с последних. Поводом к появлению данного предположения стало обнаружение в парном погребении № 4 кургана 4 могильника Филипповка 1 женского костяка с гривной и двумя браслетами ахеменидского стиля. Однако нет никаких оснований считать умершую персиянкой. Эта версия заслуживала бы серьезного отношения, если бы была подкреплена примерами, когда в результате заключения подобных союзов представительницы персидской знати покидали свою родину. Между тем, для Ахеменидов браки персидских аристократок со знатными греческими пленниками (*Hdt.* VI. 41. 4: Метиох, старший сын Мильтиада) или поступившими на царскую службу иммигрантами (*Arr. Anab.* VII. 4. 6; *Plut.* Al. 21. 4: Ментор и Мемнон Родосские) служили лишь одним из средств для удержания нужных им людей на территории их державы. Поэтому персидские цари не выдавали знатных персиянок замуж в чужие страны. Это обстоятельство делает все рассуждения М.Ю. Трейстера и следующих ему авторов [Olbrycht, 2013b. P. 70, not. 68] на тему межэтнических браков абсолютно беспочвенными.

Для того чтобы правильно определить характер и время службы кочевников в ахеменидской армии, необходимо обязательно учесть следующие обстоятельства. Во-первых, Ахемениды располагали практически неограниченными людскими ресурсами и поэтому – особенно при Дарии и Ксерксе³⁹¹ – не испытывали никакой необходимости привлекать наемников

---

³⁹¹ Предположение, что номады Южного Урала могут подразумеваться под саками, участвовавшими в походе Ксеркса, противоречит тексту Геродота, в котором к последним отнесены только

из-за пределов империи, которым к тому же надо было платить³⁹². Во-вторых, контакты Южного Урала с Ахеменидами не могли не оборваться после отпадения Хорезма в конце V в. до н.э. [Балахванцев, 2006б. С. 373; 2010в. С. 119; 2016б. С. 41–42; Балахванцев, Яблонский, 2007. С. 147]. Поэтому возникновение интереса Ахеменидов к южноуральским кочевникам могло иметь место после поражения Ксеркса и до утраты Хорезма, в момент, когда в империи возникла чрезвычайная ситуация, с которой не удавалось справиться своими силами.

Какое же событие в рамках иранской истории V в. до н.э. могло привести к появлению ахеменидских импортов на Южном Урале? Какая смертельная опасность вынудила Великого царя, располагавшего фактически неисчислимыми людскими ресурсами, прибегнуть к услугам наемников из числа живших за пределами его державы кочевников и так щедро вознаградить их?

Могла ли такая ситуация быть следствием разгрома персидского флота и армии в битвах при Саламине, Платеях и Микале в 480–479 гг. до н.э.? На этот вопрос следует ответить отрицательно. После похода Павсания на Кипр в 478 г. до н.э. эллины – в лице афинян и их союзников – почти на десять лет ограничили зону своей активности Фракией и Эгеидой [Родс, 2014. С. 54, 62–66]. К тому же против предположения о пребывании южноуральских кочевников в Балканской Греции или на островах Эгейского моря красноречиво свидетельствует полное отсутствие в их погребениях любых вещей, которые могли бы происходить из Эллады. Все это еще раз подтверждает высказанное нами в 2010 г. мнение, что ахеменидские

амиргийские скифы (*Hdt.* VII. 64. 2), традиционно отождествляемые с *sakā haumavargā* ахеменидских надписей (см. приложение I).

³⁹² Единственным исключением в более поздний период стало использование греческих наемников, которые по своим боевым качествам значительно превосходили персидскую пехоту.

статусные вещи³⁹³ впервые появились у южноуральских номадов после их участия в персидском походе в Египет³⁹⁴.

Обратимся к фактам. В июне 465 г. до н.э. был убит Ксеркс I [Walker, 1997. P. 21] и на престол Ахеменидов взошел его сын Артаксеркс I (465–424 гг. до н.э.). Однако претензии на трон предъявил и другой сын Ксеркса – Виштаспа, стоявший во главе сатрапии Бактрия (*Ctes.* FGrH 688 F 14. 35; *Plut.* Them. 31. 2). Виштаспа восстал, и царю удалось подавить мятеж лишь ценой огромных усилий [Дандамаев, 1985. С. 177; Briant, 2002. P. 570]. Именно в этот период, когда персидское государство было серьезно ослаблено (*Diod.* XI. 71. 3), вспыхнуло восстание в Египте³⁹⁵. Вставший во главе повстанцев ливиец Инар и действовавший совместно с ним саисец Амиртей сначала овладели западной частью Дельты, а затем и всем Нижним Египтом (*Hdt.* III. 15; *Thuc.* I. 104. 1). На подавление восстания выступил сатрап Египта Ахемен, сын Дария I. Однако Инару удалось наголову разбить персидскую армию в битве при Папремисе в 460 г. до н.э., а сам Ахемен был убит (*Hdt.* III. 12. 4; VII. 7). Окрыленные своими успехами, восставшие

---

³⁹³ И не только статусные. Египетское зеркало из Альмухаметово [Пшеничнюк, 1983. Табл. XXXIII, 1] благодаря своему «антикварному» для V в. до н.э. характеру [Трейстер, 2012. С. 120–121] также не могло попасть на Южный Урал в результате торговых операций и, безусловно, являлось военным трофеем.

³⁹⁴ Новая волна ахеменидских «импортов» пришла уже после падения Ахеменидов и завоевания Средней Азии Александром Македонским в 329–327 гг. до н.э. [Балахванцев, Яблонский, 2005. С. 30; 2006. С. 105; Balakhvantsev, Yablonskii, 2009b. P. 180; Балахванцев, 2010в. С. 121; 2016б. С. 40].

³⁹⁵ В литературе приводятся различные даты начала восстания: 464/3 гг. до н.э. [Briant, 2002. P. 574; Kuhrt, 2008. P. 319]; 463–462 гг. до н.э. [Ray, 1988. P. 276]; 460 г. до н.э. [Дандамаев, 1985. С. 179].

заключили союз с Афинами, которые в то время действовали против Кипра. В 459 г. до н.э. в Египет прибыла афинская эскадра в составе двухсот кораблей. Египтяне и афиняне захватили столицу сатрапии – Мемфис и приступили к осаде его цитадели – «Белых стен», где укрылись остатки персидских войск (*Thuc.* I. 104. 1–2; *Diod.* XI. 71. 3–6, 74). Власть Инара распространилась даже на находящийся далеко на юге оазис Харга, откуда происходит демотический остракон, датированный вторым годом его правления [Kuhrt, 2008. P. 321, not. 2].

Положение в Египте становилось для Артаксеркса критическим: запертые в «Белых стенах» персы не могли своими силами не только подавить восстание, но даже заставить восставших снять осаду. Расположенные в Верхнем Египте персидские гарнизоны не предпринимали против Инара никаких действий и были явно не прочь стать добычей победителя. В этой ситуации Артаксеркс принял идущее вразрез с ахеменидской практикой решение: он отправил в Спарту посольство с большой суммой денег, чтобы подтолкнуть Пелопонесский союз к вторжению в Аттику и вынудить афинян уйти из Египта (*Thuc.* I. 109. 2; *Diod.* XI. 74). Возникает вопрос: почему вместо формирования и отправки в Египет карательной армии царь прибегнул к дипломатии? Представляется, что его действия были обусловлены последствиями восстания в Бактрии. Дело в том, что сатрапу Бактрии подчинялись еще и амиргийские саки (*Hdt.* VII. 64; IX. 113). Бактрийцы и саки считались в числе лучших персидских воинов (*Hdt.* VIII. 113). Но Артаксеркс не решился вручить судьбу своей империи вчерашним мятежникам. И когда надежды на спартанское вмешательство рухнули (*Thuc.* I. 109. 3; *Diod.* XI. 74), а собственных ресурсов, несмотря на все предпринимаемые меры (*Plut.* Them. 31. 2–3), явно не доставало, царю пришлось прибегнуть к помощи уральских кочевников.

Получив подарки и обещание еще больших милостей, вожди дахов³⁹⁶ согласились помочь царю. Дружины кочевников приняли участие в карательном походе персидской армии под командованием Мегабиза (Багабухши) в Египет. В 456 г. до н.э. Мегабиз разбил Инара, заставил восставших вместе с афинянами бежать на остров Просопитиду в Дельте и после долгой осады в 454 г. до н.э. захватил его. Большинство повстанцев погибло, Инар был взят в плен и казнен, и лишь Амиртей сумел сохранить свое независимое от персов царство в болотах западной части Дельты (*Thuc.* I. 109. 4, 110, 112. 3; *Isoc.* VIII. 86; *Diod.* XI. 77. 1–5).

Вожди дахов были щедро вознаграждены Артаксерксом за оказанную помощь. Именно тогда один из них и получил в награду алабастр, производство которых для царской сокровищницы возобновилось как раз в это время. Участие южноуральских дахов в подавлении египетского восстания укрепило их связи с ахеменидской администрацией и подготовило почву для последующего переселения части этого племени на территорию Средней Азии.

---

³⁹⁶ Судя по топографии находок ахеменидских престижных ценностей на Южном Урале, к дахам могли присоединиться и другие раннесарматские племена.

Приложение III

ОТПАДЕНИЕ ХОРЕЗМА ОТ ДЕРЖАВЫ АХЕМЕНИДОВ

В науке существуют различные точки зрения на время отделения Хорезма от Ахеменидской Персии. Так, В.М. Массон полагает, что Хорезм стал независимым в начале IV в. до н.э. [Массон, Ромодин, 1964. С. 71]. М.А. Дандамаев отмечает, что хорезмийцы перестали быть подданными персидского царя к концу правления Артаксеркса II [Дандамаев, 1985. С. 248; 2004. С. 620]. Однако в других его работах дается более неопределенная датировка этого события: «при последних Ахеменидах» [Дандамаев, Луконин, 1980. С. 107; Дандамаев, 1989. С. 142]. Столь же неопределенно – позднеахеменидским периодом – определяется начало хорезмийской государственности в работе И. Визехофера [Wiesehöfer, 2001. P. 108]. Некоторые авторы датируют отпадение Хорезма в широких рамках IV в. до н.э. [Levi, 1991. P. 143; Sherwin-White, Kuhrt, 1993. P. 18]. Б.Я. Ставиский полагает, что выход Хорезма из состава Ахеменидской державы мог произойти на рубеже V/IV или в первой половине IV в. до н.э. [Ставиский, 1998. С. 270]. Ю.А. Рапопорт относит завершающую стадию господства Ахеменидов в Хорезме к рубежу V и IV вв. до н.э. [Рапопорт, 1998. С. 33]. Б.И. Вайнберг датирует обретение Хорезмом независимости серединой IV в. до н.э. [Вайнберг, 1991. С. 24; 2004б. С. 237]. И.В. Пьянков относит отпадение Хорезма от персов к рубежу V/IV вв. до н.э. [Литвинский, Пьянков, 2004. С. 746]. М. Федоров также предполагает, что независимое Хорезмийское государство появилось около конца V – начала IV в. до н.э. [Fedorov, 2005. P. 14]. Следует отметить и то обстоятельство, что некоторые исследователи вообще не упоминают о достижении Хорезмом независимости [Briant, 2002], а другие никак это не датируют [Bivar, 1983b. P. 181].

Теперь, после краткого историографического обзора исследуемой проблемы, целесообразно перейти к анализу источниковой базы. Как известно, прямых данных о времени отпадения Хорезма в письменных

источниках нет. Естественно, что в такой ситуации исследователи пытаются опереться на косвенные данные, прежде всего, на упоминание хорезмийцев в ахеменидских памятниках. При этом необходимо иметь в виду, что отпадение той или иной страны от персов вовсе не приводило к немедленному возвращению ее уроженцев на историческую родину с одновременным исчезновением любых упоминаний о них в ахеменидских источниках. Тем не менее, такая попытка сможет принести определенную пользу, но только при соблюдении одного условия *sine qua non*: весь корпус этих данных должен быть тщательно выверен, что, к сожалению, делается не всегда. Так, в известной работе М.А. Дандамаева и В.Г. Луконина без точной ссылки на источник утверждается, что хорезмийцы упоминались в табличках из Персеполя [Дандамаев, Луконин, 1980. С. 281]. О работе хорезмийцев на строительстве Персеполя пишет и Ю.А. Рапопорт [Рапопорт, 1998. С. 33]. Однако данное мнение не имеет под собой никакой почвы и является, безусловно, ошибочным³⁹⁷. В самом деле, хотя М. Майрхофер действительно отмечает в своей работе [Mayrhofer, 1973. S. 33] соответствие между эламским *Ma-ḡa-iš-mi-iš* и древнеперсидским *U-v-a-r-z-mi-i-š*, но в собранном и обработанном им огромном ономастическом материале из Персеполя хорезмийские имена отсутствуют [Mayrhofer, 1973. S. 121–258]. В глоссарии «ахеменидского эламитского», составленном Р. Халлоком, употребление хоронима *Marašmiš* (древнеперсидский *Uvārazmī*) и соответствующего этнонима отмечается только в царских надписях [Haddock, 1969. P. 725a]³⁹⁸.

---

³⁹⁷ Пользуясь случаем, заметим, что такой же ошибкой является утверждение о превращении Согдианы из сатрапии в союзницу персов [Дандамаев, Луконин, 1980. С. 107; Дандамаев, 1985. С. 248; 1989. С. 142; 2004. С. 620].

³⁹⁸ Принимая во внимание тот факт, что среди царских *курташ* присутствовали бактрийцы (*PF 1947*) и согдийцы (*PF 1118, 1132, 1175, 1629*), отсутствие хорезмийцев можно объяснить не относительной отдаленностью

Точно такое же положение дел фиксирует и эламско-немецкий словарь [Hinz, Koch, 1987. S. 876–877].

Таким образом, после исключения из рассмотрения «табличек крепостной стены» и документов сокровищницы из Персеполя, в нашем распоряжении остаются лишь следующие данные. *Первое.* Хорезмийцы упоминаются в арамейских документах, обнаруженных при раскопках в Саккаре (Египет) и имеющих отношение к расположенной в Мемфисе корабельной верфи [Aimé-Giron, 1931. № 27, 28]. В настоящее время эти тексты относят ко второй половине V в. до н.э. [Porten, Yardeni, 1999. P. 105].

Второе. В двух найденных в Элефантине (Египет) арамейских папирусах [Cowley, 1923. P. 16, 22] упоминается хорезмиец Даргаман, сын Харшина. Первый папирус (AP 6) датируется 21-ым годом [Ксеркса – А.Б.] и годом восшествия на престол Артаксеркса, что соответствует 465 г. до н.э. [Cowley, 1923. P. 15–16; Bogoliubov, 1974. P. 110, not. 8; Walker, 1997. P. 21]³⁹⁹. Вторым папирус (AP 8) из-за допущенной писцом ошибки датируется 5-ым или 6-ым годом Артаксеркса, т. е. 460–459 гг. до н.э. [Grelot, 1972. P. 178].

Третье. Хорезмийцы упоминаются в нескольких документах, происходящих из Вавилонии. К сожалению, самый поздний из них датируется 505 г. до н.э. [Zadok, 1977. P. 112–113; Dandamayev, 1992. P. 164–

их страны от Персеполя, а, очевидно, тем, что в конце VI – первой половине V в. до н.э. в Хорезме еще не было своих высококвалифицированных ремесленников, в которых прежде всего и нуждалось дворцовое хозяйство.

³⁹⁹ Следует заметить, что отнесение Б.Я. Стависким Даргамана к концу V в. до н.э. [Ставиский, 1963. С. 208; 1998. С. 263] является несомненной ошибкой, на что уже обращалось внимание в литературе [Савельева, Смирнов, 1972. С. 121–122, прим. 70].

165]⁴⁰⁰. *Четвертое*. Хорезмиец фигурирует в выполненной на древнеперсидском, аккадском и эламском языках надписи $A?P=A^2Pa$ из царской гробницы V в Персеполе [Kent, 1953. P. 114, 155–156; Lecoq, 1997. P. 271–272]. Эта надпись представляет собой список из тридцати названий народов, каждое из которых соотнесено с определенной фигуркой носителя трона. Долгое время было неясно, принадлежала ли гробница V Артаксерксу II или его сыну Артаксерксу III. Однако теперь можно считать установленным, что гробница с надписью относится к Артаксерксу II [Schmidt, 1970. P. 99–103; Calmeyer, 1975. S. 111; Mayrhofer, 1978. S. 31, № 7.3; Vogelsang, 1992. P. 104, 136; Lecoq, 1997. P. 134, 271; Badian, 1998. P. 220, not. 38], умершему в декабре 359 г. до н.э.⁴⁰¹

В литературе этой надписи не повезло: ее либо просто игнорировали [Cook, 1985. P. 245], либо фактически исключали из анализа под предлогом, что она копирует аналогичный текст из гробницы Дария I [Vogelsang, 1992. P. 96; Яценко, 2011. С. 509, прим. 11]. Разумеется, согласиться с таким подходом нельзя. $A?P=A^2Pa$ высечена на стенах царской гробницы и является официальным документом, а не копией, сделанной неким любознательным писцом. Однако для правильной оценки содержащейся в надписи информации ее надо сопоставить с данными других источников.

---

⁴⁰⁰ Утверждение о том, что эти документы относятся к 595–570 гг. до н.э. [Лившиц, 2011. С. 160, прим. 21], не соответствует действительности.

⁴⁰¹ В 2009 году один из ведущих иранистов Р. Шмитт предпринял попытку доказать, что гробница предназначалась все-таки для Артаксеркса III [Schmitt, 2009. S. 40–41]. К сожалению, Р. Шмитт недооценивает значение того факта, что последним представителем династии Ахеменидов, использовавшим в своих надписях эламскую и вавилонскую (аккадскую) клинопись, был именно Артаксеркс II.

В $A^?P=A^2Pa$ среди представителей входящих в состав державы Артаксеркса II народов⁴⁰² присутствуют египтянин, сак парадрайя, житель Скудры, ливиец, эфиоп. Однако нам хорошо известно, что Египет отпал от Ахеменидов еще в 401 г. до н.э., и в 359 г. до н.э. страной управлял фараон Нектанеб II [Bresciani, 1985. P. 512, 525]. Естественно, что в такой ситуации в подчинении у персов не могли находиться ни ливийцы, ни эфиопы. Крайне недолгим было и господство Ахеменидов во Фракии (Скудре) [Cook, 1985. P. 266–267]. По свидетельству Геродота, персы после поражения Ксеркса потеряли всю Фракию за исключением лишь одного города – Дориска, который они удерживали и в правление Артаксеркса I (*Hdt.* VII. 106). В последней четверти V в. до н.э. от персидского господства во Фракии не осталось и следа. О признании власти персов саками парадрайя (заморскими, или европейскими скифами) после Дария I говорить также не приходится.

Таким образом, $A^?P=A^2Pa$ отражает не реальную административно-политическую картину державы Артаксеркса II⁴⁰³, а ее официальное представление о себе. Что бы ни происходило, какие бы страны и народы не

---

⁴⁰² Странно, что некоторые авторы, относя $A^?P=A^2Pa$ к Артаксерксу II, тем не менее, считают, что при последнем хорезмийцы стали уже не подданными, а союзниками Ахеменидов [Рапопорт, 1998. С. 33], или видят в упоминании хорезмийцев свидетельство существования в позднеахеменидскую эпоху «довольно свободных» отношений между ними и персидским царем [Vogelsang, 1992. P. 242]. Характер самой надписи не дает никаких оснований для подобного рода выводов.

⁴⁰³ В литературе уже обращалось внимание на то обстоятельство, что ахеменидские надписи игнорировали факты отпадения от империи тех или иных территорий [Shahbazi, 1982. P. 223, not. 157; Roaf, 1983. P. 128; Bosworth, 1995. P. 148; Badian, 1998. P. 207, 220; Балахванцев, 2006б. С. 367; 2013б. С. 52–53].

отпадали, империя мыслила и представляла себя вечной и неизменной⁴⁰⁴. Следовательно, упоминание хорезмийца в источнике такого рода ни в коей мере не может служить доказательством того, что в конце правления Артаксеркса II Хорезм все еще находился под властью Ахеменидов.

Теперь, после анализа собственно ахеменидских источников, обратимся к античной нарративной традиции, точнее, к толкованию тех данных о Хорезме, которые содержались в дошедшей до нас только во фрагментах «Персике» Ктесия Книдского. В отечественной науке большой популярностью пользуется высказанная И.В. Пьянковым с опорой на Ктесия идея, будто в конце V в. до н.э. Хорезм стал отдельной сатрапией [Итина, Рапопорт, 1974. С. 639; Рапопорт, 1998. С. 33; Болелов, 2012. С. 216]. Считается, что здесь данные письменных источников подтверждаются наличием недостроенной сатрапской резиденции на городище Калалы-гыр 1 [Рапопорт, Лапиров-Скобло, 1963. С. 141–142; Fedorov, 2005. P. 14]. Какие же аргументы выдвигаются в поддержку этой гипотезы?

---

⁴⁰⁴ Стоит напомнить, что для достижения впечатления о вечности и неизменности державы царские надписи оперировали не сатрапиями, число и границы которых постоянно менялись, а списком не совпадавших с сатрапиями [Cameron, 1975. P. 84, not. 23; Vogelsang, 1992. P. 173] *dahyu* – т.е. стран / народов [Cameron, 1973. P. 48–49], который был окончательно, несмотря на поправки Ксеркса, сформирован еще в *DNa* – надписи из гробницы Дария I. Этой же цели служило и придворное монументальное искусство, которое после Дария I вполне осознанно избегало воспроизводить в рельефах дворцов и гробниц сцены, связанные с завоеваниями и подавлением народных восстаний: ничто – даже в скрытой форме – не должно было намекать подданным Великого Царя ни на существование независимых от Ахеменидов стран вне империи, ни на возможность сопротивления власти внутри нее.

И.В. Пьянков рассуждает следующим образом: по Ктесию история Азии представляет собой последовательную смену Ассирийского, Мидийского и Персидского царств. Начиная с первого царя-завоевателя Нина и его сына Ниния, царство «Азия» пребывало неизменным в своих границах и состояло из тех же самых сатрапий, с тем же административным устройством. А поскольку Ктесий не имел для восстановления истории ассирийских, мидийских и ранних персидских царей никаких объективных данных, то ему пришлось проецировать в далекое прошлое события, дворцовые порядки и административное устройство Персии времен Артаксеркса II. Так, И.В. Пьянков, в частности, предположил, что перечисляемые Ктесием в рассказе о завоеваниях Нина и смерти Кира народы, в числе которых находятся и хорасмийцы (хорасмии)⁴⁰⁵, совпадают со списком сатрапий Артаксеркса II [Пьянков, 1965. С. 38, прим. 20; 1975. С. 17, 24].

Что можно заметить по данному поводу? Само по себе предположение о проецировании Ктесием картины административной структуры времен Артаксеркса II на более древние эпохи вполне имеет право на существование. Однако не менее правдоподобной выглядит и альтернативная версия: в своих сочинениях Ктесий столь произвольно соединял заимствованные из жизни факты и собственные выдумки, что для реконструкции окружавшей его реальности эти комбинации оказываются абсолютно бесполезными. Решить же, какое из двух предположений лучше соответствует действительности, можно лишь путем сравнения списка народов, покоренных Нином и получивших административное устройство от его сына Ниния, с данными о сатрапиях Артаксеркса II, происходящими из независимых от Ктесия и более *достоверных* источников. Необходимость

---

⁴⁰⁵ Возникновение общепринятой формы Χωράσμοι из Χωράμιοι объясняется переходом -μν >-σμ, характерным для аттического народного говора [Schmitt, 1979. S. 132].

последнего обусловлена тем, что Ктесий имеет в науке крайне дурную репутацию, а специфическая информация, которую он дает, обычно является полностью ложной [Дьяконов, 2008. С. 59–64; Cook, 1985. P. 205–206].

К сожалению, И.В. Пьянков этой проверкой пренебрег, и поэтому придется выполнить ее здесь. В списке покоренных Нином стран и народов (*Diod.* II. 2. 3)⁴⁰⁶ обращают на себя внимание Египет, припонтийские варвары, обитающие вплоть до Танаиса⁴⁰⁷, и кадусии. Как известно, Египет был потерян персами в самом начале правления Артаксеркса II. До Танаиса владения Ахеменидов никогда не доходили, а при Артаксерксе II возвращавшиеся на родину эллинские наемники Кира Младшего не обнаружили никаких следов персидского господства даже в юго-восточном Причерноморье. Что же касается кадусиев, которых И.В. Пьянков включает в состав мидийско-армянской топархии времен Артаксеркса II [Пьянков, 1965. С. 49], то они, по данным Ксенофонта (*Xen. Hell.* II. 1. 13), еще в 405 г. до н.э. отпали от Дария II. Свою независимость кадусии сохраняли и при Артаксерксе II (*Diod.* XV. 8. 5, 10. 1; *Plut. Art.* 24–25), и подчинить их удалось только Артаксерксу III (*Iust.* X. 3. 2–3). И хотя Плутарх упоминает об участии предводителя кадусиев Артагерса в битве при Кунаксе на стороне Артаксеркса II (*Plut. Art.* 9), этот факт вряд ли сможет свидетельствовать против того, что на протяжении всего правления Артаксеркса II кадусии сохраняли свою независимость [Cook, 1985. P. 256]. Дело в том, что на стороне Артаксеркса II против его мятежного брата Кира Младшего сражались и египтяне (*Xen. Anab.* I. 8. 9), хотя Египет к 401 г. до н.э. уже отпал от державы Ахеменидов. Очевидно, что эти египтяне принадлежали к числу размещенных в районе Ниппура [Zadok, 1977. P. 126] военных

---

⁴⁰⁶ Иногда высказывается мнение, что отнюдь не весь этот список принадлежит непосредственно Ктесию [Calmeyer, 1982. S. 180, anm. 232].

⁴⁰⁷ Судя по контексту, под Танаисом здесь – вопреки И.В. Пьянкову [Пьянков, 1982. С. 34] – подразумевается Дон, а вовсе не Сырдарья.

колонистов [ср.: Tuplin, 1987. P. 221]. Видимо, и фигурирующие у Плутарха кадусии обладали таким же статусом.

Данное обстоятельство ставит под удар мнение И.В. Пьянкова о том, что упоминаемые Ктесием в рассказе о временах Нина или Кира Старшего народы точно отражают список сатрапий Артаксеркса II. После этого становится очевидным, что подозревать Ктесия в сознательном или бессознательном ограничении своих «археологических» фантазий тесными рамками современной ему административно-политической структуры⁴⁰⁸ столь же нелепо, как полагать, будто Змей Горыныч из русских былин списан с одного из реальных представителей фауны южнорусских степей XI–XII вв.

Что же касается археологической составляющей гипотезы о превращении Хорезма в отдельную сатрапию, то необходимо принять во внимание следующий факт: во многих крупных персидских сатрапиях, включавших в себя ряд областей, существовало несколько резиденций – дворцов сатрапов, которые располагались не только в административных центрах, но и в других городах. Так, в сатрапии Кира Младшего дворец находился не только в Лидии (*Plut. Lys.* 6), но и во фригийских Келенах (*Xen. Anab. I. 2. 7*). Наряду с этим дворцы сатрапов могли находиться и в сельской местности (*Xen. Anab. I. 4. 10; IV. 4. 2; Hell. IV. 1. 15, 33*). Поэтому

---

⁴⁰⁸ Заметим, что данные Ктесия еще менее применимы для реконструкции административного деления империи Кира Старшего. И хотя И.В. Пьянков пытался доказать, что младший сын Кира Бардия (Таниоксарк) властвовал над Карманией, Бактрией, Парфией и Хорезмом [Пьянков, 1965. С. 37], это кажется абсолютно невероятным. В самом деле, как мог Бардия одновременно править в этих столь отдаленных друг от друга и ничем не связанных между собой странах, когда Кармания даже не имела общей границы ни с Бактрией, ни с Парфией [Briant, 2002. P. 897]. Не вернее ли будет предположить, что Ктесий в своих фантазиях не желал считаться с реальной географией Восточного Ирана или просто ее не знал?

незаконченная постройка дворца на городище Калалы-гыр 1 сама по себе еще не может служить свидетельством в пользу организации отдельной хорезмийской сатрапии.

Ввиду того, что источники не содержат даже косвенной информации о дате независимости Хорезма и позволяют лишь предположить, что эта страна во второй половине V в. до н.э. все еще принадлежала Ахеменидам, при ответе на этот вопрос придется основываться прежде всего на анализе общеполитической ситуации в персидском царстве в последней четверти V – середине IV в. до н.э. Уже в правление Дария II Нота (423–404 гг. до н.э.) империю стали сотрясать многочисленные мятежи сатрапов и восстания покоренных народов. Наиболее проблемным регионом для персов стала в целом спокойная прежде Малая Азия. Сначала поднял восстание сатрап Лидии Писсуфн⁴⁰⁹, после поражения которого эстафетную палочку в 413 г. до н.э. подхватил его сын Аморг в Карии (*Thuc.* VIII. 5. 5, 28. 3). В 410/409 г. до н.э. восстала Мидия – одна из важнейших областей державы Ахеменидов (*Xen. Hell.* I. 2. 19). И хотя это восстание было подавлено в том же году, восставшим вслед за мидийцами кадусиям удалось добиться значительно больших успехов. К концу V в. до н.э. от персов отпали также писидийцы и мисийцы, а попытки Кира Младшего покорить их не дали заметных результатов (*Xen. Anab.* I. 1. 11, 2. 1, 9. 14; II. 5. 13). Не подчинялись персам и ликаонцы (*Xen. Anab.* III. 2. 23). Около 405 г. до н.э. в Египте восстал Амиртей, и к 401 г. до н.э., несмотря на еще уцелевшие в Верхнем Египте персидские гарнизоны, эта страна была потеряна для Ахеменидов (*Xen. Anab.* II. 1. 14).

В 401 г. до н.э. против Артаксеркса II выступил его родной брат Кир Младший. И хотя попытка последнего завладеть тронном не имела успеха, даже гибель Кира в битве при Кунаксе не привела к стабилизации политической ситуации в Малой Азии. В начале IV в. до н.э. свою

---

⁴⁰⁹ Точная дата восстания неизвестна [Рунг, 1998. С. 62, прим. 9].

независимость сохраняли писидийцы и мисийцы (*Xen. Hell.* III. 1. 13; *Hell. Oxy.* XVI. 1). Против царя выступили и пафлагонцы: сначала во главе с Отием (*Xen. Hell.* IV. 1. 3), а затем — с Тиусом (*Nep. Dat.* 2. 3). Непокорность проявляла и Катаония (*Nep. Dat.* 4. 1–2). В 390 г. до н.э. от персов отложился царь кипрского Саламина Эвагор I (*Xen. Hell.* IV. 8. 24; V. 1. 10), который вскоре овладел всем островом (*Diod.* XIV.110. 5). Полным провалом закончились попытки Артаксеркса II вновь подчинить себе кадусиев и Египет. Все это имело своим закономерным следствием великое восстание сатрапов 362–360 гг. до н. э. [Мойзи, 2000. С. 146–148], которое привело к временной утрате царем контроля над всей Малой Азией.

И хотя все вышеперечисленные восстания, кроме Египта, кадусиев и некоторых племен, проживавших в труднодоступных районах Малой Азии, достаточно быстро терпели поражение, победы верных царю полководцев приводили лишь к тому, что на смену одному мятежнику являлся другой, в роли которого иногда выступал и сам умиротворитель мятежа. Вместе с тем, эти восстания вызывали серьезное сокращение налоговых поступлений в казну и одновременно требовали от царя огромных денежных затрат на их подавление. Так, десятилетняя война с Эвагором I стоила Артаксерксу II пятнадцать тысяч талантов (*Isocr.* IX. 60). Естественно, что в такой обстановке усиливался налоговый нажим на те территории, которые еще оставались под властью персов, что, в свою очередь, приводило к новым восстаниям.

Ситуация для Ахеменидов стала меняться к лучшему лишь после воцарения Артаксеркса III. Именно ему удалось подчинить кадусиев. Приморским сатрапам было запрещено содержать наемные войска (*Schol. Dem.* IV. 19). В 352 г. до н.э. было подавлено восстание Артабаза в Малой Азии. В 344 г. до н.э. Артаксеркс восстановил свою власть в Финикии и на Кипре, а в 342 г. до н.э. персы вновь захватили Египет [Cook, 1985. P. 382–387; Briant, 2002. P. 683–689, 1012–1014].

Приведенные выше факты делают наиболее убедительным предположение о том, что Хорезм отпал от Ахеменидов между 410 и 360 гг. до н.э. Однако анализ отношений Хорезма с Бессом и Александром в 329–328 гг. до н.э. позволяет значительно сузить тот временной промежуток, в течение которого страна могла стать независимой. Как известно, последний ахеменидский сатрап Бактрии Бесс ожидал, что хорасмии придут к нему на помощь (*Curt.* VII. 4. 6). И хотя его надеждам не суждено было сбыться, сам факт обращения Бесса к бывшим мятежникам говорит о том, что период «холодной войны» между ними, не говоря уже о прямой конфронтации, остался в далеком прошлом.

В 328 г. до н.э. Александр Македонский заключил дружественный союз с царем хорасмиев Фарасманом (*Arr. Anab.* IV. 15. 4–5)⁴¹⁰. Некоторые отечественные исследователи с недоверием относятся к этому сообщению Арриана, либо полагая, что Фарасман «назван царем ради вящей славы Александра» [Рапопорт, 1998. С. 34]⁴¹¹, либо вообще отрицая существование

---

⁴¹⁰ Нет никаких оснований называть его, как это делает И.В. Пьянков [Пьянков, 1983. С. 51], царем апасиаков. Также неверным представляется нам предположение [Ртвеладзе, 2016. С. 343–349], будто при Александре в Хорезме существовало два государства: левым берегом управлял Фарасман, а правым – Фратаферн. Однако опровержение этой точки зрения следует отложить до более удобного случая. Заметим лишь, что, на наш взгляд, в момент отправки посольства правителем Хорезма был Фратаферн, который скончался во время пребывания своего сына Фарасмана у македонян, после чего Александр признал за последним право на царский титул.

⁴¹¹ Однако, как нам уже приходилось отмечать [Балахванцев, 2006б. С. 373], спутники и будущие историки Александра вовсе не стремились прославить его путем провозглашения царем любого явившегося к македонянам племенного вождя и удостоивали царским титулом лишь тех правителей, могущество и независимость которых не вызывали никаких

в Хорезме этого времени самого института царской власти [Вайнберг, 2004б. С. 237]⁴¹². Однако анализ потестарной терминологии, которую Арриан вслед за этнонимами и топонимами заимствовал у своих главных источников Птолемея и Аристубула [Bosworth, 1980b. P. 17, 290, 358, 367], показывает, что в ее употреблении присутствует определенная закономерность⁴¹³. В самом деле, начиная с 330 г. до н.э., когда Александр стал рассматривать себя

сомнений. Поэтому именование хорезмийского правителя царем служило не столько славе Александра, сколько чести Фарасмана.

⁴¹² Мы не согласны с мнением Б.И. Вайнберг, в соответствии с которым сведения о Фарасмане относятся к одноименному царю Иберии II в. н.э. и попали в сочинение Арриана по ошибке, так как историк был римским наместником в Каппадокии и современником Фарасмана Иберийского. Во-первых, Арриан написал «Анабасис Александра» довольно рано, еще до 120 г. н.э., то есть задолго до того, как он стал наместником Каппадокии и лично познакомился с Фарасманом II Иберийским [Bosworth, 1980b. P. 8–11; 1995. P. 4–5], поэтому спутать Фарасмана Хорезмийского Арриану во время работы над своим сочинением было просто не с кем. Во-вторых, смущающее некоторых авторов [Вайнберг, 2004б. С. 237; Яйленко, 2013. С. 42, 232, прим. 409] заявление Фарасмана о соседстве с колхами объясняется как и нежеланием царя преждевременно раскрывать все карты (в прямом и переносном смысле этого слова), так и наводящими вопросами со стороны явно не понявших его македонян [Calmeyer, 1983. S. 148, anm. 266]. Слова Фарасмана наряду с археологическими и нумизматическими источниками свидетельствуют о существовании уже во второй половине IV в. до н.э. Каспийского водного пути, связывавшего Хорезм с Колхидой по Оксу–Узбою, Куре и Фасису–Риони [Балахванцев, 2005г. С. 36; 2012г. С. 65].

⁴¹³ Она была отмечена Э. Босвортом [Bosworth, 1995. P. 147–148], который, однако, сам ослабил значение собственных выводов указанием на мнимую непоследовательность словоупотребления Арриана.

в качестве законного преемника Ахеменидов, его спутники и будущие историки именуют царями лишь следующих лиц: правителя скифов, живущих к северу от Танаиса–Яксарта (*Arr. Anab. IV. 5. 1*), правителя европейских скифов (*Arr. Anab. IV. 15. 1–3*)⁴¹⁴, правителя хорасмиев, а также двух индийских правителей – Абисара (*Arr. Anab. V. 8. 3*) и Пора (*Arr. Anab. V. 19. 1–2, VI. 2. 1*), владения которых находились к востоку от Инда. Когда же речь заходит о династах Гандхары, расположенной западнее Инда (*Arr. Anab. IV. 22. 6–8, 24. 3–5, 27. 2, 28. 6, V. 2. 2*) и областей, лежащих в нижнем течении этой реки (*Arr. Anab. VI. 15. 5–7, 16. 1, 17. 2, 5*), то титул «царь» не используется ни разу.

Относительно областей и народов, правители которых обладали царским титулом, можно заметить следующее. У нас нет данных, будто на управляемые Абисаром и Пором области Пенджаба когда-нибудь распространялись власть или претензии Ахеменидов⁴¹⁵ [Brunt, 1976. P. 544–545]. Что же касается трех других народов, то хотя ахеменидские памятники регулярно отмечают их подчиненный статус, в реальности дело обстояло совсем по-другому. О независимости Хорезма к концу существования персидской державы речь уже шла выше. Европейские (заморские) скифы по

---

⁴¹⁴ В отличие от тех авторов, которые помещают «европейских скифов» Арриана в Среднюю Азию [Bosworth, 1995. P. 15; Гаибов, Кошеленко, 2005. С. 117–118], мы склонны видеть в них обитателей степей Северного Причерноморья.

⁴¹⁵ Если Дарию I и удалось завоевать какие-то территории к востоку от Инда, то тогда они должны были отпасть довольно рано, в пределах V в. до н.э., поскольку уже Мегасфен в конце IV в. до н.э. ничего об этом завоевании не помнил (*Strab. XV. 1. 6; Arr. Ind. 5. 4–7, 9. 10*). См. также: Badian, 1998. P. 220.

сути никогда не подчинялись персам, а азиатские скифы ко времени вторжения Александра в Среднюю Азию стали полностью независимыми⁴¹⁶.

В иной ситуации оказались правители, которым источники Арриана отказывают в царском титуле и в основном именуют, точно так же, как бактрийскую и согдийскую знать, гипархами. С одной стороны, они *de facto* тоже были независимы⁴¹⁷, но с другой, Ахемениды не только не отказывались от своего суверенитета над Саттагидией, Гандхарой и Хинду [Magee et al.,

---

⁴¹⁶ Часть азиатских скифов – саки были союзниками Дария III (*Arr. Anab.* III. 8. 3), что, естественно, не делает таковыми всех остальных.

⁴¹⁷ В процессе движения по Гандхаре, а затем – по среднему и нижнему Инду, Александр не нашел никаких следов существования там персидской администрации. Это обстоятельство хорошо согласуется с восходящим к Онесикриту свидетельством Плиния Старшего, согласно которому владения [поздних – А.Б.] Ахеменидов простирались на восток до реки Гиктанис в Кармании, т.е. не дальше побережья Ормузского пролива (*Plin. NH.* VI. 98). Ряд исследователей [Brunt, 1976. P. 546; Бонгард-Левин, Ильин, 1985. С. 586], основываясь, в частности, на том, что персидские приближенные Александра ничего не знали о нижнем Инде и морском пути, открытом Скилаком (*Hdt.* IV. 44) в конце VI в. до н.э., полагает, что низовья Инда были утрачены персами еще в V в. до н.э. Однако данная аргументация не бесспорна. Забвение открытия Скилака – о нем, кстати, не помнили и македоняне (*Arr. Anab.* VI. 1. 1–5) – связано с тем, что имперская экономика старалась не допускать образования экономических связей между различными частями империи, если они шли в обход центра. К тому же тогда еще не был известен механизм действия муссонов, и персы, сами не будучи мореплавателями и не имея возможности использовать в Индийском океане кого-то вроде финикийцев, предпочли выбрать для связи с Индией сухопутный маршрут [Дандамаев, 1982. С. 120–122]. Поэтому не исключено, что долина Инда была потеряна Ахеменидами только в IV в. до н.э.

2005. P. 714], но и до самого конца в определенной мере контролировали некоторые индийские территории, примыкающие к Бактрии и Арахосии (*Arr. Anab.* III. 8. 3, 4, 6).

Таким образом, различия в титулатуре были вызваны различиями в фактическом положении двух этих групп правителей. Очевидно, что унаследовавший великодержавные претензии Ахеменидов Александр рассматривал в качестве своих подданных и именовал гипархами тех династов, которые не только считались подвластными персидскому царю в теории, но и давали для этого хоть какой-то повод на практике [Badian, 1998. P. 222]. Напротив, царского титула «удостаивались» лишь те, могущество и независимость которых не вызывали никаких сомнений, что в полной мере относится и к Хорезму. Вряд ли будет слишком рискованным предположить, что главную роль в решении Александра сыграл превратившийся в освященную временем традицию факт *длительного* существования Хорезмийского государства. Поэтому мы склонны отнести достижение Хорезмом своей независимости к концу V в. до н.э.⁴¹⁸

---

⁴¹⁸ Обоснованная нами дата [Балахванцев, 2006б. С. 373; 2013б. С. 60] была принята рядом других исследователей [Амиров и др., 2008. С. 116; Болелов, 2012. С. 219; Ртвеладзе, 2012. С. 49].

Приложение IV

МОНЕТЫ АНДРАГОРА: КТО, ГДЕ, КОГДА?

Проанализированный нами в четвертой главе материал свидетельствует против возможности отнесения чекана Андрагора к Парфиене второй половины III в. до н.э. При определении же действительных места, времени и обстоятельств появления монет Андрагора следует обратить внимание на следующие факты. Во-первых, еще Ж. Ле Ридер отметил, что ориентация осей лицевой и оборотной стороны монет Андрагора совпадает с бактрийскими монетами селевкидского времени [Le Rider, 1965. P. 315]⁴¹⁹. Во-вторых, присутствующая на монетах Андрагора монограмма ϯ практически идентична монограмме ϯ , встречающейся на имитациях афинских дидрахм стиля В⁴²⁰, происходящих с территории нынешнего Афганистана⁴²¹ и датирующихся последней четвертью IV в. до н.э. Показательно, что соотношение осей аверса и реверса дидрахм стиля В такое же, как у монет Андрагора.

Таким образом, свойственные всем монетам Андрагора признаки связывают их с Бактрией после завоевания Александра. Другие черты иконографии и метрологии статеров и тетрадрахм Андрагора не только не противоречат этому определению, но даже его подтверждают. Так, хотя изображения квадриг появились в греческой нумизматике еще во второй половине VI в. до н.э. [Крау, 1976. P. 89, № 262, 263], размещенная на

---

⁴¹⁹ О бактрийском чекане эпохи Селевкидов см.: Kriti, 1996; Houghton, Lorber, 2002a. P. 99–107, 150–160, 215–223.

⁴²⁰ Об этих монетах см.: Nicolet-Pierre, Amandry, 1994. P. 35–45; Voregarachchi, Aman ur Rahman, 1995. P. 25, 80.

⁴²¹ Аналогичная монета, но без монограммы, была найдена в Узбекистане [Атаходжаев, 2005. С. 33].

оборотной стороне статеров Андрагора мчащаяся колесница с божеством (героем), управляемая Никой [Балахванцев, 2017. Рис. 21], была особенно популярна в IV – начале III в. до н.э. Этот сюжет часто встречается в ювелирном искусстве [Уильямс, Огден, 1995. С. 264, кат. 200], торевтике [Bothmer, 1984. P. 52, № 89, 90; Michetti, 2003. P. 100, not. 602], вазописи [Beazley, 1963. P. 1437, 4, 13; Bothmer, 1990. P. 176–178, cat. 126]⁴²² и рельефной керамике [Michetti, 2003. P. 233–237, tavv. XI, CXVI–CXIX, fig. 39].

Что же касается самой колесницы, то все занимавшиеся этой проблемой исследователи находят наиболее близкую ей аналогию на реверсе статера Вахшувара [Балахванцев, 2017. Рис. 22]. Поскольку сходство между двумя квадрагами проявляется не только на уровне иконографической схемы, но и в манере изображения, можно с высокой долей уверенности предположить здесь работу одного и того же резчика [Дьяконов, Зеймаль, 1988. С. 15]⁴²³. Исследователи по-разному определяли место и время выпуска

---

⁴²² Один из краснофигурных апулийских кратеров работы мастера Ликурга (ок. 350 г. до н.э.), на котором представлена аналогичная сцена, выставлен в Государственном Эрмитаже (Б 1714).

⁴²³ Сравнение двух колесниц убедительно, на наш взгляд, свидетельствует, что к изготовлению даже одного штемпеля не был причастен банальный копиист, но все они вышли из-под резца одного вдумчивого мастера. Дело в том, что колеса квадраги Вахшувара имеют ребристую поверхность. Это полностью соответствует ахеменидскому характеру всего изображения восточного вельможи в кирбасии, где ни крылатая Ника, ни мускульная кираса, ни другие, свойственные эллинскому миру черты, были неуместны. Напротив, колеса колесницы Андрагора – как это было принято в греческой традиции – резчик изобразил гладкими.

монет⁴²⁴ Вахшувара [Head, 1911. P. 824: Персида, конец IV в. до н.э.; Eddy, 1961. P. 83: северо-восточный Иран, ок. 300 г. до н.э.; Göbl, 1978. № 2110–2113; Alram, 1986. S. 120: Западный Иран / Персия(?), начало III в. до н.э.], но наиболее вероятным представляется отождествление эмитента с тестем Александра Македонского бактрийцем Оксиартом [Allotte de la Fuye, 1925. P. 26; Mitchiner, 1975. P. 9, 24; Holt, 1988. P. 97; Кошеленко, 2006. С. 103; Балахванцев, 2010б. С. 540; Martinez-Sève, 2014а. P. 134], который в 323–316 гг. до н.э. являлся сатрапом Парапамисад (*Diod.* XVIII. 3. 3, 39. 6; XIX. 14. 6, 48. 2; *Iust.* XIII. 4. 21). Сомнения в правомерности такого отождествления [Grenet, 1983. P. 378, not. 28] ничем, по мнению В.А. Лившица, не обоснованы.

Особый интерес вызывает то обстоятельство, что на реверсе статера Вахшувара (эмиссия III) под квадригой находится легенда WḤŠW (Вахшу), а легенда, размещенная рядом с бюстом правителя на аверсе, читается, по мнению И.М. Дьяконова [Дьяконов, Зеймаль, 1988. С. 16], как NRGWR (Андрогор). Если это чтение верно, то о чем оно может свидетельствовать? Во-первых, получается, что данный тип статеров был выпущен не Вахшуваром, а Андрогором. Во-вторых, почитание Андрогором иранского божества вод Вахшу, особенно популярного на берегах Окса [Дьяконов, Зеймаль, 1988. С. 16–17, прим. 86], еще раз доказывает, что Андрогор действовал именно в Бактрии. Однако предложенное И.М. Дьяконовым чтение является предметом дискуссий [Кошеленко и др., 1999. С. 297; Lerner, 1999. P. 24–25], и поэтому сформулированные здесь выводы пока остаются сугубо гипотетическими.

---

⁴²⁴ Скорее всего, следует говорить о существовании двух типов статеров Вахшувара, из которых один (эмиссия III) наиболее близок статерам Андрогора, а другой (эмиссия IV) следует статерам Александра Македонского. См.: Дьяконов, Зеймаль, 1988. С. 6–7; Кошеленко и др., 1999. С. 296–297.

Переходя от статеров к тетрадрахмам Андрагора, следует заметить, что они отличаются пониженным по сравнению со стандартными селевкидскими выпусками весом⁴²⁵. Это обстоятельство позволяет провести прямую аналогию между тетрадрахмами Андрагора и бактрийскими тетрадрахмами селевкидского периода, которые характеризуются более низким – около 16,56 г. – весом по сравнению с выпусками остальных монетных дворов Селевкидов, где при Антиохе I и Антиохе II средний вес монет аналогичных номиналов равнялся 16,80–17,05 г. [Голенко, 1991. С. 109].

Далее, в иконографии лицевой стороны тетрадрахм Андрагора проявляется осязаемое кипрское влияние. Дело в том, что голова богини в *corona muralis* находит наиболее близкие аналогии в чекане таких кипрских⁴²⁶ центров второй половины IV в. до н.э. как Пафос при Никокле [Hill, 1904. Pl. XXII, 10–11; Mørkholm, 1991. № 62]⁴²⁷ и Саламин при Евагоре

---

⁴²⁵ Вес двух тетрадрахм Андрагора, хранящихся в Британском Музее, равен соответственно 16,56 и 16,36 г. [Hill, 1904. P. 193]. Вес тетрадрахмы из Эрмитажа – 16,32 г. [Марков, 1892. С. 2].

⁴²⁶ Женские божества, увенчанные *corona muralis*, широко представлены и в кипрской монументальной скульптуре V–IV вв. до н.э. из Саламина (Государственные музеи Берлина, ANT TC 6682,2), Арсоса (Региональный музей Ларнаки, М ЛА 677), Трикомо (Лувр, N 3498). К сожалению, в статье Д. Метцлера [Metzler, 1994. P. 77–85], посвященной этому типу корон на Ближнем Востоке и в Греции, кипрский материал никак не используется.

⁴²⁷ П. Иоссиф [Iossif, 2011. P. 260–261] высказал предположение, что все тетрадрахмы царя Никокла из Пафоса [Балахванцев, 2017. С. 132, рис. 23] являются современными подделками. Это утверждение аргументировалось, в частности, тем, что три тетрадрахмы – из Флоренции, Турина и появившаяся на антикварном рынке – имеют вес, превышающий аттический стандарт.

II, Пнидагоре и Никокреонте [Hill, 1904. Pl. XII, 1–4, 11, 19; XXIV, 10–12, 19, 21, 22; Mørkholm, 1991. № 63, 64; Mildenberg, 1993. № 58]. Это хорошо согласуется с той ролью, которую играли уроженцы острова Афродиты в политической и культурной жизни Бактрии после похода Александра Македонского [Балахванцев, 2000б. С. 11–12].

Наконец, монетный тип оборотной стороны тетрадрахм Андрагора очень близок к тому, что мы видим на реверсе одного из бронзовых выпусков основателя Греко-Бактрийского царства Диодота I [Vorearachchi, 1991. P. 152, ser. 12A; Mørkholm, 1991. P. 118, № 381; Vorearachchi, Aman ur Rahman, 1995. № 100]⁴²⁸. Попытка объяснить это сходство влиянием монет Диодота [Кошеленко и др., 1999. С. 303] представляется неоправданной: трудно поверить, чтобы независимый правитель избрал в качестве образца для своего прокламативного чекана чужую бронзу. Обычно все происходило наоборот. Так, в Сузах при Антиохе III тип оборотной стороны одного из выпусков бронзовых тетрагалков был заимствован с тетрадрахм Лисимаха [Le Rider, 1965. P. 54, № 30, 31; Mørkholm, 1991. P. 118, № 363].

Все это позволило нам еще в 2000 году выдвинуть предположение, что монеты Андрагора были выпущены в Бактрии в период между смертью Александра IV (311–309 гг. до н.э.) и захватом «Верхних сатрапий» Селевком I [Балахванцев, 2000б. С. 12].

Однако туринский экземпляр [Hill, 1904. Pl. XXII, 10; Mørkholm, 1991. № 62] на самом деле весит 17,21 г. [Hill, 1904. P. LXXIX, not. 2; Mørkholm, 1991. P. 245], поэтому сомневаться в его аутентичности нет достаточных оснований. См. также: Masson, 1991. P. 65–68; Нефедов, 2014. P. 187.

⁴²⁸ Стоящая Афина с копьем и щитом присутствует также на монетах греко-бактрийского царя Деметрия II (175–170 гг. до н.э.) [Vorearachchi, 1991. P. 195, pl. 14; Vorearachchi, Aman ur Rahman, 1995. № 217], однако сходства между ними и тетрадрахмами Андрагора значительно меньше.

Что же касается того, кем был правитель, осуществивший выпуск этих монет, то в связи с тем, что он должен был действовать в последней четверти IV в. до н.э., имя его является крайне редким⁴²⁹, а тетрадрахмы испытали заметное кипрское влияние, наиболее предпочтительной представляется кандидатура Андрагора⁴³⁰, младшего сына царя кипрского города Амагунта Андрокла. Последний, наряду с другими правителями Кипра, в 332 г. до н.э. перешел на сторону Александра Македонского и принял участие в осаде Тира (*Arr. Anab.* II. 22. 2). Еще раз Андрокл упоминается в качестве царя Амагунта при Пердикке в 321 г. до н.э. (*Arr. Succ.* F 24. 6 Roos). Возможно, что Андрагор присоединился к македонской армии как, например, Нитафон, сын саламинского царя Пнитагора (*Arr. Ind.* 18. 8), или Никокл, сын царя Сол Пасикрата (*Arr. Ind.* 18. 8; *Metz Epit.* 55). Впрочем, судя по полному молчанию о нем нарративных источников, освещающих поход Александра, более вероятно, что Андрагор отправился искать счастья на Востоке не позже 312 г. до н.э., когда Птолемей уничтожил царскую власть в городах Кипра.

Но почему Андрагор оказался именно в Бактрии? При ответе на этот вопрос следует вспомнить о той роли, которую в управлении восточными сатрапиями империи Александра Македонского сыграл киприот Стасанор [Honigmann, 1929. Sp. 2152–2153]. Выходец из города Солы, он был, возможно, сыном местного царя Пасикрата (*Plut.* Al. 29.3; *Arr. Ind.* 18. 8, *Succ.* F 24. 6 Roos), и в качестве гетайра Александра (*Strab.* XIV. 6. 3; *Arr. Anab.* III. 29. 5) принял участие в походе против Персии. С 329 по 321 гг. до

---

⁴²⁹ Имя Андрагор не известно в Великой Греции, Сицилии, Аттике, Западной и Центральной Греции, Пелопоннесе, Македонии, Фракии, а также в Северном Причерноморье. Сфера его распространения включает в себя только Родос, Феру, Крит, Кипр и Египет. См.: LGPN s.v. Ἀνδραγόρας; Preisigke, 1922.

⁴³⁰ Он упомянут лишь в одной надписи-посвящении его отца, царя Андрокла, Афродите [Masson, Hermary, 1982. P. 239–240].

н.э. Стасанор управлял Ареей и Дрангианой (*Diod.* XVII. 81. 3; *Curt.* VIII. 3. 17; *Arr. Anab.* III. 29. 5, IV. 18. 1, 3, VI. 27. 3; *Succ.* F 1. 36 Roos; *Iust.* XIII. 4. 23; *Dexipp.* FGrH 100 F 8. 6), а затем получил Бактрию вместе с Согдом (*Diod.* XVIII. 39. 6)⁴³¹. Несмотря на то, что Стасанор активно поддерживал Евмена в борьбе с Антигоном (*Diod.* XIX. 14. 7), он сумел сохранить свое положение даже после победы последнего и оставался наместником⁴³², как минимум, до 316 г. до н.э. (*Diod.* XIX. 48. 1). Поэтому вполне объяснимо, почему Андрагор направился в Бактрию, а после смерти своего земляка Стасанора выступил в качестве одного из претендентов на власть в этой сатрапии⁴³³.

Можно ли привести в поддержку этой гипотезы дополнительные, пусть и косвенные данные? Отвлечемся на время от монет и обратимся к двум замечательным археологическим находкам, сделанным через сто лет после открытия Клада Окса. В ходе раскопок храма Окса на Тахти-Сангине в его западных коридорах сотрудники экспедиции Б.А. Литвинского

---

⁴³¹ Учитывая, что новым наместником Арееи и Дрангианы стал земляк Стасанора Стасандр (*Diod.* XVIII. 39. 6, XIX. 14. 7), можно прийти к выводу, что такая концентрация киприотов в восточных сатрапиях была не случайной. Дело заключалось не только в знании ими персидского языка и обычаев [Olbrycht, 2013a. P. 161]. Именно киприоты, в отличие от других греков и тем более – македонян, были наиболее подходящими кандидатами, которые без заметного внутреннего сопротивления могли проводить в жизнь восточную политику Александра.

⁴³² Возможно, что одним из следов административной деятельности Стасанора стал выпуск подражаний афинским тетрадрахам стиля А с легендой ΣΤΑ-ΜΝΑ [Nicolet-Pierre, Amandry, 1994. P. 35–36, 53; Кошеленко, 2006. С. 99].

⁴³³ Андрагор явно не мог быть правителем *всей* Бактрии. Ведь именно в этот период в Бактрии золотую и серебряную монету чеканил и некий Софит [Voregarachchi, 2005. P. 59–62].

обнаружили две мужские головы, изготовленные из необожженной глины [Литвинский, 2010. Илл. 18, 19] Естественно, что перед исследователями встал вопрос: кого изображают эти скульптуры? Предварительные мнения авторов раскопок касались лишь «первой скульптурной головы» и были довольно различными [Литвинский, 2004. С. 205]. Позднее И.Р. Пичикян пришел к выводу, что головы являются портретами Селевка I и Антиоха I [Пичикян, 1991. С. 192–194]. Первую голову приписывали также Антиоху III [Brentjes, 1982. P. 168] или Селевку I [Vorearachchi, 2001. P. 27]. Другие исследователи занимают более расплывчатую позицию, то видя в первой голове некоего «династа или принца» III в. до н.э. [Smith, 1988. P. 152], то приписывая их селевкидским или греко-бактрийским царям [Lindström, 2009. P. 131].

Специальную статью этому вопросу посвятил Б.А. Литвинский, который пришел к выводу, что исследуемые скульптуры принадлежали не селевкидским или греко-бактрийским царям, а каким-то «официальным лицам самого высокого ранга» и датируются III – началом II в. до н.э. [Litvinskij, 2003. P. 55; Литвинский, 2004. С. 215, 219]. Позднее Б.А. Литвинский еще раз вернулся к вопросу идентификации этих произведений искусства и сделал нам очень лестное предложение разработать данную тему для третьего тома «Храма Окса» [Литвинский, 2010. С. 267–268].

По нашему мнению, ключом к решению вопроса относительно идентификации обоих персонажей является наличие на их головах повязок пурпурного цвета, которые, безусловно, являются диадемами⁴³⁴. Диадема была составной частью головного убора Ахеменидов (*Xen. Cyr. VIII. 3. 13; Curt. III. 3. 19, VI. 6. 4; Polyæn. VII. 12*)⁴³⁵, у которых ее первым из македонских царей заимствовал Александр Великий (*Diod. XVII. 77. 5; Iust.*

---

⁴³⁴ Обзор новейшей литературы: Olbrycht, 2014b. P. 177–187.

⁴³⁵ Анализ свидетельств античных авторов об ахеменидской диадеме: Gall, 1974. S. 147; Calmeyer, 1976. S. 51, anm. 40.

ХII. 3. 8). Высказывалось мнение, что диадема самостоятельно возникла в Македонии до Александра [Fredricksmeyer, 1981. P. 333, not. 17–18], но оно не подтверждается фактами [Ritter, 1965. S. 42–47; Kingsley, 1984. P. 66–68]. О том, как выглядела эта диадема, можно судить по описанию Курция Руфа: «[Александр – А.Б.] обвил голову пурпурной диадемой, разделенной белой [полосой – А.Б.]»⁴³⁶. Скорее всего, Александр носил диадему вместе с македонской каусией (*Arr. Anab. VII. 22. 2–4; Athen. XII. 537e*). Уже при Александре диадема стала одним из символов царской власти (*Curt. X. 6. 4; Polyæn. IV. 8. 2*), которую не позволялось носить никому из простых смертных (*Diod. XVII. 116. 4; Arr. Anab. VII. 22. 4; App. Syr. 290*). И хотя позднее при дворах диадохов активно сочинялись легенды, будто диадему Александра еще при его жизни случилось надеть Лисимаху (*Iust. XV. 3. 13*) или Селевку (*Arr. Anab. VII. 22. 5; App. Syr. 290*), эти выдумки придворных льстецов лишь подчеркивали то обстоятельство, что диадема на голове даже царского приближенного – явление чрезвычайное.

В какой-то период времени после смерти Александра диадема изменила свой цвет с пурпурного на белый⁴³⁷, но сохранила значение символа царской власти (*Diod. XVIII. 60. 6, 61. 1*). Антигон Монофтальм и Деметрий Полиоркет надели диадемы одновременно с принятием царского

---

⁴³⁶ *Curt. VI. 6. 4: purpureum diadema distinctum albo...capiti circumdedit.* Другой вариант перевода – «... пурпурной диадемой, украшенной белым» – представляется менее вероятным.

⁴³⁷ О времени этого перехода см. [Litvinskij, 2003. P. 53–54; Литвинский, 2004. С. 217–218]. Можно предположить, что данной метаморфозе способствовала введенная Евменом практика раздач македонским офицерам пурпурных каусий (*Plut. Eum. 8*). Заимствование этого обычая будущими диадохами с неизбежностью должно было привести к изменению цвета диадемы: иначе на пурпурной каусии ее было бы не разглядеть.

титула (*Plut. Dem.* 18). Антиох VII Сидет принимает царский облик, надев багряницу и диадему (*Plut. Mor.* 184E). Антигон III Досон, напротив, снял с себя пурпур и диадему в знак отказа от власти (*Iust.* XXVIII. 3. 12).

Позволялось ли кому-либо, кроме правящего монарха, носить диадему? Показания наших источников на этот счет вполне однозначны. Так, родственник Антиоха III Ахей Младший, будучи правителем малоазиатских сатрапий державы Селевкидов, тем не менее, диадемы не носил (*Polyb.* V. 42. 7). Когда же Ахей возложил ее на себя, то Антиох воспринял этот шаг как попытку узурпации власти (*Polyb.* V. 57. 2, 5). Сын Антиоха III и младший брат Селевка IV, Антиох IV надел диадему лишь тогда, когда сам вступил в борьбу за престол (*OGIS* 248,18). Брат Евмена II Пергамского Аттал надел диадему только после получения известия о смерти царя (*Plut. Mor.* 184B, 489E). Селевкиды Антиох VIII Грип и Антиох IX Кизикен не хотели уступать друг другу царскую власть и удовольствоваться вторым местом в государстве, так как оба стремились к пурпуру и диадеме (*Plut. Mor.* 486A). Однако было бы неверным считать, что диадему мог носить лишь правитель, имевший царский титул⁴³⁸.

Что же касается мнения, будто в скульптуре диадему могли носить не только правители, но и частные лица и даже сатиры [Ridgway, 1997. P. 112], то здесь необходимо заметить следующее. Действительно, в скульптуре и, добавим, вазописи, встречаются многочисленные изображения атлетов, возничих, жриц, сатиров, которые носят головные ленты или повязки. Однако у нас нет никаких оснований полагать, будто греки использовали для обозначения любой повязки или ленты апеллятив *διάδημα*. Так, головная повязка, надеваемая атлетами в знак победы, называлась *ταυρία* (*Paus.* VI. 20. 19)⁴³⁹. Для обозначения головной повязки жрецов и полисных магистратов существовал специальный термин *στρόφιον* (LSJ, s.v. *στρόφιον*). В двух

⁴³⁸ См. выше, глава 5.

⁴³⁹ Об употреблении *тении* в быту см.: Балахванцев, 2010б. С. 533.

случаях нам известен даже цвет таких повязок. Так, Филохор свидетельствует, что у афинских номофилаков в конце IV в. до н.э. головная повязка была белой (*Philoch. FGrH 328 F 64*). Напротив, у жреца обожествленного Арата в Сикионе с рубежа III–II вв. до н.э. повязка была не чисто белой, как у современных ему эллинистических царей, а бело-красной (*Plut. Arat. 53. 4*).

Таким образом, можно считать установленным, что право ношения диадемы⁴⁴⁰ было исключительной прерогативой правителей эллинистических государств, возникших на развалинах империи Александра Македонского.

Кем же были те люди, головы от статуй которых сохранились в храме Окса (Вахшу)? В результате последовательного исключения из списка теоретически возможных кандидатур самого Александра, селевкидских и греко-бактрийских царей, чьи изображения хорошо известны и не позволяют идентифицировать их с тахти-сангинскими головами [Литвинский, 2010. С. 260–267], в нашем распоряжении останутся лишь те правители Бактрии, которые управляли ею между смертью Александра Македонского в 323 г. до н.э. и захватом восточных сатрапий Селевком I около 305–303 гг. до н.э., т.е. Стасанор и Андрагор. Статуе Стасанора вполне могла принадлежать вторая скульптурная голова, изображавшая человека зрелого возраста, а первая, черты лица которой свидетельствуют об относительной молодости, – быть отбита от статуи Андрагора⁴⁴¹.

---

⁴⁴⁰ Единственное исключение – египетский остракон II в. до н.э. (*Tait, 1930. № 262*), где бронзовая диадема упоминается вне всякой связи с Птолемеями. Однако в данном случае мы явно имеем дело с неверным употреблением апеллятива *διάδημα* вместо *στέφανον*.

⁴⁴¹ Это предположение получит дополнительное обоснование в том случае, если удастся доказать принадлежность статера Вахшувара (эмиссия III) Андрагору и почитание последним божества Вахшу (Окса).

Данная гипотеза хорошо согласуется с тем фактом, что в эпоху классики статуи из необожженной глины в эллинском мире создавались только на Кипре [Karageorghis, 1973. P. 198–200]⁴⁴². Уже первооткрыватель и первый исследователь кургана 77⁴⁴³ в некрополе Саламина В. Карагеоргис сближал – с точки зрения техники изготовления – обнаруженную им глиняную скульптуру со статуями из бактрийского Халчаяна [Karageorghis, 1973. P. 199]. Если же учесть практически полное отсутствие круглой скульптуры в восточных сатрапиях державы Ахеменидов до прихода Александра⁴⁴⁴, то можно сделать вывод, что более поздняя среднеазиатская глиняная скульптура имеет кипрские корни.

Таким образом, все имеющиеся на сегодняшний день в распоряжении науки данные позволяют считать версию о принадлежности монет Андрагора одноименному царевичу с Кипра и правителю какой-то части Бактрии в конце IV в. до н.э. наиболее вероятной.

---

⁴⁴² Хотя нам известно (*Plin.* NH. XXXV. 155; *Paus.* I. 2. 5) об изготовлении глиняной скульптуры и в Афинах, но первое свидетельство относится, по-видимому, к эпохе архаики, а второе вообще никак не датировано.

⁴⁴³ Сам В. Карагеоргис считал, что это – кенотаф последнего царя Саламина Никокреонта [Karageorghis, 1973. P. 138]. Однако существует и версия, согласно которой памятник является герооном династии Тевкридов [Baurain, 2014. P. 137–166].

⁴⁴⁴ Единственным исключением является статуя Анахиты, воздвигнутая в Бактрах по приказу Артаксеркса II (*Beross.* FGrH 680 F 11).

Приложение V

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ГРЕКО-БАКТРИИ

Основными источниками по вопросу о времени отпадения Диодота I от державы Селевкидов являются сочинения Юстина и Страбона, в которых процесс образования независимых Парфии и Греко-Бактрии синхронизируется⁴⁴⁵ с событиями в Средиземноморье. Так, по Юстину, отложение Диодота произошло во время «Войны братьев» и предшествовало вторжению Аршака в Парфиену (*Iust.* XLI. 4. 4–7). Аналогичным образом у Страбона Аршак оказывается в Парфиене уже после возвышения Диодота (*Strab.* XI. 9. 3)⁴⁴⁶.

Однако многие исследователи пытаются датировать возникновение Греко-Бактрийского царства по «курьезному» синхронизму Юстина, причем – как и в случае с Парфией – сторонники «высокой» хронологии помещают, по крайней мере, начальную фазу отпадения Диодота в правление Антиоха II [Bickerman, 1944. P. 80, 83; Bivar, 1983b. P. 187; Musti, 1984. P. 219–220; Frye, 1984. P. 179–180; Mørkholm, 1991. P. 120–121; Bernard, 1994. P. 476; Kovalenko, 1995/1996. P. 56–57; Зеймаль, 1998. С. 339–340; Holt, 1999. P. 19, 64; Kritt, 2001. P. 7, 11; Farrokh, 2007. P. 118; Widemann, 2009. P. 47;

---

⁴⁴⁵ Мы не согласны с мнением Ф. Холта [Holt, 1999. P. 60–64], что синхронизмы были привнесены Юстином и только вводят современных историков в заблуждение. Прежде всего, Юстин, работая над эпитомой, ничего не привносил, а лишь сокращал труд своего предшественника. Поэтому синхронизмы между событиями на Востоке и на Западе должны были присутствовать уже в работе Помпея Трога. Более того, поскольку парфяно-бактрийские и селевкидские синхронизмы имеются и у Страбона, логично предположить их использование Аполлодором Артемитским.

⁴⁴⁶ Напомним, что другой парфяно-бактрийский синхронизм Страбона (*Strab.* XI. 9. 2) относится ко второму вторжению Аршака в Парфиену и рассматривается в главе 6.

Абдуллаев, Бердимуратов, 2010. С. 45], а приверженцы «низкой» хронологии переносят весь процесс в первые годы царствования Селевка II [Tarn, 1951. P. 72–74; Wolski, 1956–57. P. 43, 52; Гаибов и др., 1992. С. 15; Sherwin-White, Kuhrt, 1993. P. 107; Lerner, 1999. P. 30, 115–116; Wolski, 2003. P. 28–29].

Представители каждого направления пытаются подкрепить свои выводы анализом нумизматического материала. Дело в том, что в чекане Диодота I можно выделить две стадии. Первая, когда при сохранении старой легенды ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΑΝΤΙΟΧΟΥ на аверсе золотых и серебряных монет появляется изображение Диодота, а на реверсе – сидящего Аполлона замещает мечущий молнию Зевс [Worpearachchi, 1991. P. 41, 147–149]. Вторая, более поздняя стадия характеризуется введением новой легенды ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΔΙΟΔΟΤΟΥ [Worpearachchi, 1991. P. 42, 149]. Приверженцы «высокой» хронологии трактуют эти данные как свидетельство того, что первый шаг к независимости был сделан Диодотом еще в 50-е гг. III в. до н.э., когда он заменил на бактрийских монетах профиль Антиоха II на свой собственный⁴⁴⁷. Но чем обосновывается этот вывод?

Первый аргумент сводится к утверждению, что собственная монетная чеканка Антиоха II заметно уступает по диапазону выпускам Антиоха I, а по объему – чекану Диодота от имени Антиоха II [Holt, 1999. P. 95]. Вторым аргументом основывается на том, что раз переходный период в бактрийской нумизматике начался с выпуска монет с именем Антиоха, то это позволяет датировать переход периодом правления последнего. Третий аргумент исходит из наличия в бактрийском чекане коммеморативных монет, выпущенных в честь Антиоха II, а не его сына Селевка II Каллиника [Worpearachchi, Aman ur Rahman, 1995. P. 56].

---

⁴⁴⁷ Кроме работ, перечисленных выше, см.: Newell, 1938. P. 243–249; Worpearachchi, 1991. P. 41; Worpearachchi, Aman ur Rahman, 1995. P. 26–27, 56; Worpearachchi, Grigo, 2001. P. 23; Houghton, Lorber, 2002a. P. 218.

Однако данные аргументы не выдерживают никакой критики. В самом деле, Ф. Холт исходит, по сути, из того, что объем и диапазон монетных типов в чекане Антиоха II зависел только от *продолжительности* его правления в Бактрии. Между тем, это далеко не так. На интенсивность работы любого монетного двора влияло множество факторов: его столичный или провинциальный статус, общая политическая и экономическая ситуация, личное присутствие царя. Так, например, при оценке эволюции чеканки золота в Бактрии, необходимо учесть, что если при Антиохе I Сотере (281–261 гг. до н. э.) статеры выпускались, кроме Бактрии, только в Сузах [Houghton, Lorber, 2002a. P. 114, 151], то при Антиохе II чеканка золотой монеты организуется еще и в Эгах, Мирине, Кимах, Сардах, Тарсе, Антиохии, Селевкии на Тигре, Экбатанах, Эфесе(?) и/или Милете, причем Тарс, Селевкия на Тигре и особенно Бактрия чеканили статеры наиболее интенсивно [Houghton, Lorber, 2002a. P. 167]. Нельзя также игнорировать и тот факт, что, если при Диодоте I один из бактрийских монетных дворов приобрел столичный статус, то при Антиохе II все они находились на положении провинциальных.

Наконец, не будем забывать и о бронзе. Так, если у обоих Диодотов зафиксировано только три типа бронзовых монет [Vorearachchi, 1991. P. 45], то у Антиоха II их до недавнего времени насчитывалось семь [Houghton, Lorber, 2002a. P. 216–218, 222–223]. В 2013 г. А.Х. Атаходжаев опубликовал четыре халка неизвестного ранее типа с изображением на лицевой стороне *краба*, а на оборотной – *пчелы* и частично сохранившейся легенды ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΑΝΤΙΟΧΟΥ [Atakhodjaev, 2013. P. 233–235]. Автор отнес эти монеты (хотя и без полной уверенности) к Антиоху III [Atakhodjaev, 2013. P. 233, 238–240]. А.Н. Горин и А. Наймарк полагают, что эмитентом этих монет мог быть Антиох I или Антиох II [Горин, 2014. С. 40; Naymark, 2014. P. 18]. Однако если учесть, что пчела неоднократно появлялась на монетах Эфеса [Head, 1981. P. 57–58, № 80–85], который находился под контролем Селевкидов при Антиохе II и даже стал одной из его резиденций [Ma, 1999.

Р. 36, 45, not. 65], то кажется более правильным отдать этот монетный тип Антиоху II Теосу и объяснить его использование появлением в Бактрии эллинских колонистов с западного побережья Малой Азии [Балахванцев, 2014д. С. 23]. Таким образом, количество известных нам на сегодняшний день типов бактрийской бронзы Антиоха II увеличивается до восьми, что плохо согласуется с версией о его сравнительно недолгом правлении в Бактрии.

Теперь коснемся вопроса, который в равной степени интересует сторонников как «высокой», так и «низкой» хронологии [Зеймаль, 1998. С. 340; Lerner, 1999. Р. 21]: почему Диодот сохранил на своих монетах имя Антиоха? Ответ может сводиться к тому, что либо Диодот был вынужден поступить так, либо это – хотя бы на первых порах – было ему выгодно, причем одно не исключает другого. О степени вынужденности действий Диодота речь пойдет ниже, а пока попробуем найти ответ на следующий вопрос: в какой ситуации это могло быть ему выгодно?

Поскольку выпуск золотой и серебряной монеты со своим изображением служил наглядным доказательством отложения Диодота от державы Селевкидов⁴⁴⁸, то сохранение на этих монетах легенды ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΑΝΤΙΟΧΟΥ при жизни Антиоха II никак не могло спасти бактрийского

---

⁴⁴⁸ Мнение Ф. Холта [Holt, 1999. Р. 96–97], который, ссылаясь на пример Софита, утверждает, что селевкидские сатрапы обладали экономической свободой, и поэтому чеканка Диодотом монет со своим изображением могла вообще не быть революционным шагом, является, безусловно, ошибочным. Прежде всего, Софит был не селевкидским сатрапом, а независимым правителем части Бактрии в конце IV в. до н.э. [Voreagachchi, 2005. Р. 57–62]. Селевкидская же монетная практика не знает ни одного случая, когда лояльный антиохийскому двору сатрап самовольно изменял тип статеров и тетрадрахм, а тем более замещал на них портрет правящего государя своим собственным.

сатрапа от обвинения в измене и соответствующих санкций со стороны центральной власти. Лишь после смерти Антиоха II чеканка монет от его имени была способна сойти за наглядное доказательство лояльности Диодота к династии Селевкидов. Еще до Диодота схожим образом, правда, с несколько иными целями, действовал в Пергаме Филетер, выпускавший в 279–274 гг. до н.э. тетрадрахмы с легендой ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΣΕΛΕΥΚΟΥ [Mørkholm, 1991. P. 128, № 407].

Наконец, из факта чеканки коммеморативных монет в честь Антиоха II следует скорее то, что этот селевкидский царь до самого конца своего правления осуществлял реальный контроль над Бактрией и позднее почитался местными эллинами в качестве законного государя. Таким образом, нумизматические данные, даже взятые сами по себе, отнюдь не поддерживают «высокую» хронологию, а проанализированные вместе с информацией, исходящей из письменных источников, убедительно свидетельствуют в пользу «низкой».

Вкратце напомним, что о существовании независимой Бактрии в 252–249 гг. до н. э., судя по XIII Большому наскальному эдикту, ничего не было известно Ашоке, правителю империи Маурьев, которая поддерживала с Бактрией активные торговые связи [Voreagachchi, Grigo, 2001. P. 23]. Предпринятый Антиохом II в 250–249 гг. до н.э. поход на северо-запад Малой Азии и во Фракию также предполагает, что на востоке селевкидских владений все было спокойно. Наконец, успешное завершение Второй Сирийской войны позволило бы Селевкидам в 253–246 гг. до н. э. без труда подавить любое сепаратистское выступление, в том числе и в Бактрии.

Поэтому наиболее вероятным временем возникновения независимой Бактрии следует считать начальный период Третьей Сирийской войны (246–241 гг. до н.э.), когда войска Птолемея III захватили Сирию и Киликию, а затем оккупировали Месопотамию и Вавилонию. В декабре 246 г. до н.э. египтяне ворвались в Вавилон и в течение января – февраля 245 г. до н.э. осаждали царский дворец (*BCHP* 11). Некоторое время населению и властям

верхних сатрапий было вообще непонятно, кто является законным царем, так как связь с находящимся в Малой Азии Селевком II была потеряна, а Птолемей III всячески старался скрыть информацию о смерти своего племянника Антиоха, сына Антиоха II и Береники [Bevan, 1902. P. 181–189; Hölbl, 2001. P. 48–49; Houghton, Lorber, 2002a. P. 225, 229].

Создавшееся положение требовало от селевкидских сатрапов крайней осторожности при выборе объекта для проявления своей лояльности. Так, в Северной Сирии в 246–244 гг. до н. э. выпускались монеты с портретом Антиоха I и легендой ΣΩΤΗΡΟΣ ΑΝΤΙΟΧΟΥ [Houghton, Lorber, 2002a. P. 225–228; Houghton et al., 2008. P. 657]. Тогда же и Диодот стал чеканить монету со своим портретом и легендой ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΑΝΤΙΟΧΟΥ⁴⁴⁹. Однако уже в тот момент Диодот думал не только о соблюдении лояльности: ведь для ее проявления достаточно было чеканить монету стандартного селевкидского образца (голова Антиоха II / Аполлон, сидящий на омфале). Введение Диодотом своего собственного монетного типа (голова Диодота / мечущий молнию Зевс) свидетельствует о том, что планы предприимчивого сатрапа шли гораздо дальше.

Их успешной реализации весьма способствовала «любезность времени». После окончания Третьей Сирийской войны в 241 г. до н.э. между Селевком II и Антиохом Гиераксом практически сразу же разразилась «Война братьев». Около 238 г. до н.э. Селевком II был разбит в битве под Анкирой, после чего началось вторжение парнов в Парфиену. В июне 238 г.

---

⁴⁴⁹ Сохранение этой легенды даже после завершения периода междоусобицы диктовалось не только возможностью восстановления селевкидской власти в полном объеме, но и, очевидно, тем, что многие бактрийцы и греки были против отделения Бактрии от державы Селевкидов. В таком случае весь первый этап монетной чеканки Диодота следует рассматривать как плод своеобразного компромисса между греко-бактрийскими лоялистами и сторонниками честолюбивого сатрапа.

до н.э. вспыхнул военный мятеж в Вавилоне. Все это не позволило Селевку II заняться бактрийскими делами и дало узурпатору время, необходимое для консолидации и оформления новой власти. Процесс отделения Греко-Бактрии от державы Селевкидов завершился к 239 г. до н.э.⁴⁵⁰, когда Диодот I принял царский титул⁴⁵¹, немедленно отразившийся в его монетной чеканке [Балахванцев, 2014г. С. 39; 2014д. С. 25].

---

⁴⁵⁰ По подсчетам С.А. Коваленко, Диодот I чеканил монету от имени Антиоха II на протяжении семи лет [Kovalenko, 1995/96. P. 54–55], что дает нам ту же дату ($246 - 7 = 239$ г. до н.э.).

⁴⁵¹ Принятие царского титула предполагает, что Диодоту удалось одержать какую-то военную победу. Однако, вопреки Ф. Холту [Holt, 1999. P. 99], это явно была победа не над Аршаком. Выше нам уже приходилось отмечать, что распространенная версия о связи Аршака с Бактрией не имеет ничего общего с действительностью и основана лишь на неверной географической локализации области парнов, ошибочно отнесенной к бактрийскому Оху. На наш взгляд, Диодоту пришлось бороться с противниками отделения Бактрии от Селевкидов.

Список библиографических сокращений

- АВЕС — Археология Восточно-Европейской степи. Саратов.
- АПО — Археологические памятники Оренбуржья. Оренбург.
- АСГЭ — Археологический сборник Государственного Эрмитажа. СПб.
- ВДИ — Вестник Древней истории. М.
- ВМГУ — Вестник Московского государственного университета. М.
- ЗВОРАО — Записки Восточного отделения Российского археологического общества. СПб.
- ИМКУ — История материальной культуры Узбекистана. Ташкент.
- ИРГО — Императорское русское географическое общество
- КД — Каракумские древности. Ашхабад.
- КСИА — Краткие сообщения института археологии. М.
- КСИИМК — Краткие сообщения института истории материальной культуры. М.
- МАВДС — Материалы по археологии Волго–Донских степей. Волгоград.
- МИА — Материалы и исследования по археологии СССР. М.
- МХЭ — Материалы Хорезмской экспедиции. М.
- НЭ — Нумизматика и эпиграфика. М.
- ПИФК — Проблемы истории, филологии, культуры. М.–Магнитогорск.
- РА — Российская археология. М.
- СА — Советская археология. М.
- СГТСМА — Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. СПб.
- СИЭ — Советская Историческая Энциклопедия. М.
- СОН — Серия общественных наук.
- ТГЭ — Труды Государственного Эрмитажа. Ленинград.
- ТИИА — Труды Института истории и археологии. Ташкент.

ТИИАЭ — Труды Института истории, археологии и этнографии.

Ашхабад.

УАВ — Уфимский археологический вестник. Уфа.

ЮТАКЭ — Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция.

AAASH — Acta Antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae. Budapest.

ACSS — Ancient Civilizations from Scythia to Siberia. Leiden, Boston, Köln.

AE — L'année épigraphique. Paris.

AJA — American Journal of Archaeology. Boston

AJAH — American Journal of Ancient History. Cambridge (Mass.).

AJN — American Journal of Numismatics. N.Y.

AMI — Archaologische Mitteilungen aus Iran. Berlin.

AMIT — Archaologische Mitteilungen aus Iran und Turan. Berlin.

ANRW — Aufstieg und Niedergang der römischen Welt. Berlin, N.Y.

AfO — Archiv für Orientforschung. Wien.

BAI — Bulletin of the Asia Institute. Bloomfield Hills.

BCH — Bulletin de Correspondance Hellénique. Athènes

CAD — The Assyrian Dictionary of the Oriental Institute of the University of Chicago. Chicago.

CAH — The Cambridge Ancient History. Cambridge.

CH — Coin Hoards. London.

CHIr — The Cambridge History of Iran. Cambridge.

CNG — Classical Numismatic Group.

CQ — The Classical Quarterly. Oxford.

DABIR — Digital Archive of Brief notes & Iran Review. Irvine.

DHA — Dialogues d'histoire ancienne. Paris.

EW — East and West. Rome.

IA — Iranica Antiqua. Leiden.

JASB — The Journal of the Asiatic Society of Bengal. Calcutta.

JHS — The Journal of Hellenic Studies. London.

JNES — Journal of Near Eastern Studies. Chicago.

JONS — Journal of the Oriental Numismatic Society. London.

JRAS — Journal of the Royal Asiatic Society. London.

LGPN — A Lexicon of Greek Personal Names / P.M. Fraser, E. Matthews (eds.). Oxford.

LSJ — A Greek-English Lexicon. Compiled by Henry George Liddell and Robert Scott. Revised and augmented throughout by Sir Henry Stuart Jones. Oxford, 1996.

MDAFA — Mémoires de la Délégation Archéologique Française en Afghanistan.

N.A.B.U. — Nouvelles Assyriologiques Brèves et Utilitaires.

NC — The Numismatic Chronicle. London.

NSA — Notizie degli Scavi di Antichità. Roma.

OLD — Oxford Latin Dictionary. Oxford, 1968.

ONS — Oriental Numismatic Society.

RE — *Pauly's Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft*. Neue Bearbeitung begonnen von G. Wissowa. Hrsg. von W. Kroll. Stuttgart, München.

RÉA — Revue des Études Anciennes. Bordeaux et Paris.

RN — Revue numismatique. Paris.

SEG — Supplementum Epigraphicum Graecum. Leiden

StIr — Studia Iranica. Paris.

SRAA — Silk Road Arts and Archaeology. Kamakura.

ZPE — Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik. Bonn.

Список использованных источников и литературы

Источники

ABC — Grayson A.K. Assyrian and Babylonian Chronicles. Locust Valley, N.Y., 1975.

AD — Sachs A.J., Hunger H. *Astronomical Diaries and Related Texts from Babylonia*. Wien, 1988, 1989, 1996. Vol. I–III.

Ael. VH. — Claudii Aeliani *Varia historia* / Ed. M.R. Dilts. Leipzig, 1974.

Amm. Marc. — Ammianus Marcellinus. *History* / with an English translation by J.C. Rolfe. Cambridge, 1940. Vol. II (books 20–26).

App. — Appianus. *Historia Romana* / Ed. P. Viereck, A.G. Roos; cor. E. Gabba. Leipzig, 1962. Vol. I.

Ar. Pax — Aristophanes / with an English translation by B.B. Rogers. Cambridge (Mass.), London, 1996. Vol. II (The Peace. The Birds. The Frogs).

Arr. Anab. — Arrian. *Anabasis Alexandri*. Indika / with an English translation by P.A. Brunt. Cambridge (Mass.), London, 1976. Vol. I.

Arr. Ind. — Arrian. *Anabasis Alexandri*. Indika / with an English translation by P.A. Brunt. Cambridge (Mass.), London, 1983. Vol. II.

Arr. Parth. — Flavii Arriani quae exstant omnia / Ed. A.G. Roos. Lipsiae, 1968. Vol. II.

Arr. Succ. — Flavii Arriani quae exstant omnia / Ed. A.G. Roos. Lipsiae, 1968. Vol. II.

Athen. — Athenaeus. *The Deipnosophists* / with an English translation by C.B. Gulick. Cambridge (Mass.), London, 1993. Vol. I (books I–III. 106e).

Athen. — Athenaeus. *The Deipnosophists* / with an English translation by C.B. Gulick. Cambridge (Mass.), London, 1987. Vol. II (books III. 106e–V).

Athen. — Athenaeus. *The Deipnosophists* / with an English translation by C.B. Gulick. Cambridge (Mass.), London, 1983. Vol. III (books VI–VII).

Athen. — Athenaeus. *The Deipnosophists* / with an English translation by C.B. Gulick. Cambridge (Mass.), London, 1980. Vol. V (books XI–XII).

Athen. — Athenaeus. *The Deipnosophists* / with an English translation by C.B. Gulick. Cambridge (Mass.), London, 1993. Vol. VI (books XIII–XIV.653b).

BCHP — *Babylonian Chronicles of the Hellenistic Period* / Ed. I. Finkel, R.J. van der Spek // URL: <http://www.livius.org>. (дата обращения: 26.03.2014).

Cic. Att. — Cicero. Letters to Atticus / with an English translation by E.O. Winstedt. London, Cambridge (Mass.), 1961. Vol. III (books XII–XVI).

CIL — Corpus Inscriptionum Latinarum in 16 vol. Berolini, 1863 sq.

Curt. — Q. Curti Rufi historiarum Alexandri Magni Macedonis libri qui supersunt / Rec. T. Vogel. Lipsiae, 1884.

Dio Cass. — Dio's Roman History / with an English translation by E. Cary. Cambridge (Mass.), London, 1984. Vol. III (books XXXVI–XL).

Dio Cass. — Dio's Roman History / with an English translation by E. Cary. Cambridge (Mass.), London, 1979. Vol. V (books XLVI–L).

Dio Cass. — Dio's Roman History / with an English translation by E. Cary. Cambridge (Mass.), London, 1980. Vol. VI (books LI–LV).

Diod. — Diodorus of Sicily / with an English translation by C.H. Oldfather. Cambridge (Mass.), London, 1946. Vol. I (books I–II.34).

Diod. — Diodorus of Sicily / with an English translation by C.H. Oldfather. Cambridge (Mass.), London, 1949. Vol. IV (books IX–XII.40).

Diod. — Diodorus of Sicily / with an English translation by C.H. Oldfather. Cambridge (Mass.), London, 1950. Vol. V (books XII.41–XIII).

Diod. — Diodorus of Sicily / with an English translation by C.H. Oldfather. Cambridge (Mass.), London, 1954. Vol. VI (books XIV–XV.19).

Diod. — Diodorus of Sicily / with an English translation by C. B. Welles. Cambridge (Mass.), London, 1963. Vol. VIII (books XVI.66–XVII).

Diod. — Diodorus of Sicily / with an English translation by R.M. Geer. Cambridge (Mass.), London, 1947. Vol. IX (books XVIII–XIX.65).

Diod. — Diodorus of Sicily / with an English translation by F. Walton. Cambridge (Mass.), London, 1999. Vol. XI (books XXI–XXXII).

Diod. — Diodorus of Sicily / with an English translation by F. Walton. Cambridge (Mass.), London, 2001. Vol. XII (books XXXIII–XL).

Euseb. — Eusebi Chronicorum libri duo / ed. A. Schoene. Berolini, 1967.

Eutr. — Eutropius. Breviarium ab urbe condita / Rec. C. Santini. Leipzig, 1979.

FGrH — Fragmente der griechischen Historiker / Hrsg. von F. Jacoby. Berlin, Leiden, 1923 sq.

Hdn. — Herodiani ab excessu divi Marci libri octo / ed. K. Stavenhagen. — Lipsiae, 1922.

Hdt. — Herodotus / with an English translation by A.D. Godley. Cambridge (Mass.), London, 1990. Vol. I. (books I–II).

Hdt. — Herodotus / with an English translation by A.D. Godley. Cambridge (Mass.), London, 1995. Vol. II. (books III–IV).

Hdt. — Herodotus / with an English translation by A.D. Godley. Cambridge (Mass.), London, 1994. Vol. III. (books V–VII).

Hdt. — Herodotus / with an English translation by A.D. Godley. Cambridge (Mass.), London, 1981. Vol. IV. (books VIII–IX).

Hell. Oxy. — Hellenica Oxyrhynchia / post Victorium Bartoletti ed. M. Chambers. Stutgardiae, 1993.

IEOG — Canali De Rossi F. Iscrizioni dello Estremo Oriente Greco. Bonn, 2004.

IGBR — Inscriptiones graecae in Bulgaria repertae / Ed. G. Mihailov. Sofia, 1970. Vol. I.

IGCH — Thompson M., Mørkholm O., Kraay C.M. An Inventory of Greek Coin Hoards. N.Y., 1973.

IGIAC — Rougemont G. Inscriptions grecques d’Iran et d’Asie centrale (Corpus Inscriptionum Iranicarum. Part II: Inscriptions of the Seleucid and Parthian periods and of Eastern Iran and Central Asia, Vol. I: Inscriptions in non-Iranian Languages). London, 2012.

ILS — Inscriptiones Latinae Selectae in 3 vol. / ed. H. Dessau. Berolini, 1892–1916.

Ios. Ant. — Josephus / with an English translation by R. Marcus. Cambridge (Mass.), London, 1957. Vol. VII (Jewish Antiquities, books XII–XIV).

Ios. Ap. — Flavii Iosephi opera / ed. B. Niese. Berolini, 1955. Vol. V (De iudaeorum vetustate sive Contra Apionem, libri II).

Isid. Mans. Parth. — Parthian Stations by Isidore of Charax. An Account of the overland trade Route between the Levant and India in the first Century B. C. The Greek Text, with a Translation and Commentary by W.H. Schoff. Chicago, 1976.

Isoc. — Isocrates / with an English translation by G. Norlin. Cambridge (Mass.), London, 1929. Vol. II.

Isoc. — Isocrates / with an English translation by L. van Hook. Cambridge (Mass.), London, 1945. Vol. III.

Iust. — M. Iuniani Iustini epitoma Historiarum Philippicarum Pompei Trogi / Ed. F. Ruehl. Lipsiae, 1886.

LAR — Stolper M.W. Late Achaemenid, Early Macedonian, and Early Seleucid Records of Deposit and Related Texts: Supplemento n. 77 agli ANNALI. Vol. 53, fasc.4. Napoli, 1993.

LBT — Weisberg D.B. The Late Babylonian Texts of the Oriental Institute Collection. Malibu, 1991.

Lib. — Libanii Opera / Rec. R. Foerster. Lipsiae, 1903. Vol. II.

Liv. — Tity Livii: Ab Vrbe Condita / ed. A.H. McDonald. Oxford, 1965. Vol. 5 (libri XXXI–XXXV).

Liv. — Tity Livii: Ab Vrbe Condita / ed. P.G. Walsh. Oxford, 1999. Vol. 6 (libri XXXVI–XL).

Luc. Syr.D. — Lucian. On the Syrian goddess / ed.with introduction, translation and commentary by J.L. Lightfoot. Oxford, 2003.

Lys. — Lysiae Orationes / rec. Th. Thalheim. Lipsiae, 1913.

Macc. — Septuaginta: Vetus Testamentum graecum / Vol. 9, Maccabeorum libri I–IV. fasc. 1, Maccabaeorum liber I / ed. W. Kappler. Göttingen, 1936.

Macc. — Septuaginta: Vetus Testamentum graecum / Vol. 9, Maccabeorum libri I–IV. fasc. 2, Maccabaeorum liber II / copiis usus quas reliquit W. Kappler ed. R. Hanhart. Göttingen, 1959.

Metz Epit. — Incerti auctoris epitoma rerum gestarum Alexandri Magni cum libro de morte testamentoque Alexandri / Ed. P.H. Thomas. Leipzig, 1960.

Nep. — Lucius Annaeus Florus. Cornelius Nepos / with an English translation by E.S. Forster. Cambridge (Mass.), London, 1947.

OGIS — Orientis Graeci Inscriptiones Selectae / Ed. W. Dittenberger. Leipzig, 1903–1905.

Oros. — Pauli Orosii historiarum adversum paganos libri VII / Rec. C. Zangemeister. Lipsiae, 1889.

Paus. — Pausanias. Descriptio of Greece / with an English translation by W.H.S. Jones. Cambridge (Mass.), London, 1918. Vol. I (books I–II).

Paus. — Pausanias. Descriptio of Greece / with an English translation by W.H.S. Jones. Cambridge (Mass.), London, 1933. Vol. III (books VI–VIII.21).

Paus. — Pausanias. Descriptio of Greece / with an English translation by W.H.S. Jones. Cambridge (Mass.), London, 1935. Vol. IV (books VIII.22–X).

Paus. Att. — Aelii Dionysii et Pausaniae Atticistarum Fragmenta / E. Schwabe (ed.). Leipzig, 1890.

PEDN — Diakonoff I.M., Livshits V.A. Parthian Economic Documents from Nisa (Corpus Inscriptionum Iranicarum. Part II: Inscriptions of the Seleucid and Parthian periods and of Eastern Iran and Central Asia, Vol. II: Parthian). London, 2001.

Plin. NH. — Pliny. Natural History / with an English translation by H. Rackham. Cambridge (Mass.), London, 1979. Vol. I (praefacio, libri I, II).

Plin. NH. — Pliny. Natural History / with an English translation by H. Rackham. Cambridge (Mass.), London, 1989. Vol. II (libri III–VII).

Plin. NH. — Pliny. Natural History / with an English translation by H. Rackham. Cambridge (Mass.), London, 1960. Vol. IV (libri XII–XVI).

Plin. NH. — Pliny. Natural History / with an English translation by H. Rackham. Cambridge (Mass.), London, 1984. Vol. IX (libri XXXIII–XXXV).

Plin. NH. — Pline l’Ancien. Histoire Naturelle. Livre VI, 2-e partie (L’Asie centrale et orientale, l’Inde) / Texte établi, traduit et commenté par J. André, J. Filliozat. Paris, 2003.

Plut. — Plutarch’s Lives / with an English translation by B. Perrin. Cambridge (Mass.), London, 1959. Vol. II.

Plut. — Plutarch’s Lives / with an English translation by B. Perrin. Cambridge (Mass.), London, 1959. Vol. IV.

Plut. — Plutarch’s Lives / with an English translation by B. Perrin. Cambridge (Mass.), London, 1958. Vol. VII.

Plut. — Plutarch’s Lives / with an English translation by B. Perrin. Cambridge (Mass.), London, 1959. Vol. VIII.

Plut. — Plutarch’s Lives / with an English translation by B. Perrin. Cambridge (Mass.), London, 1921. Vol. X.

Plut. — Plutarch’s Lives / with an English translation by B. Perrin. Cambridge (Mass.), London, 1926. Vol. XI.

Plut. — Plutarch’s Moralia / with an English translation by F.C. Babbitt. Cambridge (Mass.), London, 1961. Vol. III (172A–263C).

Plut. — Plutarch’s Moralia / with an English translation by F.C. Babbitt. Cambridge (Mass.), London, 1962. Vol. IV (263D–351B).

Plut. — Plutarch’s Moralia / with an English translation by W.C. Helmbold. Cambridge (Mass.), London, 1962. Vol. VI (439A–523B).

Polyaen. — Polyaeni Strategematon libri octo / rec. E. Woelfflin. Lipsiae, 1887.

Polyb. — Polybius. Historiae / Ed. L. Dindorf; retract. T. Büttner-Wobst. Leipzig, 1882. Vol. 1 (libri I–III).

Polyb. — Polybius. Historiae / Ed. L. Dindorf; retract. T. Büttner-Wobst. Stutgardiae, 1995. Vol. 2 (libri IV–VIII).

Polyb. — Polybius. Historiae / Ed. L. Dindorf; retract. T. Büttner-Wobst. Leipzig, 1893. Vol. 3 (libri IX–XIX).

Polyb. — Polybius. *Historiae* / Ed. L. Dindorf; retract. T. Büttner-Wobst. Leipzig, 1904. Vol. 4 (libri XX–XXXIX, Fragmenti).

Posid. — Posidonius I. *The Fragments* / Ed. by L. Egelstein, I.G. Kidd. Cambridge, 1972.

Procop. BP. — Procopii Caesariensis *Opera Omnia*. Vol. I (De Bello Persico) / Rec. J. Haury, G. Wirth. Lipsiae, 1962.

Ptol. Geog. — Klaudios Ptolemaios. *Handbuch der Geographie* / Ed. A. Stückelberger, G. Graßhoff. Basel, 2006.

RC — Welles C.B. *Royal Correspondence in the Hellenistic Period*. Roma, 1966.

RGDA — Velleius Paterculus. *Compendium of Roman History. Res Gestae Divi Augusti* / with an English translation by F.W. Shipley. Cambridge (Mass.), London, 1924.

Schol. Dem. — Scholia Demosthenica / Ed. M.R. Diltz. Leipzig, 1983.

Steph. Byz. — Stephani Byzantini *Ethnicorum quae supersunt ex recensione Augusti Meinekii*. Chicago, 1992.

Strab. — Strabon. *Géographie. Livre XI* / Texte établi et traduit par F.Lassere. Paris, 2003. T. VIII.

Strab. — *The Geography of Strabo* / with an English translation by H.L. Jones. Cambridge (Mass.), London, 1917. Vol. I (books I–II).

Strab. — *The Geography of Strabo* / with an English translation by H.L. Jones. Cambridge (Mass.), London, 1988. Vol. V (books X–XII).

Strab. — *The Geography of Strabo* / with an English translation by H.L. Jones. Cambridge (Mass.), London, 1929. Vol. VI (books XIII–XIV).

Strab. — *The Geography of Strabo* / with an English translation by H.L. Jones. Cambridge (Mass.), London, 1995. Vol. VII (books XV–XVI).

Suid. — *Suidae Lexicon* / Ed. A. Adler. Stuttgart, 1971. Vol. I.

*Syll.*³ — *Sylloge inscriptionum Graecarum* / Ed. W. Dittenberger. Leipzig, 1915.

Sync. — Georgii Syncelli Ecloga Chronographica / Ed. A. Mosshammer. — Leipzig, 1984.

Tac. Ann. — P. Cornelii Taciti libri qui supersunt. T. I. Ab excessu Divi Augusti / Ed. E. Koestermann. Lipsiae, 1952.

Tac. Hist. — P. Cornelii Taciti libri qui supersunt. T. II (1). Historiarum libri / Ed. E. Koestermann. Leipzig, 1969.

Tait 1930 — Tait J.G. Greek Ostraca in the Bodleian Library at Oxford and Various Other Collections. Pt. I. London, 1930.

Theoph. Sim. Hist. — Theophylacti Simocattae Historiae / Ed. C. de Boor, cur. P. Wirth. Stutgardiae, 1972.

Thuc. — Thucydides / with an English translation by C.F. Smith. Cambridge (Mass.), London, 1919. Vol. I (books I–II).

Thuc. — Thucydides / with an English translation by C.F. Smith. Cambridge (Mass.), London, 1959. Vol. III (books V–VI).

Thuc. — Thucydides / with an English translation by C.F. Smith. Cambridge (Mass.), London, 1923. Vol. IV (books VII–VIII).

Tod 1951 — Tod M.N. A Selection of Greek Historical Inscriptions to the end of the fifth century B.C. Oxford, 1951.

Trog. Prol. — Pompei Trogi fragmenta / coll. O. Seel. Lipsiae, 1956.

Xen. Anab. — Xenophon. Anabasis / with an English translation by C.L. Brownson. Cambridge (Mass.), London, 1992.

Xen. Cyr. — Xenophon. Cyropaedia / with an English translation by W. Miller. Cambridge (Mass.), London, 1914. Vol. I (books I–IV).

Xen. Cyr. — Xenophon. Cyropaedia / with an English translation by W. Miller. Cambridge (Mass.), London, 1914. Vol. II (books V–VIII).

Xen. Hell. — Xenophon. Hellenica / with an English translation by C.L. Brownson. Cambridge (Mass.), London, 1918. Vol. I (books I–IV).

Zos. — Zosime. Histoire nouvelle / Texte établi et traduit par F. Paschoud. Paris, 1971. V. 1.

Переводы

Арриан, 1993 — *Арриан. Поход Александра* / Перевод с древнегреческого М.Е. Сергеевко. СПб., 1993.

Баженов, 1940 — *Баженов Л.В. Древние авторы о Средней Азии* (VI в. до н.э. – III в. н.э). Ташкент, 1940.

Бейхаки, 1962 — *Бейхаки Абу-л-Фазл. История Масуда. 1030–1041.* Ташкент, 1962.

Волин и др., 1939 — *Волин С.Л., Ромаскевич А.А., Якубовский А.Я.* (ред.). Материалы по истории туркмен и Туркмении. Т. I. Арабские и персидские источники. М., Л., 1939.

Либаний, 2014 — *Либаний. Речи. Т. II* / Пер. с древнегреческого С.П. Шестакова. СПб., 2014.

Моисей Хоренский, 1858 — *Моисей Хоренский. История Армении* / Пер. Н.О. Эмина. М., 1858.

Полибий, 1994 — *Полибий. Всеобщая история. Т. I* / Пер. Ф.Г. Мищенко. СПб., 1994.

Исследования

Абакумов, 2015 — *Абакумов А.А. Polyb. 5.79.4: к вопросу об «азиатской фаланге» Селевкидов* // *Studia historica. XIV.* М., 2015. С. 46–51.

Абдуллаев, Бердимуратов, 2010 — *Абдуллаев К., Бердимуратов А. Монета Диодота из Муминабада* // *Традиции Востока и Запада в античной культуре Средней Азии* / К.А. Абдуллаев (ред.). Ташкент, 2010. С. 45–52.

Акбулатов, 1999 — *Акбулатов И.М. Экономика ранних кочевников Южного Урала.* Уфа, 1999.

Алексинский, 2008 — *Алексинский Д.П. Античный железный шлем из погребения воина у Карантинного шоссе близ Керчи* // *Античный мир. Искусство и археология* / ТГЭ. [Т.] XLI. СПб., 2008. С. 31–70.

Алексинский, 2013 — *Алексинский Д.П. Античное вооружение в собрании Государственного Эрмитажа.* СПб., 2013.

Алиев, 1980 — *Алиев К.В.* К вопросу о Каспии и Арале в античных источниках // Колебания увлажненности Арало-Каспийского региона в голоцене / Б.В. Адрианов (ред.). М., 1980. С. 56–60.

Амиров, 2014 — *Амиров Ш.Н.* Месопотамско-кавказские связи IV–III тыс. до н.э. в свете климатических флуктуаций // КСИА. 2014. Вып. 233. С. 3–17.

Амиров и др., 2008 — *Амиров Ш.Ш., Бендесу-Сармиенто Х., Ходжаниязов Г.Х., Ягодин В.Н.* Комплекс археологических объектов на возвышенности Крантау (Археология Приаралья. Вып. VII). Ташкент, 2008.

Артамонов, 1892 — *Артамонов Л.К.* Исследование, произведенное в 1891–92 годах, Астрабад - Шахруд - Бастамского района и северного Хорасана // СГТСМА. 1892. Вып. 51. С. 124–138.

Атаходжаев, 2005 — *Атаходжаев А.Х.* Раннеантичные монеты с городища Афрасиаб (новые находки) // Материалы по античной культуре Узбекистана / К.А. Абдуллаев (ред.). Самарканд, 2005. С. 33–36.

Бабаев и др., 1969 — *Бабаев А.Г., Мурзаев Э.М., Оразов А.О., Фрекин З.Г.* Туркменистан. М., 1969.

Багдасарян и др., 1966 — *Багдасарян К.Г., Татишвили К.Г., Казахашвили Ж.Р., Мухелишвили Л.В., Бадзошвили Ц.И., Ахвледiani Е.Г., Жгенти Е.М., Тактакишвили И.Г., Квалишвили Г.А.* Справочник по экологии морских двустворок. М., 1966.

Бадер, 1989 — *Бадер А.Н.* Проблема возникновения и политического устройства Парфянского царства в современной историографии // ВДИ. 1989. № 1. С. 216–231.

Балахванцев, 1994 — *Балахванцев А.С.* Социальная структура римского гражданства в эпоху Юлиев–Клавдиев /Италия/. Рукопись диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 1994.

Балахванцев, 1998 — *Балахванцев А.С.* Дахи и арии у Тацита // ВДИ. 1998. № 2. С. 152–160.

Балахванцев, 2000а — *Балахванцев А.С.* Селевк II Каллиник и Парфия // Межгосударственные отношения и дипломатия в античности. Ч. 1 / О.Л. Габелко (ред.). Казань, 2000. С. 201–216.

Балахванцев, 2000б — *Балахванцев А.С.* Монеты Андрагора: кто, где, когда? // Восьмая Всероссийская нумизматическая конференция. Тезисы докладов и сообщений. М., 2000. С. 10–12.

Балахванцев, 2002 — *Балахванцев А.С.* К вопросу о локализации Парфавнисы // ПИФК. 2002. Вып. XII. С. 436–441.

Балахванцев, 2003 — *Балахванцев А.С.* К вопросу о хронологии и интерпретации некоторых сооружений Старой Нисы // Центральная Азия: источники, история, культура / Т.К. Мкртычев (ред.). М., 2003. С. 24–26.

Балахванцев, 2004 — *Балахванцев А.С.* Свинцовые монеты Антиоха III из Старой Нисы // Двенадцатая Всероссийская нумизматическая конференция. Тезисы докладов и сообщений. М., 2004. – С. 14–15.

Балахванцев, 2005а — *Балахванцев А.С.* Среднеазиатские дахи в IV–II вв. до н.э.: происхождение, хронология и локализация // Средняя Азия от Ахеменидов до Тимуридов: археология, история, этнология, культура. Материалы Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения А.М. Беленицкого / В.П. Никоноров (ред.). СПб., 2005. С. 64–67.

Балахванцев, 2005б — *Балахванцев А.С.* Старая Ниса: хронология и интерпретация // Центральная Азия: источники, история, культура: материалы Международной научной конференции / Т.К. Мкртычев (ред.). М., 2005б. С. 172–190.

Балахванцев, 2005в — *Балахванцев А.С.* Загадка Андрагора // *Antiquitas aeterna*. Поволжский антиковедческий журнал. Вып. 1. Эллинистический мир: единство многообразия / О.Л. Габелко (ред.). Казань; Нижний Новгород; Саратов, 2005. С. 50–58.

Балахванцев, 2005г — *Балахванцев А.С.* Тифлисский клад греко-бактрийских монет и проблема Каспийского водного пути // Тринадцатая

Всероссийская нумизматическая конференция. Тезисы докладов и сообщений. М., 2005. С. 35–36.

Балахванцев, 2006а — *Балахванцев А.С.* Александр Македонский и дахи // Историческое знание: теоретические основания и коммуникативные практики. Материалы научной конференции. М., 2006. С. 395–398.

Балахванцев, 2006б — *Балахванцев А.С.* К вопросу о времени отпадения Хорезма от державы Ахеменидов: источниковедческий аспект // ЗВОРАО. 2006. Т. II. С. 365–375.

Балахванцев, 2006в — *Балахванцев А.С.* Династии Митридатидов и Ариаратидов в свете новых исторических данных: тезисы доклада на Седьмых Жебелевских чтениях в Санкт-Петербургском государственном университете // ВДИ. 2006. № 2. С. 226.

Балахванцев, 2009 — *Балахванцев А.С.* К вопросу о времени и обстоятельствах возникновения «Парфики» Аполлодора Артемитского // Политика, идеология, историописание в римско-эллинистическом мире / О.Л. Габелко (ред.). Казань, 2009. С. 89–101.

Балахванцев, 2010а — *Балахванцев А.С.* Еще раз о дате возникновения Парфянского и Греко-Бактрийского государств // Древние цивилизации на Среднем Востоке. Археология, история, культура / С.Б. Болелов (ред.). М., 2010. С. 17.

Балахванцев, 2010б — *Балахванцев А.С.* Приложение VI. К вопросу об атрибуции глиняных голов из Тахти-Сангина // Литвинский Б.А. 2010: Храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан), т. 3. Искусство, художественное ремесло, музыкальные инструменты. М., 2010. С. 531–544.

Балахванцев, 2010в — *Балахванцев А.С.* К вопросу о времени и обстоятельствах появления ахеменидских импортов на Южном Урале // Древние культуры Евразии: материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения А.Н. Бернштама / В.А. Алёкшин (ред.). СПб., 2010. С. 116–122.

Балахванцев, 2011 — *Балахванцев А.С.* «Новый» рескрипт Зиела Вифинского // ВДИ. 2011. № 1. С. 74–92.

Балахванцев, 2012а — *Балахванцев А.С.* Дахи Средней Азии в эпоху Александра Македонского: данные нарративной традиции // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2012. № 1. С. 29–36.

Балахванцев, 2012б — *Балахванцев А.С.* Южноуральские дахи и держава Ахеменидов в V веке до н.э. // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2012. Т. 11, вып. 4: Востоковедение. С. 20–25.

Балахванцев, 2012в — *Балахванцев А.С.* Влияния ахеменидской культуры в Южном Приуралье (V–III вв. до н.э.). Т. 1 / О.В. Аникеева, А.С. Балахванцев, С. Берендт, С.Б. Болелов, Д. Бонатц, А.С. Варичев, А.А. Гольева, В.В. Зайков, Е.В. Зайкова, В.Н. Киреева, В.В. Крупская, О.И. Куринских, Х.-П. Майер, А.В. Мохов, Б. Паз, С.А. Писарева, И.Г. Равич, М. Рознер, Л.Н. Соловьева, М.Ю. Трейстер, Й. Фогль, И.В. Чернышев, А.В. Чугаев, К. Эдер, Л.Т. Яблонский. М., 2012.

Балахванцев, 2012г — *Балахванцев А.С.* Эллинистическая Кабала на торговых путях между Западом и Востоком (по нумизматическим данным) // Древнегородская культура Азербайджана в контексте мировой урбанизации. Тезисы / М.Н. Рагимова (ред.). Баку, 2012. С. 65.

Балахванцев, 2013а — *Балахванцев А.С.* Аршак I или Андрагор: кто был основателем Парфянского государства? // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2013. № 3. С. 15–21.

Балахванцев, 2013б — *Балахванцев А.С.* Хорезм в истории государственности Узбекистана / У.А. Абдурасулов, Г.А. Агзамова, Д.А. Алимова, Н.А. Аллаева, А.С. Балахванцев, Д.В. Бирюков, С.Б. Болелов, О. Буриев, Х.Г. Гуламов, Д.Х. Зияева, А.М. Отахужаев, Э.В. Ртвеладзе, А.А. Хакимов, В.Н. Ягодин. Ташкент, 2013б.

Балахванцев, 2014а — *Балахванцев А.С.* К вопросу о происхождении топонима Партава // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2014. № 2. С. 87–91.

Балахванцев, 2014б: — *Балахванцев А.С.* Восточная политика Александра Македонского и Селевкидов: разрыв или преемственность? // Древнейшие государства Восточной Европы. 2012 год: Проблемы эллинизма и образования Боспорского царства. М., 2014. С. 298–316.

Балахванцев, 2014в: — *Балахванцев А.С.* Новая надпись из Тахти-Сангина и некоторые проблемы восточного эллинизма // РА. 2014. № 4. С. 89–96.

Балахванцев, 2014г — *Балахванцев А.С.* Некоторые проблемы истории Греко-Бактрии в свете нумизматических и нарративных источников // KOINON ΔΩΡΟΝ. Исследования и эссе в честь 60-летнего юбилея Валерия Павловича Никонорова / А.А. Сеницын, М.М. Холод (ред.). СПб., 2014. С. 35–41.

Балахванцев, 2014д — *Балахванцев А.С.* Рождение Греко-Бактрии // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2014. Т. 13, вып. 8: История. С. 21–27.

Балахванцев, 2015а — *Балахванцев А.С.* Парфянский поход Антиоха III // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2015. № 1. С. 9–13.

Балахванцев, 2015б — *Балахванцев А.С.* Великое противостояние: Селевк II Каллиник и Аршак I // Вестник ВГУ. Серия: История. Политология. Социология. 2015. № 1. С. 5–12.

Балахванцев, 2015в — *Балахванцев А.С.* Внутренняя политика первых Аршакидов // Известия СГУ. Сер. История. Международные отношения. 2015. Т. 15, вып. 2. С. 61–64.

Балахванцев, 2015г — *Балахванцев А.С.* Две античные традиции истории ранней Парфии // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2015. Т. 157, кн. 3. С. 114–122.

Балахванцев, 2015д — *Балахванцев А.С.* Существовал ли этнокласс в державе Селевкидов? // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2015. № 5. С. 12–19.

Балахванцев, 2015е — *Балахванцев А.С.* Селевкидский якорь на Старой Нисе // *Stratum plus*. Культурная антропология и археология. Кишинев, 2015. № 6. С. 81–87.

Балахванцев, 2015ж — *Балахванцев А.С.* Еще раз о Старой Нисе // *Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология*. 2015. Т. 14, вып. 7: *Археология*. С. 102–112.

Балахванцев, 2015з — *Балахванцев А.С.* Фраат I и марды // *ПИФК*. 2015. № 4 (50). С. 141–147.

Балахванцев, 2015и — *Балахванцев А.С.* Историческая география ранней Парфии // *Вестник ВГУ. Серия: История. Политология. Социология*. 2015. № 4. С. 5–12.

Балахванцев, 2015к — *Балахванцев А.С.* Кочевники Южного Урала VI–IV вв. до н.э. в античной нарративной традиции // *ЗВОРАО*. 2015. Т. III. С. 53–59.

Балахванцев, 2016а — *Балахванцев А.С.* Среднеазиатские дахи в IV–II вв. до н.э. (по данным археологии) // *РА*. 2016. № 1. С. 11–24.

Балахванцев, 2016б — *Балахванцев А.С.* Ахеменидский Иран и Южный Урал в V–IV в. до н.э. // *Константин Федорович Смирнов и современные проблемы сарматской археологии. Материалы IX международной научной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории» / Л.Т. Яблонский, Л.А. Краева (ред.). Оренбург, 2016. С. 40–43.*

Балахванцев, 2016в — *Балахванцев А.С.* К хронологии мечей «переходного» типа // *Материалы V Международной научной конференции «Кадырбаевские чтения–2016» / А.А. Бисембаев (ред.). Актобе, 2016. С. 123–126.*

Балахванцев, 2016г — *Балахванцев А.С.* Абсолютная хронология архаической Скифии: восточные реперы // *Кавказ и степь на рубеже эпохи поздней бронзы и раннего железа: материалы международной научной конференции, посвященной памяти Марии Николаевны Погребовой / А.С. Балахванцев, С.В. Кулланда (ред.). М., 2016. С. 15–24.*

Балахванцев, 2016д — *Балахванцев А.С.* Споры об эллинизме (неюбилейные заметки). Тезисы доклада на международной научной конференции «Научное наследие А.Б. Рановича: к 130-летию со дня рождения ученого» (17–18. 12. 2015 г., Университет Дмитрия Пожарского, Москва) // *Аристей. Вестник классической филологии и античной истории.* М., 2016. Т. XIII. С. 231–232.

Балахванцев, 2017 — *Балахванцев А.С.* Политическая история ранней Парфии. М., 2017.

Балахванцев, Немировский, 1999 — *Балахванцев А.С., Немировский А.А.* Дахи от Дария до Аршака: нарративная традиция и археологический контекст // VI чтения памяти профессора В.Д. Блаватского. М., 1999. С. 10–12.

Балахванцев, Яблонский, 2005 — *Балахванцев А.С., Яблонский Л.Т.* О датировке и происхождении серебряной чаши из «городища» могильника у с. Прохоровка // Теоретические и методические подходы к изучению погребального обряда в современной археологии / В.И. Гуляев (ред.). М., 2005. С. 29–30.

Балахванцев, Яблонский, 2006 — *Балахванцев А.С., Яблонский Л.Т.* Серебряная чаша из Прохоровки // РА. 2006. № 1. С. 98–106.

Балахванцев, Яблонский, 2007 — *Балахванцев А.С., Яблонский Л.Т.* Ахеменидская эмаль из Филипповки (проблема хронологии памятника) // РА. 2007. № 1. С. 143–149.

Балахванцев, Яблонский, 2008 — *Балахванцев А.С., Яблонский Л.Т.* Серебряная амфора из Филипповки // Ранние кочевники Волго-Уральского региона: материалы международной научной конференции «Ранние кочевники Южного Приуралья в свете новейших археологических открытий» / Л.Т. Яблонский (ред.). Оренбург, 2008. С. 29–38.

Балахванцев, Яблонский, 2009 — *Балахванцев А.С., Яблонский Л.Т.* Еще раз к вопросу о датировке надписей из Прохоровки // ВДИ. 2009. № 2. С. 89–108.

Барцева, 1981 — *Барцева Т.Б.* Цветная металлообработка скифского времени. М., 1981.

Бартольд, 2002 — *Бартольд В.В.* К истории орошения Туркестана // В.В. Бартольд. Работы по исторической географии. М., 2002. С. 97–233.

Баюн, 1992 — *Баюн Л.С.* Этноязыковая ситуация на эллинистическом Востоке // Эллинизм: восток и запад / Е.С. Голубцова (ред.). М., 1992. С. 263–279.

Безруков, 2005 — *Безруков А.В.* К вопросу о характере взаимоотношений кочевников Южного Приуралья и Ахеменидского Ирана в VI–IV вв. до н.э. // ПИФК. 2005. Вып. XV. С. 119–121.

Бенгтсон, 1982 — *Бенгтсон Г.* Правители эпохи эллинизма. М., 1982.

Берзон, 2014 — *Берзон Е.М.* К вопросу о титулатуре соправителя в царстве Селевкидов // *Antiquitas aeterna.* Поволжский антиковедческий журнал. Вып. 4: История понятий, категориальный аппарат современной исторической науки и проблемы (ре)конструкции прошлого / А.В. Махлаюк, О.Л. Габелко (ред.). Нижний Новгород, 2014. С. 105–118.

Берзон, 2015 — *Берзон Е.М.* Был ли заговор? К династической истории первых Селевкидов // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2015. № 5. С. 19–27.

Берлизов, 1997 — *Берлизов Н.Е.* К интерпретации ахеменидского импорта в раннепрохоровских погребениях // STRATUM + Петербургский археологический вестник. СПб., Кишинев, 1997. С. 101–105.

Берлизов, 2014 — *Берлизов Н.Е.* Сарматы и Средняя Азия // Сарматы и внешний мир / Л.Т. Яблонский, Н.С. Савельев (ред.). Уфа, 2014. С. 30–39.

Бибиков, 1978 — *Бибиков М.В.* Пути имманентного анализа византийских источников по средневековой истории СССР (XII – первая половина XIII в.) // Методика изучения древнейших источников по истории народов СССР / В.Т. Пашуто (ред.). М., 1978. С. 92–110.

Бикерман, 1975 — *Бикерман Э.* Хронология древнего мира. М., 1975.

Бикерман, 1985 — *Бикерман Э.* Государство Селевкидов. М., 1985.

Блаватская, 1969 — *Блаватская Т.В.* Из истории рабовладения в северо-западных землях Греции // Рабство в эллинистических государствах в III–I вв. до н.э. М., 1969. С. 9–127.

Блаватский, 1954 — *Блаватский В.Д.* Очерки военного дела в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1954.

Богданов, 2005 — *Богданов С.В.* Линеvский одиночный курган в урочище Лучки // Вопросы археологии Западного Казахстана. Вып. 2. Актобе, 2005. С. 27–35.

Богомолов, 2010 — *Богомолов Г.И.* К дискуссии о начальных процессах урбанизации Чача // Древние культуры Евразии: материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения А.Н. Бернштама / В.А. Алёхин (ред.). СПб., 2010. С. 127–135.

Боде, 1856а — *Боде К.К.* Очерки туркменской земли и юго-восточного побережья Каспийского моря. Статья первая // Отечественные записки. 1856. Т. 107. № 7. С. 121–194.

Боде, 1856б — *Боде К.К.* Очерки туркменской земли и юго-восточного побережья Каспийского моря. Статья вторая // Отечественные записки. 1856. Т. 107. № 8. С. 418–472.

Боде, 1856в — *Боде К.К.* Очерки туркменской земли и юго-восточного побережья Каспийского моря. Статья третья и последняя // Отечественные записки. 1856. Т. 108. № 9. С. 108–146.

Бокщанин, 1960 — *Бокщанин А.Г.* Парфия и Рим. Ч. 1. М., 1960.

Болелов, 1998 — *Болелов С.Б.* Крепость Аяз-кала 3 в правобережном Хорезме // Приаралье в древности и средневековье. К 60-летию Хорезмской археолого-этнографической экспедиции / Е.Е. Неразик (ред.). М., 1998. С. 116–135.

Болелов, 2001 — *Болелов С.Б.* Гончарная мастерская III–II вв. до н.э. на Кампыртепа // Материалы Тохаристанской экспедиции. Вып. II. Ташкент, 2001. С. 15–26.

Болелов, 2004 — *Болелов С.Б.* Керамика // Калалы-гыр 2: Культурный центр в Древнем Хорезме IV–II вв. до н.э. / Б.И. Вайнберг (ред.). М., 2004. С. 93–147.

Болелов, 2012 — *Болелов С.Б.* Влияния ахеменидской культуры в Южном Приуралье (V–III вв. до н.э.). Т. 1 / О.В. Анисеева, А.С. Балахванцев, С. Берендт, С.Б. Болелов, Д. Бонатц, А.С. Варичев, А.А. Гольева, В.В. Зайков, Е.В. Зайкова, В.Н. Киреева, В.В. Крупская, О.И. Куринских, Х.-П. Майер, А.В. Мохов, Б. Паз, С.А. Писарева, И.Г. Равич, М. Рознер, Л.Н. Соловьева, М.Ю. Трейстер, Й. Фогль, И.В. Чернышев, А.В. Чугаев, К. Эдер, Л.Т. Яблонский. М., 2012.

Болелов, 2014 — *Болелов С.Б.* Заметки о бактрийской керамике (к вопросу о датировке литейной формы бронзового котла из Храма Окса, Тахти-Сангин) // РА. 2014. № 4. С. 64–74.

Бонгард-Левин, Ильин, 1985 — *Бонгард-Левин Г.М., Ильин Г.Ф.* Индия в древности. М., 1985.

Бонгард-Левин, Кошеленко, 2005 — *Бонгард-Левин Г.М., Кошеленко Г.А.* Происхождение парфянского искусства (основные проблемы) // *Antiquitas aeterna.* Поволжский антиковедческий журнал. Вып. 1. Эллинистический мир: единство многообразия / О.Л. Габелко (ред.). Казань, 2005. С. 131–152.

Бонгард-Левин, Кошеленко, 2007 — *Бонгард-Левин Г.М., Кошеленко Г.А.* «Политизированная мифология» в Парфии // *Линия судьбы.* Сборник статей, очерков, эссе. М., 2007. С. 73–83.

Брагинская, Шмаина-Великанова, 2014 — *Брагинская Н.В., Шмаина-Великанова А.И.* Введение II. Две разные книги об одних и тех же событиях // *Четыре Книги Маккавеев.* М., 2014. С. 45–76.

Буюклиев, 1995 — *Буюклиев Хр.* К вопросу о фракийско-сарматских отношениях в I – начале II века н.э. // РА. 1995. № 1. С. 37–46.

Вайнберг, 1991 — *Вайнберг Б.И.* Изучение памятников Присарыкамьшской дельты Амударьи в 70–80-х годах // *Скотоводы и*

земледельцы Левобережного Хорезма. Вып. 1 / Б.И. Вайнберг (ред.). М., 1991. С. 5–109.

Вайнберг, 1992 — *Вайнберг Б.И.* Памятники скотоводческих племен в левобережном Хорезме // *Археология СССР. Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время* / М.Г. Мошкова (ред.). М., 1992. С. 116–122.

Вайнберг, 1999 — *Вайнберг Б.И.* Этногеография Турана в древности. М., 1999.

Вайнберг, 2004а — *Вайнберг Б.И.* Культовая керамика и памятники искусства // *Калалы-гыр 2: Культовый центр в Древнем Хорезме в IV–II вв. до н.э.* / Б.И. Вайнберг (ред.). М., 2004. С. 164–187.

Вайнберг, 2004б — *Вайнберг Б.И.* Заключение // *Калалы-гыр 2: Культовый центр в Древнем Хорезме в IV–II вв. до н.э.* / Б.И. Вайнберг (ред.). М., 2004. С. 237–242.

Вайнберг, Левина, 1992 — *Вайнберг Б.И., Левина Л.М.* Чирикратская культура в низовьях Сырдарьи // *Археология СССР. Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время* / М.Г. Мошкова (ред.). М., 1992. С. 47–61.

Вайнберг, Юсупов, 1984 — *Вайнберг Б.И., Юсупов Х.Ю.* О фортификационных особенностях парфянской крепости Игдыкала на Узбое // *Памятники Туркменистана*. 1984. № 1/37. С. 23–25.

Варданян, 1986 — *Варданян Р.Е.* Элимаидские монеты: к хронологической систематизации бронзовых эмиссий II в. н.э. // *ВДИ*. 1986. № 1. С. 99–116.

Варущенко и др., 1980 — *Варущенко А.Н., Варущенко С.И., Клиге Р.К.* Изменение уровня Каспийского моря в позднем плейстоцене–голоцене // *Колебания увлажненности Арало-Каспийского региона в голоцене* / Б.В. Адрианов (ред.). М., 1980. С. 79–90.

Варущенко и др., 1987 — *Варущенко А.Н., Варущенко С.И., Клиге Р.К.* Изменение режима Каспийского моря и бессточных водоемов в палеовремени. М., 1987.

Васильев, 2001а — *Васильев В.Н.* К хронологии раннепрохоровского клинкового оружия и «проблеме» III в. до н.э. // МАВДС. 2001. Вып. 1 / И.В. Сергацков (ред.). С. 169–179.

Васильев, 2001б — *Васильев В.Н.* Вооружение и военное дело кочевников Южного Урала в VI–II вв. до нашей эры. Уфа, 2001.

Васильев, 2004 — *Васильев В.Н.* К хронологии раннепрохоровского комплекса // УАВ. 2004. Вып. 5. С. 153–172.

Васильев, 2005 — *Васильев В.Н.* Об одном редком типе мечей Южного Приуралья и Юго-Западного Приаралья // Вопросы археологии Западного Казахстана. Вып. 2 / С.Ю. Гуцалов (ред.). Актобе, 2005. С. 98–100.

Васильев, Савельев, 1993 — *Васильев В.Н., Савельев Н.С.* Ранние дахи Южного Урала по письменным источникам. Уфа, 1993.

Васильев, Сиротин, 2004 — *Васильев В.Н., Сиротин С.В.* Ново-Мусинский 3 курган // УАВ. 2004. Вып. 5. С. 173–180.

Вейсман, 1991 — *Вейсман А.Д.* Греческо-русский словарь. М., 1991.

Вигасин, 2007 — *Вигасин А.А.* Древняя Индия: от источника к истории. М., 2007.

Виноградов, 1997 — *Виноградов Ю.А.* О погребении воина у Карантинного шоссе под Керчью // STRATUM+ Петербургский археологический вестник. СПб., Кишинев, 1997. С. 73–80.

Виноградов, Карышковский, 1983 — *Виноградов Ю.Г., Карышковский П.О.* Каллиник, сын Евксена. Проблемы политической и социально-экономической истории Ольвии второй половины IV в. до н.э. II // ВДИ. 1983. № 1. С. 21–38.

Витчак, 1992 — *Витчак К.Т.* Скифский язык: опыт описания // Вопросы языкознания. 1992. № 5. С. 50–59.

Власов, 1893 — *Власов П.М.* Извлечение из отчета П.М. Власова о поездке в 1892 г. по северным округам Хорасана: Серахскому, Келатскому, Дерегезскому, Кучанскому и Буджнурдскому // СГТСМА. 1893. Вып. 52. С. 1–46.

Воробьева, 1967 — *Воробьева М.Г.* Керамика // Кой-Крылган-кала – памятник культуры древнего Хорезма IV в. до н.э. – IV в. н.э. М., 1967. С. 102–131.

Воробьева и др., 1963 — *Воробьева М.Г., Лапиров-Скобло М.С., Неразик Е.Е.* Археологические работы в Хазараспе в 1958–1960 гг. // МХЭ. 1963. Вып. 6. С. 157–200.

Габелко, 2005 — *Габелко О.Л.* История Вифинского царства. СПб., 2005.

Габелко, Кузьмин, 2008 — *Габелко О.Л., Кузьмин Ю.Н.* Матримониальная политика Деметрия II Македонского: новые решения старых проблем // ВДИ. 2008. № 1. С. 141–164.

Гаибов, Кошеленко, 2005 — *Гаибов В.А., Кошеленко Г.А.* Кочевники Средней Азии в эпоху Александра Македонского (Данные письменных источников) // ВДИ. 2005. № 1. С. 103–127.

Гаибов, Кошеленко, 2009 — *Гаибов В.А., Кошеленко Г.А.* Некоторые источниковедческие проблемы истории ранней Парфии // ВДИ. 2009. № 3. С. 79–87.

Гаибов и др., 1992 — *Гаибов В.А., Кошеленко Г.А., Сердитых З.В.* Эллинистический Восток // Эллинизм: восток и запад / Е.С. Голубцова (ред.). М., 1992. С. 10–58.

Гаибов, Требелева, 2006 — *Гаибов В.А., Требелева Г.В.* О локализации двух городов Маргианы (О некоторых возможностях ГИС-технологий) // РА. 2006. № 3. С. 157–164.

Гамбург, Горбунова, 1957 — *Гамбург Б.З., Горбунова Н.Г.* Ак-Тамский могильник // КСИИМК. 1957. Вып. 69. С. 78–90.

Голенко, 1989 — *Голенко В.К.* Монетное дело и денежное обращение в раннеселевкидском государстве. Рукопись диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 1989.

Голенко, 1991 — *Голенко В.К.* Монетно-весовой дуализм Селевка I // ВДИ. 1991. № 1. С. 100–116.

Голубцова, 1969 — *Голубцова Е.С.* Рабство и зависимость в эллинистической Малой Азии // Рабство в эллинистических государствах в III–I вв. до н.э. М., 1969. С. 128–199.

Горбунова, 1991 — *Горбунова Н.Г.* О подбойно-катакомбных погребениях ранних кочевников Средней Азии (конец I тысячелетия до н.э. – I половина I тысячелетия н.э.) // СА. 1991. № 3. С. 20–30.

Горбунова, 2000 — *Горбунова Н.Г.* О вооружении среднеазиатских скотоводов (II (III?) в. до н.э. – V в. н.э.) // РА. 2000. № 2. С. 40–50.

Горбунова, 2001 — *Горбунова Н.Г.* Скотоводы Бактрии, Согда и Центральных Кызылкумов // АСГЭ. 2001. Вып. 35. С. 126–151.

Горин, 2014 — *Горин А.Н.* Новый селевкидский монетный двор Самарканд–Мараканда // Материалы по художественной и духовной культуре Узбекистана. Ташкент, 2014. С. 29–48.

Грантовский, 1961 — *Грантовский Э.А.* Древнеиранское этническое название **Parsava–Pārsa* // Краткие сообщения Института народов Азии. Вып. XXX. М., 1961. С. 3–19.

Грантовский, 2007 — *Грантовский Э.А.* Ранняя история иранских племен Передней Азии. М., 2007.

Грантовский, Раевский, 1984 — *Грантовский Э.А., Раевский Д.С.* Об ираноязычном и «индоарийском» населении Северного Причерноморья в античную эпоху // Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья / Л.А. Гиндин (ред.). М., 1984. С. 47–66.

Грацианская, 1988 — *Грацианская Л.И.* «География» Страбона. Проблемы источниковедения // Древнейшие государства на территории СССР, 1986. М., 1988. С. 6–175.

Гуцалов, 2003 — *Гуцалов С.Ю.* Кочевники Южного Урала в конце V–III вв. до н.э. // *Степная цивилизация Восточной Евразии* / М. Жолдасбеков (ред.). Т. 1. Астана, 2003. С. 180–188.

Гуцалов, 2004 — *Гуцалов С.Ю.* Древние кочевники Южного Приуралья VII–I вв. до н.э. Уральск, 2004.

Гуцалов, 2007 — *Гуцалов С.Ю.* Мечи и кинжалы кочевников Южного Приуралья в VI–I вв. до н.э. // *Вооружение сарматов: региональная типология и хронология: доклады к VI международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории»* / Л.Т. Яблонский, А.Д. Таиров (ред). Челябинск, 2007. С. 11–15.

Дандамаев, 1974 — *Дандамаев М.А.* Рабство в Вавилонии VII–IV вв. до н.э. (626–331 гг.). М., 1974.

Дандамаев, 1982 — *Дандамаев М.А.* Индийцы в Иране и Вавилонии в ахеменидский период // *Древняя Индия. Историко-культурные связи* / Г.М. Бонгард-Левин (ред.). М., 1982. С. 113–125.

Дандамаев, 1985 — *Дандамаев М.А.* Политическая история Ахеменидской державы. М., 1985.

Дандамаев, 1989 — *Дандамаев М.А.* Мидия и ахеменидская Персия // *История древнего мира. [Кн. 2]. Расцвет древних обществ.* М., 1989. С. 129–145.

Дандамаев, 2004 — *Дандамаев М.А.* Ахеменидская держава // *История древнего Востока: От ранних государственных образований до древних империй* / А.В. Седов (ред.). М., 2004. С. 581–655.

Дандамаев, Луконин, 1980 — *Дандамаев М.А., Луконин В.Г.* Культура и экономика древнего Ирана. М., 1980.

Дандамаева, 1985 — *Дандамаева М.М.* Греки в эллинистической Вавилонии (*По данным просопографии*) // ВДИ. 1985. № 4. С. 155–175.

Дандамаева, 1990 — *Дандамаева М.М.* Некоторые аспекты истории эллинизма в Вавилонии // ВДИ. 1990. № 4. С. 3–25.

Демкин и др., 2012 — Демкин В.А., Скрипкин А.С., Ельцов М.В., Золотарева Б.Н., Демкина Т.С., Хомутова Т.Э., Кузнецова Т.В., Удальцов С.Н., Каширская Н.Н., Плеханова Л.Н. Природная среда волго-уральских степей в савромато-сарматскую эпоху (VI в. до н.э. – IV в. н.э.). Пушкино, 2012.

Дедюлькин, 2016 — Дедюлькин А.В. Шлемы аттического типа с козырьком и вотивные клады III–I вв. до н.э. // *Stratum plus*. Культурная антропология и археология. Кишинев, 2016. № 3. С. 163–196.

Десятчиков, 1979 — Десятчиков Ю.М. Дахи и держава Ахеменидов // *Античная культура Средней Азии и Казахстана* / А.А. Аскарлов, М.И. Филанович (ред.). Ташкент, 1979. С. 94–95.

Дибвойз, 2008 — Дибвойз Н.К. Политическая история Парфии. СПб., 2008.

Доватур и др., 1982 — Доватур А.И., Каллистов Д.П., Шишова И.А. Народы нашей страны в «Истории» Геродота. М., 1982.

Дорн, 1875 — Дорн Б.А. Каспий. О походах древних русских в Табаристан с дополнительными сведениями о других набегах их на побережья Каспийского моря. СПб., 1875.

Дьяконов, 1971 — Дьяконов И.М. Восточный Иран до Кира (К возможности новых постановок вопроса) // *История Иранского государства и культуры* / Б.Г. Гафуров (ред.). М., 1971. С. 122–154.

Дьяконов, 2008 — Дьяконов И.М. История Мидии. СПб., 2008.

Дьяконов, Зеймаль, 1988 — Дьяконов И.М., Зеймаль Е.В. Правитель Парфии Андрагор и его монеты // *ВДИ*. 1988. № 4. С. 4–18.

Дьяконов, Лившиц, 1956 — Дьяконов И.М., Лившиц В.А. О языке документов из древней Нисы // *ВДИ*. 1956. № 4. С. 100–113.

Дьяконов, Лившиц, 1960а — Дьяконов И.М., Лившиц В.А. Документы из Нисы I в. до н.э. Предварительные итоги работы. М., 1960.

Дьяконов, Лившиц, 1960б — *Дьяконов И.М., Лившиц В.А.* Парфянское царское хозяйство в Нисе I века до н.э. (Образцы документов) // ВДИ. 1960. № 2. С. 14–38.

Дьяконов, Лившиц, 1966 — *Дьяконов И.М., Лившиц В.А.* Новые находки документов в Старой Нисе // Переднеазиатский сборник. Вып. II. Дешифровка и интерпретация письменностей Древнего Востока / И.М. Дьяконов (ред.). М., 1966. С. 133–157.

Дьяконов, 1961 — *Дьяконов М.М.* Очерк истории древнего Ирана. М., 1961.

Ельницкий, 1961 — *Ельницкий Л.А.* Знания древних о северных странах. М., 1961.

Ельницкий, 1964 — *Ельницкий Л.А.* О малоизученных или утраченных греческих и латинских надписях Закавказья // ВДИ. 1964. № 2. С. 134–148.

Емельянов, 1999 — *Емельянов В.В.* Ниппурский календарь и ранняя история Зодиака. СПб., 1999.

Ершов, 1949 — *Ершов С.А.* Археологические исследования на городище Старая Ниса в 1946 году // Труды ЮТАКЭ. Ашхабад, 1949. Т. 1. С. 116–132.

Железчиков, 1984 — *Железчиков Б.Ф.* Вероятная численность савромато – сарматов Южного Приуралья и Заволжья в VI в. до н.э. – I в. н.э. по демографическим и экологическим данным // Древности Евразии в скифо-сарматское время / А.И. Мелюкова (ред.). М., 1984. С. 65–68.

Железчиков, Кригер, 1978 — *Железчиков Б.Ф., Кригер В.А.* Катакомбные захоронения Уральской области // СА. 1978. № 4. С. 218–227.

Железчиков и др., 2006 — *Железчиков Б.Ф., Клетиков В.М., Сергацков И.В.* Древности Лебедевки (VI–II вв. до н.э.). М., 2006.

Жигунин, 1980 — *Жигунин В.Д.* Международные отношения эллинистических государств в 280–220 гг. до н.э. Казань, 1980.

Завьялов, 1999 — *Завьялов В.А.* Фортификация Эрк-калы и Гяур-калы // Культурные ценности. Международный ежегодник 1997–1998. СПб., 1999. С. 20–35.

Заднепровский, 1997 — *Заднепровский Ю.А.* Древние номады Центральной Азии. СПб., 1997.

Зеймаль, 1979 — *Зеймаль Е.В.* Введение // Амударьинский клад. Л., 1979. С. 10–32.

Зеймаль, 1982 — *Зеймаль Е.В.* Парфянский лучник и его происхождение // Сообщения Государственного Эрмитажа. Т. 47. Л., 1982. С. 46–49.

Зеймаль, 1998 — *Зеймаль Е.В.* Греко-Бактрия. Парфия (III–II вв. до н.э.) // История таджикского народа. Т. 1 / Р.М. Масов (ред.). Душанбе, 1998. С. 338–346, 350, 357–358

Зелинский, 2009 — *Зелинский А.Л.* К датировке брака будущего Деметрия II со Стратоникой // Политика, идеология, историописание в римско-эллинистическом мире / О.Л. Габелко (ред.). Казань, 2009. С. 187–193.

Зельин, 1954 — *Зельин К.К.* Помпей Трог и его произведение «*Historiae Philippicae*» // ВДИ. 1954. № 2. С. 183–202.

Зельин, 1960 — *Зельин К.К.* Исследования по истории земельных отношений в эллинистическом Египте II–I вв. до н.э. М., 1960.

Иванов, Васильев, 1995 — *Иванов И.В., Васильев И.Б.* Человек, природа и почвы Рын-песков Волго-Уральского междуречья в голоцене. М., 1995.

Иессен, 1952 — *Иессен А.А.* Ранние связи Приуралья с Ираном // СА. 1952. [Т.] XVI. С. 206–231.

Илюшечкин, 1986 — *Илюшечкин В.П.* Сословная и классовая стратификация в добуржуазных обществах // Классы и сословия в докапиталистических обществах Азии: проблема социальной мобильности / Г.Ф. Ким, К.З. Ашрафян (ред.). М., 1986. С. 45–67.

Итина, Рапопорт, 1974 — *Итина М.А., Рапопорт Ю.А.* Хорезм // СИЭ. 1974. Т. 15. С. 58–60.

Кабанов, 1962 — *Кабанов С.К.* Керамический комплекс из наслоений древнего городища в Китабе // ИМКУ. 1962. Вып. 3. С. 42–53.

Кайлер, 2011 — *Кайлер Янг-мл. Т.* Укрепление державы и достижение пределов ее роста при Дарии и Ксерксе // Кембриджская история древнего мира. Т. IV. Персия, Греция и западное Средиземноморье. Ок. 525–479 гг. до н.э. М., 2011. С. 72–142.

Карнаух и др., 2016 — *Карнаух Е.Г., Синика В.С., Сердюк М.И.* Скифский клад из Дебальцево // *Stratum plus*. Культурная антропология и археология. Кишинев, 2016. № 3. С. 217–240.

Китов, Мамедов, 2014 — *Китов Е.П., Мамедов А.М.* Кочевое население Западного Казахстана в раннем железном веке. Астана, 2014.

Климов, 2010 — *Климов О.Ю.* Пергамское царство: Проблемы политической истории и государственного устройства. СПб., 2010.

Кляшторный, Султанов, 2004 — *Кляшторный С.Г., Султанов Т.И.* Государства и народы Евразийских степей. Древность и средневековье. СПб., 2004.

Ковальченко, 1987 — *Ковальченко И.Д.* Методы исторического исследования. М., 1987.

Коннолли, 2001 — *Коннолли П.* Греция и Рим. Энциклопедия военной истории. М., 2001.

Косинцев, 1995 — *Косинцев П.А.* Костные остатки животных из могильников Покровка 1, 2 и 8 // Курганы левобережного Илека. Вып. 3 / Л.Т. Яблонский (ред.). М., 1995. С. 79–99.

Коське, 1962 — *Коське Ф.Я.* Племена Северной Парфии в борьбе с македонским завоеванием // ВДИ. 1962. № 1. С. 113–125.

Кошеленко, 1966 — *Кошеленко Г.А.* Культура Парфии. М., 1966.

Кошеленко, 1968 — *Кошеленко Г.А.* Некоторые вопросы истории ранней Парфии // ВДИ. 1968. № 1. С. 53–71.

Кошеленко, 1971 — *Кошеленко Г.А.* Царская власть и ее обоснование в ранней Парфии // История Иранского государства и культуры / Б.Г. Гафуров (ред.). М., 1971. С. 212–218.

Кошеленко, 1972 — *Кошеленко Г.А.* Монетное дело Парфии при Митридате I // НЭ. 1972. Т. X. С. 79–102.

Кошеленко, 1976 — *Кошеленко Г.А.* Генеалогия первых Аршакидов (еще раз о нисийском ostrake № 1760) // История и культура народов Средней Азии / Б.Г. Гафуров, Б.А. Литвинский (ред.). М., 1976. С. 31–37.

Кошеленко, 1977 — *Кошеленко Г.А.* Родина парфян. М., 1977.

Кошеленко, 1979 — *Кошеленко Г.А.* Греческий полис на эллинистическом Востоке. М., 1979.

Кошеленко, 1982а — *Кошеленко Г.А.* Греция и Македония эллинистической эпохи // Источниковедение Древней Греции (эпоха эллинизма). М., 1982. С. 66–117.

Кошеленко, 1982б — *Кошеленко Г.А.* Государство Селевкидов и Пергамское царство // Источниковедение Древней Греции (эпоха эллинизма). М., 1982. С. 118–139.

Кошеленко, 2000 — *Кошеленко Г.А.* О времени существования некоторых сооружений Старой Нисы // ПИФК. 2000. Вып. IX. С. 199–207.

Кошеленко, 2004 — *Кошеленко Г.А.* Третья версия происхождения Аршакидов? // Мнемон. СПб., 2004. Вып. 3. С. 217–228.

Кошеленко, 2006 — *Кошеленко Г.А.* Становление денежного обращения на эллинистическом Востоке // РА. 2006. № 3. С. 95–105.

Кошеленко, 2008 — *Кошеленко Г.А.* Монеты первых парфянских царей // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале / А.П. Деревянко, Н.А. Макаров (ред.). М., 2008. Т. II. С. 138–140.

Кошеленко, Гаибов, 2009 — *Кошеленко Г.А., Гаибов В.А.* «География» Страбона как источник по проблеме возникновения Парфянского и Греко-Бактрийского царств // Политика, идеология, историописание в римско-эллинистическом мире / О.Л. Габелко (ред.). Казань, 2009. С. 102–108.

Кошеленко, Гаибов, 2012 — *Кошеленко Г.А., Гаибов В.А.* Монетное дело Парфии при Аршаке II // ПИФК. 2012. № 4. С. 24–33.

Кошеленко и др., 1997 — *Кошеленко Г.А., Гаибов В.А., Бадер А.Н.* Власть номада // Власть, человек, общество в античном мире / Е.С. Голубцова (ред.). М., 1997. С. 77–88.

Кошеленко и др., 1998 — *Кошеленко Г.А., Гаибов В.А., Бадер А.Н.* Парфянские сюжеты в «Истории Александра Македонского» Курция Руфа // ВДИ. 1998. № 1. С. 301–312.

Кошеленко и др., 1999 — *Кошеленко Г.А., Гаибов В.А., Бадер А.Н.* Монеты Андрагора как источник по ранней истории Парфии // ПИФК. 1999. Вып. VII. С. 294–309.

Кошеленко и др., 2000 — *Кошеленко Г.А., Гаибов В.А., Бадер А.Н.* Александр Македонский в Маргиане // ВДИ. 2000. № 1. С. 3–15.

Кошеленко и др., 1994 — *Кошеленко Г.А., Губаев А., Бадер А.Н., Гаибов В.А.* Древний Мерв в свидетельствах письменных источников. Ашхабад, 1994.

Кошеленко, Ладынин 2011 — *Кошеленко Г.А., Ладынин И.А.* Эллинизм // Всемирная история. Т. 1: Древний мир. М., 2011. С. 521–551.

Крашенинникова, 1963 — *Крашенинникова Н.И.* Отвал битой тары середины I в. до н.э. из винохранилищ Старой Нисы // Известия АН ТуркССР. СОН. 1963. № 5. С. 93–98.

Крашенинникова, 1978 — *Крашенинникова Н.И.* Некоторые наблюдения на некрополе Парфавнисы // История и археология Средней Азии / О.В. Обельченко (ред.). Ашхабад, 1978. С. 115–127.

Крашенинникова, Пугаченкова, 1964 — *Крашенинникова Н.И., Пугаченкова Г.А.* Круглый храм парфянской Нисы // СА. 1964. № 4. С. 119–135.

Кузьмин-Караваев, 1889 — Кузьмин-Караваев. Русско-персидская граница между Закаспийской областью и Хорасаном // СГТСМА. 1889. Вып. 40. С. 1–134.

Кулланда, 2016 — *Кулланда С.В.* Скифы: язык и этногенез. М., 2016.

Куркина, 2002 — *Куркина Е.А.* Опыт реконструкции древней фортификации Афрасиаба // Материальная культура Востока. М., 2002. Вып. 3. С. 24–46.

Курманкулов, Тажекеев, 2011 — *Курманкулов Ж.К., Тажекеев А.А.* Чирикратские железные наконечники стрел // Археология Казахстана в эпоху независимости: итоги, перспективы: материалы международной научной конференции. Алматы, 2011. С. 40–44.

Курт, 2011 — *Курт А.* Вавилония от Кира до Ксеркса // Кембриджская история древнего мира. Т. IV. Персия, Греция и западное Средиземноморье. Ок. 525–479 гг. до н.э. М., 2011. С. 143–176.

Лапина, 1987 — *Лапина Т.А.* Некоторые источниковедческие проблемы географических книг Плиния Старшего // ВДИ. 1987. № 2. С. 130–138.

Лапшин, 1999 — *Лапшин А.Г.* Династический культ Аршакидов // Культурные ценности. Международный ежегодник 1997–1998. СПб., 1999. С. 80–93.

Лахиджани, Таваколи, 2006 — *Лахиджани Х., Таваколи В.* Данные колебаний уровня Каспийского моря вдоль Иранского побережья за последние 2500 лет // Экстремальные гидрологические события в Арало-Каспийском регионе. Труды Международной научной конференции. Москва, 19–20 октября 2006 г. М., 2006. С. 165–167.

Левек, 1989 — *Левек П.* Эллинистический мир. М., 1989.

Левина, 1949 — *Левина В.А.* Стена и башня «Старой Нисы» // Труды ЮТАКЭ. Т. 1. Ашхабад, 1949. С. 133–146.

Лившиц, 2002 — *Лившиц В.А.* Три серебряные чаши из Исаковского могильника № 1 // ВДИ. 2002. № 2. С. 43–55.

Лившиц, 2010 — *Лившиц В.А.* Парфянская ономастика. СПб., 2010.

Лившиц, 2011 — *Лившиц В.А.* Личные имена в хорезмийском языке // ВДИ. 2011. № 4. С. 156–166.

Лившиц, Мамбетуллаев, 1986 — *Лившиц В.А., Мамбетуллаев М.М.* Острак из Хумбуз–тепе // Памятники истории и литературы Востока / Г.Ф. Гирс, Е.А. Давидович, М.-Н.О. Османов (ред.). М., 1986. С. 34–45.

Литвинский, 1949 — *Литвинский Б.А.* К истории добычи полезных ископаемых на Челекене // Материалы ЮТАКЭ. Вып. 1. Ашхабад, 1949. С. 78–125.

Литвинский, 1972 — *Литвинский Б.А.* Древние кочевники «Крыши Мира». М., 1972.

Литвинский, 1995 — *Литвинский Б.А.* Погребальные памятники // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье: Хозяйство, материальная культура / Б.А. Литвинский (ред.). М., 1995. С. 255–284, 297–351.

Литвинский, 1998 — *Литвинский Б.А.* Средняя Азия в селевкидское время // История таджикского народа. Т. 1 / Р.М. Масов (ред.). Душанбе, 1998. С. 322–337.

Литвинский, 2001 — *Литвинский Б.А.* Храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан), т. 2. Бактрийское вооружение в древневосточном и греческом контексте. М., 2001.

Литвинский, 2004 — *Литвинский Б.А.* Эллинистические скульптуры из храма Окса. Портреты // ВДИ. 2004. № 1. С. 202–223.

Литвинский, 2010 — *Литвинский Б.А.* Храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан), т. 3. Искусство, художественное ремесло, музыкальные инструменты. М., 2010.

Литвинский, Пичикян, 2000 — *Литвинский Б.А., Пичикян И.Р.* Эллинистический храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан), т. 1. Раскопки. Архитектура. Религиозная жизнь. М., 2000.

Литвинский, Пьянков, 2004 — *Литвинский Б.А., Пьянков И.В.* Средняя Азия в ахеменидское время // История Древнего Востока: От ранних государственных образований до древних империй / А.В. Седов (ред.). М., 2004. С. 698–814.

Лоховиц, 1963 — *Лоховиц В.А.* Раскопки квадратного погребального сооружения на городище Чирик-Рабат // МХЭ. 1963. Вып. 6. С. 214–220.

Лоховиц, 1979 — *Лоховиц В.А.* Подбойно-катакомбные и коллективные погребения могильника Тумек-кичиджик // Кочевники на границах Хорезма / М.А. Итина (ред.). М., 1979. С. 134–150.

Луконин, 1977 — *Луконин В.Г.* Искусство Древнего Ирана. М., 1977.

Луконин, 1987 — *Луконин В.Г.* Древний и раннесредневековый Иран. М., 1987.

Лукьяшко, 2016 — *Лукьяшко С.И.* Скифские луки // Кавказ и степь на рубеже эпохи поздней бронзы и раннего железа: материалы международной научной конференции, посвященной памяти Марии Николаевны Погребовой / А.С. Балахванцев, С.В. Кулланда (ред.). М., 2016. С. 149–154.

Маев, 2006 — *Маев Е.Г.* Экстремальная регрессия Каспийского моря в раннем голоцене // Экстремальные гидрологические события в Арало-Каспийском регионе. Труды Международной научной конференции. (Москва, 19–20 октября 2006 г.). М., 2006. С. 62–66.

Мажитов, Пшеничнюк, 1977 — *Мажитов Н.А., Пшеничнюк А.Х.* Курганы раннесарматской культуры в южной и юго-западной Башкирии // Исследования по археологии Южного Урала / Р.Г. Кузеев (ред.). Уфа, 1977. С. 52–66.

Маккавеев, 2015 — *Маккавеев Н.А.* К вопросу о статусе селевкидской колонии на о. Файлака (Кувейт) // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2015. № 5. С. 64–73.

Мамбетуллаев, 2008 — *Мамбетуллаев М.М.* Кочевники Приаралья и их этнокультурные связи с Хорезмом // Культура номадов Центральной Азии: материалы Международной конференции, 22–24 ноября 2007 г. / Ш.Р. Пидаев (отв. ред.). Самарканд, 2008. С. 125–131.

Мандельштам, 1963 — *Мандельштам А.М.* Некоторые новые данные о памятниках кочевого населения Южного Туркменистана в античную эпоху // Известия АН ТуркССР. СОН. 1963. № 2. С. 27–33.

Мандельштам, 1971 — *Мандельштам А.М.* Мешрепитахтинский могильник // КСИА. 1971. Вып. 128. С. 66–72.

Мандельштам, 1984 — *Мандельштам А.М.* Заметки о сарматских чертах в памятниках кочевников южных областей Средней Азии // Древности Евразии в скифо-сарматское время / А.И. Мелюкова (ред.). М., 1984. С. 173–177.

Маньлов, Хожаниязов, 1981 — *Маньлов Ю.П., Хожаниязов Г.* Городища Аязкала 1 и Бурлыккала (К изучению фортификации древнего Хорезма) // Археологические исследования в Каракалпакии / И.К. Косымбетов, В.Н. Ягодин (ред.). Ташкент, 1981. С. 32–49.

Маринович, 1990 — *Маринович Л.П.* Александр Македонский и становление эллинизма // Эллинизм: экономика, политика, культура / Е.С. Голубцова (ред.). М., 1990. С. 86–102.

Маринович, 1993 — *Маринович Л.П.* Греки и Александр Македонский (к проблеме кризиса полиса). М., 1993.

Марков, 1892 — *Марков А.К.* Неизданные Арсакидские монеты. СПб., 1892.

Марков, 1958 — *Марков Г.Е.* Скотоводческое хозяйство и общественная организация северобалханских туркмен в конце XIX – начале XX в. // ВМГУ. Историко-филологическая серия. 1958. № 4. С. 165–177.

Марущенко, 1959 — *Марущенко А.А.* Курганные погребения сарматского времени в подгорной полосе Южного Туркменистана // ТИИАЭ АН ТуркССР. 1959. Т. 5. С. 110–122.

Марущенко, 2001 — *Марущенко А.А.* Старая Неса (информационное сообщение ТГНИИ об итогах раскопок городища в 1930–31, 1934–35 гг.) // Пилипко В.Н. Старая Неса. Основные итоги археологического изучения в советский период. М., 2001. С. 405–411.

Маслов, Яблонский, 1996 — *Маслов В.Е., Яблонский Л.Т.* Могильник Гяур-IV в Северной Туркмении // РА. 1996. № 2. 168–181.

Массон, Ромодин, 1964 — *Массон В.М., Ромодин В.А.* История Афганистана. М., 1964. Т. I.

Массон, 1949 — *Массон М.Е.* Городища Нисы в селении Багир и их изучение // Труды ЮТАКЭ. Ашхабад, 1949. Т. 1. С. 16–115.

Массон, 1955 — *Массон М.Е.* Народы и области южной части Туркменистана в составе Парфянского государства // Труды ЮТАКЭ. Ашхабад, 1955. Т. 5. С. 7–70.

Мачинский, 1974 — *Мачинский Д.А.* Некоторые проблемы этнографии восточно-европейских степей во II в. до н.э. – I в. н.э. // АСГЭ. 1974. Вып. 16. С. 122–132.

Мель, 2005 — *Мель А.* Размышления по поводу «господствующего общества» и подданных в державе Селевкидов: отношения и ожидания // *Antiquitas aeterna.* Поволжский антиковедческий журнал. Вып. 1. Эллинистический мир: единство многообразия / О.Л. Габелко (ред.). Казань; Нижний Новгород; Саратов, 2005. С. 73–85.

Мельгунов, 1863 — *Мельгунов Г.* О южном берегу Каспийского моря. СПб., 1863.

Мищенко, 1994 — *Мищенко Ф.Г.* Примечания к четвертой книге // Полибий. Всеобщая история. СПб., 1994. Т.1. С. 401–414.

Мойзи, 2000 — *Мойзи Р.А.* Греко-персидские отношения в 366–360 гг. до н.э. // Межгосударственные отношения и дипломатия в античности. Ч. 1 / О.Л. Габелко (ред.). Казань, 2000. С. 136–158.

Моргунова, Мещеряков, 1999 — *Моргунова Н.Л., Мещеряков Д.В.* «Прохоровские» погребения V Бердянского могильника // АПО. 1999. Вып. III. С. 124–146.

Моргунова, Трунаева, 1993 — *Моргунова Н.Л., Трунаева Т.Н.* Раскопки кургана 2 могильника Покровка 2 в 1991 году // Курганы левобережного Илека. М., 1993. Вып. 1 / Л.Т. Яблонский (ред.). С. 15–17.

Мошкова, 1962 — *Мошкова М.Г.* Ново-Кумакский курганный могильник близ г. Орска // МИА. 1962. № 115. С. 206–242.

Мошкова, 1972а — *Мошкова М.Г.* Сарматские погребения Ново-Кумакского могильника близ г. Орска // Памятники Южного Приуралья и Западной Сибири сарматского времени / К.Ф. Смирнов (ред.). М., 1972. С. 27–48.

Мошкова, 1972б — *Мошкова М.Г.* Савроматские памятники северо-восточного Оренбуржья // Памятники Южного Приуралья и Западной Сибири сарматского времени / К.Ф. Смирнов (ред.). М., 1972. С. 49–78.

Мошкова, 1974 — *Мошкова М.Г.* Происхождение раннесарматской (прохоровской) культуры. М., 1974.

Мошкова, 1981 — *Мошкова М.Г.* Комплекс находок с ритонном из Уральской области // СА. 1981. № 4. С. 171–185.

Мошкова, Малашев, 1999 — *Мошкова М.Г., Малашев В.Ю.* Хронология и типология сарматских катакомбных погребальных сооружений // Археология Волго-Уральского региона в эпоху раннего железного века и Средневековья / А.С. Скрипкин (ред.). Волгоград, 1999. С. 172–212.

Мошкова и др., 2011 — *Мошкова М.Г., Малашев В.Ю., Мещеряков Д.В.* Дромосные и катакомбные погребения Южного Приуралья савроматского и раннесарматского времени // Погребальный обряд ранних кочевников Евразии. Материалы и исследования по археологии Юга России. Вып. III / Г.Г. Матишов, Л.Т. Яблонский, С.И. Лукьяшко (ред.). Ростов-на-Дону, 2011. С. 162–167.

Мукминова, Филанович, 2001 — *Мукминова Р.Г., Филанович М.И.* Ташкент на перекрестке истории (очерки древней и средневековой истории города). Ташкент, 2001.

Мурадова, 1991 — *Мурадова Э.А.* Поселения архаического Дахистана. Ашхабад, 1991.

Мюррей, 2011 — *Мюррей О.* Ионийское восстание // Кембриджская история древнего мира. Т. IV. Персия, Греция и западное Средиземноморье. Ок. 525–479 гг. до н.э. М., 2011. С. 554–588.

Немировский, 2005 — *Немировский А.А.* Массагеты Геродота и саки тиграхауда // Эдубба вечна и постоянна. Материалы конференции, посвященной 90-летию Игоря Михайловича Дьяконова / М.М. Дандамаева (ред.). СПб., 2005. С. 217–224.

Нефедов, 2014 — *Нефедов К.Ю.* Селевк Никатор и Аполлон // Pre-Islamic Near East: History, Religion, Culture / М. Tarasenko (ed.). Kiev, 2014. С. 177–196.

Никоноров, 2000 — *Никоноров В.П.* Кочевнический пласт в культурном наследии Парфянской державы // Культурное наследие Туркменистана: глубинные истоки и современные перспективы / В.М. Массон (ред.). Ашхабад, СПб., 2000. С. 31–35.

Никоноров, 2010 — *Никоноров В.П.* К вопросу о вкладе кочевников Центральной Азии в военное дело античной цивилизации (*на примере Ирана*) // Роль кочевников евразийских степей в развитии мирового военного искусства / И.В. Ерофеева, Б.Т. Жанаев, Л.Е. Масанова (ред.). Алматы, 2010. С. 43–65.

Новиков, 1989 — *Новиков С.В.* Юго-Западный Иран в античное время (от Александра Македонского до Ардашира I). М., 1989.

Новиков, Анохин, 2015 — *Новиков С.В., Анохин А.С.* Восточные кампании Антиоха IV Эпифана (165–164 гг. до н.э.): прерванный великий поход? // ПИФК. 2015. № 1. С. 143–164.

Обельченко, 1956 — *Обельченко О.В.* Кую-Мазарский могильник // ТИИА АН УзССР. 1956. Вып. 8. С. 205–227.

Обельченко, 1961 — *Обельченко О.В.* Лявандакский могильник // ИМКУ. 1961. Вып. 2. С. 97–176.

Обельченко, 1962 — *Обельченко О.В.* Могильник Акджартепе // ИМКУ. 1962. Вып. 3. С. 57–70.

Обельченко, 1972 — *Обельченко О.В.* Агалыксайские курганы // ИМКУ. 1972. Вып. 9. С. 56–72.

Обельченко, 1978 — *Обельченко О.В.* Мечи и кинжалы из курганов Согда // СА. 1978. № 4. С. 115–127.

Обельченко, 1992 — *Обельченко О.В.* Культура античного Согда. М., 1992.

Олбрихт, 2009 — *Олбрихт М.Я.* Страбон и Ох: некоторые замечания по рекам античной Центральной Азии // «Дорога Страбона» как часть Великого Шелкового пути / С.Г. Кляшторный, Ш.М. Мустафаев (ред.). Самарканд-Ташкент, 2009. С. 86–91.

Ольбрыхт, 2015 — *Ольбрыхт М.Я.* Поселенцы в колониях Александра Македонского в Иране и Средней Азии: происхождение и статус // ЗВОРАО. 2015. Т. III. С. 425–438.

Ольховский, Галкин, 1997 — *Ольховский В.С., Галкин Л.Л.* К изучению памятников Северо-Восточного Прикаспия эпохи раннего железа // РА. 1997. № 4. С. 141–156.

Орановский, 1896 — *Орановский.* Военно-статистическое описание северо-восточной части Хорасана 1894 г. // СГТСМА. 1896. Вып. 68.

Оранский, 1979 — *Оранский И.М.* Иранские языки в историческом освещении. М., 1979.

Орлов, 1935 — *Орлов Е.* Озокерит // Энциклопедический словарь Гранат. Л., 1935. Т. 30. С. 530–533.

Павловская, 1969 — *Павловская А.И.* Рабство в эллинистическом Египте // Рабство в эллинистических государствах в III–I вв. до н.э. М., 1969. С. 200–309.

Перл, 1969 — *Перл Г.* Эры Вифинского, Понтийского и Боспорского царств // ВДИ. 1969. № 3. С. 39–69.

Петров, 1955 — *Петров М.П.* Иран (физико-географический очерк). М., 1955.

Петрусевич, 1880а — *Петрусевич Н.Г.* Туркмены между старым руслом Аму-Дарьи (Узбоем) и северными окраинами Персии // Записки Кавказского отдела ИРГО. Кн. XI. Вып. 1. Тифлис, 1880. С. 1–80.

Петрусеви́ч, 1880б — *Петрусеви́ч Н.Г.* Северо-восточные провинции Хорасана // Записки Кавказского отдела ИРГО. Кн. XI. Вып. 1. Тифлис, 1880. С. 81–122.

Петрусеви́ч, 1880в — *Петрусеви́ч Н.Г.* Юго-восточное побережье Каспийского моря и дороги от него в Мерв // Записки Кавказского отдела ИРГО. Кн. XI. Вып. 1. Тифлис, 1880. С. 123–214.

Пили́пко, 1980 — *Пили́пко В.Н.* Парфянский слой поселения Кошадепе у Бабадурмаза // СА. 1980. № 4. С. 213–231.

Пили́пко, 1987 — *Пили́пко В.Н.* К вопросу о чекане Митридатокерта // ВДИ. 1987. № 1. С. 115–125.

Пили́пко, 1989а — *Пили́пко В.Н.* Голова в шлеме из Старой Нисы // ВДИ. 1989. № 3. С. 167–177.

Пили́пко, 1989б — *Пили́пко В.Н.* К вопросу о локализации Парфавнисы // Известия АН ТуркССР. СОН. 1989. № 2. С. 17–25.

Пили́пко, 1990 — *Пили́пко В.Н.* Позднепарфянские памятники Ахала. Ашхабад, 1990.

Пили́пко, 1996 — *Пили́пко В.Н.* Старая Ниса. Здание с квадратным залом. М., 1996.

Пили́пко, 2000 — *Пили́пко В.Н.* Старая Ниса. Проблема интерпретации // ВДИ. 2000. № 1. С. 99–112.

Пили́пко, 2001 — *Пили́пко В.Н.* Старая Ниса. Основные итоги археологического изучения в советский период. М., 2001.

Пили́пко, 2005 — *Пили́пко В.Н.* Заметки о ранних Аршакидах // Центральная Азия: источники, история, культура: материалы Международной научной конференции / Т.К. Мкртычев (ред.). М., 2005. С. 562–577.

Пили́пко, 2007 — *Пили́пко В.Н.* Некоторые итоги археологических исследований на Старой Нисе // РА. 2007. № 1. С. 150–158.

Пили́пко, 2009 — *Пили́пко В.Н.* Археологические памятники долины Дешт–Сайван–Ходжакала. Северо-Западный Копетдаг (Итоги

рекогносцировочного обследования) // Центральная Азия и Южная Сибирь I / С.И. Потабенко, Г.А. Кошеленко (ред.). М., 2009. С. 171–211.

Пилипко, Кошеленко, 1985 — *Пилипко В.Н., Кошеленко Г.А.* Северная Парфия // Археология СССР. Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. М., 1985. С. 209–225.

Пичикян, 1991 — *Пичикян И.Р.* Культура Бактрии (ахеменидский и эллинистический периоды). М., 1991.

Полин, 2014 — *Полин С.В.* Скифский Золотобалковский курганный могильник V–IV вв. до н.э. на Херсонщине. Киев, 2014.

Пугаченкова, 1949 — *Пугаченкова Г.А.* Архитектурные памятники Нисы // Труды ЮТАКЭ. Ашхабад, 1949. Т. 1. С. 201–259.

Пугаченкова, 1958 — *Пугаченкова Г.А.* Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма. М., 1958.

Пугаченкова, 1978 — *Пугаченкова Г.А.* К интерпретации и типологии некоторых архитектурных памятников Мерва и Нисы // Труды ЮТАКЭ. Ашхабад, 1978. Т. 16. С. 16–30.

Пшеничнюк, 1983 — *Пшеничнюк А.Х.* Культура ранних кочевников Южного Урала. М., 1983.

Пшеничнюк, 1995 — *Пшеничнюк А.Х.* Переволочанский могильник // Курганы кочевников Южного Урала / Ред. Б.Б. Агеев. Уфа, 1995. С. 62–96.

Пшеничнюк, 2012 — *Пшеничнюк А.Х.* Филипповка: Некрополь кочевой знати IV века до н.э. на Южном Урале. Уфа, 2012.

Пьянков, 1964 — *Пьянков И.В.* К вопросу о маршруте похода Кира II на массагетов // ВДИ. 1964. № 3. С. 115–129.

Пьянков, 1965 — *Пьянков И.В.* «История Персии» Ктесия и среднеазиатские сатрапии Ахеменидов в конце V в. до н.э. // ВДИ. 1965. № 2. С. 35–50.

Пьянков, 1975 — *Пьянков И.В.* Средняя Азия в известиях античного историка Ктесия. Душанбе, 1975.

Пьянков, 1979 — *Пьянков И.В.* К вопросу о путях проникновения ираноязычных племен в Переднюю Азию // Переднеазиатский сборник. III. История и филология стран древнего Востока / М.А. Дандамаев, В.А. Лившиц (ред.). М., 1979. С. 193–207.

Пьянков, 1982 — *Пьянков И.В.* Бактрия в античной традиции. Душанбе, 1982.

Пьянков, 1983 — *Пьянков И.В.* Хорезм в античной письменной традиции // Хорезм и Мухаммад ал-Хорезми в мировой истории и культуре / Негматов Н.Н. (ред.). Душанбе, 1983. С. 38–56.

Пьянков, 1994 — *Пьянков И.В.* Античные авторы о Средней Азии и Скифии (Критический обзор работ Дж.Р. Гардинер-Гардена) // ВДИ. 1994. № 4. С. 191–207.

Пьянков, 1997 — *Пьянков И.В.* Средняя Азия в античной географической традиции. М., 1997.

Пьянков, 1998 — *Пьянков И.В.* Древнейшие государственные образования // История таджикского народа. Т. 1 / Р.М. Масов (ред.). Душанбе, 1998. С. 238–249.

Пьянков, 2002 — *Пьянков И.В.* [Рец.] Olbrycht M. 1998: Parthia et ultiores gentes: die politischen Beziehungen zwischen dem arsakidischen Iran und den Nomaden der eurasischen Steppen. München // ВДИ. 2002. № 3. С. 219–228.

Пьянков, 2004 — *Пьянков И.В.* Некоторые спорные вопросы «Этногеографии Турана»: полемика археолога с филологами? // ВДИ. 2004. № 4. С. 213–224.

Рабинович, 1941 — *Рабинович Б.З.* Шлемы скифского периода // Труды отдела истории первобытной культуры Государственного Эрмитажа. Л., 1941. Т. 1. С. 99–171.

Раевский, 1977 — *Раевский Д.С.* К вопросу об обосновании царской власти в Парфии («Парфянский лучник» и его семантика) // Средняя Азия в

древности и средневековье / Б.Г. Гафуров, Б.А. Литвинский (ред.). М., 1977. С. 81–86.

Ранович, 1950 — *Ранович А.Б.* Эллинизм и его историческая роль. М., Л., 1950.

Рапопорт, 1998 — *Рапопорт Ю.А.* Краткий очерк истории Хорезма в древности // Приаралье в древности и средневековье. К 60-летию Хорезмской археолого-этнографической экспедиции / Е.Е. Неразик (ред.). М., 1998. С. 28–41.

Рапопорт, Лапиров-Скобло, 1963 — *Рапопорт Ю.А., Лапиров-Скобло М.С.* Раскопки дворцового здания на городище Калалы-гыр 1 в 1958 г. // МХЭ. 1963. Вып. 6. С. 157–201.

Рапэн, 2009 — *Рапэн К.* Торговый путь из Индии к Понту у Страбона: между картографическим миражом и археологической реальностью // «Дорога Страбона» как часть Великого Шелкового пути / С.Г. Кляшторный, Ш.М. Мустафаев (ред.). Самарканд-Ташкент, 2009. С. 98–121.

Расторгуева, 1990 — *Расторгуева В.С.* Сравнительно-историческая грамматика западноиранских языков: Фонология. М., 1990.

Родс, 2014 — *Родс П.-Дж.* Делосский союз до 449 года до н.э. // Кембриджская история древнего мира. Т. V. Пятый век до нашей эры. М., 2014. С. 53–85.

Рослякова, 2010 — *Рослякова Н.В.* Кости животных из могильника Прохоровка // Яблонский Л.Т. Прохоровка. У истоков Сарматской археологии. М., 2010. С. 252–261.

Ртвеладзе, 1981 — *Ртвеладзе Э.В.* Ксениппа – Паретака // Кавказ и Средняя Азия в древности и средневековье (История и культура) / Б.А. Литвинский (ред.). М., 1981. С. 95–101.

Ртвеладзе, 2012 — *Ртвеладзе Э.В.* Великий индийский путь: из истории важнейших торговых дорог Евразии. СПб., 2012.

Ртвеладзе, 2016 — *Ртвеладзе Э.В.* Посольства к Александру Македонскому в Бактры и Мараканду царей Левобережного и

Правобережного Хорезма Фарасмана и Фратаферна // *Stratum plus*. Культурная антропология и археология. Кишинев, 2016. № 3. С. 343–349.

Ртвеладзе, Болелов, 2000 — *Ртвеладзе Э.В., Болелов С.Б.* Керамический комплекс эпохи эллинизма на Кампыр-тепе в Северной Бактрии // *Средняя Азия. Археология. История. Культура* / О.Н. Иневаткина (ред.). М., 2000. С. 99–104.

Руднев, 1897 — *Руднев В.* Озокерит // *Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона*. Т. XXI^a. СПб., 1897. С. 775–780.

Рукавишникова, Яблонский 2014 — *Рукавишникова И.В., Яблонский Л.Т.* Исследование кургана 2 могильника Филипповка 2 // *РА*. 2014. № 4. С. 118–133.

Рунг, 1998 — *Рунг Э.В.* Античные историки о происхождении и родственных связях Тиссаферна // *Античность: события и исследователи* / В.Д. Жигунин, Е.А. Чиглинцев, О.Л. Габелко (ред.). Казань, 1998. С. 60–67.

Русева, 1993 — *Русева Б.* Монеты на първите Селевкиди в древна Тракия. Единични екземпляри // *Нумизматика и сфрагистика*. 1993. № 1-4. С. 3–32.

Рычагов, 1993а — *Рычагов Г.И.* Уровенный режим Каспийского моря за последние 10 000 лет // *ВМГУ. Сер. 5. География*. 1993. № 2. С. 38–49.

Рычагов, 1993б — *Рычагов Г.И.* Уровень Каспийского моря за историческое время // *ВМГУ. Сер. 5. География*. 1993. № 4. С. 42–49.

Рычагов, 2011 — *Рычагов Г.И.* Колебания уровня Каспийского моря: причины, последствия, прогноз // *ВМГУ. Сер. 5. География*. 2011. № 2. С. 4–12.

Савельева, Смирнов, 1972 — *Савельева Т.В., Смирнов К.Ф.* Ближневосточные древности на Южном Урале // *ВДИ*. 1972. № 3. С. 106–128.

Сарианиди, 1989 — *Сарианиди В.И.* Храм и некрополь Тиллятепе. М., 1989.

Саркисян, 1952 — *Саркисян Г.Х.* Самоуправляющийся город Селевкидской Вавилонии // *ВДИ*. 1952. № 1. С. 68–83.

Саркисян, 1953 — *Саркисян Г.Х.* О городской земле в Селевкидской Вавилонии // ВДИ. 1953. № 1. С. 59–73.

Саркисян, 1955 — *Саркисян Г.Х.* Частные клинописные контракты селевкидского времени из собрания Государственного Эрмитажа // ВДИ. 1955. № 4. С. 136–170.

Саркисян, 1976 — *Саркисян Г.Х.* Греческая ономастика в Уруке и проблема *Graeco-Babyloniaca* // Древний Восток. [Вып.] 2 / Н.В. Арутюнян, И.М. Дьяконов, Г.Х. Саркисян (ред.). Ереван, 1976. С. 181–217.

Свенцицкая, 1971 — *Свенцицкая И.С.* К вопросу о положении λαοί в царстве Селевкидов // ВДИ. 1971. № 1. С. 3–16.

Свиточ, 2011 — *Свиточ А.А.* Голоценовая история Каспийского моря и других окраинных бассейнов Европейской России: сравнительный анализ // ВМГУ. Сер. 5. География. 2011. № 2. С. 28–37.

Сиротин, 2010 — *Сиротин С.В.* Курган № 11 курганного могильника Переволочан в Зауральской Башкирии // Археология и палеоантропология евразийских степей и сопредельных территорий / М.М. Герасимова, В.Ю. Малашев, М.Г. Мошкова (ред.). М., 2010. С. 323–338.

Сиротин, 2016 — *Сиротин С.В.* Об относительной хронологии и датировке могильника Переволочан I // Константин Федорович Смирнов и современные проблемы сарматской археологии. Материалы IX международной научной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории» / Л.Т. Яблонский, Л.А. Краева (ред.). Оренбург, 2016. С. 253–264.

Сиротин, Трейстер, 2014 — *Сиротин С.В., Трейстер М.Ю.* Погребение с ближневосточными (?) и центрально-азиатскими импортами из кургана Яковлевка II // Сарматы и внешний мир / Л.Т. Яблонский, Н.С. Савельев (ред.). Уфа, 2014. С. 207–217.

Скорый, 2006 — *Скорый С.А.* Ранние скифы в Добрудже: историография проблемы и археологические реалии // Древности скифской эпохи / В.Г. Петренко, Л.Т. Яблонский (ред.). М., 2006. С. 140–171.

Скрипкин, 1990 — *Скрипкин А.С.* Азиатская Сарматия. Саратов, 1990.

Скрипкин, 2003 — *Скрипкин А.С.* К критике источников исследований, посвященных реконструкции торговых путей в скифо-сарматское время // ВДИ. 2003. № 3. С. 194–203.

Скрипкин, Ким, 2013 — *Скрипкин А.С., Ким М.Г.* Новоузенские курганы (к проблеме миграции южно-уральских кочевников в Нижнее Поволжье в IV в. до н.э.) // АВЕС. 2013. Вып. 10 / В.А. Лопатин (ред.). С. 271–280.

Смирнов 1961 — *Смирнов К.Ф.* Вооружение савроматов. М., 1961.

Смирнов, 1964 — *Смирнов К.Ф.* Производство и характер хозяйства ранних сарматов // СА. 1964. № 3. С. 45–63.

Смирнов, 1972 — *Смирнов К.Ф.* Савромато-сарматские курганы у с. Липовка Оренбургской области // Памятники Южного Приуралья и Западной Сибири сарматского времени / К.Ф. Смирнов (ред.). М., 1972. С. 3–26.

Смирнов, 1977 — *Смирнов К.Ф.* Орские курганы ранних кочевников // Исследования по археологии Южного Урала / Р.Г. Кузеев (ред.). Уфа, 1977. С. 3–51.

Смирнов, 1978 — *Смирнов К.Ф.* Дромосные могилы ранних кочевников Южного Приуралья и вопрос о происхождении сарматских катакомб // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы / В.И. Козенкова (ред.). М., 1978. С. 56–64.

Смирнов, 1984а — *Смирнов К.Ф.* Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. М., 1984.

Смирнов, 1984б — *Смирнов К.Ф.* Раннесарматский курган под Новоорском Оренбургской обл. // Древности Евразии в скифо-сарматское время / А.И. Мелюкова (ред.). М., 1984. С. 10–14.

Смирнов, 2009 — *Смирнов С.В.* Первый опыт соправительства в государстве Селевкидов // ВДИ. 2009. № 4. С. 169–183.

Смирнов, 2013 — *Смирнов С.В.* Государство Селевка I (политика, экономика, общество). М., 2013.

Смирнов, 2014а — *Смирнов С.В.* «Доминирующий этнокласс» в государстве Селевкидов при Селевке I и Антиохе I: основные проблемы // Древнейшие государства Восточной Европы. 2012 год: Проблемы эллинизма и образования Боспорского царства. М., 2014. С. 317–318.

Смирнов, 2014б — *Смирнов С.В.* «Свои» и «чужие». К вопросу о взаимоотношении «доминирующего этнокласса» и локальных элит в селевкидской Вавилонии // Цивилизация и варварство: механизмы, инструменты и субъекты взаимодействия. Вып. III / В.П. Буданова (ред.). М., 2014. С. 145–164.

Смирнов, 2017 — *Смирнов С.В.* Восточная политика Селевка II в свете новой надписи из Ирана (предварительные замечания) // IRANICA: Иранские империи и греко-римский мир в VI в. до н.э. – VI в. н.э. / О.Л. Габелко, Э.В. Рунг, А.А. Сеницын, Е.В. Смыков (ред.). Казань, 2017. С. 248–256.

Соколов, 1910 — *Соколов Ф.Ф.* Афинское постановление в честь Аристомаха Аргосского // Труды Ф.Ф. Соколова. СПб., 1910. С. 190–241.

Ставиский, 1963 — *Ставиский Б.Я.* Средняя Азия под властью Ахеменидов (VI–IV вв. до н.э.) // История таджикского народа. Т. 1. М., 1963. С. 189–230.

Ставиский, 1998 — *Ставиский Б.Я.* Средняя Азия в Ахеменидскую эпоху // История таджикского народа. Т. 1 / Р.М. Масов (ред.). Душанбе, 1998. С. 250–273, 274–282.

Стеблин-Каменский, 1978 — *Стеблин-Каменский И.М.* Река иранской прародины // Ономастика Средней Азии / В.А. Никонов, А.М. Решетов (ред.). М., 1978. С. 72–74.

Таиров, 1993 — *Таиров А.Д.* Пастбищно-кочевая система и исторические судьбы кочевников урало-казахстанских степей в I тысячелетии до новой эры // Кочевники урало-казахстанских степей / А.Д. Таиров (ред.). Екатеринбург, 1993. С. 3–23.

Таиров, 1998 — *Таиров А.Д.* Генезис раннесарматской культуры Южного Урала // АПО. 1998. Вып. II. С. 87–96.

Таиров, 2006 — *Таиров А.Д.* Кочевники Восточного Туркестана и формирование раннесарматской культуры Южного Урала // ВДИ. 2006. № 1. С. 132–140.

Таиров, 2014 — *Таиров А.Д.* Кочевники Южного Зауралья и «сарматы» Средней Азии // Сарматы и внешний мир / Л.Т. Яблонский, Н.С. Савельев (ред.). Уфа, 2014. С. 223–234.

Тарн, 1949 — *Тарн В.* Эллинистическая цивилизация. М., 1949.

Тирацян, 1964 — *Тирацян Г.А.* Некоторые черты материальной культуры Армении и Закавказья V–IV вв. до н.э. // СА. 1964. № 3. С. 64–78.

Тирацян, 1980 — *Тирацян Г.А.* Еще одна арамейская надпись Арташеса I, царя Армении // ВДИ. 1980. № 4. С. 99–104.

Толстов, 1940 — *Толстов С.П.* Подъем и крушение империи эллинистического «Дальнего Востока» // ВДИ. 1940. № 3–4. С. 194–209.

Томсон, 1953 — *Томсон Дж.О.* История древней географии. М., 1953.

Трейстер, 2010а — *Трейстер М.Ю.* Серебряный ритон и золотая гривна из Ново-Кумакского кургана № 1/1971 // Археология и палеоантропология евразийских степей и сопредельных территорий / М.М. Герасимова, В.Ю. Малашев, М.Г. Мошкова (ред.). М., 2010. С. 355–377.

Трейстер, 2010б — *Трейстер М.Ю.* О хронологии некоторых погребальных комплексов из раскопок Д. В. Карейши и А. Б. Ашика 1834–1835 гг. // Дюбрюкс П. Собрание сочинений. Т. I. Тексты / И.В. Тункина (ред.). СПб., 2010. С. 589–601.

Трейстер, 2012 — *Трейстер М.Ю.* Влияния ахеменидской культуры в Южном Приуралье (V–III вв. до н.э.). Т. 1 / О.В. Аникеева, А.С. Балахванцев, С. Берендт, С.Б. Болелов, Д. Бонатц, А.С. Варичев, А.А. Гольева, В.В. Зайков, Е.В. Зайкова, В.Н. Киреева, В.В. Крупская, О.И. Куринских, Х.-П. Майер, А.В. Мохов, Б. Паз, С.А. Писарева, И.Г. Равич, М. Рознер, Л.Н. Соловьева,

М.Ю. Трейстер, Й. Фогль, И.В. Чернышев, А.В. Чугаев, К. Эдер, Л.Т. Яблонский. М., 2012.

Трейстер, 2014 — *Трейстер М.Ю.* Ахеменидские «импорты» у кочевников Евразии // Сарматы и внешний мир / Л.Т. Яблонский, Н.С. Савельев (ред.). Уфа, 2014. С. 235–244.

Трейстер, Яблонский, 2012 — *Трейстер М.Ю., Яблонский Л.Т.* Влияния ахеменидской культуры в Южном Приуралье (V–III вв. до н.э.). Т. 1 / О.В. Аникеева, А.С. Балахванцев, С. Берендт, С.Б. Болелов, Д. Бонатц, А.С. Варичев, А.А. Гольева, В.В. Зайков, Е.В. Зайкова, В.Н. Киреева, В.В. Крупская, О.И. Куринских, Х.-П. Майер, А.В. Мохов, Б. Паз, С.А. Писарева, И.Г. Равич, М. Рознер, Л.Н. Соловьева, М.Ю. Трейстер, Й. Фогль, И.В. Чернышев, А.В. Чугаев, К. Эдер, Л.Т. Яблонский. М., 2012.

Трудновская, 1963 — *Трудновская С.А.* Круглое погребальное сооружение на городище Чирик-Рабат // МХЭ. 1963. Вып. 6. С. 201–213.

Трудновская, 1979 — *Трудновская С.А.* Ранние погребения юго-западной курганной группы могильника Туз-гыр // Кочевники на границах Хорезма / М.А. Итина (ред.). М., 1979. С. 101–110.

Уильямс, Огден, 1995 — *Уильямс Д., Огден Дж.* Греческое золото. Ювелирное искусство классической эпохи. V–IV века до н.э. Каталог выставки. СПб., 1995.

Ураков, 1982 — *Ураков Б.* Культура Бухарского оазиса второй половины I тыс. до н.э. (на основе изучения керамических комплексов). Рукопись диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 1982.

Утченко, Дьяконов, 1970 — *Утченко С.Л., Дьяконов И.М.* Социальная стратификация древнего общества: Доклад на XIII конгрессе МКИН. М., 1970.

Федоров, 2001 — *Федоров В.К.* Клинковое оружие и колчаные наборы IV–III вв. до н.э. (о времени появления на Южном Урале мечей и

кинжалов прохоровского типа) // МАВДС. 2001. Вып. 1 / И.В. Сергацков (ред.). С. 180–197.

Федоров, 2013 — *Федоров В.К.* Костяные ложечки в колчанах ранних кочевников // РА. 2013. № 2. С. 44–61.

Феррари, 1998 — *Феррари Ж.-Л.* Восток и Запад «Ойкумены» от Александра Великого до Августа: история и историография // ВДИ. 1998. № 2. С. 32–50.

Филанович, 2010 — *Филанович М.И.* Древняя и средневековая история Ташкента в археологических источниках. Ташкент, 2010.

Фол, Хэммонд, 2011 — *Фол А., Хэммонд Н.-Дж.-Л.* Персы в Европе (помимо Греции) // Кембриджская история древнего мира. Т. IV. Персия, Греция и западное Средиземноморье. Ок. 525–479 гг. до н.э. М., 2011. С. 287–308.

Хабдулина, 1993 — *Хабдулина М.К.* Хронология наконечников стрел раннего железного века Северного Казахстана // Кочевники урало-казахстанских степей / А.Д. Таиров (ред.). Екатеринбург, 1993. С. 24–43.

Хабихт, 1999 — *Хабихт Х.* Афины. История города в эллинистическую эпоху. М., 1999.

Хазанов, 2008 — *Хазанов А.М.* Очерки военного дела сарматов. СПб., 2008.

Хасанов, 2005 — *Хасанов М.* К локализации дахов в Средней Азии // Материалы по античной культуре Узбекистана / К.А. Абдуллаев (ред.). Самарканд, 2005. С. 102–109.

Хлопин, 1975 — *Хлопин И.Н.* Погребения скифского времени в долине Сумбара // Успехи среднеазиатской археологии. Л., 1975. Вып. 3. С. 51–53.

Хлопин, 1979 — *Хлопин И.Н.* Античные погребения на среднем течении Сумбара // Изв. АН ТуркССР. СОН. 1979. № 3. С. 75–81.

Хлопин, 1981 — *Хлопин И.Н.* Происхождение и развитие катакомбных захоронений в Юго-Западной Туркмении // Преемственность и инновации в развитии древних культур / В.А. Алёшкин (ред.). Л., 1981. С. 84–87.

Хлопин, 1983 — *Хлопин И.Н.* Историческая география южных областей Средней Азии (античность и раннее средневековье). Ашхабад, 1983.

Членова, 1983 — *Членова Н.Л.* Предыстория «торгового пути Геродота» (из Северного Причерноморья на Южный Урал) // СА. 1983. № 1. С. 47–66.

Чунакова, 2004 — *Чунакова О.М.* Пехлевийский словарь зороастрийских терминов, мифических персонажей и мифологических символов. М., 2004.

Шавров, 1913 — *Шавров Н.Н.* Персидское побережье Каспийского моря, его производительность и торговля // Записки Кавказского отдела ИРГО. Кн. XXVI. Вып. 10. Тифлис, 1913.

Шахермайр, 1986 — *Шахермайр Ф.* Александр Македонский. М., 1986.

Шифман, 1977 — *Шифман И.Ш.* Сирийское общество эпохи принципата. М., 1977.

Шлюмберже, 1985 — *Шлюмберже Д.* Эллинизированный Восток. Греческое искусство и его наследники в несредиземноморской Азии. М., 1985.

Шофман, 1987 — *Шофман А.С.* К вопросу о генезисе эллинистических армий (*антитагма*) // ВДИ. 1987. № 3. С. 143–153.

Щеглов, 2006 — *Щеглов Д.А.* Кочевые народы Средней Азии по сведениям историков Александра Великого // ЗВОРАО. 2006. Т. II. С. 276–316.

Юсупов, 1977 — *Юсупов Х.* Результаты археологических работ в Северо-Западной Туркмении весной 1971 года // КД. 1977. Вып. V. С. 111–135.

Юсупов, 1978 — *Юсупов Х.* Результаты археологических работ в Северо-Западной Туркмении весной 1973 года // КД. 1978. Вып. VII. С. 48–77.

Юсупов, 1986 — *Юсупов Х.Ю.* Древности Узбоя. Ашхабад, 1986.

Яблонский, 1996 — *Яблонский Л.Т.* Саки Южного Приаралья. М., 1996.

Яблонский, 1999 — *Яблонский Л.Т.* Некрополи древнего Хорезма (археология и антропология могильников). М., 1999.

Яблонский, 2000 — *Яблонский Л.Т.* Антропологические аспекты формирования раннесарматской культуры // Раннесарматская культура: формирование, развитие, хронология. Вып. 1 / В.Н. Мышкин (ред.). Самара, 2000. С. 29–40.

Яблонский, 2010 — *Яблонский Л.Т.* Прохоровка. У истоков Сарматской археологии. М., 2010.

Яблонский, 2011 — *Яблонский Л.Т.* Новые раскопки в Казахстане и проблема формирования раннесарматской культуры // Археология Казахстана в эпоху независимости: итоги, перспективы: материалы международной научной конференции. Алматы, 2011. С. 59–64.

Яблонский, 2013а — *Яблонский Л.Т.* Золото сарматских вождей. Элитный некрополь Филипповка 1 (по материалам раскопок 2004–2009 гг.). Каталог коллекции. Кн. 1. М., 2013.

Яблонский, 2013б — *Яблонский Л.Т.* Курган-святилище могильника Филипповка 2, роль и место животных в погребальном обряде // АВЕС. 2013. Вып. 10 / В.А. Лопатин (ред.). С. 305–311.

Яблонский, 2015 — *Яблонский Л.Т.* Элитарная субкультура ранних кочевников Южного Приуралья и механизмы формирования раннесарматской культуры // Элита в истории древних и средневековых народов Евразии / П.К. Дашковский (ред.). Барнаул, 2015. С. 37–61.

Яблонский, 2016 — *Яблонский Л.Т.* Некоторые теоретические подходы к вопросу о происхождении раннесарматской культуры //

Константин Федорович Смирнов и современные проблемы сарматской археологии. Материалы IX международной научной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории» / Л.Т. Яблонский, Л.А. Краева (ред.). Оренбург, 2016. С. 304–311.

Яблонский и др., 1996 — *Яблонский Л.Т., Дэвис-Кимболл Дж., Демиденко Ю.В., Малашев В.Ю.* Раскопки курганных могильников Покровка 1, 2, 7 и 10 в 1995 году // Курганы левобережного Илека. Вып. 4 / Л.Т. Яблонский (ред.). М., 1996. С. 7–48.

Яблонский и др., 1994 — *Яблонский Л.Т., Трунаева Т.Н., Веддер Дж., Дэвис-Кимболл Дж., Егоров В.Л.* Раскопки курганных могильников Покровка 1 и Покровка 2 в 1993 году // Курганы левобережного Илека. Вып. 2 / Л.Т. Яблонский (ред.). М., 1994. С. 4–60.

Ягодин, 1982 — *Ягодин В.Н.* Археологическое изучение курганных могильников Каскажол и Бернияз на Устюрте // Археология Приаралья. Вып. I / С.К. Камалов (ред.). Ташкент, 1982. С. 39–81.

Ягодин, 1990 — *Ягодин В.Н.* Курганный могильник Дэвкескен-4 // Археология Приаралья. Вып. IV / В.Н. Ягодин (ред.). Ташкент, 1990. С. 28–81.

Ягодин, 2013 — *Ягодин В.Н.* К вопросу о «савроматской» миграции VI–V веков до нашей эры на Юго-Восточный Устюрт // Этнические взаимодействия на Южном Урале / А.Д. Таиров, Н.О. Иванова (ред.). Челябинск, 2013. С. 178–193.

Ягодин и др., 1978 — *Ягодин В.Н., Бежанов Е.Б., Манылов Ю.П., Юсупов Н.Ю.* Древняя и средневековая культура Юго-Восточного Устюрта. Ташкент, 1978.

Яйленко, 2013 — *Яйленко В.П.* Очерки этнической, политической и культурной истории Скифии VIII–III вв. до н.э. М., 2013.

Яценко, 2011 — *Яценко С.А.* Враги из Средней Азии в искусстве империи Ахеменидов // Вопросы археологии Казахстана. Вып. 3. Алматы, 2011. С. 495–510.

Abgarians, Sellwood, 1971 — *Abgarians M.T., Sellwood D.G.* A Hoard of Early Parthian Drachms // NC⁷. 1971. Vol. 11. P.103–119.

Ahmadi, 2014 — *Ahmadi A.* Old Persian *duvītāparanam* and Gāthic *daibitānā* // StIr. 2014. T. 43 (1). P.41–82.

Aimé-Giron, 1931 — *Aimé-Giron M.N.* Textes araméens d'Egypte. Le Caire, 1931.

Aleksidze, Chitunashvili, 2012 — *Aleksidze Z., Chitunashvili D.* The Ancient Palimpsest Text of Agathangelos' «The History of the Armenians» in the Treasury of Georgian Center of Manuscripts // Oriental Studies. Tbilisi. 2012. № 1 P. 11–25 (на груз. яз.).

Allotte de la Fuye, 1925 — *Allotte de la Fuye F.-M.* Les monnaies incertaines de la Sogdiane et des contrées voisines // RN⁴. 1925. T. 28. P. 26–50.

Alonso-Núñez, 1988–1989 — *Alonso-Núñez J.M.* The Roman Universal Historian Pompeius Trogus on India, Parthia, Bactria and Armenia // *Persica*. 1988–1989. № 13. P. 125–155.

Aram, 1986 — *Aram M.* Nomina propria iranica in nummis. Wien, 1986.

Aram, 1998 — *Aram M.* Stand und Aufgaben der arsakidischen Numismatik // *Das Partherreich und seine Zeugnisse: Beiträge des internationalen Colloquiums, Eutin (27–30 Juni 1996)* / J. Wiesehöfer (Hrsg.). Stuttgart, 1998. S. 365–387.

Aram, 1999 — *Aram M.* Indo-Parthians and early Kushan Chronology: the numismatic Evidences // *Coins, Art and Chronology. Essais on the pre-Islamic History of the Indo-Iranian Borderland* / M. Aram, Debora E. Klimburg-Salter (eds.). Wien, 1999. P. 19–48.

Altheim, 1948 — *Altheim F.* Weltgeschichte Asiens im griechischen Zeitalter. Bd. II. Halle / Saale, 1948.

Altheim, Stiehl, 1970 — *Altheim F., Stiehl R.* Geschichte Mittelasiens im Altertum. Berlin, 1970.

Andreae, 1977 — *Andreae B.* Das Alexandermosaik aus Pompeji. Recklinghausen, 1977.

Andreas, 1894 — *Andreas F.C. Amardo* // RE. 1894. Bd. 1. Sp. 1729–1733.

Asheri et al., 2007 — *Asheri D., Lloyd A., Corcella A.* A Commentary on Herodotus. Books I–IV. Oxford, 2007.

Assar, 2004 — *Assar G.F.* Genealogy and Coinage of the Early Parthian Rulers I // *Parthica*. 2004. T. 6. P. 69–93.

Assar, 2005 — *Assar G.F.* Genealogy and Coinage of the Early Parthian Rulers II. A Revised Stemma // *Parthica*. 2005. T. 7. P. 29–63.

Assar, 2006a — *Assar G.F.* Moses of Chorene and the Early Parthian Chronology // *Electrum*. 2006. Vol. 11. P. 61–86.

Assar, 2006b — *Assar G.F.* A Revised Parthian Chronology of the Period 165–91 BC // *Electrum*. 2006. Vol. 11. P. 87–158.

Assar, 2007 — *Assar G.F.* The Inception and Terminal Dates of Reigns of Seleucus II, Seleucus III and Antiochus III // *N.A.B.U.* 2007. № 3. P. 49–53.

Assar, 2008 — *Assar G.F.* The Proper Name of the 2nd Parthian Ruler // *Bulletin of Ancient Iranian History*. 2008. Vol. 4. P. 1–7.

Assar, Bagloo, 2006 — *Assar G.F., Bagloo M.G.* An Early Parthian ‘Victory’ Coin // *Parthica*. 2006. T. 8. P. 25–35.

Atakhodjaev, 2013 — *Atakhodjaev A. Kh.* Données numismatiques pour l’histoire politique de la Sogdiane (IVe–IIe siècles avant notre ère) // *RN*. 2013. Vol. 170. P. 213–246.

Atkinson, 1980 — *Atkinson J.E.* A Commentary on Q. Curtius Rufus’ *Historiae Alexandri Magni*. Books 3 and 4. Amsterdam, 1980.

Austin, 1986 — *Austin M.M.* Hellenistic kings, war, and the economy // *CQ*. 1986. Vol. 36 (2). P. 450–466.

Babelon, 1890 — *Babelon M.E.* Les Rois de Syrie, de l’Arménie et de Commagène. Paris, 1890.

Bader, Usupov, 1995 — *Bader A.N., Usupov Kh.* Gold earrings from north-west Turkmenistan // *In the Land of Gryphons. Papers on Central Asian Archaeology in Antiquity* / A. Invernizzi (ed.). Firenze, 1995. P. 23–38.

Badian, 1965 — *Badian E.* Orientals in Alexander's Army // *JHS.* 1965. Vol. 85. P. 160–161.

Badian, 1998 — *Badian E.* The King's Indians // *Alexander der Grosse. Eine Welteroberung und Ihr Hintergrund. Vorträge des Internationalen Bonner Alexanderkolloquiums, 19–21. 12. 1996 / W. Will (Hrsg.). Bonn, 1998. P. 205–224.*

Balachvancev, 2013 — *Balachvancev A.* Einflüsse der achämenidischen Kultur im südlichen Uralvorland (5. – 3. Jh. v. Chr.). Bd. 1 / O. Anikeeva, A. Balachvancev, S. Behrendt, S. Bolelov, D. Bonatz, I. Černyšev, A. Čugaev, Ch. Eder, A. Gol'eva, V. Kireeva, V. Krupskaja, O. Kurinskich, H.-P. Meyer, A. Mochov, B. Paz, S. Pisareva, I. Ravič, E. Rehm, M. Rosner, L. Solov'eva, M. Treister, A. Varychev, J. Vogl, L. Yablonsky, V. Zajkov, E. Zajkova. Wien, 2013.

Balakhvantsev, Yablonskii, 2009a — *Balakhvantsev A.S., Yablonskii L.T.* Once Again on the Question of the Dating of Inscriptions from Prokhorovka // *ACSS.* 2009. Vol. 15. P. 137–165.

Balakhvantsev, Yablonskii, 2009b — *Balakhvantsev A.S., Yablonskii L.T.* A Silver Bowl from the New Excavations of the Early Sarmatian Burial-Ground Near the Village of Prokhorovka // *ACSS.* 2009. Vol. 15. P. 167–182.

Barag, 1984 — *Barag D.* Some Examples of Lead Currency from the Hellenistic Period // *Studies in Honor of Leo Mildenberg. Numismatics, Art History and Archaeology / A. Houghton (ed.). Wetteren, 1984. P. 1–5.*

Bailey, 1977 — *Bailey D.R.S.* Brothers or cousins? // *AJAH.* 1977. Vol. 2 (2). P. 148–150.

Bar-Kochva, 1976 — *Bar-Kochva B.* The Seleucid army. Cambridge, 1976.

Baurain, 2014 — *Baurain C.* Réflexions sur la 'Tombe 77' de Salamine de Chypre // *The Age of the Successors and the Creation of the Hellenistic Kingdoms (323–276 B.C.) / H. Hauben, A. Meeus (eds.). Leuven, 2014. P. 137–166.*

Beazley, 1963 — *Beazley J.D.* Attic Red-Figure Vase-Painters. Oxford, 1963.

Beloch, 1925 — *Beloch K.J.* Griechische Geschichte². Bd. 4. Abt. 1. Berlin, Leipzig, 1925.

Ben-David, 1972 — *Ben-David A.* When did the Maccabees begin to strike their first coins? // *Palestine Exploration Quarterly*. 1972. № 4. P. 93–103.

Bengtson, 1944 — *Bengtson H.* Die Strategie in der hellenistischen Zeit. Bd. II. München, 1944.

Bennett, Roberts, 2012 — *Bennett B., Roberts M.* Twilight of the Hellenistic World. Barnsley, 2012.

Bergamini, 2011 — *Bergamini G.* Babylon in the Achaemenid and Hellenistic Period: The Changing Landscape of a Myth // *Mesopotamia*. 2011. Vol. 46. P. 23–34.

Bernard, 1973 — *Bernard P.* Fouilles d'Aï Khanoum, 1. Campagnes 1965, 1966, 1967, 1968. Paris, 1973.

Bernard, 1974 — *Bernard P.* Un problème de toponymie antique dans l'Asie centrale: les noms anciens de Qandahar // *StIr*. 1974. Vol. 3. P. 171–185.

Bernard, 1985 — *Bernard P.* Fouilles d'Aï Khanoum. IV. Les monnaies hors trésors. Questions d'histoire gréco-bactrienne. Paris, 1985.

Bernard, 1994 — *Bernard P.* L'Asie Centrale et l'Empire Séleucide // *Topoi. Orient – Occident*. 1994. Vol. 4 (2). P.473–511.

Bernard, 2015 — *Bernard P.* Le sanctuaire du dieu Oxus à Takht-i Sangin au Tadjikistan, ou l'esprit de l'escalier // *De Samarcande à Istanbul: étapes orientales. Hommages à Pierre Chuvin II / V. Schiltz (ed.)*. Paris, 2015. P. 53–70.

Bertolino, 1995 — *Bertolino R.* La chronologia di Hatra. Interazione di archeologia e di epigrafia. Napoli, 1995.

Bevan, 1902 — *Bevan E.R.* The House of Seleucus. Vol. I. London, 1902.

Bickerman, 1944 — *Bickerman E.* Notes on Seleucid and Parthian Chronology // *Berytus*. 1944. Vol. VIII (2). P. 73–83.

Bickerman, 1966a — *Bickerman E.* The Seleucids and the Achaemenids // *Atti del convegno sul tema: La Persia e il mondo Greco-Romano, Roma 11–14 aprile 1965*. Roma, 1966. P. 87–117.

Bickerman, 1966b — *Bickerman E.* The Parthian Ostrakon № 1760 from Nisa // *Bibliotheca Orientalis*. 1966. J. XXIII (1-2). P. 15–17.

Billows, 1995 — *Billows R.A.* Kings and colonists: aspects of Macedonian imperialism. Leiden, N.Y., Köln, 1995

Bivar, 1961 — *Bivar A.D.H.* A Satrap of Cyrus the Younger // *NC*⁷. 1961. Vol. 1. P. 119–127.

Bivar, 1983a — *Bivar A.D.H.* The Political History of Iran under the Arsacids // *CHIr*. 1983. Vol. III (1). P. 21–99.

Bivar, 1983b — *Bivar A.D.H.* The History of Eastern Iran // *CHIr*. 1983. Vol. III (1). P. 181–231.

Bivar, 2005 — *Bivar A.D.H.* Andragoras: Independent Successor of the Seleucids in Parthia // *Средняя Азия от Ахеменидов до Тимуридов: археология, история, этнология, культура. Материалы Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения А.М. Беленицкого / В.П. Никонов (ред.). СПб., 2005. P. 212–214*

Black, Sherwin-White, 1984 — *Black J.A., Sherwin-White S.M.* A Clay Tablet with Greek Letters in the Ashmolean Museum, and “Graeco-Babyloniaca” Texts // *Iraq*. 1984. Vol. 46 (2). P. 131–140.

Blois, 1993 — *Blois F. de.* Dahae I // *Encyclopaedia Iranica*. 1993. Vol. 6. P. 581.

Bogoliubov, 1974 — *Bogoliubov M.N.* Titre honorifique d' un chef militaire achéménide en Haute-Égypte // *Commémoration Cyrus. Hommage universel II / J. Duchesne-Guillemin (ed.). Téhéran, Liège, 1974. P. 109–114.*

Boiy, 2004 — *Boiy T.* Late Achaemenid and Hellenistic Babylon. Leuven, Paris, Dudley, MA, 2004.

Boiy, 2007 — *Boiy T.* Assyriology and the history of the Hellenistic period // *Topoi. Orient – Occident*. 2007. Vol. 15. P. 7–20.

Boiy, 2010 — *Boiy T.* Royal and satrapal armies in Babylonia during the Second Diadoch War. The *Chronicle of the Successors* on the events during the seventh year of Philip Arrhidaeus (=317/316 BC) // *JHS*. 2010. Vol. 130. P. 1–13.

Boiy, 2011 — *Boiy T.* The Reigns of the Seleucid Kings According to the Babylon King List // JNES. 2011. Vol. 70 (1). P. 1–12.

Boiy, Mittag, 2011 — *Boiy T., Mittag P.F.* Die lokalen Eliten in Babylonien // Lokale Eliten und hellenistische Könige: zwischen Kooperation und Konfrontation / B. Dreyer, P.F. Mittag (Hrsgg.). Berlin, 2011. S. 105–131.

Bopearachchi, 1991 — *Bopearachchi O.* Monnaies Gréco-Bactriennes et Indo-Grecques. Paris, 1991.

Bopearachchi, 1997 — *Bopearachchi O.* Našten, a hitherto unknown Iranian ruler in India // Studies in Silk Road Coins and Culture. Papers in honour of Professor Ikuo Hirayama on his 65th birthday / K. Tanabe, J. Cribb, H. Wang (eds.). Kamakura, 1997. P. 67–73.

Bopearachchi, 2001 — *Bopearachchi O.* A Faience Head of a Graeco-Bactrian King from Aï Khanum // BAI. 2001. Vol. 12. P. 23–30.

Bopearachchi, 2005 — *Bopearachchi O.* Royaumes grecs en Afghanistan: nouvelles données // L'art d'Afghanistan de la préhistoire à nos jours. Paris, 2005. P. 49–69.

Bopearachchi, Aman ur Rahman 1995 — *Bopearachchi O., Aman ur Rahman.* Pre-Kushana Coins in Pakistan. Karachi, 1995.

Bopearachchi, Grigo 2001 — *Bopearachchi O., Grigo K.* 'Thundering Zeus revisited' // ONS. 2001. № 169. P. 22–24.

Bosworth, 1980a — *Bosworth A.B.* Alexander and the Iranians // JHS. 1980. Vol. 100. P. 1–21.

Bosworth, 1980b — *Bosworth A.B.* A historical commentary on Arrian's History of Alexander. Vol. I. Oxford, 1980.

Bosworth, 1981 — *Bosworth A.B.* A Missing Year in the History of Alexander the Great // JHS. 1981. Vol. 101. P. 17–39.

Bosworth, 1995 — *Bosworth A.B.* A historical commentary on Arrian's History of Alexander. Vol. II. Oxford, 1995.

Bosworth, 1998 — *Bosworth A.B.* Alexander and the East: the tragedy of triumph. Oxford, 1998.

- Bothmer, 1984 — *Bothmer D. von.* A Greek and Roman Treasury. N.Y., 1984.
- Bothmer, 1990 — *Bothmer D. von.* Glories of the past: ancient art from the Shelby White and Leon Levy Collection. N.Y., 1990.
- Bouché-Leclercq, 1913 — *Bouché-Leclercq A.* Histoire des Séleucides. T. 1. Paris, 1913.
- Boyce, 1994 — *Boyce M.* The sedentary Arsacids // IA. 1994. Vol. 29. P. 241–251.
- Bregel, 2003 — *Bregel Y.* An historical atlas of Central Asia. Leiden, 2003.
- Brentjes, 1982 — *Brentjes B.* Tacht-I Sangin in Tadshikistan // Das Altertum. 1982. Bd. 28. S. 164–168.
- Bresciani, 1985 — *Bresciani E.* The Persian Occupation of Egypt // CHIr. 1985. Vol. II. P. 502–528.
- Briant, 1972 — *Briant P.* D’Alexandre le Grand aux diadoques: le cas d’Eumène de Kardia (1er article) // RÉA. 1972. T. 74. P. 32–73.
- Briant, 1973 — *Briant P.* D’Alexandre le Grand aux diadoques: le cas d’Eumène de Kardia (suite et fin) // RÉA. 1973. T. 75. P. 43–81.
- Briant, 1978 — *Briant P.* 1978: Colonisation hellénistique et populations indigènes. La phase d’installation // Klio. 1978. Bd. 60 (1). P. 57–92.
- Briant, 1985 — *Briant P.* Les Iraniens d’Asie Mineure après la chute de l’empire Achéménide. A propos de l’inscription d’Amyzon // DHA. 1985. T. 11. P. 167–195.
- Briant, 1994 — *Briant P.* De Samarkand à Sardes et de la ville de Suse au pays des Hanéens // Topoi. Orient – Occident. 1994. Vol. 4 (2). P. 455–467.
- Briant, 2002 — *Briant P.* From Cyrus to Alexander: a history of the Persian Empire. Winona Lake, Indiana, 2002.
- Briscoe, 1981 — *Briscoe J.* A commentary on Livy, books XXXIV–XXXVII. Oxford, 1981.
- Brodersen, 1986 — *Brodersen K.* The Date of the Secession of Parthia from the Seleucid Kingdom // Historia. 1986. Bd. 35. P. 378–381.

Brodersen, 1989 — *Brodersen K.* Appians abriß der Seleukidengeschichte (Syriake 45, 232–70, 369). Text und kommentar. München, 1989.

Brosius, 2006 — *Brosius M.* The Persians. An Introduction. London, N.Y., 2006.

Brunner, 1983 — *Brunner Ch.* Geographical and Administrative Divisions: Settlements and Economy // *CHIr.* 1983. Vol. III (2). P. 747–777.

Brunt, 1963 — *Brunt P.A.* Alexander's Macedonian Cavalry // *JHS.* 1963. Vol. 83. P. 27–46.

Brunt, 1976 — *Brunt P.A.* India and the Persian Empire // *Arrian. Anabasis Alexandri. Indika / with an English translation by P.A. Brunt.* Cambridge (Mass.), London, 1976. Vol. I. P. 544–547.

Burstein, 1980 — *Burstein S.M.* The Babyloniaca of Berossus. Malibu, 1980.

Callieri, 2004 — *Callieri P.* Again on the Chronology of the Tall-e Takht at Pasargadae // *Parthica.* 2004. T. 6. P. 95–100.

Calmeyer, 1975 — *Calmeyer P.* Zur Genese altiranischer Motive: III. Felsgräber // *AMI.* 1975. Bd. 8. S. 99–113.

Calmeyer, 1976 — *Calmeyer P.* Zur Genese altiranischer Motive: IV. «Persönliche Krone» und Diadem, V. Synarchie // *AMI.* 1976. Bd. 9. S. 45–63.

Calmeyer, 1980 — *Calmeyer P.* Textual Sources for the Interpretation of Achaemenian Palace Decorations // *Iran.* 1980. Vol. XVIII. P. 55–63.

Calmeyer, 1982 — *Calmeyer P.* Zur Genese altiranischer Motive: VIII. Die «Statistische Landkarte des Perserreiches»–I // *AMI.* 1982. Bd. 15. S. 105–187.

Calmeyer, 1983 — *Calmeyer P.* Zur Genese altiranischer Motive: VIII. Die «Statistische Landkarte des Perserreiches»–II // *AMI.* 1983. Bd. 16. S. 141–222.

Calmeyer, 1991 — *Calmeyer P.* Zur Darstellung von Standesunterschieden in Persepolis // *AMI.* 1991. Bd. 24. S. 35–51.

Cameron, 1973 — *Cameron G.G.* The Persian Satrapies and Related Matters // *JNES.* 1973. Vol. 32. P. 47–56.

Cameron, 1975 — *Cameron G.G.* Darius the Great and his Scythian (Saka) Campaign. Bisutun and Herodotus // *Monumentum H.S. Nyberg. I.* Leiden, 1975. P. 77–88.

Camp, 1986 — *Camp J.M.* The Athenian Agora: excavations in the heart of classical Athens. London, 1986.

Canali De Rossi, 2004 — *Canali De Rossi F.* Iscrizioni dello Estremo Oriente Greco. Bonn, 2004.

Chaumont, 1971 — *Chaumont M.L.* Études d'histoire parthe. I. – Documents royaux à Nisa // Syria. *Revue d'art oriental et d'archéologie.* 1971. T. XLVIII. P. 143–164.

Choisnel, 2004 — *Choisnel E.* Les Parthes et la Route de la Soie. Paris, 2004.

Choremis, 1980 — *Choremis A.* Metallic Armour from Tomb at Prodromi in Phesprotia // Athens *Annals of Archaeology.* 1980. T. XIII. P. 3–18.

Cohen, 1978 — *Cohen G.M.* The Seleucid Colonies. Wiesbaden, 1978.

Cohen, 2006 — *Cohen G.M.* The Hellenistic Settlements in Syria, the Red Sea Basin, and North Africa. Berkeley, Los Angeles, 2006.

Colledge, 1967 — *Colledge M.* The Parthians. N.Y., Washington, 1967.

Colledge, 1987 — *Colledge M.* Greek and non-Greek Interaction in the Art and Architecture of the Hellenistic East // *Hellenism in the East / A. Kuhrt, S. Sherwin-White (eds.).* Berkeley, Los Angeles, 1987.

Coloru, 2013a — *Coloru O.* Seleukid Settlements: Between Ethnic Identity and Mobility // *Electrum.* 2013. Vol. 20. P. 37–56.

Coloru, 2013b — *Coloru O.* L'Hyrcanie arsacide à l'époque hellénistique. Un commentaire à Strabon, 11.7.1–5 // *Parthica.* 2013. T. 15. P. 31–42.

Coloru, 2014 — *Coloru O.* Antiochos IV et le royaume de Médie Atropatène: nouvelles considérations sur un mariage dynastique entre les Séleucides et la maison d'Atropatès // *Le projet politique d'Antiochos IV (Etudes nancéennes d'histoire grecque II, Etudes anciennes 56) / Ch. Feyel, L. Graslin (éds.).* Nancy, 2014. P. 395–414.

Cook, 1985 — *Cook J.M.* The Rise of the Achaemenids and Establishment of their Empire // *CHIr.* 1985. Vol. II. P. 200–291.

Cowley, 1923 — *Cowley A.* Aramaic papyri of the fifth century B.C. Oxford, 1923.

Cribb, 1993 — *Cribb J.* The «Heraus» Coins: Their Attribution to the Kushan King Kujula Kadphises // *Essays in Honour of Robert Carson and Kenneth Jenkins / M. Piece, A. Burnett, R. Bland (eds.).* London, 1993. P. 107–134.

Cribb, 1999 — *Cribb J.* The Early Kushan Kings: New Evidence for Chronology. Evidence from the Rabotak Inscription on Kanishka I // *Coins, Art and Chronology. Essays on the pre-Islamic History of the Indo-Iranian Borderlands / M. Alam, D.E. Klimburg-Salter (eds.).* Wien, 1999. P. 177–205.

Cunningham, 1881 — *Cunningham A.* Relics from Ancient Persia in Gold, Silver, and Copper // *JASB.* 1881. Vol. L. P. 151–186.

Curtis, 2005 — *Curtis J.E.* Jewellery and Personal Ornaments // *Forgotten Empire. The world of Ancient Persia / J.E. Curtis, N. Tallis (eds.).* London, 2005. P. 132–197.

Curtis, Razmjou, 2005 — *Curtis J.E., Razmjou S.* The Palace // *Forgotten Empire. The world of Ancient Persia / J.E. Curtis, N. Tallis (eds.).* London, 2005. P. 50–103.

Curtis et al., 1995 — *Curtis J.E., Cowell M.R., Walker C.B.F.* A Silver Bowl of Artaxerxes I // *Iran.* 1995. Vol. XXXIII. P. 149–153.

Curtis, 2007 — *Curtis V.S.* The Iranian Revival in the Parthian Period // *The Idea of Iran. Vol. II / V.S. Curtis, S. Stewart (eds.).* London, N.Y., 2007. P. 7–25.

Curtis, 2012 — *Curtis V.S.* Parthian Coins: Kingship and Divine Glory // *The Parthian Empire and its Religions. Studies in the Dynamics of Religious Diveraity (Pietas 5) / P. Wick, M. Zehnder (Hrsgg.).* Gutenberg, 2012. P. 67–81.

Dąbrova, 2008 — *Dąbrova E.* The political propaganda of the first Arsacids and its targets (from Arsaces I to Mithradates II) // *Parthica.* 2008. T. 10. P. 25–31.

Dąbrova, 2013 — *Dąbrova E.* The Parthian Aristocracy: its social position and political activity // *Parthica*. 2013. T. 15. P. 53–62.

Dandamayev, 1992 — *Dandamayev M.A.* Iranians in Achaemenid Babylonia. Costa Mesa, 1992.

Daryaei, 2015 — *Daryaei T.* Alexander and the Arsacids in the manuscript MU29 // *DABIR*. 2015. Vol. 1 (1). P. 8–10.

Debevoise, 1969 — *Debevoise N.C.* A Political History of Parthia. Chicago, London, 1969.

Diakonoff, Livshits, 2001 — *Diakonoff I.M., Livshits V.A.* Parthian Economic Documents from Nisa (Corpus Inscriptionum Iranicarum. Part II: Inscriptions of the Seleucid and Parthian periods and of Eastern Iran and Central Asia, Vol. II: Parthian). London, 2001.

Dintsis, 1986 — *Dintsis P.* Hellenistische Helme. Roma, 1986. Bd. 1.

Downey, 1961 — *Downey G.* A History of Antioch in Syria. Princeton, 1961.

Dreyer, 2011 — *Dreyer B.* How to Become a "Relative" of the King: Careers and Hierarchy at the Court of Antiochus III // *American Journal of Philology*. 2011. Vol. 132 (1). P. 45–58.

Drijvers, 1998 — *Drijvers J.W.* Strabo on Parthia and the Parthians // *Das Partherreich und seine Zeugnisse: Beiträge des internationalen Colloquiums, Eutin (27–30 Juni 1996) / J. Wiesehöfer (Hrsg.)*. Stuttgart, 1998. P. 279–293.

Droysen, 1953 — *Droysen J.G.* Geschichte des Hellenismus. Bd. III. Tübingen, 1953.

Eddy, 1961 — *Eddy S.K.* The King Is Dead. Studies in the Near Eastern Resistance to Hellenism 334–31 B.C. Lincoln, 1961.

Edson, 1958 — *Edson Ch.* *Imperium Macedonicum*: The Seleucid Empire and the Literary Evidence // *Classical Philology*. 1958 Vol. 53 (3). P. 153–170.

Ehling, 1997 — *Ehling K.* Eine seleukidische Münzstätte in Areia (Artakoana / Alexandria). Zu E.T. Newell ESM Nr. 727–745 // *Schweizerische Numismatische Rundschau*. 1997. Bd. 76. S. 29–39.

Eilers, 2008 — *Eilers C.* Forgery, Dishonesty, and Incompetence in Josephus' Acta: The Decree of Athens (AJ 14. 149–155) // ZPE. 2008. Bd. 166. P. 211–217.

Elwyn, 1990 — *Elwyn S.* The Recognition Decrees for the Delphian Soteria and the Date of Smyrna's Inviolability // JHS. 1990. Vol. 110. P. 177–180.

Engels, 1978 — *Engels D.W.* Alexander the Great and Logistics of the Macedonian Army. Berkeley, Los Angeles, 1978.

Engels, 2013 — *Engels D.* A New Frataraka Chronology // Latomus. 2013. T. 72. P. 28–80.

Engels, Erickson, 2016 — *Engels D., Erickson K.* Apama and Stratonike – Marriage and Legitimacy // Seleukid Royal Women / A. Coşkun, A. McAuley (eds.). Stuttgart, 2016. P. 39–65.

Erickson, Wright, 2011 — *Erickson K., Wright N.L.* The 'Royal Archer' and Apollo in the East: Greco-Persian Iconography in the Seleukid Empire // Proceedings of the XIVth International Numismatic Congress / N. Holmes (ed.). Glasgow, 2011. P. 163–168.

Errington, Curtis, 2007 — *Errington E., Curtis V.S.* From Persepolis to the Punjab. London, 2007.

Farrokh, 2007 — *Farrokh K.* Shadows in the Desert. Ancient Persia at War. Oxford, 2007.

Fedorov, 2005 — *Fedorov M.* Money Circulation of Khwarezm in the Ancient Period // ONS. 2005. № 182. P. 13–23.

Feissel, 1985 — *Feissel D.* Deux listes de quartiers d'Antioche astreints au creusement d'un canal, 73–74 après J.C. // Syria. Revue d'art oriental et d'archéologie. 1985. T. LXII. P. 77–103.

Fingerson, 2007 — *Fingerson K.R.* Persian Katoikoi in Hellenistic Smyrna // Ancient Society. 2007. Vol. 37. P. 107–120.

Flinterman, 2012 — *Flinterman J.-J.* Pannucome Revisited: Lines 11–13 of the Laodice Inscription Again // ZPE. 2012. Bd. 181. P. 79–87.

Foulon, 1996 — *Foulon É.* Contribution à une taxinomie des corps d'infanterie des armées hellénistiques // *Les Études Classiques*. 1996. T. 64. P. 227–244.

Francfort, 1988 — *Francfort H.-P.* Central Asia and Eastern Iran // *CAH*². 1988. Vol. IV. P. 165–193.

Fredricksmeier, 1981 — *Fredricksmeier E.A.* Again the So-Called Tomb of Philip II // *AJA*. 1981. Vol. 85. P. 330–334.

Frye, 1984 — *Frye R.N.* The History of Ancient Iran. München, 1984.

Gall, 1974 — *Gall H.von.* Die Kopfbedeckung des persischen Ornats bei Achämeniden // *AMI*. 1974. Bd. 7. S. 145–161.

Gall, 1980 — *Gall H.von.* Relieffragment eines elymäischen Königs aus Masğed-e Soleiman // *IA*. 1980. Vol. 15. P. 241–250.

Galle, 1982 — *Galle S.A.* Une drachme inconnue d' Arsace Ier et le problème des monogrammes // *IA*. 1982. Vol. 17. P. 175–180.

Gardiner-Garden, 1987a — *Gardiner-Garden J.R.* Greek Conceptions on Inner Asian Geography and Ethnography from Ephoros to Eratosthenes. Bloomington, 1987.

Gardiner-Garden, 1987b — *Gardiner-Garden J.R.* Apollodoros of Artemita and the Central Asian Skythians. Bloomington, 1987.

Gardner, 1877 — *Gardner P.* The Parthian coinage. London, 1877.

Gardner, 1879 — *Gardner P.* New Coins from Bactria // *NC*². 1879. Vol. 19. P. 1–12.

Gardner, 1881 — *Gardner P.* Coins from Central Asia // *NC*³. 1881. Vol. 1. P. 8–12.

Gardner, 1886 — *Gardner P.* The Coins of the Greek and Scythic Kings of Bactria and India in British Museum. London, 1886.

Gaslain, 2005a — *Gaslain J.* Arsaces I, the First Arsacid King? Some Remarks on the Nature of Early Parthian Power // *Средняя Азия от Ахеменидов до Тимуридов: археология, история, этнология, культура. Материалы*

Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения А.М. Беленицкого / В. П. Никоноров (ред.). СПб., 2005. P. 221–223.

Gaslain, 2005b — *Gaslain J. Le bachlik d' Arsace Ier ou la representation du nomade-roi // Bulletin of Parthian and Mixed Oriental Studies. Vol. 1. London, 2005. P. 9–30.*

Gaslain, 2006 — *Gaslain J. Réflexions sur la signification des armes des premières monnaies Arsacides // Arms and Armour as Indicators of Cultural Transfer / M. Mode, J. Tubach (eds.). Wiesbaden, 2006. P. 233–257.*

Gaslain, 2010 — *Gaslain J. Éléments de réflexion sur la conquête et l'occupation Arsacides de la Mésopotamie (IIe siècle av. n.è) // Parthica. 2010. T. 12. P. 9–16.*

Gatier et al., 2002 — *Gatier P.-L., Lombard P., al-Sindi Kh. M. Greek inscriptions from Bahrain // Arabian archaeology and epigraphy. 2002. Vol. 13. P. 223–233.*

Gershevitch, 1969 — *Gershevitch I. Amber at Persepolis // Studia Classica et Orientalia A. Pagliaro oblata. Vol. II. Roma, 1969. P. 167–251.*

Ghirshman, 1974 — *Ghirshman R. Un tétradrachme d'Andragoras de la collection de M. Foroughi // Near Eastern Numismatics, Iconography, Epigraphy and History: Studies in Honor of G.C. Miles / D.K. Kouymjian (ed.). Beirut, 1974. P. 1–8.*

Ghirshman, 1976 — *Ghirshman R. L'Iran des origines à l'Islam. Paris, 1976.*

Ginouvès, 1994 — *Ginouvès R. Macedonia: from Philip II to the Roman conquest. Princeton, 1994.*

Glenn, 2016 — *Glenn S. Review: Brian Krit. New Discoveries in Bactrian Numismatics. Lancaster, Pennsylvania: Classical Numismatic Group, 2015 // JONS. 2016. № 226. P. 5–6.*

Goukowsky, 1978 — *Goukowsky P. Essai sur les origines du mythe d'Alexandre. T. 1. Nancy, 1978.*

Göbl, 1978 — *Göbl R. Antike Numismatik. Bd. 2. München, 1978.*

Grainger, 2014 — *Grainger J.D.* The Rise of the Seleukid Empire (323–223 BC). Barnsley, 2014.

Grainger, 2015 — *Grainger J.D.* The Seleukid Empire of Antiochus III (223–187 BC). Barnsley, 2015.

Grayson, 1975 — *Grayson A.K.* Assyrian and Babylonian Chronicles. Locust Valley, N.Y., 1975.

Green, 1990 — *Green P.* Alexander to Actium: The Historical Evolution of the Hellenistic Age. Berkeley, Los Angeles, 1990.

Gregoratti, 2011 — *Gregoratti L.* A Parthian Port on the Persian Gulf: Characene and its Trade // *Anabasis*. 2011. Vol. 2. P. 209–229.

Gregoratti, 2013 — *Gregoratti L.* The Journey East of the Great King: East and West in the Parthian kingdom // *Parthica*. 2013. T. 15. P. 43–52.

Grelot, 1972 — *Grelot P.* Documents araméens d'Egypte. Paris, 1972.

Grenet, 1983 — *Grenet F.* L'onomastique iranienne à Aï Khanoum // *BCH*. 1983. T. 107. P. 373–381.

Grenet, 2015 — *Grenet F.* 37 ans après “Rodina Parfjan”: quelques réflexions sur la fonction des monuments de vieille Nisa // *ПИФК*. 2015. № 1. P. 20–32.

Grenet, Rapin, 1998 — *Grenet F., Rapin C.* Alexander, Aï Khanum, Termez: Remarks on the Spring Campaign of 328 // *BAI*. 1998. Vol. 12. P. 79–89.

Griffith, 1963 — *Griffith G.T.* A Note on the Hipparchies of Alexander // *JHS*. 1963. Vol. 83. P. 68–74.

Guarducci, 1995 — *Guarducci M.* Epigrafia greca. T. III. Roma, 1995.

Gutschmid, 1886 — *Gutschmid A.* Commentarius Criticus in Prologos Trogi Pompei // *M. Iuniani Iustini epitoma Historiarum Philippicarum Pompei Trogi* / Ed. F. Ruehl. Lipsiae, 1886. P. LII–LXII.

Gutschmid, 1888 — *Gutschmid A.* Geschichte Irans und seiner Nachbarländer von Alexander dem Grossen bis zum Untergang der Arsaciden. Tübingen, 1888.

Habicht, 1958 — *Habicht Ch.* Die herrschende Gesellschaft in den hellenistischen Monarchien // Vierteljahrschrift für Soziologie und Wirtschaftsgeschichte. 1958. Bd. 45. S. 1–16.

Hallock, 1969 — *Hallock R.T.* Persepolis Fortification Tablets. Chicago, 1969.

Hammond, 1983 — *Hammond N.G.L.* The text and the meaning of Arrian VII 6.2–5 // JHS. 1983. Vol. 103. P. 139–144.

Hammond, Walbank, 1988 — *Hammond N.G.L., Walbank F.W.* A history of Macedonia. Vol. III. Oxford, 1988.

Hannestad, 1994 — *Hannestad L.* The chronology of the Hellenistic fortress (F5) on Failaka // Topoi. Orient - Occident. 1994. Vol. 4 (2). P. 587–595.

Hansman, 1981 — *Hansman J.* The Measure of Hecatompylos // JRAS. 1981. № 1. P. 3–9.

Hansman, Stronach, 1970 — *Hansman J., Stronach D.* Excavations at Shahr-i-Qūmis, 1967 // JRAS. 1970. № 1. P. 29–62.

Harders, 2016 — *Harders A.-C.* The making of a Queen – Seleukos Nicator and His Wives // Seleukid Royal Women / A. Coşkun, A. McAuley (eds.). Stuttgart, 2016. P. 25–38.

Hauser, 2006 — *Hauser S.R.* Was There No Paid Standing Army? A Fresh Look on Military and Political Institutions in the Arsacid Empire // Arms and Armour as Indicators of Cultural Transfer / M. Mode, J. Tubach (eds.). Wiesbaden, 2006. P. 295–319.

Head, 1911 — *Head B.V.* Historia Numorum. Oxford, 1911.

Head, 1981 — *Head B.V.* Catalogue of the Greek coins of Ionia. Bologna, 1981.

Heckel, 2006 — *Heckel W.* Who's who in the age of Alexander the Great. Malden, 2006.

Heinen, 1984 — *Heinen H.* The Syrian-Egyptian Wars and the new kingdoms of Asia Minor // CAH². 1984. Vol. VII (1). P. 412–445.

- Herrmann, 1914 — *Herrmann A.* Alte Geographie unteren Oxusgebiets. Berlin, 1914.
- Herzfeld, 1968 — *Herzfeld E.* The Persian Empire. Wiesbaden, 1968.
- Hill, 1904 — *Hill G.F.* Catalogue of the Greek Coins of Cyprus. London, 1904.
- Hill, 1919 — *Hill G.F.* Andragora // Atti e Memorie dell' Istituto Italiano di Numismatica. Roma, 1919. Vol. III. P. 23–33.
- Hill, 1922 — *Hill G.F.* Catalogue of the Greek Coins of Arabia, Mesopotamia and Persia. London, 1922.
- Hinz, 1980 — *Hinz W.* rezensión: Mayrhofer M. Supplement zur Sammlung der altpersischen Inschriften. Wien, 1978 // *Orientalia*. 1980. Vol. 49. S. 118–122.
- Hinz, Koch, 1987 — *Hinz W., Koch H.* Elamisches Wörterbuch. Berlin, 1987.
- Hölbl, 2001 — *Hölbl G.* A History of the Ptolemaic Empire. London, 2001.
- Holt, 1988 — *Holt F.L.* Alexander the Great and Bactria. Leiden, 1988.
- Holt, 1999 — *Holt F.L.* Thundering Zeus: the making of Hellenistic Bactria. Berkeley, Los Angeles, 1999.
- Honigmann, 1929 — *Honigmann E.* Στασάνωρ // *RE*. 1929. Hbbd. 6. Sp. 2152–2153.
- Hoover, 2007 — *Hoover O.D.* A Revised Chronology for the Late Seleucids at Antioch (121/0–64 BC) // *Historia*. 2007. Bd. 56 (3). P. 280–301.
- Houghton, Lorber, 2002a — *Houghton A., Lorber C.* Seleucid Coins. A Comprehensive Catalogue. Part 1. Vol. 1. N.Y., London, 2002.
- Houghton, Lorber, 2002b — *Houghton A., Lorber C.* Seleucid Coins. A Comprehensive Catalogue. Part 1. Vol. 2. N.Y., London, 2002b.
- Houghton et al., 2008 — *Houghton A., Lorber C., Hoover O.* Seleucid Coins. A Comprehensive Catalogue. Part 2. Vol. 1. N.Y., London, 2008.
- Howorth, 1890 — *Howorth H.H.* The Initial Coinage of Parthia // *NC*³. 1890. Vol. 10. P. 33–41.

Howorth, 1905 — *Howorth H.H.* Some Notes on Coins Attributed to Parthia // NC⁴. 1905. Vol. 5. P. 209–246.

Invernizzi, 1993 — *Invernizzi A.* Seleucia on the Tigris: Centre and Periphery in Seleucid Asia // Centre and Periphery in the Hellenistic World / P. Bilde, T. Engberg-Pedersen, L. Hannestad, J. Zahle, K. Randsborg (eds.). Aarhus, 1993. P. 230–250.

Invernizzi, 1998 — *Invernizzi A.* New Archaeological Research in Old Nisa, 1990–1991 // The Art and Archaeology of Ancient Persia / V.S. Curtis, R. Hillenbrand, J. M. Rogers (eds.). London, N.Y., 1998. P. 8–13.

Invernizzi, 2000 — *Invernizzi A.* The Square House at Old Nisa // Parthica. 2000. T. 2. P. 14–53.

Invernizzi, 2001a — *Invernizzi A.* The Citadel of Parthian Nisa // Древние цивилизации Евразии. История и культура / А.В. Седов (ред.). М., 2001. P. 201–209.

Invernizzi, 2001b — *Invernizzi A.* Arsacid Palaces // The Royal Palace Institution in the First Millenium BC / I. Nielsen (ed.). Athens, 2001. P. 295–315.

Invernizzi, 2001c — *Invernizzi A.* Arsacid dynastic art // Parthica. 2001. T. 3. P. 133–157.

Invernizzi, 2007 — *Invernizzi A.* The Culture of Parthian Nisa between Steppe and Empire // After Alexander: Central Asia before Islam / J. Cribb, G. Herrmann (eds.). Oxford, 2007. P. 163–177.

Invernizzi, 2011 — *Invernizzi A.* Royal Cult in Arsacid Parthia // More than Men, Less than Gods. Studies on Royal Cult and Imperial Worship. Proceedings of the international Colloquium organized by the Belgian School at Athens (November 1–2, 2007) / P.P. Iossif, A.S. Chankowski, C.C. Lorber (eds.). Leuven, 2011. P. 649–690.

Iossif, 2011 — *Iossif P.P.* Apollo *Toxotes* and the Seleucids: *comme un air de famille* // More than Men, Less than Gods. Studies on Royal Cult and Imperial Worship. Proceedings of the international Colloquium organized by the Belgian

School at Athens (November 1–2, 2007) / P.P. Iossif, A.S. Chankowski, C.C. Lorber (eds.). Leuven, 2011. P. 229–284.

Iossif, Lorber, 2009 — *Iossif P.P., Lorber C.C.* Celestial Imagery on the Eastern Coinage of Antiochus IV // Mesopotamia. 2009. Vol. 44. P. 129–146.

Jakubiak, 2006 — *Jakubiak K.* The Origin and Development of Military Architecture in the Province of Parthava in the Arsacid Period // IA. 2006. Vol. 41. P. 127–150.

Justi, 1895 — *Justi F.* Iranisches Namenbuch. Marburg, 1895.

Karageorghis, 1973 — *Karageorghis V.* Excavations in the Necropolis of Salamis. Vol. III. Nicosia, 1973.

Kent, 1953 — *Kent R.G.* Old Persian: Grammar, Texts, Lexicon. New Haven, 1953.

Kiani, 1982 — *Kiani M.Y.* Parthian sites in Hyrcania: the Gurgan plain. Berlin, 1982.

Kidd, 2011 — *Kidd F.* Complex connections: Akchakhan kala and the problematic question of relations between Khorezm and Parthia // Topoi. Orient - Occident. 2011. Vol. 17. P. 229–276.

Kidd, 1999 — *Kidd I.G.* Posidonius II. The Commentary: (I) Testimonia and Fragments 1–149. Cambridge, 1999.

Kiessling, 1916 — *Kiessling A.* Hyrkania // RE. 1916. Hbbd. 17. Sp. 454–526.

Kingsley, 1984 — *Kingsley B.M.* The Kausia Diadematophoros // AJA. 1984. Vol. 88. P. 66–68.

Klose, Müseler, 2008 — *Klose D.O.A., Müseler W.* Statthalter, Rebellen, Könige. Die Münzen aus Persepolis von Alexander dem Großen zu den Sasaniden. München, 2008.

Knapton et al., 2001 — *Knapton P., Sarraf M.R., Curtis J.* Inscribed Column Bases from Hamadan // Iran. 2001. Vol. XXXIX. P. 99–117.

Koch, 1993 — *Koch H.* Heimat und Stammvater der Arsakiden // AMI. 1993. Bd. 26. S. 165–173.

Kohl et al., 1982 — *Kohl P.L., Biscione R., Ingranam M.L.* Implications of Recent Evidence for the Prehistory of Northeastern Iran and Southwestern Turkmenistan // *IA*. 1982. Vol. 17. P. 1–20.

Kopcke, 1964 — *Kopcke G.* Golddekorierte attische Schwarzfirniskeramik des vierten Jahrhunderts v.Chr. // *Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts. Athenische Abteilung*. 1964. Bd. 79. S. 22–84.

Kosmin, 2013a — *Kosmin P.* Rethinking the Hellenistic Gulf: the New Greek Inscription from Bahrain // *JHS*. 2013. Vol. 133. P. 61–79.

Kosmin, 2013b — *Kosmin P.* Alexander the Great and the Seleucids in Iran // *The Oxford Handbook of Ancient Iran* / D.T. Potts (ed.). Oxford, 2013. P. 671–689.

Kosmin, 2014 — *Kosmin P.* The land of the elephant kings: space, territory, and ideology in the Seleucid Empire. Cambridge (Mass.), London, 2014.

Koshelenko, Pilipko, 1996 — *Koshelenko G.A., Pilipko V.N.* Parthia // *History of civilizations of Central Asia*. Vol. II / J. Harmatta (ed.). Paris, 1996. P. 131–150.

Kotitsa, 1996 — *Kotitsa Z.* Hellenistische Tonpyxiden. Untersuchung zweier hellenistischer Typen einer Keramikform. Mainz, 1996.

Kovalenko, 1995/96 — *Kovalenko S.* The coinage of Diodotus I and Diodotus II, Greek kings of Bactria // *SRAA*. 1995/96. Vol. 4. P. 17–74.

Kraay, 1976 — *Kraay C.M.* Archaic and Classical Greek Coins. Berkeley, Los Angeles, 1976.

Kritt, 1996 — *Kritt B.* Seleucid Coins of Bactria. Lancaster, 1996.

Kritt, 2001 — *Kritt B.* Dynastic transitions in the coinage of Bactria. Antiochus-Diodotus-Euthydemus. Lancaster, 2001.

Kritt et al., 2000 — *Kritt B., Hoover O.D., Houghton A.* Three Seleucid Notes // *AJN*. 2000. Vol. 12. P. 93–112.

Kroll, 1977 — *Kroll J.H.* Some Athenian Armor Tokens // *Hesperia*. *Journal of the American School of Classical Studies at Athens*. 1977. Vol. 46. P. 141–146.

Kuhrt, 2008 — *Kuhrt A.* The Persian Empire. London, N.Y., 2008.

Kuhrt, Sherwin-White, 1991 — *Kuhrt A., Sherwin-White S.* Aspects of Seleucid Royal Ideology: The Cylinder of Antiochus I from Borsippa // *JHS*. 1991. Vol. 111. P. 71–86.

Launey, 1949 — *Launey M.* Recherches sur les armées hellénistiques. Paris, 1949.

Lecomte, 1999 — *Lecomte O.* Vehrkanā and Dehistan: late farming communities of South-west Turkmenistan from the Iron Age to the Islamic period // *Parthica*. 1999. T. 1. P. 135–169.

Lecomte, 2005 — *Lecomte O.* The Iron Age of Northern Hyrcania // *IA*. 2005. Vol. 40. P. 461–478.

Lecoq, 1997 — *Lecoq P.* Les inscriptions de la Perse achéménide. Paris, 1997.

Lemaire, 1998 — *Lemaire A.* Une inscription araméenne du VIIIe siècle av. J.–C. trouvée à Bukân (Azerbaïdjan iranien) // *StIr*. 1998. T. 27. P. 15–30.

Leriche, 2003 — *Leriche P.* The Greeks in the Orient: from Syria to Bactria // *The Greeks Beyond the Aegean: from Marseilles to Bactria / V.* Karageorghis (ed.). Nicosia, 2003. P. 78–128.

Le Rider, 1959 — *Le Rider G.* Monnaies de Characène // *Syria. Revue d'art oriental et d'archéologie*. 1959. T. XXXVI. P. 229–253.

Le Rider, 1965 — *Le Rider G.* Suse sous les Séleucides et les Parthes. Paris, 1965.

Le Rider, 1994 — *Le Rider G.* Notes de numismatique // *Topoi. Orient - Occident*. 1994. Vol. 4 (2). P. 469–471.

Lerner, 1999 — *Lerner J.D.* The impact of Seleucid decline on the Eastern Iranian Plateau: the foundations of Arsacid Parthia and Graeco-Bactria. Stuttgart, 1999.

Lerouge-Cohen, 2009 — *Lerouge-Cohen Ch.* Les livres 41–42 des Histoires Philippiques de Trogue–Pompée résumées par Justin // *IA*. 2009. Vol. 44. P. 361–392.

Lerouge-Cohen, 2010 — *Lerouge-Cohen Ch.* Les Parthes sont-ils des nomades comme les autres? // Portraits de migrants, Portraits de colons / P. Rouillard (ed.). Paris, 2010. P. 161–168.

Létolle, 2000 — *Létolle R.* Histoire de l' Ouzboï, cours fossile de l' Amou Darya: synthèse et éléments nouveaux // StIr. 2000. T. 29 (2). P. 195–240.

Levi, 1977 — *Levi M.A.* Introduzione ad Alessandro Magno. Milan, 1977.

Levi, 1991 — *Levi M.A.* La Choresmia e i nomadi // DHA. 1991. Vol. 17 (2). P. 133–146.

Liebmann-Frankfort, 1969 — *Liebmann-Frankfort Th.* L' histoire des Parthes dans le livre XLI de Trogue Pompée: essai d' identification de ses sources // Latomus. 1969. T. 28. P. 894–923.

Lindström, 2009 — *Lindström G.* Heiligtümer und Kulte im hellenistischen Baktrien und Babylonien – ein Vergleich // Alexander der Große und die Öffnung der Welt. Asiens Kulturen im Wandel / S. Hansen, A. Wieczorek, M. Tellenbach (Hrsg.). Mannheim, 2009. S. 127–133.

Lippolis, 2004 — *Lippolis C.* Nisa–Mithradatkert: l'edificio a nord della Sala Rotonda. Rapporto preliminare delle campagne di scavo 2002–2003 // Parthica. 2004. T. 6. P. 161–177.

Lippolis, 2005 — *Lippolis C.* Osservazioni sui fregi in pietra dall' Edificio Rosso di Nisa Vecchia // Electrum. 2005. Vol. 10. P. 59–72.

Lippolis, 2008 — *Lippolis C.* Conclusioni // Nisa Partica. Ricerche nel complesso monumentale arsacide 1990–2006. (Monografie di Mesopotamia 9) / A. Invernizzi, C. Lippolis (eds.). Firenze, 2008. P. 365–384.

Lippolis, 2009 — *Lippolis C.* Notes on the Iranian Traditions in the Architecture of Parthian Nisa // Electrum. 2009. Vol. 15. P. 53–70.

Lippolis, 2011 — *Lippolis C.* Some considerations on the planning and use of colour in the architecture of Parthian Nisa // Topoi. Orient - Occident. 2011. Vol. 17. P. 209–228.

Lippolis, 2013a — *Lippolis C.* The «Dark Age» of Old Nisa: Late Parthian Levels in Mithradatkirt // ТГЭ. 2013. T. 52. P. 70–87.

Lippolis, 2013b — *Lippolis C.* Old Nisa. Excavations in the south-western Area. Second preliminary report (2008–2012) // *Parthica*. 2013. T. 15. P. 89–115.

Lippolis, 2014 — *Lippolis C.* Parthian Nisa. Art and Architecture in the Homeland of the Arsacids // *Art e Civilisation de l’Orient Hellénisé. Rencontres et échanges culturels d’Alexandre aux Sassanides. Hommage à Daniel Schlumberger / P. Leriche (ed.)*. Paris, 2014. P. 223–230.

Litvinskij, 2003 — *Litvinskij B.A.* Hellenistic Clay Portraits from the Temple of the Oxus // *Parthica*. 2003. T. 5. P. 37–62.

Livshits, 2006 — *Livshits V.A.* Three New Ostraca Documents from Old Nisa // *Ērān ud Anērān. Studies Presented to Boris Ilich Marschak on the Occasion of His 70th Birthday. (Transoxiana, 7) / M. Compareti, P. Raffetta, G. Scarcia (eds.)*. Venice, 2006. P. 401–406.

Livshits, Pilipko, 2004 — *Livshits V.A., Pilipko V.N.* Parthian Ostraca from the Central Building Complex of Old Nisa // *ACSS*. 2004. Vol. 10. P. 139–181.

Lozinski, 1984 — *Lozinski P.* The Parthian Dynasty // *IA*. 1984. Vol. 19. P. 119–139.

Lurje, 2010 — *Lurje P.B.* Personal Names in Sogdian Texts. Wien, 2010.

Luther, 1999 — *Luther A.* Überlegungen zur defectio der östlichen Satrapien vom Seleucidenreich // *Göttinger Forum für Altertumswissenschaft*. 1999. Bd. 2. S. 5–15.

Ma, 1999 — *Ma J.* Antiochos III and the cities of Western Asia Minor. Oxford, 1999.

Magee et al., 2005 — *Magee P., Petrie C., Knox R., Khan F., Thomas K.* The Achaemenid Empire in South Asia and Recent Excavations at Akka in Northwest Pakistan // *AJA*. 2005. Vol. 109. P. 711–741.

Magie, 1950 — *Magie D.* Roman Rule in Asia Minor. Vol. II. Princeton, 1950.

Markwart, 1938 — *Markwart J.* Wehrot und Arang. Leiden, 1938.

Martinez-Sève, 2014a — *Martinez-Sève L.* Remarques sur la transmission aux Parthes des pratiques de gouvernement séleucides: modalités et chronologie // *Ktéma*. 2014. Vol. 39. P. 123–142.

Martinez-Sève, 2014b — *Martinez-Sève L.* Les sanctuaires autochtones dans le monde iranien d'époque hellénistique // *Topoi. Orient - Occident*. 2014. Vol. 19 (1). P. 239–277.

Masson, 1991 — *Masson O.* Notes de numismatique Chypriote. IX-X // *RN*. 1991. T. 33. P. 60–70.

Masson, Hermary, 1982 — *Masson O., Hermary A.* Inscriptions d'Amathonte IV // *BCH*. 1982. T. 106. P. 235–242.

Mattingly, 1986 — *Mattingly H.B.* Scipio Aemilianus' Eastern Embassy // *CQ*. 1986. Vol. 36 (2). P. 491–495.

Mayrhofer, 1973 — *Mayrhofer M.* *Onomastica Persepolitana*. Wien, 1973.

Mayrhofer, 1978 — *Mayrhofer M.* *Supplement zur Sammlung der altpersischen Inschriften*. Wien, 1978.

Mc Dowell, 1935 — *Mc Dowell R.H.* *Stamped and Inscribed Objects from Seleucia on the Tigris*. Ann Arbor, 1935.

Mellink, 1962 — *Mellink M.J.* *Archaeology in Asia Minor* // *AJA*. 1962. Vol. 66 (1). P. 71–85.

Messina, 2011 — *Messina V.* *Seleucia on the Tigris. The Babylonian Polis of Antiochus I* // *Mesopotamia*. 2011. Vol. 46. P. 157–167.

Metzler, 1994 — *Metzler D.* *Mural Crowns in the Ancient Near East and Greece* // *Matheson S.B.* *An Obsession with Fortune. Tyche in Greek and Roman Art*. New Haven, 1994. P. 77–85.

Michetti, 2003 — *Michetti L.M.* *Le ceramiche argente e a rilievo in Etruria nella prima età ellenistica*. Roma, 2003.

Mildenberg, 1993 — *Mildenberg L.* *Über das Münzwesen im Reich der Achämeniden* // *AMI*. 1993. Bd. 26. S. 55–79.

Mileta, 2002 — *Mileta C.* The king and his land: some remarks on the royal area (basilikē chōra) of Hellenistic Asia Minor // *The Hellenistic world: new perspectives* / D. Ogden (ed.). London, 2002. P. 157–175.

Miller, 2010 — *Miller R.P.* East Arachosia (Quetta) Hoard, 2002 (CH 10.275) // CH. 2010. Vol. X. P. 105–114.

Miller, 1993 — *Miller S.G.* The Tomb of Lyson and Kallikles: A Painted Hellenistic Tomb. Mainz am Rhein, 1993.

Minorsky, 1934 — *Minorsky V.* Tus // *Enzyklopaedie des Islam*. Leiden, Leipzig, 1934. Sp. 1056–1060.

Minorsky, 1970 — *Minorsky V.* Hudūd al-‘Ālam. The regions of the world. A Persian geography 372 A.H. – 982 A.D. Oxford, 1970.

Mitchiner, 1975 — *Mitchiner M.* Indo-Greek and Indo-Scythian Coinage. Vol. I. London, 1975.

Momigliano, 1975 — *Momigliano A.* Alien Wisdom: The Limits of Hellenization. Cambridge, 1975.

Morano, 2008 — *Morano E.* Iscrizioni parthiche da Nisa Vecchia su ostraka e intonaco // *Nisa Partica. Ricerche nel complesso monumentale arsacide 1990–2006.* (Monografie di Mesopotamia 9) / A. Invernizzi, C. Lippolis (eds.). Firenze, 2008. P. 344–350.

Morkot, 1991 — *Morkot R.* Nubia and Achaemenid Persia: sources and problems // *Achaemenid History VI: Asia Minor and Egypt: Old Cultures in a New Empire*. Leiden, 1991. P. 321–336.

Mørkholm, 1991 — *Mørkholm O.* Early Hellenistic Coinage: From the Accession of Alexander to the Peace of Apamea (336–188 B.C.). Cambridge, 1991.

Muccioli, 2010 — *Muccioli F.* Antioco III e la politica onomastica dei Seleucidi // *Electrum*. 2010. Vol. 18. P. 81–96.

Müller, 2013 — *Müller S.* The Female Element of the Political Self-Fashioning of the Diadochi: Ptolemy, Seleucus, Lysimachus, and their Iranian

Wives // *After Alexander: the time of the Diadochi (323–281 BC)* / V.Alonso Troncoso, E.A. Anson (eds.). Oxford, 2013. P. 199–214.

Mullerus, 1855 — *Mullerus C. Geographi Graeci Minores. Vol. I. Parisiis, 1855.*

Muscarella, 2006 — *Muscarella O.W. Bronze Socketed Arrowheads and Ethnic Attribution // The Golden Deer of Eurasia. Perspectives on the Steppe Nomads of the Ancient World* / J. Aruz, A. Farkas, V.E. Fino (eds.). N.Y., 2006. P. 154–159.

Musti, 1984 — *Musti D. Syria and the East // CAH². 1984. Vol. VII (1). P. 175–220.*

Naymark, 2014 — *Naymark A. Seleucid Coinage from Samarqand? // JONS. 2014. № 221. P. 16–20.*

Naveh, 2009 — *Naveh J. Studies in West-Semitic Epigraphy. Selected Papers. Jerusalem, 2009.*

Naveh, Shaked, 2006 — *Naveh J., Shaked S. Ancient Aramaic Documents from Bactria (IV B.C.E.). [n.p.], 2006.*

Neusner, 1963 — *Neusner J. Parthian Political Ideology // IA. 1963. Vol. 3. P. 40–59.*

Newell, 1938 — *Newell E.T. The Coinage of the Eastern Seleucid Mints from Seleucus I to Antiochus III. N.Y., 1938*

Newell, 1939 — *Newell E.T. Late Seleucid Mints in Ake-Ptolemais and Damascus. N.Y., 1939.*

Newell, 1941 — *Newell E.T. The Coinage of the Western Seleucid Mints from Seleucus I to Antiochus III. N.Y., 1941.*

Nicolet-Pierre, Amandry, 1994 — *Nicolet-Pierre H., Amandry M. Un nouveau trésor de monnaies d'argent pseudo-athéniennes venu d'Afghanistan (1990) // RN⁶. 1994. T. XXXVI. P. 34–54.*

Niese, 1899 — *Niese B. Geschichte der Griechischen und Makedonischen Staaten seit der Schlacht bei Chaeronea. Bd. II. Gotha, 1899.*

Nikonorov, 1998 — *Nikonorov V.P.* Apollodorus of Artemita and the date of his *Parthica* revisited // *Electrum*. Vol. 2 (Ancient Iran and the Mediterranean World). Kraków, 1998. P. 107–122.

Nodelman, 1960 — *Nodelman S.A.* A Preliminary History of Characene // *Berytus*. 1960. Vol. XIII. P. 83–121.

Olbrycht, 1997 — *Olbrycht M.J.* Parthian King's Tiara – Numismatic Evidence and Some Aspects of Arsacid Political Ideology // *Notae Numismaticae*. T. II. Kraków, 1997. P. 27–65.

Olbrycht, 1998 — *Olbrycht M.J.* Parthia et posteriores gentes: die politischen Beziehungen zwischen dem arsacidischen Iran und den Nomaden der eurasischen Steppen. München, 1998.

Olbrycht 2003a — *Olbrycht M.J.* The Ochosi river in the classical sources: a study in the historical geography of northeastern Iran and Middle Asia // *Центральная Азия. Источники, история, культура* / Т.К. Мкртычев (ред.). М., 2003. P. 114–117.

Olbrycht, 2003b — *Olbrycht M.J.* Parthia and Nomads of Central Asia // *Orientalwissenschaftliche Hefte*. Heft 12. Mitteilungen des SFB "Differenz und Integration", 5: Militär und Staatlichkeit. Halle / Saale, 2003b. P. 69–109.

Olbrycht, 2010 — *Olbrycht M.J.* Some Remarks on the Rivers of Central Asia in Antiquity // *Gaudeamus Igitur*. Сборник статей к 60-летию А.В. Подосинова / Т.Н. Джаксон, И.Г. Коновалова, Г.Р. Цецхладзе (ред.). М., 2010. P. 302–309.

Olbrycht, 2013a — *Olbrycht M.J.* Iranians in the Diadochi Period // *After Alexander: the time of the Diadochi (323–281 BC)* / V.Alonso Troncoso, E.A. Anson (eds.). Oxford, 2013. P. 159–182.

Olbrycht, 2013b — *Olbrycht M.J.* The titulature of Arsaces I, king of Parthia // *Parthica*. 2013. T. 15. P. 63–74.

Olbrycht, 2014a — *Olbrycht M.J.* Parthians, Greek Culture and Beyond // *With the Circle of Ancient Ideas and Virtues: Studies in Honor of Professor Maria*

Dzielska / K. Twardowska, M. Salomon, S. Sprawski, M. Stachura, S. Turlej (eds.). Kraków, 2014. P. 129–141.

Olbrycht, 2014b — *Olbrycht M.J.* The Diadem in the Achaemenid and Hellenistic Periods // *Anabasis*. 2014. Vol. 5. P. 177–187.

Olbrycht, 2015 — *Olbrycht M.J.* Parthian Cites and Strongholds in Turkmenistan // *International Journal of Eurasian Studies*. 2015. Vol. II. P. 117–125.

Olbrycht, 2016 — *Olbrycht M.J.* Ruler Cult in the Parthian Empire // «Боги среди людей»: культ правителей в эллинистическом, постэллинистическом и римском мире / С.Ю. Сапрыкин, И.А. Ладынин (ред.). М., СПб., 2016. P. 451–475.

Overtoom, 2016 — *Overtoom N.L.* The Power-Transition Crisis of the 240s BCE and the Creation of the Parthian State // *The International History Review*. 2016. P. 1–30.

Pédech, 1958 — *Pédech P.* Deux campagnes d'Antiochus III chez Polybe // *RÉA*. 1958. T. 60. P. 67–81.

Pfrommer, 1990 — *Pfrommer M.* Untersuchungen zur Chronologie früh- und hochhellenistischen Goldschmucks. Tübingen, 1990.

Pfrommer, 1993 — *Pfrommer M.* Metalwork from the Hellenized East. Malibu, 1993.

Piejko, 1990 — *Piejko Fr.* Episodes from the Third Syrian War in a Gurob Papyrus, 246 B.C. // *Archiv für Papyrusforschung*. 1990. Bd. 36. P. 13–27.

Pilipko, 2008 — *Pilipko V.N.* The Central Ensemble of the Fortress Mihrdatkirt. Layout and Chronology // *Parthica*. 2008. T. 10. P. 33–51.

Plischke, 2014 — *Plischke S.* Die Seleukiden und Iran. Die seleukidische Herrschaftspolitik in den östlichen Satrapien. Wiesbaden, 2014.

Porten, Yardeni, 1986 — *Porten B., Yardeni A.* Textbook of Aramaic Documents from Ancient Egypt. Vol. 1. Winona Lake, 1986.

Porten, Yardeni, 1989 — *Porten B., Yardeni A.* Textbook of Aramaic Documents from Ancient Egypt. Vol. 2. Winona Lake, 1989.

Porten, Yardeni, 1999 — *Porten B., Yardeni A.* Textbook of Aramaic Documents from Ancient Egypt. Vol. 4. Jerusalem, 1999.

Posener, 1936 — *Posener G.* La première domination perse en Égypte. Le Caire, 1936.

Posener, 1986 — *Posener G.* Du nouveau sur Kombabos // *Revue d'égyptologie*. 1986. T. 37. P. 91–96.

Potts, 1989 — *Potts D.T.* Seleucid Karmania // *Archaeologia Iranica et Orientalis. Miscellanea in honorem Louis vanden Berghe / L. de Meyer, E. Haerinck (eds.)*. Gent, 1989. Vol. II. P. 581–603.

Potts, 1999 — *Potts D.T.* The archaeology of Elam: formation and transformation of an ancient Iranian state. Cambridge, 1999.

Potts, 2007 — *Potts D.T.* Once more on 'the general who is above the four generals' and his congeners // *N.A.B.U.* 2007. № 3. P. 63–65.

Pourshariati, 2008 — *Pourshariati P.* Decline and Fall of the Sasanian empire. London, N.Y., 2008:

Préaux, 1978 — *Préaux C.* Le monde hellénistique: la Grèce et l'Orient (323–146 av. J.-C.). Paris, 1978.

Preisigke, 1922 — *Preisigke F.* Namenbuch enthaltend alle griechischen, lateinischen, ägyptischen, hebräischen, arabischen und sonstigen semitischen und nichtsemitischen Menschnamen, soweit sie in griechischen Urkunden (Papyri, Ostraka, Inschriften, Mumienchildern usw) Ägyptens sich vorfinden. Heidelberg, 1922.

Rakatsanis, Otto, 1980 — *Rakatsanis D., Otto B.* Das Grab von Prodromi // *Antike Welt*. 1980. J. 11. Hft. 4. S. 55–57.

Ramsey, 2016 — *Ramsey G.* The Diplomacy of Seleukid Women: Apama and Stratonike // *Seleukid Royal Women / A. Coşkun, A. McAuley (eds.)*. Stuttgart, 2016.

Rapin, 1998 — *Rapin C.* L' incompréhensible Asie centrale de la carte de Ptolémée. Propositions pour un décorage // *BAI*. 1998. Vol. 12. P. 201–225.

Rapson, 1893 — *Rapson E.J.* Markoff's Coins of the Arsacidae // NC³. 1893. Vol. 13. P. 203–219.

Rawlinson, 1872 — *Rawlinson G.* The Sixth Great Oriental Monarchy or the Geography, History and Antiquities of Parthia. N.Y., 1872.

Ray, 1988 — *Ray J.D.* Egypt 525–404 B.C. // CAH². 1988. Vol. IV. P. 254–286.

Razmjou, 2005 — *Razmjou S.* Religion and Burial Customs // Forgotten Empire. The world of Ancient Persia / J.E. Curtis, N. Tallis (eds.). London, 2005. P. 150–180.

Regev, 2013 — *Regev E.* The Hasmoneans. Ideology, Archaeology, Identity. Göttingen, 2013.

Rehm, 1992 — *Rehm E.* Der Schmuck der Achämeniden. Münster, 1992.

Rezakhani, 2013 — *Rezakhani K.* Arsacid, Elymaean and Persid coinage // The Oxford Handbook of Ancient Iran / D.T. Potts (ed.). Oxford, 2013. P. 766–777.

Ridgway, 1997 — *Ridgway B.S.* Hellenistic Sculpture. I. The Styles of ca. 331–200 B. C. Bristol, 1997.

Rigsby, Hallof, 2001 — *Rigsby K.J., Hallof K.* Aus der Arbeit der «Inscriptiones Graecae» X. Decrees of Inviolability for Kos // Chiron. 2001. Bd. 31. S. 333–345.

Ritter, 1965 — *Ritter H.W.* Diadem und Königsherrschaft. München, Berlin, 1965.

Roaf, 1983 — *Roaf M.* Sculptures and Sculptors at Persepolis // Iran. 1983. Vol. 21.

Robert, 1960 — *Robert L.* Inscription hellénistique d'Iran // Hellenica. 1960. Vol. XI–XII. P. 85–91.

Rostovtzeff, 1932 — *Rostovtzeff M.* Seleucid Babylonia: bullae and seals of clay with greek inscriptions // Yale Classical Studies. 1932. Vol. III.

Rostovtzeff, 1941 — *Rostovtzeff M.* The Social and Economic History of Hellenistic World. Vol. 1. Oxford, 1941.

Rotroff, 1997 — *Rotroff S.I.* Hellenistic pottery: Athenian and Imported Wheelmade Table Ware and Related Material. Princeton, 1997.

Rougemont, 2012 — *Rougemont G.* Inscriptions grecques d'Iran et d'Asie centrale (Corpus Inscriptionum Iranicarum. Part II: Inscriptions of the Seleucid and Parthian periods and of Eastern Iran and Central Asia, Vol. I: Inscriptions in non-Iranian Languages). London, 2012.

Rougemont, 2014 — *Rougemont G.* Grecs et non Grecs dans les inscriptions grecques d'Iran et d'Asie centrale // *StIr.* 2014. T. 43 (1). P. 7–39.

Rtveladze, 1995 — *Rtveladze E.V.* Parthia and Bactria // In the land of the gryphons: papers on Central Asian archaeology in antiquity / A. Invernizzi (ed.). Firenze, 1995. P. 181–190.

Sachs, 1977 — *Sachs A.J.* Achaemenid Royal Names in Babylonian Astronomical Texts // *AJAH.* 1977. Vol. 2 (2). P. 129–147.

Sachs, 2003 — *Sachs C.* Héraos // De l'Indus à l'Oxus. Archéologie de l'Asie Centrale / O. Bopearachchi, C. Landes, C. Sachs (eds.). Lattes, 2003. P. 173.

Savalli-Lestrade, 1998 — *Savalli-Lestrade I.* Les *philoï* royaux dans l'Asie hellénistique. Genève, 1998.

Savelyeva, 1973 — *Savelyeva T.N.* Ancient Egyptian Vessel from Orsk with a Quadrilingual Inscription // 29th International Congress of Orientalists: Papers Presented by Soviet Scientists. Moscow, 1973. P. 1–8.

Schippmann, 1980 — *Schippmann K.* Grundzüge der parthischen Geschichte. Darmstadt, 1980.

Schippmann, 1987 — *Schippmann K.* 1987: Arsacids II. The Arsacid Dynasty // *Encyclopaedia Iranica.* Vol. 2. P. 525–536.

Schlumberger et al., 1983 — *Schlumberger D., Le Berre M., Fussman J.* Surkh Kotal en Bactriane // *MDAFA.* T. XXV. Paris, 1983.

Schmidt, 1953 — *Schmidt E.F.* Persepolis. Vol. I. Structures, Reliefs, Inscriptions. Chicago, 1953.

Schmidt, 1957 — *Schmidt E.F.* Persepolis. Vol. II. Contents of the Treasury and Other Discoveries. Chicago, 1957.

Schmidt, 1970 — *Schmidt F.* Persepolis. Vol. III. The Royal Tombs and Other Monuments. Chicago, 1970.

Schmitt, 1964 — *Schmitt H.H.* Untersuchungen zur Geschichte Antiochos' des Grossen und seiner Zeit. Wiesbaden, 1964.

Schmitt, 1979 — *Schmitt R.* The Medo-Persian Names of Herodotus in the Light of the New Evidence from Persepolis // Studies in the Sources on the History of Pre-Islamic Central Asia / J. Harmatta (ed.). Budapest, 1979. P. 29–39.

Schmitt, 1981 — *Schmitt R.* Altpersische Siegel-Inschriften. Wien, 1981.

Schmitt, 2001 — *Schmitt R.* Eine weitere Alabaster-Vase mit Artaxerxes-Inschrift // AMIT. 2001. Bd. 33. S. 191–201.

Schmitt, 2009 — *Schmitt R.* Die Beischriften der Thronträger des Grabs V // Calmeyer P. Die Reliefs der Gräber V und VI in Persepolis. Mainz, 2009. S. 35–41.

Schottky, 1991 — *Schottky M.* Parther, Meder und Hyrkanier. Eine Untersuchung der dynastischen und geographischen Verflechtungen im Iran des 1Jhs n. Chr // AMI. 1991. Bd. 24. S. 61–134.

Schuol, 2000 — *Schuol M.* Die Charakene: ein mesopotamisches Königreich in hellenistisch-partischer Zeit. Stuttgart, 2000.

Sekunda, 1994 — *Sekunda N.* Seleucid and Ptolemaic Reformed Armies 168–145 BC. Dewsbery, 1994.

Sellwood, 1980 — *Sellwood D.G.* An Introduction in the Coinage of Parthia². London, 1980.

Sellwood, 1983 — *Sellwood D.G.* Minor states in southern Iran // CHIr. 1983. Vol. III. P. 299–314.

Seyrig, 1955 — *Seyrig H.* Trésor monétaire de Nisibe // RN⁵. 1955. T. 17. P. 85–128.

Seyrig, 1958 — *Seyrig H.* Antiquités syriennes. Monnaies contremarquées en Syrie // Syria. Revue d'art oriental et d'archéologie. 1958. T. XXXV. P. 187–197.

Shahbazi, 1982 — *Shahbazi A.Sh.* Darius in Scythia and Scythians in Persepolis // AMI. 1982. Bd. 15. P. 189–235.

Sherwin-White, 1983 — *Sherwin-White S.* Babylonian Chronicle Fragments as a Source for Seleucid History // JNES. 1983. Vol. 42 (4). P. 265–270.

Sherwin-White, Kuhrt, 1993 — *Sherwin-White S., Kuhrt A.* From Samarkhand to Sardis: A New Approach to the Seleucid Empire. Berkeley, Los Angeles, 1993.

Simonetta, 2001 — *Simonetta A.M.* A Proposed Revision of the Attributions of the Parthian Coins Struck during the So-called 'Dark Age' and Its Historical Significance // EW. 2001. Vol. 51. P. 69–108.

Sims-Williams, Cribb, 1995/96 — *Sims-Williams N., Cribb J.* A New Bactrian Inscription of Kanishka the Great // SRAA. 1995/96. Vol. 4. P. 76–142.

Smith, 1988 — *Smith R.R.R.* Hellenistic Royal Portraits. Oxford, 1988.

Sollberger, 1962 — *Sollberger E.* Graeco-Babyloniaca // Iraq. 1962. Vol. 24 (1). P. 63–72.

Spek, 1993 — *Spek R.J. van der.* The Astronomical Diaries as a Source for Achaemenid and Seleucid History // Bibliotheca Orientalis. 1993. J. 50 (1–2). P. 91–101.

Spek, 1997/1998 — *Spek R.J. van der.* New Evidence from the Babylonian Astronomical Diaries Concerning Seleucid and Arsacid History // AfO. 1997/1998 Bd. 44/45. P. 167–175.

Spek, 1998 — *Spek R.J. van der.* Land Tenure in Hellenistic Anatolia and Mesopotamia // XXXIV. International Assyriology Congress, İstanbul (6–10/VII/1987). Ankara, 1998. P. 137–147.

Spek, 2007 — *Spek R.J. van der.* Berossus as a Babylonian Chronicler and Greek Historian // Studies in Ancient Near Eastern World View and Society Presented to Marten Stol on the Occasion of his 65th Birthday / R.J. van der Spek (ed.). Bethesda, 2007. P. 277–318.

Spek, 2009 — *Spek R.J. van der*. Multi-ethnicity and ethnic segregation in Hellenistic Babylon // *Ethnic Constructs in Antiquity: The Role of Power and Tradition* / T. Dierks, N. Roymans (eds.). Amsterdam, 2009. P. 101–115.

Spek, 2016 — *Spek R.J. van der*. The cult for Seleucus II and his sons in Babylon // *N.A.B.U.* 2016. № 1. P. 52–53.

Spooner, 1965 — *Spooner B.* Arghiyān. The area of Jājarm in western Khurāsān // *Iran*. 1965. Vol. III. P. 97–107.

Stähelin, 1921 — *Stähelin F.* Seleukos (7) // *RE*. 1921. 2 Reihe. Hbbd. 3. Sp. 1245.

Stevens, 2014 — *Stevens K.* The Antiochus Cylinder, Babylonian Scholarship and Seleucid Imperial Ideology // *JHS*. 2014. Vol. 134. P. 66–88.

Stolper, 2006 — *Stolper M.W.* Iranica in post-Achaemenid Babylonian Texts // *La transition entre l'empire achéménide et les royaumes hellénistiques (vers 350–300 av. J.-C.)*. (Persika 9). Paris, 2006. P. 223–260.

Stronach, 1997 — *Stronach D.* Darius at Pasargadae: a neglected source for the history of early Persia // *Topoi*. 1997. Supplement 1. P. 351–363.

Strootman, 2017 — *Strootman R.* Imperial Persianism: Seleucids, Arsakids and *Fratarakā* // *Persianism in Antiquity* / R. Strootman, M.J. Versluys (eds.). Stuttgart, 2017. P. 177–200.

Sturm, 1936 — *Sturm J.* Nisaia // *RE*. 1936. Hbbd. 33. Sp. 711–712.

Sturm, 1937 — *Sturm J.* Ochus // *RE*. 1937. Hbbd. 34. Sp. 1668–1770.

Sullivan, 1977 — *Sullivan R.D.* The Dynasty of Commagene // *ANRW*. 1977. Bd. II (8). P. 732–798.

Syme, 1988 — *Syme R.* The Cadusii in history and in fiction // *JHS*. 1988. Vol. 108. P. 137–150.

Tallon, 1992 — *Tallon F.* The Achaemenid Tomb on the Acropole // *The Royal City of Susa. Ancient Near Eastern Treasures in the Louvre* / F. Tallon, P.O. Harper, J. Aruz (eds.). N.Y., 1992. P. 242–252.

Tarn, 1928 — *Tarn W.W.* The struggle of Egypt against Syria and Macedonia // *CAH*. 1928. Vol. VII. P. 699–731.

Tarn, 1932 — *Tarn W.W. Parthia* // CAH. 1932. Vol. IX. P. 574–613.

Tarn, 1951 — *Tarn W.W. The Greeks in Bactria and India*. London, 1951.

Thompson, 1961 — *Thompson M. The New Style Silver Coinage of Athens*. N.Y., 1961.

Tomaschek, 1896 — *Tomaschek W. Astauene* // RE. 1896. Hbbd. 4. Sp. 1779.

Tomaschek, 1901 — *Tomaschek W. Daai* // RE. 1901. Bd. 4. Sp. 1945.

Trinkaus, 1983 — *Trinkaus K.M. Pre-Islamic Settlement and Land Use in Damghan, Northeast Iran* // IA. 1983. Vol. 18. P. 119–144.

Tuplin, 1987 — *Tuplin C. Xenophon and the Garrisons of the Achaemenid Empire* // AMI. 1987. Bd. 20. P. 167–245.

Tuplin, 2009 — *Tuplin C. The Seleucids and Their Achaemenid Predecessors: A Persian Inheritance?* // *Ancient Greece and Ancient Iran: cross-cultural encounters* / A. Zournatzi (ed.). Athens, 2009. P. 109–136.

Tuplin, 2013 — *Tuplin C. Berossos and Greek Historiography* // *The World of Berossos. Proceedings of the 4th International Colloquium on «The Ancient Near East between Classical and Ancient Oriental Traditions»* Hatfield College, Durham 7th–9th July 2010 / J. Haubold, G.B. Lanfranchi, R. Rollinger, J. Steele (eds.). Wiesbaden, 2013. P. 177–197.

Tuplin, 2014 — *Tuplin C. The Military Dimension of Hellenistic Kingship. An Achaemenid Inheritance?* // *Orient und Okzident in hellenistischer Zeit* / F. Hoffmann, K.S. Schmidt (Hrsgg.). Vaterstetten, 2014. P. 245–276.

Vardanian, 1997 — *Vardanian R. A propos de la datation de Tang-i Sarvāk II* // IA. 1997. Vol. 32. P. 151–161.

Vlassopoulos, 2010 — *Vlassopoulos K. Athenian Slave Names and Athenian Social History* // ZPE. 2010. Bd. 175. P. 113–144.

Vogelsang, 1992 — *Vogelsang W.J. The rise and organisation of the Achaemenid Empire: the eastern Iranian evidence*. Leiden, 1992.

Vogelsang, 1993 — *Vogelsang W. Dahae II* // *Encyclopaedia Iranica*. 1993. Vol. 6. P. 581–582.

Volkman, 1979 — *Volkman H.* Parthia // *Der Kleine Pauly*. Lexicon der Antike. Bd. 4. München, 1979. Sp. 332–337.

Waerzeggers, 2012 — *Waerzeggers C.* The Babylonian Chronicles: Classification and Provenance // *JNES*. 2012. Vol. 71 (2). P. 285–298.

Walbank, 1957 — *Walbank F.W.* A Historical Commentary on Polybius. Vol. I. Oxford, 1957.

Walbank, 1967 — *Walbank F.W.* A Historical Commentary on Polybius. Vol. II. Oxford, 1967.

Walbank, 1984 — *Walbank F.W.* Macedonia and Greece // *CAH*². 1984. Vol. VII (1). P. 221–256.

Walbank, 1993 — *Walbank F.W.* The Hellenistic World. London, 1993.

Walker, 1997 — *Walker C.* Achaemenid Chronology and the Babylonian Sources // *Mesopotamia and Iran in the Persian period: Conquest and Imperialism 539–331 BC* / J.E. Curtis (ed.). London, 1997. P. 26–34.

Wallenfels, 1998 — *Wallenfels R.* Seleucid Archival Texts in the Harvard Semitic Museum. Groningen, 1998.

Wallenfels et al., 2016 — *Wallenfels R., Spek R.J. van der., Rakic Y.* Part III. Late Babylonian Archival and Administrative Texts // *Cuneiform Texts in The Metropolitan Museum of Art*. Vol. IV: The Ebabbar Temple Archive and Other Texts from the Fourth to the First Millenium B.C. N.Y., 2016. P. 201–230.

Walser, 1985 — *Walser G.* Die Route des Isidorus von Charax durch Iran // *AMI*. 1985. Bd. 18. S. 145–156.

Waurick, 1988 — *Waurick G.* Helme der hellenistischen Zeit und ihre Vorläufer // *Antike Helme* / A. Bottini (Hrsg.). Mainz, 1988. S. 151–180.

Weiss, Ehling, 2006 — *Weiss P., Ehling K.* 2006: Marktgewichte im Namen seleukidischer Könige // *Chiron*. Bd. 36. S. 369–378.

Welles, 1966 — *Welles C.B.* Royal Correspondence in the Hellenistic Period. Roma, 1966.

Wickevoort Crommelin, 1998 — *Wickevoort Crommelin B. van.* Die Parther und die parthische Geschichte bei Pompeius Trogus – Iustin // *Das*

Partherreich und seine Zeugnisse: Beiträge des internationalen Colloquiums, Eutin (27–30 Juni 1996) / J. Wiesehöfer (Hrsg.). Stuttgart, 1998. S. 259–277.

Widemann, 2009 — *Widemann F.* Les successeurs d'Alexandre en Asie centrale et leur héritage culturel. Paris, 2009.

Wiesehöfer, 2001 — *Wiesehöfer J.* Ancient Persia from 550 BC to 650 AD. London, N.Y., 2001.

Wiesehöfer, 2007 — *Wiesehöfer J.* Fars under Seleucid and Parthian Rule // *The Idea of Iran. Vol. II* / V.S. Curtis, S. Stewart (eds.). L., N.Y., 2007. P. 37–49.

Wiesner, 1939 — *Wiesner J.* Olympia (Altis) // RE. 1939. Hbbd. 35. Sp. 1–174.

Wilcken, 1893 — *Wilcken U.* Achaios (3) // RE. 1893. Hbbd. 1. Sp. 206.

Wilcken, 1894 — *Wilcken U.* Andragoras // RE. 1894. Hbbd. 2. Sp. 2133.

Will, 1966 — *Will É.* Histoire politique du monde hellénistique (323–30 av. J.C.)¹. T. 1. Nancy, 1966.

Will, 1994 — *Will É.* Notes de lecture // *Topoi. Orient - Occident.* 1994. Vol. 4 (2). P. 433–447.

Wilson, 1841 — *Wilson H.* Ariana antiqua. A descriptive account of the antiquities and coins of Afghanistan. London, 1841.

Wolski, 1947 — *Wolski J.* L'effondrement de la domination des Séleucides en Iran au III-e siècle av. J.-C. // *Bulletin International de l'Académie Polonaise des Sciences et des Lettres.* Cracovie, 1947. Supplément № 5. P. 13–70.

Wolski, 1950 — *Wolski J.* Le problème d'Andragoras // *Известия на Българския археологически институт.* Т. 16 (1). Сборник Гаврил Кацаров. София, 1950. P. 111–114.

Wolski, 1956–57 — *Wolski J.* The Decay of the Iranian Empire of the Seleucids and the Chronology of the Parthian Beginnings // *Berytus.* 1956–57: Vol. XII (1). P. 35–52.

Wolski, 1959 — *Wolski J.* L'historicité d'Arsaces I // *Historia.* 1959. Bd. 8 (2). P. 222–238.

Wolski, 1962 — *Wolski J.* Arsace II et la Généalogie des Premiers Arsacides // *Historia*. 1962. Bd. 11 (2). P. 136–145.

Wolski, 1965 — *Wolski J.* Le rôle et l'importance des mercenaires dans l'état Parthe // *IA*. 1965. Vol. 5. P. 103–115.

Wolski, 1969 — *Wolski J.* Der Zusammenbruch der Seleukidenherrschaft im Iran in 3. Jahrhundert v.Chr. (1947) // *Der Hellenismus in Mittelasien* / F. Altheim, J. Rehorte (Hrsgg.). Darmstadt, 1969. S. 188–254.

Wolski, 1976 — *Wolski J.* Untersuchungen zur frühen parthischen Geschichte // *Klio*. 1976. Bd. 58. S. 439–557.

Wolski, 1977 — *Wolski J.* L'Iran dans la politique des Séleucides // *AAASH*. 1977. T. 25. P. 149–156.

Wolski, 1982 — *Wolski J.* Le problème de la fondation de l'État gréco-bactrien // *IA*. 1982. Vol. 17. P. 131–146.

Wolski, 1993 — *Wolski J.* L'empire des Arsacides. Louvain, 1993.

Wolski, 1996 — *Wolski J.* Quelques remarques concernant la chronologie des débuts de l'Etat parthe // *IA*. 1996. Vol. 31. P. 167–178.

Wolski, 2003 — *Wolski J.* Seleucid and Arsacid Studies. Kraków, 2003.

Wroth, 1903 — *Wroth W.* Catalogue of the Coins of Parthia. London, 1903.

Zadok, 1977 — *Zadok R.* Iranians and Individuals Bearing Iranian Names in Achaemenian Babylonia // *Israel Oriental Studies*. 1977. Vol. VII. P. 89–138.

Zadok, 2002 — *Zadok R.* An Achaemenid queen // *N.A.B.U.* 2002. № 3. P. 63–66.

Дахи в V-II вв. до н.э.

Границы

- государства Селевкидов к середине III в. до н.э.
- - - - - отдельные областей

Населенные пункты

- Задракарта города (исторические)

Памятники археологии

- Игды-кала крепости
- △ Лебедевка могильники
- ▲ Туз-гыр 17, 19 могильники дахов, V-III вв. до н.э.

Прочее

- ⇄ дахи направления меридиональных перекочевок дахов в V-III вв. до н.э.
- ➔ дахи направления массовых миграций дахов в IV-III вв. до н.э.
- ➔ парны примерные направления набегов парнов в IV вв. до н.э.
- ➔ фраат I вторжений парнов в III-II вв. до н.э.
- × пер. Гаудан горные проходы и перевалы

Подписи

- НЕСАЙЯ историко-географические области
  - ЧИРИКРАБАТСКАЯ КУЛЬТУРА археологические культуры
  - САКИ этнические обозначения
  - Окс (Амударья) географические обозначения (в скобках указаны современные)
- Примечание: береговая линия Каспия на V-III вв. до н.э. указана предположительно, при уровне моря - 22,5 (± 2) м
- Авторы карты: А.А.Астайкин, А.С.Балахванцев
Компьютерная обработка М.А.Астайкин, 2015 г.